ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Р. Г. Ланда

СУДЬБА МОРИСКОВ

Москва
ИВ РАН
2013

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)
Л22

Издание осуществлено при поддержке Фонда «Взаимодействие цивилизаций»

Ответственные редакторы
чл.-корр. РАН, д.и.н., проф. *В. В. Наумкин*
к.и.н. *Р. Я. Эманушловв*

Рецензент
д.и.н. *Д. В. Микульский*

Ланда Р. Г.
Л22 Судьба морисков. — М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 399 с.
ISBN 978-5-89282-543-6

Мориски — это мусульмане Испании, принудительно обращенные в христианство. Продолжая и после этого чтить свои обычаи и уклад жизни, они подвергались жестоким преследованиям и были в конце концов изгнаны. Наследники цивилизации Аль-Андалуса, мориски привнесли ее достижения в страны Магриба и Арабского Востока, повлияв также на быт и культуру Испании, Португалии и Латинской Америки.

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)

ISBN 978-5-89282-543-6

© Ланда Р. Г., 2013
© Институт востоковедения РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Глава I. Наследники Аль-Андалуса 17
Мавры и мудехары 19
Возникновение проблемы морисков 37

Глава II. Мориски в Испании 43
Испанское общество «Золотого века» 46
Экономическая и социальная роль морисков в Испании 60
Религия, культура и быт морисков 70
Женщина в социуме морисков 125

Глава III. Трагедия исхода 137
Восстание в Альпухарре 139
Внешний фактор 166
Роль инквизиции 173
Изгнание морисков 218

Глава IV. Жизнь вне родины 243
Выходцы из Аль-Андалуса в мире ислама 246
Мориски в Европе и Америке 283
Мориски в литературе и искусстве 296

Заключение 317

Примечания 329

Указатели 380
Указатель имен собственных 380
Указатель географических названий 390

Resumé 398

ВВЕДЕНИЕ

История крайне сурово обошлась с морисками. Наследники блестящей цивилизации арабо-мавританской Андалусии (или, как до сих пор говорят арабы, «страны Аль-Андалус»), они вынуждены были отказаться от этого славного наследия ради того, чтобы прослыть добрыми подданными испанских королей. Хранители традиций и обычаев ислама, существовавших на Иберийском полуострове в течение почти 800 лет, они были насильственно обращены в католицизм. Будучи в значительной мере испанизированы, они, тем не менее, фактически не считались ни настоящими испанцами, ни верными христианами, постоянно подозреваясь в измене «Богу и королю». Их преследовала инквизиция, им не доверяли власти, а народ, среди которого они жили, не смотрел на них как на соотечественников. Это было тем более несправедливо, что мориски были в основном потомками коренных жителей полуострова: общая численность арабов и берберов, пришедших сюда в VIII в., не превышала 50 тыс. чел., в то время как местных жителей (латинизированных потомков иберов, кельтиберов, кельтов, лузитан, вестготов и прочих) было 6 млн. чел.[1]

Таким образом, подавляющее большинство мусульман Аль-Андалуса или мавров, как их называли испанцы и португальцы, были не прямыми потомками арабских завоевателей, а либо лицами смешанного происхождения, либо мувалладами («урожденными» мусульманами), предки которых перешли в ислам, восприняв арабский язык, культуру, обычаи и, очень часто, даже генеалогию арабов. После исчезновения Аль-Андалуса в 1492 г. мавры были в результате принудительного крещения превращены в «новых христиан» или морисков, которые сохраняли свою специфику как в испанском обществе, так и в других странах, в которые они переселились после их изгнания из Испании в 1609–1614 гг. Здесь они довольно долго не сливались с местным населением, предпочитая общаться с

их предшественниками-маврами Аль-Андалуса, регулярно выезжавшими и часто селившимися в мире ислама, прежде всего в странах Магриба, в IX–XV вв. Это также создавало своеобразную ситуацию, до настоящего времени недостаточно изученную.

По разным причинам мориски вошли в историю как преследуемое не только конфессиональное, но и этническое меньшинство[2]. Причем оно имеет отношение к истории сразу нескольких стран — Испании, Португалии, Южной Италии (входившей в XV–XVII вв. в состав земель Арагонской, а потом и Испанской короны). А также — Алжира, Марокко и Туниса, куда в основном переселились мориски после изгнания их с территорий, подчиненных Мадриду. Некоторые из них оказались также во Франции, Египте, Палестине, Сирии и на других землях, принадлежавших в XVII в. османским султанам[3]. Эта проблема до сих пор волнует арабских, европейских и американских ученых, создавших в 1983 г. в Монпелье Международный комитет по изучению морисков и регулярно созывающих с того времени раз в 2–3 года международные симпозиумы по морискологии — научной дисциплине, которой занимаются десятки исследователей от США и Аргентины до России, Ирана и Турции[4].

О том, что вся эта тематика продолжает находиться в центре внимания арабской общественности, свидетельствует обращение президента Международного комитета морискологов Абд аль-Джалиля Темими к королю Испании Хуану Карлосу, который 31 марта 1992 г., в 500-ю годовщину падения Гранады, воздал должное «процветанию арабо-испанской цивилизации Аль-Андалуса». Темими указал при этом, что речь короля была бы «еще более позитивной и интересной», если бы он осудил «трибуналы инквизиции, мучившие морисков» и обрекавшие их на «самую жестокую трагедию, которую только знало человечество в период Ренессанса». Справедливости ради отметим, что морискология в Испании — важная часть изучения национальной истории. По подсчетам Мануэля Барриоса Агилеры, ежегодно в Испании выходит до 34 тыс. научных публикаций, львиная доля которых посвящена истории, в том числе изучению Аль-Андалуса и морисков. При этом среди

испанских историков нет единой точки зрения на роль мавров Аль-Андалуса и морисков[5].

К сожалению, в России морискология почти не вызвала интереса у востоковедов-арабистов, за исключением автора этих строк[6]. В отечественной испанистике отдельные попытки коснуться проблем морисков имели место, но они не носили систематического характера[7]. Более того, для авторов, не являющихся арабистами, в том числе для исламоведов, во многом оставалась, да и остается закрытой внутренняя жизнь общин морисков, их культура, отношение к работе, даже экономическая и социальная роль как в Испании, так и за ее пределами уже после изгнания. К тому же на их отношение к проблеме морисков в целом, несомненно, оказала влияние ультрапатриотическая позиция консервативной части испанских историков, склонных, в отличие от подавляющего большинства морискологов Испании и всего мира, замалчивать роль морисков в истории стран Иберийского полуострова и, особенно, преуменьшать негативные последствия их изгнания[8]. Но эти последствия были! И только с их учетом можно правильно и объективно определить место морисков в истории не только двух стран южнее Пиренеев, но и всего Средиземноморья (особенно западного)[9].

Данная задача, несмотря на отдаленность исторического времени морисков от нашего, представляется весьма актуальной. Кстати, уже в XIX в. было опубликовано более 800 работ о морисках как критического, так и апологетического характера. С тех пор многое выяснилось, многое было исследовано, в том числе по ранее неизвестным источникам.

Ныне, в эпоху глобализации и непрерывно умножающихся межэтнических и межконфессиональных связей (а особенно — столкновений и конфликтов), нам важно извлечь уроки из горького опыта давно минувших дней. Он достаточно убедительно доказывает, к каким страшным и длительным бедствиям ведут конфликты и преследования на этнической, религиозной или социальной почве.

При работе над монографией были использованы источники и литература, изучавшиеся автором во время его научных командировок в Испанию и Францию, в библиотеках Алжира,

Марокко и Туниса, в ходе научных конференций и симпозиумов в Алькала-де-Энаресе, Дамаске, Загуане, Париже и Рабате. Особенно хотелось бы отметить возможность работать в хранилище научно-исследовательского и информационного фонда Темими, о котором автору уже доводилось писать[10]. Среди тысяч единиц хранения фонда (только книг в 90-е гг. там было 15 тыс. экземпляров) — многие документы, рукописи, неопубликованные тексты и другие материалы. Пользуясь случаем, автор выражает свою благодарность директору фонда профессору Абд аль-Джалилю Темими за помощь при пользовании материалами фонда, ценные советы и научные консультации. Большое значение имели личные контакты автора и обмен мнениями с ведущими морискологами Испании — Мерседес Гарсиа-Ареналь и Мануэлой Марин, а также — с лидерами французской морискологии Бернаром Венсаном и Луи Кардайяком. Автор особенно признателен видному историку Франции профессору Морису Эмару за неоднократные приглашения поработать с фондами Дома наук о человеке в Париже, профессору Луи Кардайяку — за содействие в ознакомлении с материалами библиотеки университета Поля Валери в Монпелье, а выдающемуся знатоку истории Аль-Андалуса профессору Пьеру Гишару — за дружескую поддержку и создание наилучших условий для работы в библиотеке университета Люмьер-2 в Лионе. Многие источники по истории морисков были опубликованы Королевской Академией истории в Мадриде и фондом Темими[11]. Другие (в том числе из хранилищ Египта, Турции, Испании) стали доступны в результате их анализа участниками международных симпозиумов по изучению морисков, выступавшими с соответствующими докладами[12]. Далеко не все они публиковались в материалах симпозиумов. Поэтому автор использовал их и свои записи докладов, услышанных им лично в 1995, 1997 и 2001 гг., а также — представленные докладчиками тезисы и другие материалы. Несомненную пользу принесли также личные беседы во время встреч с учеными, приезжавшими на симпозиумы. С некоторыми из них потом завязалась переписка. Автор считает необходимым подчеркнуть важность и плодотворность для работы над монографией контактов с такими морискологами (помимо тех, кто уже упомянут выше),

как Адриен Роиг (каталонский профессор, работающий в Монпелье), Гамаль Абд-ар-Рахман (профессор университета Аль-Азхар в Каире), доктор Абд аль-Карим Граиба из университета Аммана, алжирцы Ахмед Аби Айяд и Белькасем Драрджа, иракский ученый Микдад Рахим и работающий в Испании ливанский исследователь Симон Хайек, французские историки Франсуа Мартинес из Монпелье и Иветта Кардайяк-Эрмосилья из Байонны. Много интересного удалось услышать от искусствоведа Николаса Кабрильяны из Малаги и художника Тауфика Хаджаиджа из Туниса, пытающегося реконструировать мир морисков средствами живописи. Весьма содержательны были беседы с Джозефом Рикапито из университета штата Луизиана в США, Адилем Баштави, представлявшим Ассоциацию морисков Палестины в Лондоне, и особенно с сеньорой Лусе Лопес-Баральт из университета Пуэрто-Рико, признанной лучшим в мире знатоком литературы и вообще культуры морисков. Интересные данные об эмиграции морисков в Южную Америку автору сообщила Мария Эльвира Сагарсасу (профессор университета города Росарио в Аргентине).

Что касается литературы о морисках, то только в 1995 г. ее список уже насчитывал 3577 названий[13]. С тех пор он значительно увеличился и продолжает возрастать, но в основном за счет названий статей, докладов, публикаций, документов и т.п. Книг о морисках мало. К тому же многие из них посвящены частным вопросам[14].

Довольно хорошо разработаны, особенно в испанской морискологии, проблемы жизни морисков в различных регионах Испании, в частности — в 57 ее городах, в первую очередь — в Валенсии, Гранаде и Мурсии, меньше — в Марокко (в 6 городах) и Алжире (в 5 городах). Более подробно, вплоть до небольших селений, изучено пребывание морисков в Тунисе[15]. Тем не менее за весь XX в. всей этой региональной проблематике уделили внимание чуть более двух десятков авторов, среди которых стоит особо отметить испанцев Николаса Кабрильяну, Хулио Каро Бароху, Марию Соледад Карраско Ургоити, Марию дель Кармен Барсело Торрес, Микеля де Эпалсу, Мигеля Анхеля Ладеро Кесаду, Басилио Павона Мальдонадо и алжирца Насир ад-Дина Саидуни[16]. Значителен также вклад в

изучение региональных проблем морисков французских исследователей Бернара Венсана и Лауры Дельпюэш[17].

К сожалению, автору очень немного известно об исследованиях проблем морисков в Португалии. Во время встреч в Рабате и Мадриде с профессором Нового университета в Лиссабоне Антониу Диашем Фариньей практически никаких сведений об этом получить не удалось. «К сожалению, — сказал Фаринья, — арабским периодом в истории Португалии у нас занимаются всего десять-двенадцать человек. А ведь у нас с арабами особые связи. Португалия, в отличие от Испании, вся была арабской пятьсот лет. И у нас сохранилось от того времени немало памятников, особенно на юге, в Алгарви — области, освобожденной от арабов самой последней»[18]. Наиболее известный португальский арабист Давид Лопиш, работавший в 30-е гг., вообще был первым в стране исламоведом. Продолжившие его дело Боргиш Куэлью, социогеограф Орланду Рибейру и историк Жози Маттузу в основном работали над тематикой близости средиземноморских культур, диалектологии, социоантропологии. Отношения с арабами, да и с морисками, до недавнего времени рассматривались исключительно сквозь призму внешней политики или же далекой истории XI–XII вв. При этом характерно, что анализ португальских архивов и прочих документов, касающихся мусульмано-португальских контактов, был в основном делом работающих в университете Феса Ахмеда Бушарба и Мухаммеда Меззина, а также — французского историка Кристофа Пикара[19].

Отсутствие заметного интереса к морискам в Португалии можно объяснить тем, что они были для этой страны тоже в какой-то степени внешней проблемой. По словам марокканских исследователей данного вопроса А. Бушарба и М. Меззина (последний довольно остро полемизировал в Мадриде в 1987 г. с А.Д. Фариньей по поводу роли Португалии в Марокко), материалы судебных процессов португальской инквизиции доказывают, что те, кого там называют «мориском», поголовно были не местными уроженцами, обращенными в ислам в 1497 г. королем Мануэлом I, а ввезенными в страну военнопленными, купленными на невольничьих рынках рабами или же теми, кто был политическим беженцем или беглым пре-

ступником. Подавляющее большинство из них были марокканцами, но встречались также выходцы из Алжира, Туниса, Турции, Черной Африки и даже Индии (где с XV в. существовали португальские колонии), не говоря уже о соседней Испании, где инквизиция действовала еще более жестоко и была поистине вездесущей. К 1525 г. морисков здесь насчитывалось около 100 тыс. чел., т.е. в разы меньше, чем в Испании. К тому же их община довольно быстро уменьшилась, так как не только рабам, но и свободным морискам Португалии было трудно добыть себе элементарное пропитание. Поэтому отток из страны стал постепенно превышать их приток[20].

В литературе по общей проблематике морисков, естественно, лидируют испанские авторы, особенно уже упоминавшиеся М. Гарсиа-Ареналь, М. де Эпалса, Х. Каро Бароха, а также — Гильермо Госальбес Бусто, Анхель Гонсалес Паленсиа, Хуан Батиста Вилар, Мария Хесус Вигера Молина[21]. Каждым из них опубликованы десятки работ, вошедших в золотой фонд мировой морискологии. За последнее время огромных успехов добились также морискологи Франции, в том числе Жанна Видаль, Анита Гонсалес-Раймон, Луи Кардайяк, Жаклин Фурнель-Герэн и Франсуа Мартинес[22]. Впрочем, перечислить всех не представляется возможным, ибо морискология продолжает расти и выдвигать все новые имена. Это касается прежде всего Испании и Франции, но также США, Пуэрто-Рико, Великобритании и, конечно, арабских стран[23]. Особенно хотелось бы подчеркнуть заслуги Абд аль-Джалиля Темими, о котором автору уже приходилось писать[24]. Не меньшего внимания заслуживают работы тунисца Слимана-Мустафы Збиса (члена-корреспондента Академии истории Мадрида), сирийца Шукри Мустафы, алжирки Адибы Бербар, марокканцев Абд аль-Карима Туати, Мхаммада Бен Аббуда и Мухаммеда Разука, египтян Гамаля Абд ар-Рахмана и Гамаля Абд аль-Карима. Последней по времени выхода из печати, но не последней по значению из работ морискологов арабского мира является книга ведущего алжирского исследователя проблематики андалусийцев и морисков, профессора истории Алжирского университета Насир ад-Дина Саидуни «Андалусийские исследования», в которой рассказывается о жизни в Алжире

диаспоры мавров, бежавших из Аль-Андалуса, а затем — присоединившихся к ним морисков, о созданных ими школах и религиозных учреждениях, об их успехах в градостроительстве, экономике и социальной сфере[25].

Почти любой русскоязычный читатель свое знакомство с проблемой морисков начинал с изучения переведенных на русский язык книг испанского историка Рафаэля Альтамиры-и-Кревеа, известного французского востоковеда Эвариста Леви-Провансаля и шотландского востоковеда Уильяма Монтгомери Уотта, а также — с небольшой брошюры нашего знаменитого арабиста Игнатия Юлиановича Крачковского[26]. И хотя современная морискология за последние 40–50 лет ушла далеко вперед и кое-что пересмотрела, работы этих авторов сохраняют свое значение, ибо они как бы вводят читателя в суть довольно непростой проблематики Аль-Андалуса и морисков как наследников этой исчезнувшей страны, оставившей в истории весьма заметный след.

Однако указанные работы вопроса о морисках касаются вскользь, либо бегло его упоминая, либо характеризуя достаточно абстрактно, в самых общих выражениях, хотя в основном все они, особенно Монтгомери Уотт, признают «существенный экономический и материальный вклад морисков в жизнь Испании»[27]. Современные морискологи идут гораздо дальше. Некоторые из них прямо обвиняют испанские власти в политике «государственного расизма» в отношении морисков, как, например, работающий во Франции испанский автор Родриго де Сайяс[28]. Несмотря на ряд ошибок и некоторый налет дилетантизма, за который его книгу остро критиковали в свое время ведущие морискологи, особенно Бернар Венсан, фундаментальная монография Сайяса представляет собой довольно любопытный труд, интересный своей фактологией и публицистическим характером. Вместе с тем к нему, как и к другим книгам такого типа, необходим осторожный подход, не допускающий явной «модернизации истории», ставящей недопустимый знак равенства между морально-политическим климатом средневековой Испании и тоталитаризмом наших дней.

В мировой литературе имеются также исследования, специально не посвященные морискам, но касающиеся их про-

блем наряду с прочими, причем достаточно серьезно. К их числу относятся работы знаменитого испанского историка Клаудио Санчеса-Альборноса, американских авторов Роберта Барнса и Эндрю Хесса, англичанина Стэнли Лэн-Пула, германского культуролога Титуса Буркхардта, сирийского историка Ахмеда Бадра, тунисского ученого Мухаммеда Таршуны, а в первую очередь — выдающегося французского историка «школы Анналов» Фернана Броделя, всемирно известной исследовательницы истории мусульман Гранады Рашели Арье и выше упоминавшегося главного в современной Франции знатока арабо-андалусийской тематики Пьера Гишара[29].

Для любого морисколога очень важны материалы международных симпозиумов по изучению морисков. К настоящему времени (к 2008 г.) состоялось уже 12 таких симпозиумов с участием от 20 до 60 специалистов. В распоряжении автора имеются, помимо записей, сделанных во время заседаний, официально опубликованные (обычно — на арабском, испанском и французском языках) материалы девяти симпозиумов[30]. Это чрезвычайно ценные публикации докладов и выступлений ученых практически из всех стран Европы, Америки и мира ислама. Некоторые из этих текстов (посвященные разбору ранее неизвестных документов) по своему характеру являются источниками, о чем выше уже говорилось. Основная же их часть — серьезные, солидно документированные исследования, отличающиеся научной новизной и каждый раз дополняющие, в чем-то уточняющие и в целом обогащающие имеющуюся литературу.

Практически равноценны этим актам симпозиумов материалы встреч за «круглым столом», проводившихся Международным комитетом по изучению морисков. Таковы вышедшие под редакцией Луи Кардайяка сборники статей участников первых встреч морисколога в Монпелье в 1981 г. («Мориски и их время») и в Тунисе в 1983 г. («Мориски и инквизиция»), а также — материалы международного «круглого стола» в Тунисе в 1984 г., изданные под руководством А. Темими[31]. Достойны самого пристального внимания также фундаментальная коллективная монография под руководством М. де Эпалсы и Рамона Пети о морисках Туниса, а также сборники статей о

существовании трех религий и культур в Испании и судьбе морисков, изданные под редакцией М. Барриоса Агилеры, Р. Баркаи и Б. Венсана[32].

Отдельные выступления участников симпозиумов публиковались в специализированных журналах, из которых хотелось бы особенно выделить такие издания, как «Шарк аль-Андалус», издаваемый совместно несколькими научными центрами Аликанте и Теруэля с 1984 г. и посвященный изучению мудехаров (мусульман, живших на территориях, занятых христианами) и морисков. Публикуя статьи, заметки и другие материалы на кастильском, каталанском и французском языках, редакция журнала объединяет вокруг себя ученых Испании, Франции, Великобритании, Германии, США, Латинской Америки и арабского мира. Большой объем (714 стр.) позволяет журналу только в одном номере помещать (не считая хроникальных заметок и анонсов защиты диссертаций) до 50 публикаций 38 авторов из 8 стран. Среди них руководящие журналом Мария Хесус Рубиера Мата (видный филолог-арабист, зав. кафедрой университета Аликанте) и уже упоминавшийся ведущий морисколог Испании Микель де Эпалса, филолог из университета Бильфельда (Германия) Андре Штолл, историк и дипломат (посол Перу при ЮНЕСКО) Хайме Касерес Энрикес, профессор Оксфорда Леонард Харвей и многие другие[33].

Не менее значимы журналы «Аль-Кантара» (Мадрид), «Ревю д´истуар магребин» (Тунис) и «Ревю д´истуар э сивилизасьон дю Магреб» (Алжир), уделяющие значительное внимание проблемам морисков. Первый журнал выходит под эгидой Департамента арабских исследований при Высшем Совете научных исследований Испании в Мадриде с 1980 г. и продолжает традиции ранее издававшегося в течение многих десятилетий журнала «Аль-Андалус». Ведущую роль в изучении морисков последние 20-30 лет в журнале играют глава департамента Мерседес Гарсиа-Ареналь и директор издания Мануэла Марин. Как и «Шарк аль-Андалус», ориентированный прежде всего на арабистов Арагона, Каталонии и Леванта (восточного побережья Испании), «Аль-Кантара», опирающаяся в первую очередь на арабистов Мадрида, Севильи и Гранады, имеет широкие международные связи, также публикует работы авторов самых

разных стран и также большое внимание уделяет анализу и публикации ранее неизвестных текстов. То же самое можно сказать и о втором журнале, который возглавляется Абд аль-Джалилем Темими. Но его спецификой является сосредоточенность на тематике истории стран Магриба (Марокко, Алжира, Туниса, Ливии), а также — на отношениях этих стран с Османской империей и государствами Европы. Что же касается алжирского журнала, то у его руководства в разное время стояли такие известные и за пределами Алжира историки, как Махфуд Каддаш, Ахмед Тауфик аль-Мадани и Насир ад-Дин Саидуни, перу которого принадлежит в общей сложности более 20 работ о маврах Аль-Андалуса и морисках, опубликованных в Алжире, Тунисе, Иордании, Франции, Испании и Ливане. Им и еще несколькими авторами были опубликованы свыше десятка статей о морисках, в том числе тексты докладов на 2-м, 3-м и 4-м симпозиумах по изучению морисков в Загуане[34].

Чрезвычайно ценной частью научной литературы о морисках являются подготовленные в Испании и Тунисе сборники трудов, изданных в честь выдающихся морискологов Антонио Домингеса Ортиса, Жоана Реглы, Марии Соледад Карраско Ургоити. Это большие по объему, обычно — в двух томах, фундаментальные подборки работ лучших знатоков проблемы оказали автору этих строк буквально неоценимую помощь[35].

Таким образом, источники и литература о морисках достаточно многочисленны и разнообразны. Используя их, можно написать не одну, а несколько книг. Это, очевидно, и произойдет в недалеком будущем. Однако сейчас, когда морискология в нашей стране, в сущности, делает лишь первые шаги, автор ставит перед собой более скромную задачу, а именно — ответить на главный из множества вопросов, которые могут быть поставлены: в чем причина трагической судьбы морисков и какие уроки из их печального опыта должны быть извлечены.

Глава I

НАСЛЕДНИКИ АЛЬ-АНДАЛУСА

Мавры и мудехары

Понятия «мавры» и «мориски» весьма неоднозначны и до сих пор являются предметом научных дискуссий, касающихся как самой сути данных понятий, так и происхождения их названий[1]. Доминирует мнение, что слово «мавр» попало в европейские языки из латинского, где термин «маури», происходивший от греческого «маврос» (т. е. «темный»), обозначал коренного жителя Северной Африки, в отличие от «пуни», т. е. финикийца или карфагенянина[2]. Однако, по другим данным, само греко-латинское «маурус» произошло от финикийского «махур», обозначавшего всех протоберберов[3]. Впрочем, дальнейшее смешение карфагенян и протоберберов, появление смешанных этногрупп, образованных ими, должно было снять указанное выше противопоставление[4]. Судя по всему, это и произошло после установления господства Рима, назвавшего свои владения на севере Африки (кроме собственно «Африки», т.е. примерно нынешнего Туниса) Мавританией Цезарейской (на востоке) и Тингитанской (на западе). Римляне, как и сменившие их на западе Европы готы, в том числе вестготы Испании, считали «маврами» всех жителей севера Африки. Это название и было применено населением Испании к пришедшим из Африки в VIII в. и арабам, и берберам, а впоследствии — ко всем мусульманам, которыми стала в VIII–X вв. значительная (если не преобладающая) часть коренных жителей полуострова[5]. Впрочем, И. Ю. Крачковский считал этот термин, как и эпитет «мавританский», достаточно «общим» и «немного сбивчивым». Тем более таковым следует признать часто употребляемый и в отечественной, и в зарубежной литературе термин «испано-мавританский» или, еще более неточный, «испано-мусульманский»[6].

Так или иначе, термин «мавр» закрепился и в быту, и в научной литературе. От него произошел и другой термин — «мориск», представляющий собой уменьшительное от «мавр (поиспански — моро). Этим словом в основном называют мавров, принявших крещение, в отличие от «мудехаров» (от арабского «мудажжан» — «приручeнный»), т.е. оставшихся жить на завоеванной христианами территории, но сохранивших свою

принадлежность к исламу[7]. Общепризнанным является представление, что мориски появились в Испании и Португалии после 1502 г., когда мавры Гранады, а вслед за ними — мудехары Кастилии и Арагона были поставлены перед выбором — или принять крещение, или покинуть родину. Однако есть и другие сведения, в частности о существовании морисков еще в XIII–XIV вв. в Кастилии и Португалии. А профессор Мхаммад Бен Аббуд, ведущий в Марокко специалист по маврам и морискам, считает, что хотя термина «мориск» в XI в. еще не существовало, но сами мориски как социальная группа уже были, в частности, в Толедо, после захвата этого города королем Кастилии в 1085 г., и в Валенсии, где с 1094 г. господствовал Сид Кампеадор[8].

Чтобы завершить разговор о названиях, напомним, что вокруг происхождения термина «Аль-Андалус» тоже ведутся споры. Наиболее вероятно, что оно восходит к вандалам («вандалус» по-латыни), пришедшим на север Африки в V в. н.э. с Иберийского полуострова, после чего североафриканцы и стали его именовать (не вполне заслуженно) «страной вандалов». Вандалов было всего 20 тыс. чел. Примерно через 100 лет византийцы, захватив север Африки, частично уничтожили вандалов, частично переселили их на восток Малой Азии. Однако память о них у североафриканцев осталась, в том числе в названии Иберийского полуострова. Оно и было воспринято пришедшими сюда в VII в. арабами, у которых в сочетании «биляд аль-Вандалус» (страна вандалов) легко могло выпасть слабое «в». Впрочем, есть и другие объяснения. В частности, арабские средневековые авторы придерживались версии происхождения названия страны якобы от поселившегося в ней легендарного потомка Ноя — Андалуса ибн Тубала. А известный испанский востоковед Хоакин Вальве Бермехо склонен возводить происхождение названия «Аль-Андалус» к мифической Атлантиде. Тем не менее версия «вандалус» поддерживалась и такими крупными арабскими историками, как Абу Бакр Ахмед ар-Рази (885–955) и лучшими до наших дней знатоками Аль-Андалуса Р. Дози и Э. Леви-Провансалем[9].

Средиземноморье дало миру наиболее яркие примеры синтеза культур, став еще в древности местом встречи, слияния и

рождения различных этносов и цивилизаций[10]. Одна из них — цивилизация Аль-Андалуса, возникшая как результат контактов и взаимодействия пришельцев с Востока и европейского в своей основе населения Иберийского полуострова. Арабо-иберийский опыт цивилизационного синтеза уникален, ибо был построен на сосуществовании и взаимодействии трех религий (ислама, христианства, иудаизма) и множества этносов: арабов, берберов, евреев, иберо-римлян, вестготов и других. И хотя общим языком был арабский, а господствующей (к середине X в.) религией — ислам, веротерпимость и открытость к культурному взаимообмену давали возможность каждой этноконфессиональной группе проявить себя. Этим и объясняется исключительное богатство экономической, политической и культурной жизни Аль-Андалуса, где встречались, помимо уроженцев Средиземноморья, представители всех известных тогда арабам народов. Здесь наиболее многочисленны были мусульмане, говорившие на языке романсе, христиане, говорившие по-арабски, славяне, принявшие ислам[11]. Более заметны, чем в других регионах Средиземноморья, были и евреи, значительную часть которых составляли не потомки эмигрантов из Палестины, а принявшие иудаизм выходцы из среды пунийцев и берберов, перебравшиеся из Магриба на Иберийский полуостров[12].

В его истории многократно наблюдались межцивилизационные контакты, приводившие к синтезу культур, а иногда — и к образованию новых народов. Взаимосближение (но и взаимоотталкивание) Востока и Запада, смена культурно-политического лидерства в историческом состязании между ними, взаимодействие и взаимовлияние их разнообразных культур происходили и происходят в бассейне Средиземноморья практически на протяжении всей изученной истории человечества. На Иберийском полуострове это имело место (как правило — при наличии тесных связей с севером Африки), по крайней мере, четырежды: 1) в XV–XI вв. до н.э., когда иберами, по концепции Рафаэля Альтамиры-и-Кревеа, была создана совместно с ливийцами (протоберберами) обширная империя от юга Франции и до севера Африки включительно, а Кадис назывался берберским именем Агадир[13]; 2) в XII в. до н.э. — I в. н.э., когда на

полуострове, прежде всего на юге, наблюдалось сильнейшее влияние финикийской цивилизации, а на юге и в прибрежных колониях, особенно в эпоху владычества Карфагена, восточные элементы культуры «проявлялись в гораздо большей степени, чем в Этрурии и Греции ориентализирующей поры»[14]; 3) во II в. до н.э. — III в. н.э., когда римская колонизация, во многом нивелировав существовавшее до нее на полуострове многообразие языков, культур, племенных и этнических традиций, достигла практически почти полной романизации местного населения, особенно в городах (хотя многие это отрицают)[15]; 4) в VIII–XV вв., когда вторжение мусульман из Северной Африки в 711 г. завершилось уже к 716 г. завоеванием почти всего полуострова, а вскоре и юга Франции, где арабы находились около 40 лет, одно время — всего в 100 км от Парижа, в разные периоды владея Тулузой, Бордо, Арлем и Авиньоном. Но в 760 г. они все же ушли обратно за Пиренеи, к югу от которых и образовалась на месте королевства вестготов страна Аль-Андалус. Наряду с установившимся доминированием арабского языка и ислама, ее все же отличал от других частей мира ислама своеобразный симбиоз разных этносов, религий и цивилизаций, взаимовлияние и взаимодействие которых также рождало различные формы культурного и этносоциального синтеза[16].

Разумеется, картина этнокультурной эволюции полуострова гораздо богаче. К югу от Пиренеев постоянно существовало нечто вроде опытного поля для взаимосвязей и смешения множества народов, культур и культов. Иберы и лузитане, греки, галлы и кельты, всевозможные германцы от франков и свевов (швабов) до вандалов и вестготов также участвовали в процессах этой сложной, временами остро конфликтной эволюции. Их отношения определялись известной формулой «сопротивления культур» Фернана Броделя, согласно которой при любой попытке их подавления «они появляются снова, упорно стремясь выжить»[17]. Это ярко проявилось и в рассматриваемый нами мусульманский период истории Иберийского полуострова.

До сих пор нет согласия по поводу характера этого периода. Крупнейший знаток испанского средневековья Клаудио Санчес-Альборнос, как и другой видный историк и знаток

культуры Рамон Менендес Пидаль, считали, что влияние арабо-мусульман на жителей полуострова оставалось поверхностным и весь период арабского господства примечателен сохранением мощного фактора «доисламского испанизма». Санчес-Альборнос полагал, что берберы, шедшие в авангарде завоевателей, были «мало исламизированы» и еще меньше арабизированы, а последовавшие в дальнейшем арабизация и исламизация полуострова были делом не иноземных пришельцев, а самих коренных жителей. Крайним выражением этой точки зрения явилась книга Игнасио Олагуэ «Арабы никогда не завоевывали Испанию», доказывавшая, что мусульмане чисто технически не могли овладеть полуостровом, исламизация которого (с последующей арабизацией) явилась следствием «происков» ариан и прочих преследуемых вестготами еретиков и сектантов, завершившись якобы лишь к XI в.[18]

Полемику с этой точкой зрения, разделяемой испанистами многих стран, вели испанские, французские и даже американские арабисты, среди которых наиболее далеко идущим явилось мнение Америко Кастро. Он считал, что испанская специфика как таковая вообще возникла в результате установившегося после арабского завоевания сосуществования на полуострове трех религий — христианской, мусульманской и иудейской. Он доходил до утверждения о якобы происшедшей тогда «семитизации» испанского менталитета и прямо заявил: «Христиане никогда не знали ничего подобного в искусстве, экономическом блеске, гражданской организации, производстве и в литературном творчестве»[19]. Однако если исключить крайние позиции обоих направлений, то, очевидно, придется заключить, что каждое из них по-своему право и опирается на определенную фактологическую основу. Из этого и исходит большинство исследователей проблемы, независимо от их национальной направленности[20]. К тому же, «если Санчес-Альборнос разделяет гипотезу о быстрой испанизации завоевателей, то Пьер Гишар может доказать, что именно арабизация берберских элементов составила характерную особенность первых веков Аль-Андалуса». Возможно, этим и объясняются их расхождения в количестве завоевателей, прибывших на полуостров: 30 тыс. арабов и 60 тыс. берберов у первого, 50 тыс.

арабов — у второго[21]. Известно, что первая армия мусульман, высадившаяся на полуострове весной 711 г., насчитывала 12 тыс. чел., в основном берберов, вторая в 712 г. — около 18 тыс. арабов и берберов — опять же с преимуществом последних, а третья — в 741 г. — была преимущественно арабской и насчитывала от 12 до 20 тыс. чел. Прибывавшие позже отдельные лица, семьи и небольшие отряды большой роли не играли[22]. Всего примерно арабов и берберов прибыло на полуостров несколько десятков тысяч человек, в то время как местного населения тогда здесь насчитывалось не менее 6 млн. чел.[23] Иными словами, чисто этнически пришельцы неизбежно должны были раствориться среди автохтонов. Но все дело в том, что решающую роль, несмотря на сохранение у арабов патронимии, сыграла не этноантропология, а социокультурные, политические, экономические и юридические последствия мусульманского завоевания.

Ислам, привнесенный арабами в страны Средиземноморья, стал здесь, как и везде, не только религией, но также философией, регулятором общественных отношений и повседневного быта, а главное — культуротворящим фактором, интегрировавшим (в основном, хотя и не всегда) предшествовавшие ему культурные пласты. Исламизация средиземноморцев прогрессировала по мере вхождения их стран и регионов в гигантский Арабский Халифат и распространения — от Гиндукуша до Пиренеев — арабского языка, первое время сосуществовавшего с арамейским (сирьяком), греческим и персидским на Ближнем Востоке, греческим и коптским — в Египте, берберским, пуническим и латынью — на севере Африки, латынью — на Иберийском полуострове. Исламизация обычно обгоняла по своим темпам и масштабам арабизацию, так как была связана не только с культурными и лингвистическими факторами, но с материально-производственными и административно-политическими процессами, с приобретением привилегированного социально-юридического статуса. В то же время исламизация содействовала арабизации, так как арабский был языком Корана и хадисов пророка, шариата (законодательства) и фикха (права, тесно связанного с богословием), языком администрации, торговых и иных коммуникаций между частями Халифа-

та, а позднее — языком науки, искусства и поэзии, т.е. своего рода «латынью Востока»[24].

В Аль-Андалусе примерно с середины VIII в. арабизация и исламизация шли нога в ногу. Это связано, с одной стороны, с прибытием в страну в 741 г. вместе с третьей арабской армией множества грамотных арабов из Сирии, среди которых были и образованные мусульмане, в частности Абу Амр Муавийя ибн Садих из Химса, который был «первым, кто привез в Аль-Андалус хадисы», что дало толчок развитию мусульманского богословия. С другой стороны, захват власти в стране в 756 г. Абд ар-Рахманом ад-Дахилем («Пришельцем»), уцелевшим представителем истребленной на Востоке династии Омейядов, положил начало независимости Аль-Андалуса от Багдада и оформлению Кордовского эмирата в политически самостоятельное государство. Это обстоятельство, как справедливо отмечает К.А. Бойко, «создало благоприятные условия для духовной, этнической и политической консолидации разнородного населения». Количество обращенных в ислам стало расти быстрее, все большее их число наряду с родным языком романсе стало употреблять арабский язык, причем не только в общественной жизни и официальных документах, но также в повседневном быту и личной переписке[25].

На Иберийском полуострове все эти процессы шли в тесной связи с формированием арабо-мусульманской культуры на севере Африки, контакты с которой поддерживались постоянно, особенно — на островах Средиземноморья — от Балеар и Корсики до Кипра и Крита (который был захвачен в IX в. мусульманами Кордовы, бежавшими от репрессий своего эмира сначала в Египет, потом — на Крит). Стоит особенно подчеркнуть значение арабо-мусульманской культуры на Сицилии и Мальте IX–XI вв., где она развивалась в контакте с арабо-иберийской культурой вплоть до середины XIII в. Сицилия тогда считалась в культурном плане чем-то вроде провинции мусульманской Испании. Впрочем, термин «Испания» здесь условен, так как территория нынешней Португалии также была тогда ее частью и называлась Гарб Аль-Андалус (т. е. запад аль-Андалуса), откуда следует и ее средневековое название Алгабрия, ныне сохранившееся в названии южной области Ал-

гарви[26]. Пришедшие на полуостров арабы превратили его в страну Аль-Андалус не только по названию. Они сумели решить проблемы, оказавшиеся не по плечу вестготам. Были восстановлены торговля и ремесла, которыми готы пренебрегали, прекращены преследования евреев, греков, ариан и прочих этнических и конфессиональных меньшинств, с первых же дней поддержавших поэтому арабов. Был ослаблен экономический гнет, свободу получали рабы и закрепощенные крестьяне, принимавшие ислам. Частично или во многом были удовлетворены почти все слои населения, так как многие представители вестготской знати, приняв ислам, стали в дальнейшем полноправными представителями мусульманской аристократии. Об этом говорят примеры семейства арагонских графов Саракушты (Сарагосы), образовавших династию мусульманских правителей Бану Каси, кади Тулайтулы (Толедо) Хафса ибн аль-Барра, знаменитого историка Ибн аль-Кутыйя (т. е. «сына готянки»). Наряду с этим «арабы вступали в браки с местными женщинами, положив начало новому поколению мусульман арабо-романского и арабо-вестготского происхождения»[27].

Конечно, арабы Аль-Андалуса, бывшие в основном выходцами из Сирии, испытывали ностальгию по Востоку, сравнивали Гранаду с Дамаском, называли Кордову «вторым Багдадом» или «Западным Константинополем», а Средиземное море — «Сирийским»[28]. Но это вовсе не значит, как считал академик В. В. Бартольд, что «Кордова была подражателем Багдаду или Самарре», а успехи Аль-Андалуса были связаны с «относящимся к тому же времени культурным прогрессом в Египте, в Византии»[29].

Почти восемь веков существования Аль-Андалуса (711–1492 гг.) не были временем всепоглощающего арабо-исламизма. Для этого времени характерен редкий плюрализм социокультурных и этноцивилизационных форм. Даже арабы делились на «баладийюн» (т.е. укоренившихся в стране, начиная с 712–716 гг.) и «шамийюн» («сирийцев»), пришедших в 741 г. и позже. Кроме них в стране жили «ар-рум аль-баладийюн» («христиане страны», не подчинявшиеся мусульманам) и «аннасара аль-муахидун» («христиане по договору» — платившие подати подданные мусульман), берберы (которых обычно все-

гда было больше, чем арабов) и африканцы (чернокожие «афарика» — обычно рабы или наемники), новообращенные мусульмане из местных жителей (как «мусалимы», так и их потомки «муваллады»). Все они отличались друг от друга. Новообращенные еще долго не сливались с остальными мусульманами в культурно-языковом отношении. Муваллады (от этого термина впоследствии произошло и слово «мулат») вообще, как правило, сохраняли в быту романский язык (романсе), имевший хождение и при дворе халифов в Кордове. Известны случаи, когда шариатский судья (кади) Кордовы разбирал в мечети дела мусульман, понимавших только романсе (через 200 лет после арабского завоевания!)[30].

Переход в ислам, нередко вызывавшийся на первых порах материальными (возможностью не платить подушную подать) соображениями, в дальнейшем был связан, по мнению У. Монтгомери Уотта, «с более высокой и притягательной цивилизацией»[31]. Это доказывается, помимо всего прочего, тем что около 60% до X в. и примерно 20% населения Аль-Андалуса в XI в. составляли мосарабы (от арабского «мустааараб» — арабизированный). Они были фактически арабами по языку, культуре и нравам, оставаясь христианами по религии, юридическому статусу и социальному положению. Они считались «зиммиями», т. е. покровительствуемой немусульманской общиной «людей Писания» (ахль аль-китаб). Им было запрещено носить оружие и предписано платить подушную подать «джизью». Но в целом ограничения были незначительны. Тем не менее с XII в. они начали переселяться на север, в христианские королевства, спасаясь (как и евреи) от преследований фанатиков из овладевших Аль-Андалусом берберских династий Альморавидов и Альмохадов. В то же время в IX в., когда их никто не трогал, они почти полностью забыли латынь (хотя и сохраняли иногда в быту романсе) и сочиняли стихи по-арабски, по отзыву епископа Кордовы Альваро, «с большей красотой и искусством, чем сами арабы». До XII в. они могли свободно общаться с мусульманами, что способствовало их активному участию в созидании культуры, общей для всей страны[32].

В Аль-Андалусе долго (до XII–XIII вв.) держалась атмосфера веротерпимости, этноконфессиональной открытости. Этому способствовал и определенный синтез «восточных» и «западных» структур в арабо-андалусском обществе, что проявлялось в сочетании доарабских порядков с укоренением племенного фактора в быт местного общества, относительной свободы положения женщин — с наличием множества рабынь и наложниц, в сосуществовании клановых структур и полностью детрибализированного населения, особенно в городах, усиления власти государства и сохранения «асабийи» (родоплеменного патриотизма), особенно у аристократии. Такая сложная ситуация до сих пор не всеми исследователями воспринимается адекватно, порождая у некоторых из них желание ее упростить, свести к более прямолинейным схемам. Так французский автор Анри Террас явно преувеличивал «европеизированность» Аль-Андалуса, утверждая, что эта страна «имела те же структуры, что и ее соседи в Западной Европе». Ближе к истине был Клаудио Санчес-Альборнос, констатируя, что «разницы между Кордовой и Багдадом нередко бывало больше, чем между Кордовой и Парижем»[33]. Разумеется, в этом тоже была доля преувеличения.

В своеобразной атмосфере Аль-Андалуса каждая группа населения находила свою нишу. Это относится как ко всем вышеупомянутым общинам, так и к довольно многочисленным выходцам почти из всех стран Европы и Средиземноморья, среди которых хотелось бы выделить «сакалиба», т. е. славян, попадавших в Аль-Андалус через Византию или Италию в качестве рабов или военнопленных. Приняв ислам, они нередко делали успешную военную или политическую карьеру при дворе халифов в качестве губернаторов, сановников и гвардейцев. Иногда среди них попадались выдававшие себя за славян франки, германцы и сицилийцы. Среди последних, однако, встречались выходцы из самых разных стран, так как войны, работорговля, паломничества, коммерция и другие повороты судьбы смешивали на островах Средиземноморья славян, греков, кавказцев, тюрок и африканцев[34]. Нередко поэтому «сакалиба» назывались «ас-сикилли» , т. е. сицилиец.

Позднее, после распада Кордовского халифата в XI в., «сакалиба» даже выступили в роли феодальных правителей Бадахоса, Валенсии, Мурсии, Дении, Альмерии, Балеарских островов и Тортосы. Они, как и прочие властители удельных княжеств («мулюк ат-таваиф»), много воевали, много строили и показали себя искусными политиками. Но их относительная малочисленность ограничивала масштабы их деятельности, несмотря на высокую сплоченность и активность этой небольшой общины[35].

Контакты и взаимодействие всех групп населения сделали арабо-иберийский опыт цивилизационного синтеза уникальным. Три религии (ислам, христианство и иудаизм) и множество этносов благодаря веротерпимости и открытости, культурному взаимообмену давали возможность буквально каждой общине проявить себя и внести свой самобытный вклад в общую для них цивилизацию Аль-Андалуса. Поэтому она достигла изумительных успехов и долгое время была для Западной Европы и мира ислама таким же маяком культуры, каким Византия была для Восточной Европы и востока Средиземноморья. По уровню развития экономики Аль-Андалус опережал христианскую Европу. Достижения философов, поэтов, юристов, архитекторов, астрономов, агрономов и историков (образовавших целое сословие «ахль ат-таарих», т. е. «люди истории») восхищали современников (в том числе христиан) и продолжают восхищать потомков. В стране процветали земледелие, садоводство, градостроительство, ремесла, науки, искусство. Западноевропейцы вплоть до XIII в. учились у мавров Аль-Андалуса буквально всему![36]

Однако расцвет Аль-Андалуса не был долгим. Уже с XI в., точнее — со взятия кастильцами в 1085 г. Толедо, наступает период медленного отступления мавров под натиском христианской Реконкисты. Внутриполитический упадок наступил еще раньше, в 1009 г., с началом «фитны», т. е. смутного времени, когда в течение 22 лет в Кордове сменилось 14 халифов, причем пятеро из них, свергнутые с престола, возвращались к власти вторично, трое принадлежали не к династии Омейядов, а к берберскому клану Хаммудидов. Нередко одновременно правили два или даже три халифа, оспаривавшие власть друг у

друга[37]. По мере усиления анархии страна распадалась на области, самовластно управляемые губернаторами, выдвиженцами из придворной знати, политическими авантюристами из среды военачальников — «сакалиба» и прибывшими из Магриба вождями берберов. Количество этих владений, называвшихся «таифа» (буквально — «община», «группа», «секта»), а во множественном числе — «таваиф», в разное время равнялось 30, 25 и 21, так как все эти удельные княжества воевали друг с другом, присоединяли к себе более слабые, вновь раскалывались и т.д., а их властители («мулюк ат-таваиф» — в весьма приблизительном переводе «удельные короли») без конца ссорились, соперничали и стремились превзойти остальных пышностью своего двора.

Они много строили и старались получше украсить свои дворцы и замки, окружали себя роскошью, панегиристами и различными знаменитостями, покровительствовали наукам и искусствам. Именно поэтому их дворы, особенно в Севилье, Кордове, Гранаде и Валенсии, были средоточием мыслителей, ученых, зодчих, искусных медиков, ювелиров, декораторов и каллиграфов. Наивысшего за всю историю Аль-Андалуса расцвета достигли в период «мулюк ат-таваиф» поэзия и литература, наиболее яркими мастерами которых были Абу-ль-Валид Ибн Зейдун аль-Куртуби (1003–1071), Абу Мухаммед Ибн Хазм (994–1063) и прославившийся также как эмир Севильи Мухаммед Ибн Аббад аль-Мутамид (1040–1095)[38].

Под напором с севера «мулюк ат-таваиф» призвали себе на помощь берберов из Магриба, правитель которых, Юсуф ибн Ташфин, разбив кастильцев, одновременно присоединил Аль-Андалус к своим владениям. Поначалу это имело негативные последствия, ибо берберская династия Альморавидов, проповедовавшая фанатизм и аскетизм, отвергала не только роскошь «мулюк ат-таваиф» и их равнодушие к религии, но также многие науки и искусства. Однако постепенно эмиры этой династии попадали под влияние блестящей культуры Аль-Андалуса. Это особенно относится к Али ибн Юсуфу (1106–1143). После 1145 г. династия была свергнута другими, более динамичными и нетерпимыми берберскими правителями Альмохадами, первое время больше внимания уделявшими завое-

ваниям в Магрибе, ввиду чего в Аль-Андалусе опять наступила анархия. Однако на этот раз местные эмиры уже не могли быть независимыми правителями: часть их признала себя данниками Кастилии, другая часть — вассалами Альмохадов. Опираясь на своих сторонников, Альмохады сумели в конце концов вернуть себе власть на полуострове и даже потеснить христиан к 1195 г. в правление самого известного из альмохадских халифов Абу Юсуфа Якуба аль-Мансура (1184–1199). Этот халиф прославился как незаурядный полководец и строитель, тонкий ценитель философии, поэзии и архитектуры Аль-Андалуса, который возвел знаменитую Хиральду — четырехъярусную 100-метровую башню в Севилье, сохранившуюся до наших дней. При нем прославился известный поэт Абу Бакр Ибн Зухр (1113–1199), ставший его советником, как и знаменитые философы Абу Бакр Ибн Туфейль (1110–1185) и Абу-ль Валид Ибн Рушд (1126–1198), известный в Европе как Аверроэс. А ведь Альмохады начинали с того, что жгли на кострах лютни и кастаньеты, книги и слишком яркие ткани, выливали на землю вино, уничтожали косметику, разбивали дорогие сосуды! Впрочем, некоторые труды Ибн Рушда были также сожжены его другом халифом по наущению религиозных фанатиков[39].

В 1212 г. альмохадское войско было разбито объединенной армией всех христианских государств полуострова, усиленной отрядами французских рыцарей. После этого поражения держава Альмохадов уже не оправилась и к 1229 г. утратила контроль над Аль-Андалусом, где вновь вспыхнула анархия. Этим воспользовались христиане, в 1214–1248 гг. практически отвоевавшие у мусульман всю территорию полуострова, за исключением юго-восточной части, на которой утвердился с 1232 г. эмират Гранады во главе с династией Бану Наср (Насридов). Это государство, занимавшее всего 5% территории прежнего Аль-Андалуса, еще более двух с половиной веков сдерживало Реконкисту, то используя помощь правителей Магриба, то играя на междоусобицах христианских королей, то откупаясь от них данью и признанием их формального суверенитета над собой. У него были достижения в зодчестве (знаменитая крепость-дворец Альхамбра), культуре (в частности, труды философа, врача и историка Ибн аль-Хатиба, поэзия

Ибн Зумрака), торговле (в основном с Генуей), были свои легенды (о клане Бану Саррадж или Абенсеррахов, о последнем султане Абу Абдаллахе Мухаммеде, или Боабдиле) и т.п.[40]

Династии Насридов (сирийских арабов по происхождению), окончательно с 1238 г. не без труда закрепившейся в Гранаде, удалось отсрочить гибель Аль-Андалуса. За это время Гранадский эмират, постепенно слабея в военно-политическом отношении (прежде всего — вследствие бесконечных смут и династических раздоров) достиг значительного процветания в области сельского хозяйства, культуры, ремесел, торговли, искусства. Отношения Гранады с христианскими государствами не были устойчивы, но, во всяком случае, характеризовались длительными периодами мирного сосуществования и даже сотрудничества. В XIV в., например, мусульманские мастера из Гранады строили в Севилье для короля Педро Жестокого (1350–1369) дворец Алькасар в арабо-мавританском стиле, а приглашенные из Севильи художники-христиане расписывали в Гранаде Зал королей — один из лучших в знаменитом дворце-крепости Альхамбра. Иногда гранадские правители помогали королям Кастилии, вассалами которых они формально являлись, но, бывало, мусульманские султаны Магриба сражались против королей Кастилии или Арагона в союзе с маврами Гранады.

Длительный (с начала XI в. по конец XV в.) период все нараставшего наступления Реконкисты привел к возникновению новых групп населения — «латинизированных мавров» (морос латинадос), т.е. мусульман, владевших романским языком, и «алгарвиадов» (кристианос алгарвиадос), т. е. арабизированных христиан, говорящих по-арабски*. И тех и других особенно много было в пограничных областях. Причем в данном случае речь шла уже о новых поколениях людей смешанной культуры, так как мосарабы практически стали исчезать с XII в., переселяясь на земли христиан, где они постепенно утрачивали присущее им арабо-романское двуязычие. Но их диалект «аль-

* Алгарви (от арабского «аль-гарб», т.е. запад) — область на юге Португалии, где арабы продержались дольше всего на территории этой страны.

джамия», как называет его Рафаэль Альтамира-и-Кревеа (по-арабски «аль-аджамийя» означает «чужой, варварский»), представлявший собой смесь народной («вульгарной») латыни с множеством арабских заимствований, повлиял на формировавшиеся языки христианского севера полуострова. В то же время «аль-джамия» оказал воздействие и на арабский язык Аль-Андалуса[41].

Значительной новой группой населения по мере продвижения Реконкисты на юг полуострова стали **мудехары** (см. выше), подчинившиеся христианским королям по договору, на основании капитуляции или в силу заключенного союза.

Они обычно сохраняли свои земли и имущество, свои обычаи и религию, а также пользовались различными привилегиями. Как ни странно это покажется, особенно в свете последующих событий, короли Арагона и Кастилии, Португалии и Наварры на первых порах стремились не изгнать, а удержать мусульман на завоеванных землях и по экономическим (мавры были хорошими ремесленниками и садоводами), и по демографическим, и по политическим соображениям. Например, покровительственные меры кастильского короля Альфонса VI Храброго (1065–1109), предоставившего маврам сдавшегося ему в 1085 г. Толедо особые привилегии (освобождение от податей, сохранение имущества, свободу исповедования ислама, собственное самоуправление) даже привлекли в этот город мусульман из еще сохранивших независимость мавританских эмиратов Аль-Андалуса. Впоследствии мудехары Севильи и других крупных городов избирали алькальда (старейшину) из своей среды. Многие знатные мавры получали от королей земли, а некоторые — даже целые города с замками и мечетями. Общины мудехаров (альхамы — от арабского «аль-джамаа», т. е. собрание) пользовались обычно самоуправлением, имели свои особые скотобойни и системы водоснабжения как в селах, так и в городах. Однако различными постановлениями 1123–1252 гг. им предписывалось жить отдельно от христиан и носить особую одежду[42].

Разумеется, далеко не все мавры соглашались стать мудехарами. Многие из них покидали захваченные христианами территории. В этом случае они имели право взять с собой все

принадлежавшее им имущество. Многие из таких добровольных изгнанников вообще перебирались в Магриб, где, как правило, играли заметную роль в экономике, культурной и политической жизни[43]. Но в основном большинство становилось мудехарами, так как в их положении существенных изменений не происходило, а иногда оно даже улучшалось в чисто материальном смысле[44].

Среди мудехаров было много земледельцев и коммерсантов, фабрикантов, судовладельцев и ювелиров. В городах Арагона и Каталонии они славились как искусные архитекторы, декораторы и художники, выработавшие свой особый стиль и эстетический почерк, впоследствии распространившийся по всей стране. Там же проживали многие часовщики, столяры, оружейники, красильщики и другие ремесленники из их среды, часто владевшие лавкой или мастерской. Фактически они, по мнению историков, образовали в Испании нечто вроде эмбриона буржуазии и средних классов, т. е. «третьего сословия» зарождавшегося нового общества. Но дальнейшее их развитие было заблокировано соединенными усилиями авторитарной монархии, фанатичного духовенства, воинствующей «идальгии» (т. е. дворянства) и черни, умело направлявшейся духовенством[45]. Однако все это будет позднее. А в XII–XV вв., почти четыре столетия мудехары, пусть и не без проблем, но могли мирно и довольно успешно трудиться под властью христиан[46].

Цивилизация страны Аль-Андалус оставила значительный след в жизни всего западного Средиземноморья. Ее духовное и материальное наследие, ее культурное богатство и многообразные традиции живы до сих пор и в странах Магриба, куда в основном перебрались мавры Аль-Андалуса и их непосредственные наследники — мориски, и в странах Иберийского полуострова. Достаточно вспомнить, что в современном испанском языке 4 тыс. слов (в португальском — чуть меньше) — арабского происхождения, а влияние арабов на поэзию, фольклор, музыку, архитектуру, художественные ремесла Испании и Португалии общеизвестно. Как считают многие исследователи, «непредубежденному взгляду видно, что сегодняшние художники и ремесленники Испании до сих пор черпают вдохнове-

ние из мусульманских источников»[47]. То же самое отмечается испанскими литературоведами при анализе творчества таких современных писателей Испании, как Хуан Гойтисоло, Кабальеро Бональд, Рикардо Леон, Камило Хосе Сера, а из более ранних — Висенте Бласко Ибаньес. Свое сочувствие маврам и морискам не раз высказывал Федерико Гарсия Лорка, а друживший с ним Пабло Неруда писал, что сам Лорка «словно вобрал в себя все возрасты Испании, весь цвет народного таланта, все то, что дала арабо-андалусская культура»[48].

Более того, можно говорить о том, что цивилизация Аль-Андалуса является связующим звеном между Западной Европой и Магрибом, ибо установлено явное сходство материальной и духовной культуры Аль-Андалуса и Магриба, Сицилии, юга Италии, Прованса в средние века. Арабо-андалусская поэзия и музыка, философия и медицина, архитектура и эстетика наложили свою печать на представления и вкусы не только магрибинцев, хотя именно в Магрибе выходцы из Аль-Андалуса уже в XI в. активно созидали то, что, по выражению известного французского историка Роже Ле Турно, «позднее стало именоваться испано-мавританской цивилизацией»[49]. Следы ее влияния ощущаются в Испании и сегодня. Достаточно взглянуть на внутренние дворики (патио) и узкие улицы старинных кварталов Кордовы, Севильи и Гранады, на схожие с минаретами колокольни испанских соборов, на стиль «мудехар» в испанском искусстве, на декоративные мозаичные плиты с изощренными арабесками у входа в официальные здания и многие частные дома, на изобилие фонтанов и пышной зелени пальм и олив. Пристрастие испанцев к растительному декору, затейливости и орнаментальному многоцветию керамических узоров, к живописной разрисовке и броской раскраске дверей, окон и крыш, к жанру фламенко, построенному на типично восточных ритмах и мелодиях танца, песни и музыкального сопровождения, как и многое другое выше сказанное или не упомянутое за недостатком места, напоминают о том, что наследие Аль-Андалуса безусловно вошло в современную культуру Испании и Португалии, стало неоспоримым компонентом цивилизационного своеобразия иберийских государств[50].

Замечательная цивилизация, созданная маврами Аль-Андалуса, исчезла не сразу. У нее был шанс продлить свою жизнь уже в рамках христианской Испании и Португалии. К январю 1492 г. на территориях, подвластных католическим королям, уже более 400 лет (т. е. со времен первых успехов Реконисты) проживали, по разным подсчетам, 300–500 тыс. мудехаров, подчинявшихся христианским властителям обычно на основе договора, сохранявшего за ними их собственность, обычаи и веру, а также специальные права («фуэрос»). Поэтому, как правило, большинство мавров, оказавшись на завоеванной христианами территории, предпочитали не уезжать, а становиться мудехарами. Среди них встречались и представители знати, владевшие богатыми имениями и целыми городами.

Возникновение проблемы морисков

Гранадский эмират, начиная с 1479 г., когда Кастилия и Арагон соединили свои силы, был обречен. К тому же братоубийственная борьба в семействе Насридов ослабляла военный потенциал эмирата и патриотические чувства его населения. В результате последний эмир Гранады Абу Абдаллах Мухаммад (Боабдиль в испанских хрониках) капитулировал в январе 1492 г. и покинул Гранаду, выехав со своей семьей, ближайшими советниками и охраной в Андарах — отведенное ему имение в горах Альпухарры. Впоследствии стало известно, что в секретных статьях договора о капитуляции предусматривался отъезд Боабдиля в Африку, что он и сделал осенью 1493 г. Вместе с ним уехали около 1100 чел., а всего за январь 1492 – октябрь 1493 г. — приблизительно 8 тыс. чел. По другим подсчетам, с 1490 г. в Магриб уехало до 40 тыс. жителей Гранады, спасавшихся от бесконечной войны и с испанцами, и различных группировок гранадской знати между собой[51].

Теоретически мавры Гранады после капитуляции 1492 г. попали в положение мудехаров. В 67 пунктах договора, подписанного Боабдилем, специально оговаривались их права исповедовать ислам, проживать в своих домах назначать своих управляющих и судей, пользоваться неприкосновенностью личности, имущества и жилища. Особо подчеркивалось, что «никто не должен принуждать лиц, принявших ислам, к переходу в христианство»[52]. Однако все это соблюдалось лишь в первые годы, в сущности только в 1492–1499 гг. А затем началось принуждение к отказу от ислама и переходу в католичество.

Уничтожив государственность Аль-Андалуса, короли Фердинанд II Арагонский и Изабелла Кастильская приступили к постепенной ликвидации его общественной структуры. Уничтожить сразу ислам было задачей неисполнимой: мусульман было слишком много. Они могли получить мощную поддержку извне, а нарушение условий 1492 г. привело бы к дискредитации «католических королей», как назвал их папа римский за преданность «истинной вере». Поэтому разрушение

«социума трех религий» (как именуют иногда андалусийское общество в научной литературе) началось с изгнания иудеев.

Еще в XII в. иудеи (кстати, как и мосарабы) бежали в Арагон и Кастилию от преследований Альморавидов и Альмохадов. И они свободно жили там, особенно под властью Альфонса X Мудрого в Кастилии и Хайме I Завоевателя в Арагоне. Однако в XIV–XV вв. на иудейские общины обрушились преследования, сопровождавшиеся вздорными обвинениями в распространении чумы и намерении отравить короля. При этом тех из них, кто перешел в католичество, обвиняли в неискренности, а ставших священниками — «проникшими в самое сердце церкви», разумеется — с «разрушительными» намерениями. Их стали называть «марранами» (т. е. свиньями). Инквизиция, возникшая в Арагоне уже в 1232 г., распространила свою деятельность в 1478 г. на Кастилию, а с 1481 г. активно «занялась» марранами. В 1492 г., буквально через несколько месяцев после падения Гранады, все иудеи Испании, отказавшиеся креститься (более 160 тыс. человек), были изгнаны из страны. Та же участь постигла их в 1496 г. в Португалии, а в 1499 г. — в Наварре. После этого, продолжая преследовать марранов, «католические короли» и инквизиция приступили к следующему этапу своей политики «идейной Реконкисты» — вытеснения с полуострова мавров[53].

Сначала казалось, что этого не будет и что власти намерены продолжать «покровительствовать» мудехарам. Уже в январе 1492 г. главным альгвасилом (фактически начальником полиции) Гранады был назначен Яхья ан-Наджар, родственник династии Насридов, принявший католичество. Как бы заботясь о «преемственности», короли ввели в городской совет Гранады 9 представителей мусульманского духовенства. Но это были лишь первые шаги, скорее — осторожные маневры в городе, населенном мусульманами[54]. Одновременно власти поощряли отъезд в Магриб видных мусульман, надеясь на то, что они, «лишившись лидеров, не смогут организовываться». Тех, кто не уезжал, стремились «христианизировать». Тем не менее, сообщества мусульман и христиан оставались закрытыми. Они «не смешивались, а сосуществовали». Но и это кончилось. Когда в 1498 г., вопреки условиям 1492 г., основная часть города

Гранады была предоставлена для заселения христианами, а мусульманам отводился лишь квартал Альбайсин, превращавшийся в «морерию» (своего рода мавританское гетто) наподобие «худерий», ранее заселенных иудеями, мусульмане расценили это и как нарушение монархами своих обещаний, и как акт сегрегации, и как угрозу принудительной высылки, каковой подверглись ранее обитатели «худерий». В марте 1498 г. церковь запретила христианам сдавать мусульманам помещения для религиозных церемоний, торговли продуктами «халяль» (ритуально освященными), пользоваться мавританскими банями и услугами акушерок-мавританок[55].

С 1499 г. власти уже не стремились удержать мусульман в стране. После открытия Америки и победы над маврами Испания становилась мировой державой, чье политическое влияние неудержимо росло, а добываемые в колониях золото и серебро вызывали интерес (и приток товаров) купцов Фландрии, а также — внимание банкиров Италии и Германии. Поэтому политика первоначальной «благосклонности к побежденным» сменилась жестким курсом на «христианизацию» мавров. Особенно он усугубился после прибытия на земли бывшего эмирата Гранады до 40 тыс. христианских колонистов и роста внимания к мудехарам исповедника королевы и архиепископа Толедо Франсиско Хименеса де Сиснероса. Мусульман, в нарушение условий 1492 г., стали обременять новыми налогами и поборами и требовать их перехода в католичество. Тех, кто отказывался, всячески запугивали, иногда бросали в тюрьму. Наконец обитатели квартала Альбайсин в Гранаде восстали, возмущенные избиением девушки-мавританки, которую два агента Сиснероса пытались таким образом «христианизировать». Сначала двор даже осудил Сиснероса за подобные методы. Но потом он сумел склонить «католических королей» на свою сторону, доказывая, что раз мавры восстали «против короля и королевы», то именно они якобы и нарушили соглашение 1492 г. Прибыв вместе с королями в Гранаду, Сиснерос «организовал» там крещение 4 тыс. мусульман, запуганных перспективой изгнания. Так путем элементарной провокации короли и духовенство Испании избавились от связывавших им руки условий 1492 г.

Двор вполне устроила «инициатива» Сиснероса, который к тому же использовал свой визит в Гранаду, чтобы сжечь библиотеки и архивы Насридов, сохранив лишь труды по медицине. Тем самым он надеялся похоронить память об Аль-Андалусе и «запустить процесс аккультурации» мавров. Заодно он распустил слух, что якобы лично крестит в день по 3 тыс. мудехаров. Многие ему поверили: в одной арабской хронике того времени отмечалось, что «весь Аль-Андалус стал христианским»[56].

Давление на мусульман оказывалось открыто. Многие из них дрогнули: только в 1499 г. до 50 тыс. мавров Гранады крестились. Открыто сопротивлявшихся арестовывали. В январе 1500 г. избежавшие ареста бежали в горы Альпухарры, где создали вооруженные отряды. В других местах Андалусии (так стал называться юг Испании после падения Гранады) подняли мятежи в январе 1501 г. мудехары Ронды, Гуадиса, Басы. Сиснерос подлил масла в огонь, устроив на площади Бибаррамбла в Гранаде костер из экземпляров Корана и других мусульманских книг. Лишь часть из них была спасена оказавшимся тогда в городе послом Алжира.

Выступления мудехаров были подавлены в течение двух лет. При этом армия понесла тяжелые потери, и ее лично возглавил король ввиду гибели многих военачальников. Повстанцы, уцелевшие в боях, сдались. Многим из них разрешили уехать в Африку. Остальных крестили насильно. Ранее та же участь постигла взятых в плен. Практически с 1501 г. все оставшиеся в Гранаде мудехары стали морисками. А 11 февраля 1502 г. королевским указом всем мудехарам Кастилии и Леона было предписано либо уехать, либо креститься. Большинство предпочло остаться[57]. Это решение в какой-то мере было вызвано советами магрибинского теолога Ахмеда ибн Джумаа применить метод «такия» (разрешающий мусульманам в случае опасности временно отступиться от ислама, но чисто внешне), дабы сохранить за собой, хоть и под господством христиан, земли страны Аль-Андалус. Не меньшее значение имело и то, что морискам разрешалось носить свою традиционную одежду, говорить по-арабски, посещать мавританские

бани (бывшие для них одновременно клубом, лечебницей, местом отдыха).

По мнению Мигеля Анхеля Ладеро Кесады, «гранадинцы приняли крещение, в глубине души отвергая его». Чувствуя это (вернее зная от доносчиков и агентов инквизиции), власти старались постепенно вытравить из памяти морисков все, что связывало их с прошлым: к 1511 г. был издан ряд указов, запрещавших исполнение ими традиционного танца «самбра», принесение в жертву животных (в день окончания мусульманского поста рамадан), ношение холодного оружия и «типично» мусульманского костюма. Был введен для них и запрет на некоторые профессии. Становилось ясно, что власти хотели уже **не ассимиляции, а вытеснения морисков** с полуострова, ибо запрет на профессии и лишение оружия были актами не интеграции (ранее желаемой), а дискриминации.

Вместе с тем в начале XVI в. окончательно ничего еще не было решено. Фердинанд II (менее фанатичный, чем Изабелла, умершая в 1504 г.) пошел навстречу требованиям кортесов Барселоны и Тортосы (заинтересованных в торговле со странами ислама) не принуждать мудехаров Арагона креститься. Более того, он предписал инквизиции Арагона в 1508 г. не обращать мудехаров в христианство насильно. Тем не менее, как всегда в таких случаях, на местах «имели место перегибы»: мавров Теруэля и Альбаррасина все-таки крестили, а в «мореириях» прочих городов Арагона усердствовали католические миссионеры. Король Испании с 1516 г. (а с 1519 г. — еще и император Священной Римской империи германской нации) Карл V Габсбург даже лично ездил в Гранаду разбирать дела морисков. Он отменил (на 40 лет) запреты на арабский язык и традиционный костюм морисков, несколько ослабил их налоговое бремя и дал указание инквизиции действовать «благоразумно». Однако в 1526 г. мудехары Арагона тоже стали морисками. В 1531 г. в Гранаде был создан коллеж Сан Мигель для «обучения детей морисков христианской вере». Позднее иезуиты с той же целью основали Дом доктрины прямо в сердце Гранады — квартале Альбайсин. Там особенно прославился Хуан де Альботодо — мориск, ставший иезуитом[58].

Стоит отметить, что в 1520–1521 гг. власти использовали мудехаров Арагона как наемников для подавления движения католиков-коммунерос, требовавших «убрать иностранцев» (приехавших с Карлом V фламандцев и бургундцев), уничтожить инквизицию, уважать права горожан (в том числе — на самоуправление), ввести налоги на знать и духовенство наравне с остальным населением[59]. Поражение коммунерос привело к утрате городами Кастилии, Валенсии и Майорки какого-либо влияния в кортесах, а также — ликвидировало всякую оппозицию всевластию монархии и духовенства. Участие мудехаров в подавлении коммунерос было своего рода демонстрацией верности монархии явно в расчете на ее благодарность. Однако благодарности за это мудехары не дождались. Горожане и прочие христиане Арагона крайне негативно отнеслись к их участию в репрессиях и решили отомстить хотя бы части карателей. Через 5 лет после этих событий по инициативе церковников они развернули широкую кампанию по массовому и, главное, насильственному крещению мудехаров. Король воспользовался этой «инициативой снизу», хотя вначале и сомневался, стоит ли это делать[60].

Так возникла в Испании проблема морисков, под знаком борьбы с которыми прошел весь XVI в. То же самое относится и к Португалии. Во-первых, объединение Португалии с Испанией в 1580–1640 гг. предопределило решение вопроса о морисках в обеих странах по одной и той же схеме. Во-вторых, проблема морисков, будучи центральной в Испании, в Португалии была второстепенной: здесь инквизиция за все время осудила 385 морисков, из которых лишь 11 были местными уроженцами, буквально затерявшимися среди 279 выходцев из Магриба, 34 — из Индии, 27 — из Османской империи, 15 — из Африки[61]. В Испании же за это время погибли десятки тысяч морисков.

Глава II

МОРИСКИ В ИСПАНИИ

С момента превращения мудехаров (а также — относительно небольшого количества мусульман-рабов, пленных магрибинцев, политических беженцев из стран ислама и т. п.) в морисков на них распространилась юрисдикция испанской инквизиции, тщательно выслеживавшей все отступления от католической веры. А мориски, как свидетельствовали потом их же авторы, «хотя внешне и стали христианами, но не были ими в сердце своем; они тайно поклонялись Аллаху и совершали молитвы и омовения в установленные часы; но так как христиане следили за ними, то некоторые из них были сожжены»[1].

Для инквизиции мориски стали просто находкой. Преследования богохульников, колдунов, ведьм, многоженцев не давали возможностей «псам господним» развернуться в полную силу, ибо в средневековой Испании католичество господствовало абсолютно, и тех, кто смел как-то нарушить его догмы, тем более выступить против них, было очень мало. После изгнания иудеев и мавров, оставшихся верными исламу, к 1527 г. «основным объектом преследований со стороны инквизиционных трибуналов становятся мориски…, не проявлявшие особого рвения в следовании догмам христианской веры». Более того, в ноябре 1525 г. делегация 12 альфаки пыталась откупиться от необходимости крещения суммой в 50 тыс. дукатов, но потерпела неудачу и даже спровоцировала декрет Карла V о немедленном изгнании тех, кто останется верен исламу. В ответ многие «бежали в Берберию и даже в Стамбул», а другие — ушли с оружием в горы. Их мятеж был подавлен лишь к осени 1526 г.[2]

Впрочем, даже проявлявшие «христианское» рвение мориски тоже находились на подозрении. Былые традиции мирного сосуществования разных этноконфессиональных общин на полуострове довольно быстро изживались. И все же «…андалусийские нравы, — пишет Мария Менокаль (имея в виду давно сложившийся на полуострове обычай межцивилизационного добрососедства), — укоренились столь глубоко, что потребовалось более ста лет остервенелого насилия, сжигания библиотек и пропаганды уже тогда смехотворной идеи расовой чистоты христиан», чтобы испанцы избавились от бы-

лой терпимости, которая, по мнению этого автора, была им присуща в «эпоху средневековья», но исчезла на пороге Нового времени[3].

По этому поводу могут быть (и существуют) разные точки зрения. Думается все же, что надо в данном случае прибегнуть к предлагаемому великим социологом Питиримом Сорокиным «многофакторному анализу», который должен охватывать всю совокупность явлений, событий, исторических фактов, социальных, психологических и прочих изменений, определивших судьбу морисков в Испании.

Испанское общество «Золотого века»

XVI век нередко называют «Золотым веком» (Сигло де Оро) в истории Испании. Именно тогда страна превратилась в мировую державу и возникла поговорка: «Мир дрожит, когда шевелится Испания». С объединением Кастилии и Арагона власть единой Испании распространилась за пределы Иберийского полуострова, прежде всего — на принадлежавшие Арагону Неаполитанское королевство и Сардинию (с начала XV в.) и Сицилию (с конца XIII в.), официально присоединенные к Испании в 1504 г. В том же году была присоединена и наиболее социально развитая и зажиточная страна Европы — Нидерланды (в результате брака дочери Фердинанда и Изабеллы королевы Хуаны Безумной и Филиппа I Красивого из австрийской династии Габсбургов, владевших Нидерландами). В 1512 г. испанцы овладели Верхней Наваррой. С 1494 г. они вели непрекращающиеся войны с Францией, в результате которых заняли к 1559 г. еще ряд земель в Средней и Северной Италии. Сын Филиппа I и Хуаны Безумной Карл в 1516 г. унаследовал престолы Кастилии и Арагона со всеми их владениями, а в 1519 г. стал императором Священной Римской империи германской нации под именем Карла V. В 1521–1572 гг. Испания завоевала на Дальнем Востоке Филиппины. Захват испанцами громадных территорий в Южной Америке, их ко-

лонизация и освоение в 1519–1538 гг. превратили Испанию в «Империю Вечного Солнца», которое, по образному выражению того времени, никогда не заходило во владениях Габсбургов.

Как бы по инерции продолжая Реконкисту, испанцы вторглись на побережье Магриба, захватив в 1508–1509 гг. Мерс эль-Кебир, Мелилью, Пеньон де Велес, а в 1509–1510 гг. Оран, Биджайю и Алжир, в 1511 г. — Тенес, Деллис и Мостаганем, несколько позже — Тунис (1535 г.). Характерно, что вдохновителем, непосредственным руководителем и даже частично спонсором атак против Магриба был уже упоминавшийся кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос, канцлер Кастилии в 1507–1517 гг. и великий инквизитор, а в 1516–1517 гг. — регент королевства. Он, «с его большим темпераментом, обуреваемый духовными страстями и мирским чистолюбием», по словам Ш.-А. Жюльена, «сумел использовать экзальтацию католиков и…добился перенесения войны на африканскую почву». Впрочем, многое объяснялось «нетерпимой непримиримостью» кардинала. Действуя в Магрибе со столь же яростным фанатизмом, что и в Испании, он объявил вышеупомянутые захваты «крестовым походом», лично прибыл в оккупированный Оран в 1509 г., несмотря на свои 73 года, и «освятил» там две самые большие мечети, превратив их в католические соборы. До этого он, правда, занимался в Оране явно не богоугодным делом: «руководил истреблением 4 тыс. врагов, пленением 8 тыс. человек». В 1510 г. по его приказу адмирал Педро Наварро захватил Триполи, при штурме которого погибло 6 тыс. жителей, 10 тыс. попали в плен и были проданы в рабство в Палермо, большинство прочих — бежали.

Однако завоевания в Магрибе оказались непрочными. Почти все они, кроме гг. Оран и Мелильи, были к 1574 г. утрачены, так как испанцы, превращая захваченные порты в «пресидиос» (укрепленные крепости с гарнизонами), постоянно находились в состоянии осады и вражды с окружающим населением, среди которого «мирные мавры» (морос де пас) были в явном меньшинстве. Гарнизоны часто голодали, плохо снабжались и постепенно становились небоеспособными. Уже в

1540 г. одно из обследований показало, что испанские солдаты этих гарнизонов «с отчаяния хотели стать маврами».

Израильский историк Мишель Абитоль указывает еще одну причину такого положения. Войска Сиснероса, наряду с грабежами и попытками насильственной «христианизации» местных мусульман, «прославились» также почти поголовным истреблением евреев (в основном — ранее высланных из Испании) в Оране, Бужи, Триполи, Тлемсене, Махдии. Уцелевших продали в рабство. Тем самым испанцы лишили себя возможности использовать данную группу местных жителей в качестве посредников и, наоборот, приобрели в их лице смертельных врагов, всячески подрывавших позиции оккупантов и способствовавших их изоляции. В то же время Абитоль отмечает укрепление позиций португальцев, оккупировавших в тот же период почти все побережье Марокко и широко пользовавшихся услугами местной иудейской общины, тоже состоявшей в большинстве своем из тех, кого изгнали из Португалии и Кастилии. Владея арабским и португальским языками (да и другими), иудеи много сделали для налаживания экономических связей португальских «фронтейраш» (крепостей) с торговыми центрами Марокко, Алжира, Туниса и даже Англии. По словам Абитоля, этот португальский «иудео-христианский симбиоз» в Магрибе продержался до поглощения Португалии Испанией в 1580 г.[4]

Неудачи в Магрибе, к которым был лично причастен и Карл V (потерявший при провале штурма г. Алжира в октябре 1541 г. 12 тыс. солдат и 150 кораблей), свидетельствовали лишь о крахе безумных планов Сиснероса по «продлению» Реконкисты за пределами Иберийского полуострова. Даже достигнутый здесь «апогей военной славы Карла V» — взятие в 1535 г. гор.Туниса — обернулся в конечном счете против испанцев, превратившись в бессмысленный разгром и разграбление богатейшего и красивейшего города Средиземноморья, «благоуханной невесты Магриба», как называют до сих пор столицу Туниса. По определению тунисского историка Махмуда Буали, это была «одна из самых ужасных боен, которые когда-либо знала история». Из 180 тыс. жителей 60 тыс. чел. погибло и столько же было взято в плен и обращено в рабство,

а по данным самого знаменитого историка Туниса Хасана Хусни Абд аль-Ваххаба и османского автора И. Печеви, погибло 70 тыс. чел. и обращено в рабство столько же. И если в самой Испании и в прочих владениях Карла V панегиристы именовали его за взятие Туниса «Сципионом Африканским», то почти все тунисцы оставались враждебны испанцам все 39 лет их пребывания на оккупированном севере страны. При этом власть захватчиков, по выражению Н.А. Иванова, «не выходила за пределы дальности полета испанской пули»[5].

Не вызывает удивления поэтому, что в конечном счете тунисцы поддержали османов, когда те, собрав силы, стали изгонять испанцев из страны, чего и добились, хотя и после упорной борьбы, в ходе которой Тунис не раз переходил из рук в руки. При этом османы широко пользовались поддержкой всех противников империи Габсбургов. Изгнанные из Испании иудеи (сефарды) образовали ядро османских спецслужб, хорошо знакомое с языком, обычаями, экономикой и обстановкой на Иберийском полуострове. Их возглавил личный друг султана Сулеймана Кануни (1520–1566) богач Иосиф Наси (Микас), организатор многих крупных терактов (например, поджога арсенала Венеции в сентябре 1569 г.), опытный интриган и прирожденный разведчик. Помимо тайных агентов в Европе, он контролировал многих крупных коммерсантов Стамбула, Каира, Халеба, Александрии, Триполи (в Ливане), Салоник, связанных деловыми интересами с купцами Генуи, Венеции, Рагузы (Дубровника). Верность султану еще более многочисленных греков, особенно негоциантов и судовладельцев, обеспечивал другой олигарх — Кантакузен (по слухам, якобы потомок исламизированных англичан), владелец 20–30 галер, всех соляных копей империи, откупщик таможен, часто — вазир, смещавший патриархов и митрополитов. Этот «сын дьявола» соперничал в роскоши с самим султаном, но всегда поддерживал его, в том числе против католиков. В то же время многочисленные делегации из Туниса постоянно умоляли султана освободить их от гнета испанцев. В Стамбуле почти безвыездно находились депутации морисков, французских гугенотов, нидерландских протестантов, повстанцев Корсики во главе с их

вождем Сампьеро, превратившим свой остров в базу стоянки, ремонта и снабжения османского флота[6].

Османская империя, став в начале XVI в. сверхдержавой мусульманского Востока, была главным противником Испании как сверхдержавы христианского Запада. Их упорная борьба за гегемонию в Европе, на севере Африки и в бассейне Средиземноморья красной нитью проходит через весь «Золотой век» испанской истории, питая взаимную вражду, воинственность, недоверие и подозрения, не говоря уже о геополитическом соперничестве, религиозной нетерпимости и этнокультурных предубеждениях.

Разумеется, все это сказывалось и на отношении испанцев к морискам, которых, независимо от их поведения, считали своего рода «пятой колонной» Османской империи, агентурой самого опасного врага королевства. Мориски платили своим безжалостным преследователям той же монетой. К тому же и мориски Гранады, которым навязали крещение вопреки договору 1492 г., и мориски Арагона и Валенсии, сохранявшие до последних дней своего пребывания в положении мудехаров лояльность королевской власти, чувствовали себя обманутыми и униженными насильственной христианизацией. Стоит учесть и такой фактор, как рост неприязни к морискам со стороны завидовавших их богатствам полунищих дворян-идальго, которые к исходу Реконкисты составили весьма значительный слой кастильского и арагонского социумов. Генетически он восходил к мелкому рыцарству средневековья, в основном формировавшемуся в ходе бесконечных войн. Еще хуже относились к морискам городские низы, у которых католическая вера была единственным достоянием. Поэтому они становились чем беднее, тем фанатичнее. Но в первую очередь надо принять во внимание ничем не смягчавшуюся стойкую враждебность к морискам со стороны церкви и особенно инквизиции, всюду искавшей свои жертвы, прежде всего — среди морисков и марранов, а также — крайне немногочисленных протестантов и еретиков-испанцев.

Эпоха первых Габсбургов была временем наибольшего взлета политической и военной мощи Испании, частично — как прямого следствия победоносной Реконкисты. Однако ис-

панское общество тех времен было результатом не только многовековой борьбы с маврами, но в то же время и продуктом многообразных отношений, и весьма тесных взаимодействий с теми же маврами, у которых заимствовался боевой опыт, методы и техника войны. Мавританское наследие в этой сфере было достаточно богатым.

Доказательство этому — весьма высокая активность мавров Гранады, а затем и морисков в Магрибе в XV–XVI вв.[7] В научной литературе уже многократно указывалось, что расцвет испанской культуры в XVI в. стал возможен во многом благодаря использованию и обогащению традиций Аль-Андалуса при посредничестве мосарабов, мудехаров и андалусийских евреев, вклад которых в цивилизацию Аль-Андалуса также был значителен[8]. Однако вплоть до наших дней еще не оценен полностью непосредственный вклад морисков в хозяйственное и общественное развитие Испании. А вклад этот был весом. Чтобы определить его в полной мере, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать экономику и общество Испании XVI в.

Как пишет Р. Альтамира-и-Кревеа, после завершения Реконкисты «в социальном отношении знать и высшее духовенство продолжали сохранять свое первенство как в Кастилии, так и в других государствах полуострова. Однако освобождение крепостных и начавшийся процесс развития торговли и ремесла, с которым связаны были среднее сословие, мудехары и евреи, — все это нанесло удар былому экономическому могуществу сеньоров». Боровшиеся за утверждение абсолютизма Фердинанд и Изабелла стремились ограничить права сеньоров и лишили многих из них различных доходов на общую сумму в 30 млн. мараведи. Большинство крупных феодалов потеряли кто четверть, кто треть, кто половину своих богатств. В XVI в. в Испании насчитывалось всего 15 по-настоящему богатых аристократических семейств[9]. Всего же примерно на 9 млн. жителей в 1482 г. приходилось около 150 тыс. дворян (более половины которых жили в городах), в общей сложности владевших 97% земель. Однако земли эти в большинстве случаев были заброшены, запущены, плохо или недостаточно использовались, чем и объяснялась бедность большинства даже знат-

ных фамилий. Они привыкли воевать или служить при каком-либо дворе (напомним: почти до конца XV в. на Иберийском полуострове соперничали четыре королевских двора, дрязги, интриги и войны между которыми постоянно вовлекали дворянство в свою орбиту, не говоря уже о нескончаемой борьбе с маврами). Поэтому дворяне, как знатные (гранды), так и не очень (идальго), всегда находили себе занятие и из всех ремесел владели в основном военным. Им было не до хозяйствования, не до забот об экономике. Короли же, вечно воевавшие и опиравшиеся главным образом на дворянство, находились в постоянном поиске средств на вооружение и оснащение своих армий, строительство крепостей и прочих фортификаций, оплату солдат и офицеров, особенно наемных, которые, как и расход на государственную бюрократию, после объединения Испании возросли.

Крестьянство Испании XVI в. было разорено бесчисленными войнами в Италии, в Нидерландах, в Америке, в Африке, ослаблено бесконечными восстаниями и мятежами, подавлявшимися крайне жестоко. Его обескровила королевская политика непомерного налогообложения и паразитическая эксплуатация со стороны дворянства и духовенства. Правительство покровительствовало Месте (возникшей еще в XIII в. привилегированной организации крупных овцеводов) и вообще скотоводству в ущерб земледелию, отдав богатейшие пастбища Эстремадуры и Андалусии трем рыцарским орденам — Алькантара, Калатрава и Сант-Яго. Сосредоточение земель в руках сеньоров, королевского двора и церкви сопровождалось различными ограничениями крестьянского землепользования, варварским уничтожением лесов и постоянным сокращением агропроизводства. Поощрение виноделия, производства оливкового масла и фруктов в определенных районах сопровождалось удивительным безразличием к производству зерна и прочих продуктов земледелия. К концу XVI в. дело дошло до того, что мука стала слишком дорога и хлеб выпекали с примесью желудей и других суррогатов[10].

Деревня была главной жертвой бездумно-воинственной и великодержавно-хищнической политики королевского двора. Абсолютное большинство из 1 млн. испанцев, погибших в раз-

личных войнах XVI в., и 40 тыс. ежегодных эмигрантов в Америку составляли крестьяне. Однако города тоже теряли и население, и давние торгово-ремесленные традиции, и экономическое значение: за несколько лет население Толедо уменьшилось на 8 тыс.чел., обнищавший Медина дель Кампо не мог выплачивать налоги, в Севилье и других традиционных экономических центрах закрывались предприятия, несмотря на официальную поддержку королями мануфактурного производства. Массовое разорение, бедность, нищета и нищенствование — таковы были трагические результаты «Золотого века». К его концу в стране насчитывалось 150 тыс. бродяг (3% всего активного населения того периода). Застой общества после победы Реконкисты перешел во всеобщий упадок. Например, Кастилия, по словам французского историка П. Вилара, «была раздавлена налогами и постепенно стала бесплодной по вине бюрократии и коррупции». Сила державы, наиболее могущественной среди феодальных государств Европы, выродилась в слабость бедной и отсталой страны[11].

Ничего удивительного в этом не было. Католическая империя испанских королей имела самую большую в мире армию (включая военный флот). Но эта армия должна была одновременно сражаться против французов в Италии, Нидерландах и Провансе, против османского флота на востоке и в центре Средиземноморья (а иногда — у берегов Испании и особенно уязвимой с моря Италии, в значительной части контролируемой испанцами), против алжирцев, тунисцев, англичан, индейцев Америки, туземцев Филиппин, нидерландских гезов и т.д. Это было слишком трудно в то время, когда путь только из Севильи в Мексику и обратно занимал более 15 месяцев, а рейсы кораблей из Севильи в Манилу занимали до 4 лет[12]. Господство иберийских монархов (а король Испании с 1580 г. стал еще и королем Португалии) простиралось на огромную часть Европы, на итальянское и североафриканское побережье Средиземного моря, на колонии в Африке, Америке и на Дальнем Востоке. Но эта «империя Вечного солнца» была обречена на крах ввиду упрямого желания ее повелителей осуществить тройную миссию: крестить обитателей Америки, сокрушить османскую

гегемонию в Средиземноморье и уничтожить протестантов в Европе.

В самой Испании протестанты появились в 1556 г., но уже в 1562 г. их не осталось ни одного ввиду жесточайших преследований инквизиции, начатых с 1557 г. Всего жертвами фанатизма и нетерпимости церковников стали 345 626 «еретиков», в основном протестантов, мусульман (и морисков), евреев (включая крестившихся марранов) и просто тех испанцев, на кого донесли из страха, личной вражды или клерикального безумия. Из них 36 212 человек были сожжены на кострах. В королевстве постепенно создалась обстановка всеобщей подозрительности, религиозной экзальтации, морального террора и полицейщины. Люди состязались в выражениях преданности «королю и святой католической церкви». Один крестьянин специально скопил деньги на 110 молитв после его кончины. Горожанин Бертини, выстроивший церковь в Вальядолиде (тогда — столица Испании), завещал отслужить 300 молитв в первые 3 дня после его смерти. Однако их превзошли более богатые соседи А. Портильо и А. Фернандес: первый завещал отслужить после его смерти 1800 ежедневных молитв «во всех церквах города», а второй — 3 тыс. молитв «за упокой его души и душ его родственников».

Менее состоятельные доказывали свою «твердость в вере» усердными доносами на морисков, которые не ели свинины, не пили вина, садились на пол, скрестив ноги «по-турецки», готовили кускус (арабское блюдо), забывали повесить в спальне распятие и т. п. И монархия, и церковь всячески поддерживали в народе «дух крестовых походов», «борьбы за божье дело» и против «врагов святой веры». Кардинал Сиснерос, провозгласивший своей целью (еще до назначения на пост великого инквизитора) «изгнать ислам» не только из Магриба, но и Египта, добился от папы признания его экспедиции в Магриб «продолжением крестовых походов» и разрешения папы ввести специальный налог на верующих — «крусада» (т. е. крестовый поход). Унаследовавший эту политическую линию император Карл V также заботился о ее религиозном аспекте, грозя «отвоевать Константинополь» и «объединить империи Запада и Востока» во имя победы «церкви и христианства». Когда ему

удалось захватить в 1535 г. Тунис, он заставил местного султана Мулая Хасана изгнать из Туниса беженцев-морисков.

Сменивший Карла V Филипп II заявил, что предпочел бы «потерять все владения и сотню жизней, если бы они у меня были, чем править еретиками». Борьбу с морисками и подавление любых их выступлений он считал частью своего «безжалостного уничтожения… всех проявлений ислама», которое предполагало нескончаемую войну «Креста против Полумесяца» с надеждой захватить Тунис и Алжир, а потом — «Святую землю» (Палестину) и Константинополь. Везде, где ему удавалось захватить хотя бы пядь земли Магриба, он «насаждал христианскую религию в Берберии», т. е. разрушал мечети и строил церкви. Конечно, в этой жестокой борьбе за господство над Средиземноморьем османы были не менее воинственны и агрессивны и так же шли в бой под знаменем своей религии. Однако «на землях ислама всегда жили христиане, но на христианском Западе мусульман… не было». В Испании, ее владениях в Африке, Америке, на островах Средиземноморья жестоко преследовались все иноверцы и даже все некатолики. Такие же репрессии были осуществлены против не придерживавшихся католических догм подданных Филиппа II на севере Европы, прежде всего в Нидерландах. Только в 1567 г. здесь погибли 8 тыс. протестантов. Всего в этой стране от массовых расправ, пыток, казней и тяжелых условий заключения погибло до 100 тыс. протестантов[13].

Но иберо-католический империализм, фанатичный, агрессивный и колониалистский, державший под своим военным контролем чуть ли не полмира, внутренне был слаб. Все золото Америки (тем более что часть его была перехвачена по дороге английскими или мусульманскими корсарами) не могло восполнить неимоверные расходы на армию, флот, государственную бюрократию, паразитическое дворянство и шиковавший королевский двор. Империя казалась самой богатой в мире: по различным подсчетам, только в 1503–1660 гг. в Севилью было ввезено из американских колоний до 185 т золота и 16 886 т серебра. При этом специалисты считают, что нелегально было ввезено намного больше[14]. Однако все это богатство быстро стало иллюзорным, превратившись в «проклятие золота» и в

исходную точку трагической смены «Золотого века» в истории Испании веками ее политического и социального упадка, экономической и духовной отсталости, религиозной и моральной окостенелости. Главной причиной этого явились перенапряжение всех сил страны вследствие бездумной инерции Реконкисты, безответственно продолженной королями и духовенством за пределами полуострова и постепенно выродившейся в самоубийственную погоню за обманчивым блеском имперского величия, за которым уже маячил, казалось бы, призрак мирового господства. Конечно, были и более конкретные, менее общие причины политического и военного упадка. Но решающую роль сыграли экономические и социальные обстоятельства. Приток золота и серебра, вызвав «революцию цен», не способствовал развитию испанской экономики. Королям постоянно было необходимо платить офицерам и солдатам, особенно наемникам. Поэтому золото из Мексики и Перу тотчас же направлялось в Геную и Антверпен для оплаты королевских займов у немецких и ломбардских заимодавцев. На эти займы закупались оружие, снаряжение и прочие военные товары во Франции и Германии, финансировались военные операции и прочие государственные расходы. Итальянские и нидерландские банкиры, установив свои конторы в пунктах приема золота, свели роль Севильи к функциям просто транзитного порта.

Приток драгоценных металлов вызывал инфляцию, а рост цен — увеличение импорта золота. За первую половину XVI в. цены в Испании выросли вдвое, за вторую половину — тоже[15]. Покупательная способность горожан Испании в течение XVI в. упала на 30%. Нехватка продовольствия стала постоянной. К этому добавились эпидемии и принудительный вывоз продовольствия и всех других товаров в Америку, где испанские колонисты не сумели наладить сначала ни сельского, ни мануфактурного производства для собственных нужд. Социальная напряженность была также усилена на фоне всеобщего обнищания скандальным обогащением некоторых аристократов, высших чиновников, крупных торговцев и спекулянтов, наживавшихся на поставках королевскому двору и на нужды армии, на разнице цен в колониях и метрополии, на взятках, казнокрадстве и прочих видах коррупции[16].

Произвольное и разорительное налогообложение, вездесущий и все парализующий бюрократизм, таможенные барьеры внутри страны препятствовали свободному рынку. К тому же предприниматели Германии, Италии и Нидерландов успешно конкурировали с испанцами, сбивая цены и наводняя Испанию товарами более дешевыми и лучшего качества. А местная буржуазия, начавшая формироваться в первой половине XVI в., практически без серьезного сопротивления уступила внутренний рынок более динамичным иностранцам, обратившись лишь к финансам и торговле при почти полном забвении национального производства. Она даже стала покупать землю, но не в хозяйственных целях, а чтобы проникнуть в ряды дворянства. Характерно, что уже в XV в. многие негоцианты из старинных семей Барселоны получили дворянское звание.

Удивления это вызвать не должно. За годы Реконкисты рыцарство и его элита (знать) были для народа образцом для подражания, хранителями религиозных и национальных ценностей, военными вождями и законченным воплощением идеалов доблести и благородства. Но в XVI в. стремление слиться с дворянством превратилось уже в поверхностную имитацию «идальгии», т. е. непомерных претензий мелких (и обычно бедных) дворян — идальго (сама этимология этого слова — «ихо де альго», т. е. «сын кое-кого» — говорит о многом). На деле погоня за привилегиями знати стала для неокрепшей и не ставшей еще самостоятельной испанской буржуазии путем к полуисчезновению и потере своего социального лица. По словам Фернана Броделя, она «предала саму себя», не выполняя, по крайней мере, должным образом свои функции.

В то же время непрерывные войны, нередкие победы и захваты (в 1580 г. Филипп II присоединил к своим владениям Португалию с ее богатыми колониями в Африке, Южной Америке, Индии и Юго-Восточной Азии) внушили всем жителям королевства иллюзию державного величия, поддерживая которое можно прожить без особых хлопот. Спрос поэтому был не на людей мирного труда, а на солдат, офицеров, чиновников и монахов. В ряды последних стремились попасть многие верующие люди, фантазированные церковью и деятельностью инквизиции, разжигатели вражды к иудеям и маврам, а затем

— к марранам и морискам, среди которых было немало предпринимателей, купцов и прочих богачей, конкурировать с которыми испанцам было ничуть не легче, чем, например, с генуэзской, тосканской, нидерландской или немецкой буржуазией. Кстати, отдельные лица из марранов и морисков, каким-то чудом попадавшие в ряды католического духовенства (а такие были даже среди инквизиторов!), тщательно скрывали свое происхождение и были наиболее ревностными проводниками официальной линии церкви и монархии, «роялистами больше, чем король».

Вот почему в Испании, как отмечал видный французский историк Фернан Бродель, фактически «не было буржуазного класса, который осознавал бы себя в качестве такового». Эта буржуазия если и возникла, то скорее чувствовала себя связанной с аристократией, ориентировалась на нее и стремилась войти в ее ряды. Не выдерживая конкуренции с иностранцами, она часто теряла интерес к предпринимательству и разорялась, стремясь побыстрее прокутить свои богатства в условиях галопирующей инфляции. В этих условиях купить дворянское звание было не худшим выходом из положения. Но подобное «одворянивание» буржуазии имело неизбежные негативные последствия. Усвоив замашки идальго, нувориш — католик в Испании «Золотого века», обычно, по словам Пьера Вилара, «ест, служит, приглашает, дает, ворует, позволяет воровать», но при этом «отворачивается от накоплений и инвестиций»[17]. На них уже не оставалось ни времени, ни средств, ни желания, ни умения.

Королевское правительство поощряло этот приток «мещан во дворянство» по чисто финансовым соображениям. Дефицит казначейства заставил Филиппа II всего через год после вступления на престол, т. е. в 1557 г., объявить государство банкротом. То же самое произошло позже, в 1575 г. и в 1596 г. Но король слышать не желал о прекращении войн во Франции, Нидерландах, против Англии и т.д. Он предпочел дать согласие на малопочтенную продажу купцам за деньги дворянских званий. Получив эти звания, буржуа обычно прекращали всякое предпринимательство (кроме финансовых афер) и особенно чурались любого ручного труда, подражая «идальгии». Ставя

выше всего честь («эль онор»), идальго, даже «идальго де брачета» (т.е. «оборванные», «с прорехами»), презирали любые хозяйственные занятия, соглашаясь лишь на государственные должности или военную службу. Вместе с тем была еще одна причина стремления нуворишей проникнуть в ряды «идальгии». Согласно Ф. Броделю, «не имея возможности грабить всю Кастилию как гранды, местное дворянство расхищало все находившиеся в пределах его досягаемости городские и сельские доходы, за счет чего и кормилось»[18].

Тунисский исследователь Махмуд Таршуна считает, что в XVI в. испанцы, «преисполненные абсурдным чувством чести, потеряли привычку к производительному труду»[19]. Это замечание не вполне справедливо, хотя действительно производство, особенно в земледелии, падало, так как и буржуазия, и наиболее состоятельная часть крестьян брали пример с дворянства, забрасывая земли, мало заботясь о промышленности и растранжиривая накопления. Вместе с тем следует помнить, что XVI в. — время культурного подъема, во многом связанного с объединением Кастилии и Арагона и усилением роли Испании в Европе и вообще в мире, с успешным завершением Реконкисты и в то же время началом влияния на духовную жизнь страны европейского гуманизма, наиболее сильного в XVI в. в Италии и Нидерландах, экономически и политически тесно связанных тогда с Испанией.

XVI в. в Испании отмечен также достижениями в архитектуре. Причем в строительстве церквей и дворцов, наряду с элементами готики и Ренессанса, постепенно стал возникать нарядный стиль «платереско», сочетавший в себе много стилей, в том числе и стиль «мудехар». Последний, однако, применялся и в чистом виде, поскольку среди архитекторов, декораторов и просто каменщиков было много морисков и мосарабов, работавших, естественно, в присущей им манере[20].

Но достижения Испании в XVI в. не сводились лишь к сфере культуры, искусства, политики и военного дела (испанская армия, особенно к середине «Золотого века», была одной из лучших в мире). В стране, помимо всего прочего, процветали ремесла, мануфактурное производство, торговля и скотоводство. Это, однако, происходило во многом вопреки полити-

ке двора и претензиям духовенства «на духовное и даже материальное руководство обществом», ибо эти отмеченные П. Виларом претензии были несовместимы с экономическим и социальным процветанием Испании. Очень важную, иногда решающую, роль в этом процветании играли, как уже отмечалось, иностранцы (преимущественно уроженцы подвластных тогда Мадриду областей Италии, Германии, Нидерландов) и, конечно, «еретики» — мориски и марраны[21].

Экономическая и социальная роль морисков в Испании

Оставляя в стороне проблему марранов, которая представляет собой особую тему для самостоятельных исследований, остановимся на том, какое место занимали в хозяйственном и общественном развитии Испании мориски. Речь идет примерно о 5% населения страны (приблизительно 400–500 тыс. из 8–9 млн. жителей в XVI в.). Точность цифр в данном случае не гарантируется, ибо периодически имели место отъезды (как правило, вынужденные, но часто и добровольные) морисков за пределы королевства.

Вообще вопрос о численности морисков не решен до сих пор. Аль-Андалус в апогее своего расцвета, т. е. в X в., насчитывал 5–7 млн. жителей, причем не все они были мусульмане. Одних мосарабов было не менее 20%. Успехи Реконкисты в XI в. способствовали обезлюдению Ламанчи (и до того редко населенной) и зоны Толедо, а также других районов постоянных военных действий. Однако в XIII в. Реконкиста была столь стремительна, что мусульмане, особенно густонаселенных областей, просто не успевали уйти или же, получая соответствующие гарантии, добровольно становились мудехарами. В результате к 1300 г. в Арагоне и Кастилии оказалось до 450 тыс. мудехаров (включая 25 тыс. жителей Балеарских островов). Именно они и составили основную часть будущих морисков вместе с примерно 300 тыс. обитателей присоединенно-

го к Испании после 1492 г. эмирата Гранады. При этом следует учесть, что численность морисков постоянно уменьшалась за счет эмиграции, причем не только в Магриб или на восток Средиземноморья, но и в Америку, что доказывается последними исследованиями латиноамериканских историков, а также — во Францию, куда были высланы или ушли добровольно почти все мусульмане Наварры. В той же области бывшего эмирата Гранады население с 1492 до 1560 г. уменьшилось до 150 тыс. чел., т. е. вдвое[22].

По сравнению с не менее чем 0,5 млн. морисков остальные «новые христиане», преимущественно из крестившихся евреев, были менее многочисленны. По некоторым подсчетам, их было в 2–3 раза больше, чем примерно 100 тыс. сохранивших приверженность иудаизму и изгнанных в 1492 г. Этих марранов преследовали примерно так же, как и морисков. Но они, как правило, давали гораздо меньше поводов для придирок инквизиции и вели себя осторожнее. В связи с чем основное внимание инквизиции постепенно переключилось на морисков.

Являясь, несомненно, меньшинством, мориски заняли в истории Испании достаточно заметное место, о чем можно судить хотя бы по продолжающимся спорам в научной (и не только) литературе о том, кем же были мориски и каков объективно их вклад в историю Испании. Подробного и конкретного разбора заслуг морисков или обвинений в их адрес, по сути дела, нигде нет. По крайней мере — с опорой на спокойный, непредвзятый анализ цифр, свидетельств очевидцев, мнений компетентных ученых разных взглядов и различных эпох. К сожалению, многие из этих цифр и сведений отсутствуют, особенно касающиеся налогов, нормы эксплуатации морисков сеньорами, их доли в производстве ряда товаров, в услугах, финансовых операциях, в выплате податей королю, церкви, муниципалитетам. Мы не знаем, во сколько обходилось альхаме содержание альфаки и т. п. Возможно, разбор всех этих данных заставил бы несколько иначе взглянуть на судьбу морисков и самые разные ее интерпретации.

Их роль в экономике и социокультурной жизни испанского общества либо не получила пока что полного освещения, либо освещена крайне односторонне и пристрастно, в основном ка-

толическими историками, на которых сильно повлияла точка зрения испанской монархии XVI–XIX вв. и инквизиции, изложенная в многочисленных документах, памфлетах, воззваниях, письмах, циркулярах, судебных решениях и других первоисточниках[23]. Перенапряжение сил Испании, понесенные ею в XVI в. огромные человеческие жертвы и экономические потери — все это требовало оправдания, каковое и было найдено во всемерном разжигании католического фанатизма, поощрении и пропаганде антимусульманских настроений времен Реконкисты, традиции которой сознательно продолжались и развивались с целью оправдания имперского колониализма Габсбургов в Магрибе и вообще в Средиземноморье. Разумеется, притеснение морисков, которым все это сопровождалось, провоцировало нередкие случаи их бегства, особенно при нападениях на испанское побережье османского флота или магрибских корсаров. Как установил Луи Кардайяк, турки были «последней надеждой морисков»[24]. Но подобную позицию мориски заняли не сразу, а по мере того, как постепенно выявилось нежелание королей Испании выполнять условия капитуляции Гранады в 1492 г. и еще более ранние свои обязательства по охране прав и обычаев наследников цивилизации Аль-Андалуса.

Позиция монархов была нестабильной и менялась в зависимости от ситуации, в том числе — эволюции внутриполитического положения Испании и ее международных позиций. Но по мере подавления различных народных движений и прочих проявлений недовольства «снизу» (во время которых короли не стеснялись прибегать к услугам мавров-наемников), по мере усиления испанской армии и укрепления власти Габсбургов мориски стали восприниматься королевским двором как своего рода «враг внутренний», по какому-то недоразумению еще недобитый. Что же касается духовенства и фанатизированной им черни, то для них было совершенно неприемлемо сосуществование с устойчивым и самобытным в культурно-религиозном отношении сообществом (как они считали и не всегда без оснований — «замаскированных иноверцев»), упорно сохранявшим нравы, обычаи и предписания эпохи расцвета Аль-Андалуса, т. е. восходящие к миру ислама. Поэтому и духовен-

ство, и чернь, особенно городская, да и большинство верующих католиков приветствовали любые преследования и ограничения деятельности морисков. И короли, и аристократия (в том числе в Арагоне и Валенсии, где гранды, а иногда и низшее духовенство, поддерживали морисков или относились к ним терпимо) учитывали подобные настроения и вели себя соответствующе.

Принятые еще в XV в. Статуты о «чистоте крови» практически закрывали морискам, как и другим «конверсос» (новообращенным христианам), перспективу какой-либо государственной или церковной карьеры, ибо к ней стремились идальго и рвавшиеся в их ряды свежеиспеченные «дворяне» из бывших торговцев, ремесленников, разбогатевших крестьян. В рядах «идальгии» и подражавших ей выскочек, по выражению британского историка Генри Кэмена, чистопородно-христианская «генеалогия стала социальным оружием». Попытки части знатных морисков с 1510 г. обеспечить себе звание идальго ничего не дали. Реально они оставались людьми второго сорта.

Фактически речь шла о религиозно-идеологической и социополитической маргинализации значительной и весьма активной, как мы увидим далее, фракции населения Испании. В стране, без конца воевавшей, переживавшей массовые репрессии, миграции и перемещения населения (например, в Америку и другие завоеванные регионы), численность жителей постоянно менялась: 9 млн. чел. — в 1482 г., 8 млн. — в 1526 г., 6 млн. — в 1541 г. Подобный разнобой связан как с действительными потерями населения, так и с использованием различных (и не всегда точных) источников турецким автором М. Э. Энаном, французскими историками П. Шоню, Ж. Пиньоном и другими. В любом случае численность морисков, определяемая этими авторами, а также тунисцем А. Темими и испанцем А. Палестеросом, алжирцем Дж. Яхьяуи (от 700 тыс. до 296 тыс. чел.), дает основание утверждать, что их было (в разное время) не менее 3–5% населения королевства. Но они были отстранены от участия в политической и социальной жизни христианского большинства и вынуждены ограничиться преимущественно хозяйственной деятельностью[25].

У морисков не оставалось иного выбора, как надеяться лишь на свои руки и способности. Используя навыки и методы работы, сложившиеся в Аль-Андалусе, предоставленные им права и возможности (постепенно отменявшиеся в XVI в.), организованность и сплоченность своих общин, они проявили себя наилучшим образом в этот тяжелый для них «золотой век» габсбургской Испании. Именно благодаря им в стране процветали в то время ремесла, торговля и мануфактурное производство, в частности выделка шелка (по-испански шелковица и сегодня называется «морера»), шерсти и сукна, изготовление тростникового сахара и керамики, оливкового масла, изделий из кожи, составлявших важные статьи испанского экспорта. В городах мориски образовали значительную (кое-где основную) массу садоводов, водоносов, булочников, мясников, ткачей, портных. Германский путешественник XVI в. Мюнцер свидетельствует, что мориски были трудолюбивы и отлично выполняли работу кузнецов, каменщиков, строителей, керамистов, декораторов, в селах — пчеловодов, скотоводов, ирригаторов, лесников, погонщиков мулов, а в прибрежных зонах — моряков (включая «арраэсов», т. е. капитанов), рыбаков, сторожей и т. п. «Слава морисков как садовников и огородников была велика: их всегда считали в этом занятии намного превосходившими старых христиан», — отмечает ведущий историк Гранадского эмирата Хулио Каро Бароха. Среди них было много зажиточных землевладельцев, фабрикантов, коммерсантов, ювелиров, чьи состояния нередко достигали 10 тыс. дукатов. Многие были заняты в коммерции и на транспорте. Некоторые судовладельцы и негоцианты из морисков вели торговлю с Италией[26]. В Туделе, Уэске, Теруэле, Сарагосе и других городах Арагона и Наварры славились мориски-архитекторы, декораторы и орнаменталисты, распространившие свой стиль на всю Испанию и часто выполнявшие заказы королевского двора, богатых грандов или иностранцев (обычно генуэзцев или флорентийцев). Здесь, а также в Куэнке, Альмерии, Валенсии, Гранаде жили лучшие среди морисков (да, пожалуй, и среди всех жителей) часовщики, слесари, столяры, оружейники, красильщики, штукатуры и прочие «аларифес» («знатоки, виртуозы», от арабского «ариф» — знаток, мастер). Только в

Гранаде трудились ремесленники 40 специальностей! Все они были мастерами своего дела, в большинстве случаев владели ателье, лавкой или магазином[27].

По мнению А. Домингеса Ортиса и Бернара Венсана, практически мориски были заняты «во всех профессиях, необходимых для жизни общества» — от сапожника и торговца до врача и книготорговца. Их не было лишь среди мастеров по изготовлению шпаг, чья профессия была монополизирована «старыми христианами». В сфере экономики мориски были продолжателями традиций Аль-Андалуса. И кое-какой опыт в этой сфере они передавали испанцам так же, как это происходило в духовной сфере, например в устном и музыкальном фольклоре, архитектуре, медицине, философии. Об этом свидетельствует обилие арабизмов в испанской и португальской терминологии в области строительства, сельского хозяйства, ирригации, рыболовства, мореходства, военного дела, названий тканей, одежд, различных предметов быта, произведений искусства и т. п. Однако признание заслуг морисков в экономическом развитии Испании произошло лишь через много столетий, да и сейчас, как уже отмечалось, оно разделяется не всеми.

Некоторые испанские авторы отмечают сегодня, что в последние десятилетия XVI в. среди морисков появилось очень много неимущих, разнорабочих и слуг[28]. Это — косвенное свидетельство относительного обнищания морисков и снижения их роли в экономике Испании. Но оно должно быть, по нашему мнению, принято с осторожностью: во-первых, к концу XVI в. общая численность морисков сократилась за счет погибших от репрессий и уехавших в Африку, а среди оставшихся доля бедняков (выселенных из родных мест или как-то иначе наказанных властями, разорившихся и т. п.) неизбежно должна была возрасти; во-вторых, взвинчивание налогов, запреты на многие профессии, разорительные штрафы инквизиции, да и расходы на взятки ее агентам, шантажировавшим морисков угрозами доносов (в том числе — необоснованных), также сделали свое дело. К концу XVI в. община морисков Испании была уже не та, что в начале. И, тем не менее, она продолжала играть весьма существенную роль в хозяйственном развитии королевства. В частности, Б. Венсан отмечает их

большие успехи в разведении скота, производстве молока и сыра, пчеловодстве, в сфере которого они фактически стали монополистами и которое после их изгнания в ряде областей полностью исчезло.

Очевидцы отмечали, что производительность труда морисков как в Гранаде, так и в Арагоне была в 4 раза выше средней по стране. 60 морисков кормились с участка земли, с которого христианам удавалось добыть пропитание лишь для 15 человек. Можно выдвинуть гипотезу (впрочем, многими оспариваемую), что мориски образовали в Испании своего рода эмбрион буржуазии и средних классов рождавшегося нового общества. Но если даже это и так, то дальнейшее развитие их было довольно прочно заблокировано соединенными усилиями монархии, духовенства, дворянства и черни[29].

С определенного времени (примерно с первого десятилетия XVI в.) монархия видела в них исключительно союзников османов и магрибинских корсаров (активность которых достигла апогея именно в XVI–XVII вв.), все время подозревая в измене и тайных заговорах. Духовенство приходило в бешенство, узнавая о тайном исповедании морисками своей веры, о фактическом сохранении ими в подполье организации альхамы и ее духовных лидеров (альфаки), довольно успешно противодействовавших всем попыткам церкви взять морисков под контроль[30]. Дворянство в основной своей массе (за исключением грандов Арагона и Валенсии, отличавшихся «маврофилией»), кичась «чистотой крови» (у многих, особенно на юге Кастилии, в Андалусии и Валенсии, весьма сомнительной), было заинтересовано в бесправии морисков и в натравливании на них черни. В свою очередь, чернь и городские маргиналы в ненависти к морискам, в их преследованиях и в клевете на них как бы получали компенсацию за свою социальную приниженность и нищету, за все свои лишения и страдания. Утешаться оставалось лишь тем, что им, настоящим католикам и испанцам, победителям мавров, все же было отведено на общественной лестнице более высокое место, нежели морискам. В XVI в., считает Бартоломе Беннассар, религия стала своего рода «политическим самосознанием испанского народа».

Хотя, по мнению ряда историков, уровень культуры морисков постепенно снижался, что не удивляет, если принять во внимание постоянные преследования, вырывавшие из их рядов или изгонявшие за рубеж наиболее образованных и подготовленных лиц, в целом они все же опережали в этом отношении «старых христиан», абсолютное большинство которых было неграмотно. Мориски же в основном, пусть и не все, были грамотны по-арабски и многие — по-испански, к тому же владели языком «альхамиадо» для тайного общения друг с другом. Есть много свидетельств о том, что почти каждая городская община морисков имела в своем составе «врачей, аптекарей, писарей» и прочие, по словам А. Домингеса Ортеса и Б. Венсана, «элементы интеллектуальной мелкой буржуазии». Это обстоятельство лишь усиливало недоброжелательство, вызываемое завистью, а также недоверие к морискам: «христианское общество препятствовало развитию этого более чем скромного интеллектуального среднего класса вместо того, чтобы поощрять его». Профессиональные ассоциации не принимали их в свои ряды, а местные кортесы даже запрещали им занимать какие-либо общественные должности, включая «аларифов» (мастеров, знатоков) и «аламинов» (т. е. «ответственных за какое-либо дело служащих»). Даже к врачам-морискам, несмотря на многовековую славу арабской медицины, относились предвзято, приписывая им «колдовство» и «черную магию», рассказывали о них всякие небылицы (например, об умерщвлении ими «хотя бы одного из десяти пациентов-христиан»). Акушеркам-морискам было запрещено работать в Гуадисе в 1554 г., в Куэнке — в 1602 г., в Валенсии в 1601 г. В Севилье в 1584 г. одна из них была повешена. Одного врача из Толедо обвинили в умерщвлении 3048 человек с помощью «ядовитых пауков», другого — в том, что он-де сознательно делал «старых христиан» однорукими, «чтобы они не могли держать оружие».

Все это не могло не привести в конечном счете к нагнетанию взаимного недоверия, ненависти и созданию ложного «образа врага», что должно было предопределить непримиримость и насилие с обеих сторон. А это, в конкретных условиях Испании той эпохи, могло закончиться лишь добровольным или вынужденным исходом морисков с полуострова. У ревностных

католиков, поощряемых инквизицией, все, что было связано с морисками, вызывало неприятие. Они возмущались тем, что мориски без конца мылись (в банях, перед молитвой, руки перед едой), в то время как у «кристианос вьехос» («старых», т. е. «истинных», христиан) это не было принято. Они осуждали обычай морисков красить хной по гигиеническим соображениям ладони и ступни, считая, что это — признак «женоподобия» у мужчин и якобы «чувственности» и даже «развратности» у женщин. Они ревниво следили даже за тем, исполняют ли мориски предписания ислама в неупотреблении вина, соблюдении поста и обычая обрезания, отказа от свинины и вообще от мяса животных, зарезанных неритуальным образом. Особенно часто женщин-морисков секли по приговору трибуналов инквизиции или же во время допросов (с целью вырвать признание) за обмывание ими (в соответствии с обычаем мусульман) тела умершего перед погребением. Доносы (часто не обоснованные) поступали властям в изобилии, стимулируемые не только фанатизмом и жаждой выслужиться, но и завистью: более умеренные в еде и питье мориски (по данным Хулио Каро Барохи, они потребляли на половину меньше, чем «старые христиане») жили, как правило, лучше, ибо были весьма искусны в наиболее доходных ремеслах (ювелирном деле, гончарном искусстве и искусстве декора, производстве оружия и керамики, строительстве), садоводстве, парфюмерии, выделке шелка и тканей, хотя, по словам современников, «гранадские ткани того времени не могли конкурировать с венецианскими». Тем не менее доход от их производства (68 млн. мараведи, т. е. 181 тыс. дукатов в 1568 г.) в одной только Гранаде превосходил весь доход королевской казны области Гранады (26 млн. мараведи в 1571 г.)[31].

Примером благоденствия морисков все источники считают селение Орначос в горах Эстремадуры на юго-западе Испании. С VIII в. здесь поселились мавры из Африки (возможно, берберы, но и арабы), которые принесли с собой ранее невиданные в этих местах культуры цитрусовых, граната, перца, баклажана, грейпфрута. С 1235 г. Орначос стало управляться военно-рыцарским орденом Сантъяго, но с соблюдением права мавров исповедовать ислам и придерживаться своих обычаев.

С 1502 г. местные жители стали морисками, но продолжали экономически процветать. В их собственности к концу XVI в. было до 1 тыс. домов, 645 тыс. акров земли, 1 тыс. виноградников, 256 тыс. акров пахоты, 300 садов, 7 голубятен, 8 мельниц, 150 пасек, 4 дубильни кожи, 19 бюро служащих кабильдо (местного самоуправления) и две адвокатских конторы. Общая стоимость имущества Орначос — 122 300 дукатов. Другой пример зажиточности — 350 семей морисков Гранады, переселенных в Кордову и владевших к 1592 г. имуществом общей стоимостью в 42 025 тыс. дукатов. Среди них выделялись Алонсо Венегас с доходом в 3 тыс. дукатов, Херонимо Паласиос — 7 тыс., Фернандо де Фес Мулей — 8 тыс., Родриго де Мендоса Абенчапела — 25 тыс., Луис Карденас — 50 тыс. дукатов, Фернандо Асейте с зятем, имевшие доход от торговли специями в 2800 дукатов, братья Мигель и Херонимо Лопес, получавшие до 1800 дукатов от торговли шелком. Остальные имели доход около 1 тыс. дукатов или чуть больше. Историки обычно оговаривают «скромность этих цифр», подчеркивая, что они «намного меньше реальных», ибо не включают стоимость мебели, скота, драгоценностей, наличных денег (обычно скрываемых от налоговиков), поступлений от реализации на рынках продукции ремесел сельского хозяйства. Последние обычно были грандиозны: например, некий Висенте де ла Торре из Тосины (близ Севильи), владея виноградниками и оливковыми рощами стоимостью до 10 тыс. дукатов, получал от них доход не менее 2 тыс. дукатов ежегодно. Но так бывало редко. Обычно богатства концентрировались в руках коммерсантов и перекупщиков[32]. Среди них славились братья Беррио, связанные с Генуей.

Перед отъездом из Кастилии в 1610 г. 160 морисков гор. Пастрана продали своим 207 соседям-христианам 130 домов, 105 виноградников, 31 земельный участок, 28 садов, 209 оливковых деревьев, несколько фруктовых деревьев и пасек на общую сумму, примерно равную четверти дохода королевской казны в Гранаде. Но не стоит забывать при этом, что всего из Пастраны были изгнаны 528 семей морисков (2214 чел.). Иными словами, собственностью владели до изгнания не более 8% морисков Пастраны. Эти данные, как и многие другие, под-

утверждают, что мориски вовсе не были поголовно богачами, что среди них, как и среди «старых христиан», малосостоятельные и неимущие также составляли большинство. Но в целом их уровень жизни был выше как ввиду преобладания среди них квалифицированных и умелых мастеров, так и ввиду действия в их среде принципа «садака», требующего от состоятельных мусульман оказывать помощь бедным единоверцам. Играла также свою роль исключительная сплоченность морисков, их внутриобщинная солидарность[33].

Религия, культура и быт морисков

Несмотря на вынужденное крещение и необходимость внешне выполнять все христианские обряды, мориски пытались сохранять свою самобытность и отстаивали ее, часто рискуя при этом даже жизнью. Это, естественно, тормозило их постепенно прогрессировавшую культурно-лингвистическую и бытовую ассимиляцию с испано-католическим окружением, с которым им приходилось, так или иначе, сотрудничать, торговать, вести дела и вообще сталкиваться ежедневно и ежечасно, усваивая при этом язык, культуру, привычки и жизненные стандарты этого окружения. Тем не менее, при всех обстоятельствах, даже самых неблагоприятных, они стремились не допустить утраты своих духовных и социальных ценностей, выработанных еще в Аль-Андалусе. Казалось, что благодаря их усилиям исчезнувшее навсегда общество продолжает жить. Мориски доказали, что они были его достойными наследниками.

Каро Бароха так определил их отличия от «старых христиан»: 1) «религиозное отличие»; 2) «отличие по языку»; 3) «отличие в нравах и обычаях» (в пище, практике гигиены, праздниках, ритуалах и т. д.); 4) «отличие физических черт и темперамента» (в цвете волос, жестах и манерах, что, впрочем, другими историками ставится под сомнение (например, Эваристом Леви-Провансалем). Действительно, часто совершенно

невозможно отличить по «физическим чертам и темпераменту» испанца от магрибинца даже в наши дни. А 400 лет назад это было еще труднее. Однако первые три отличия, несомненно, указаны верно. В качестве еще одной черты самобытности морисков к ним можно добавить их литературу на языке альхамиадо со всеми ее особенностями.

Весьма сложно определить, представителями какой цивилизации были мориски. Цивилизация Аль-Андалуса сама по себе была результатом синтеза многих культур. Став ее бесспорными наследниками, мориски в то же время были приобщены, и не только формально, к христианству и испанской культуре. После 1492 г. ряд крупных купеческих кланов Гранады и представителей мавританской знати полностью «испанизировались». Известно, что по этой причине впоследствии многие мориски в Магрибе были встречены как «чужаки» и вынуждены, подобно Ибн Абд ар-Рафи аль-Андалуси из Мурсии, доказывать свою принадлежность к исламу и благородную арабскую генеалогию. Это не мешало некоторым полностью ассимилировавшимся представителям мавританской знати, как это уже отмечалось выше, не только ссылаться на происхождение от Насридов или других арабских правителей Аль-Андалуса, но и возводить (как, например, Педро де Гранада Венегас) свою родословную к «готским королям Арагона»[34].

Но известно и другое. Целые группы морисков, например Альмерии, признаются исследователями, в первую очередь испанскими, в качестве «прямых наследников мира Насридов», которых насильно крестили, навязывая им немыслимое сосуществование с господствующим миром «старых христиан», что подтверждается источниками, изученными многими испанскими и французскими специалистами[35].

Практически все авторы, включая испанских, констатируют, что морискам, несмотря на преследования и насильственную христианизацию, удалось сохранить «свою религиозную самобытность и основу своей культуры».

Алжирский историк Джамаль Яхьяуи анализирует целую систему предосторожностей, использовавшихся морисками, которые довольно быстро убедились в невозможности какого-либо диалога с инквизицией, искавшей не истину, а лишь «ере-

тиков» (подлинных или мнимых, все равно), в нежелании властей и духовенства уважать гарантии свободы вероисповедания в соответствии с договором 1492 г. и в постоянном провоцировании морисков на нарушение закона путем травли, оскорблений, клеветы и несправедливых решений. Определенную роль сыграла и позиция улемов и прочих духовных авторитетов, в том числе муфтия Орана Ахмеда ибн Джумаа. В соответствии с фетвами (постановлениями) этих авторитетов мориски и выработали тактику своего рода подпольного исповедания ислама, сопровождавшуюся уклонением от сотрудничества с властями и максимальной закрытостью для них внутреннего мира альхам морисков, в которых тайно изучали Коран и слушали проповеди своих альфаки. В какой-то мере коечто удавалось сохранить в тайне еще и благодаря использованию в устном общении и переписке морисков языка альхамиадо[36].

Конечно, далеко не все удавалось скрыть. В рядах морисков находились и предатели, и просто люди не стойкие, не сумевшие противостоять изощренным методам инквизиции. Но в большинстве случаев мориски проявляли стойкость и убежденность в своей правоте. Чтобы лучше понять это, стоит вспомнить, что они принадлежали к среде, по уровню культуры не уступавшей испанцам, даже, пожалуй, их превосходившей, что, конечно, трудно доказать (особенно в свете дискуссий А. Кастро и К. Санчеса-Альборноса).

Вспомним, однако, как Эварист Леви-Провансаль, отмечая, что на всем Арабском Западе «сложилась общая культура в сходной географической среде», подчеркивает, что «арабоиспанская культура» продолжала существовать и в христианской Испании, а затем была перенесена в Марокко и Тунис. Видный испанский ученый Микель де Эпалса называет морисков «религиозным меньшинством, унаследовавшим блеск арабо-мусульманской цивилизации Аль-Андалуса, присутствовавшей на Иберийском полуострове в течение девяти столетий с VIII в. по XVII в.». А британский исследователь Джон Дерек Лэтэм вообще не делает разницы между мусульманами Аль-Андалуса, мудехарами и морисками[37].

Вместе с тем морисков называют и «специфической группой испанского общества», которая, по словам Микеля де Эпалсы, принадлежала к исламу и исламской цивилизации, изъяснялась на испанизированом языке, «подобно тому как это делают ныне 80% мусульман, не являющихся арабами и изъясняющихся на персидском, турецком, урду, хауса и других неарабских языках». По его мнению, мориски «верили в способность ислама ассимилировать, сохраняя арабо-исламскую специфику, ценности неарабских цивилизаций, среди которых в их время наиболее мощной была цивилизация испанского общества XVI века». Германский историк и лингвист Рейнхольд Контци указывает на знание морисками не только кастильского языка, но и арагонского диалекта, не говоря уже о каталанском и языке альхамиадо («аль-джамия», т. е. чужой). Этот язык был как бы специально выработан еще мудехарами на основе слияния арабского и каталанского. По мнению тунисского лингвиста Неджиба Бен Джема, он служил средством общения либо для тех, кто «забыл или уже не знал арабский язык», либо для желавших «утвердить этническую идентичность… и новое исповедание мусульманской веры», обычно — путем изложения ее основ «в переводе на испанский, но в записи арабской графикой». Обычно в этих местах испанская (кастильская, каталанская) лексика была «разбавлена» арабскими терминами и целыми пассажами (например, цитатами из Корана) на арабском языке. Наиболее часто в испанской речи морисков встречались арабские или восходящие к арабскому языку слова «аль-китаб» (книга), «аль-малик» (ангел), «ад-дин» (религия), «ар-рух» (душа, дух), «аль-курси» (трон), «ан-наби» (пророк), «аль-адаб» (воспитание), «фарис» (рыцарь), «рисаля» (послание) и т. п. Но это был «альхамиа калько», т. е. «буквальный», близкий к литературным формам и правилам грамматики обоих языков. В разговоре же использовался «альхамиа вернакула», т. е. «местный» вариант этого языка, основой для которого служили диалектальные формы и арабского, и испанского. При этом мудехары, и особенно мориски были, как правило, многоязычны и, владея и арабским, и испанским, пользовались альхамиадо как своего рода шифром. Это особенно относится к морискам, для которых альхамиадо был как бы язы-

ком подполья. Таким образом, сложность культурно-исторической и социально-лингвистической характеристики морисков дает возможность для выработки самых разных концепций[38].

Заслуживает внимания высказанная еще в 1965 г. точка зрения У. Мантгомери Уотта и П. Какиа, согласно которой культура морисков «была общей материальной культурой Испании, мусульманской настолько же, насколько христианской». Подобным образом эти авторы объясняли неспособность морисков полностью ассимилироваться как среди христиан Испании, так и среди мусульман Северной Африки. Данный вывод нуждается в уточнении. Мы считаем, что именно потому, что культура морисков представляла собой своеобразное единство общих черт мусульманской культуры Арабского Запада, включая Магриб, и христианской культуры Иберийского полуострова, она была способна к ассимиляции и с той и с другой.

В качестве одного из многих примеров этого можно привести эволюцию жилища морисков. По данным археолога Андрэ Баззана, до начала XVII в. ими оставались заселенными многие «алькерия» (арабские селения) на востоке полуострова в районах Валенсии, Гандии, Дении, сохранившие свою топонимику, квадратный план дома с патио и глухими, без окон, стенами, следы старой мусульманской техники постройки, способы работы с камнем, фрагменты керамики XIV–XVI вв. Старый тип селения (крепость над дюжиной очагов) стал исчезать, но около половины их сохранилось. Иными словами, мориски (а также прибывавшие с севера переселенцы-христиане) жили как в старых домах, так и во вновь выстроенных жилищах, напоминавших арабские дома белыми стенами, черепичными крышами, внутренними двориками, синими ставнями и наличниками, фигурными дверными молотками, которые и сейчас можно видеть от Кордовы и Куэнки до Гранады и Севильи[39].

До изгнания морисков из Испании им была свойственна, как пишет Мерседес Гарсиа-Ареналь, «очень высокая степень культурного слияния с обществом большинства». Но после изгнания в полной мере выявилась общность их культуры (при

всех ее специфических чертах) и культуры стран Магриба. Более того, мориски хоть и сохраняли достаточно долго свою специфику, но все же в целом интегрировались в мусульманское общество Магриба, да и других стран ислама, вплоть до Египта, Палестины, Сирии и Турции. Это обстоятельство привело некоторых историков и арабистов мусульманских стран к мнению о морисках как «полностью исламском, традиционном и ортодоксальном сообществе», к отрицанию различий между разными этапами их истории и различными условиями их существования[40].

Реальное положение морисков, однако, было гораздо сложнее. Оно не укладывается в прокрустово ложе какой-либо односторонней, черно-белой характеристики. Достаточно более глубоко вникнуть в религиозную и интеллектуально-духовную жизнь морисков, в их повседневные заботы и социальный быт, чтобы понять это.

Как отмечает историк из Феса Фатима Рашиди, прежде всего надо учесть, что уже мудехары конца XV в., а тем более мориски, подвергались жестокому давлению со стороны испанских властей и духовенства, которые, не ограничиваясь принудительным крещением мусульман, старались всячески унизить и оскорбить ислам, в специальной литературе, церковных проповедях и личных беседах указывая на «ошибки и фальсификации», якобы содержащиеся в Коране, который будто бы записывал со слов Мухаммеда «его секретарь еврей Абдаллах», исказивший все сказанное пророком, дабы «возвысить свою религию». Отсюда, мол, и произошли «многочисленные противоречия в Коране». Не говоря уже о том, что мусульмане знали, что Коран был записан лишь после кончины Мухаммеда; в этой версии, как и в других, они видели лишь оскорбительную провокацию. И поэтому в массе своей отвергали все попытки реально их «христианизировать».

Мориски, по словам Генри Чарлза Ли (одного из первых и лучших в США знатоков их истории и проблематики), «оставались в душе еретиками»: работали во время христианских праздников, соблюдали пятницу более строго, чем воскресенье, а после крещения смывали с младенцев мирру и елей и давали им мусульманские имена. После церковного бракосоче-

тания свадьба у них дома, как правило, справлялась по-мусульмански. В то же время они демонстрировали внешне лояльность властям. Например, брат Боабдиля, ставший после крещения Хуаном де Гранада, был генералом в Кастилии. Но это не спасало от притеснений даже высокопоставленных морисков. Об этом свидетельствует направленная в 1526 г. Карлу V просьба Фернандо Венегаса, Мигеля де Арагона и Диего Лопеса Бенексара (принявших крещение представителей династии Насридов) оградить их от «дурного обращения со стороны судей, священников, альгвасилов и прочих чиновников». Как бы в ответ на это инквизиция добилась в декабре 1526 г. издания так называемого Гранадского эдикта, запрещавшего в Гранаде говорить по-арабски, одеваться по-мусульмански, носить мавританские украшения и вышивки, посещать мавританские бани. Запрещалось давать детям мусульманские имена, носить оружие (хотя именно мудехары были самыми искусными мастерами-оружейниками). Правда, позже Карл V отложил введение в действие этого декрета на 40 лет.

Несмотря на усилия властей ассимилировать морисков и свести к минимуму, если не уничтожить полностью их этнокультурную самобытность, многое отличало морисков от испанцев. Вплоть до изгнания они предпочитали одеваться по-своему (носили своего рода туники или расширявшиеся книзу цветастые блузы, кафтаны «альхуба», особые шерстяные шапки, длиннополые балахоны «альмалафа», бурнусы, обувь из тонкой кожи на пробковой подошве или холщевые туфли, всего — до 120 специфических предметов одежды), говорить по-своему (или на альхамиадо, или на собственном, синтаксически и лексически измененном, варианте кастильского, иногда — смеси каталанского с валенсианским диалектом) и соблюдать традиционные пищевые запреты. Впрочем, некоторые из этих запретов нарушались, и христиане, в том числе известный драматург Лопе де Вега, нередко шутили по поводу пристрастия некоторых морисков к выпивке (это было несправедливо, так как мориски, в отличие от арабов Аль-Андалуса, очень жестко выполняли, хоть и старались это скрыть, предписания ислама). Как правило, мориски женились на женщинах из своей

среды и были многодетны, что, кстати, вызывало беспокойство и властей, и самых разных кругов испанского общества. Мориски придавали большое значение всякого рода представлениям театрального характера, искусству музыкантов, костюмированным танцам, причем танцевали они с «легкостью и грацией». Адриен Роиг (университет Поля Валери в Монпелье) чрезвычайно высоко оценивает «эстетические и артистические способности» морисков, особенно их дар «поэтической импровизации».

Мориски предпочитали строить свои деревни на возвышенных местах или у подножья гор. Улицы были тесными, дома — небольшими и внешне предельно простыми, но внутри исключительно чистыми. Некоторые деревни близ Малаги или Гранады напоминали селения области Риф на севере Марокко. Из профессий мориски особенно ценили ремесло каменщиков, которые объединялись в братства, были умелы и не брали дорого за свою работу. Но немало было среди них и погонщиков мулов, продавцов амулетов. Поскольку их профессии были связаны с передвижением, что затрудняло контроль за ними, им стали приписывать разбой на дорогах, в котором они были повинны не больше, чем прочие жители страны. Среди «старых христиан» пользовались известностью мориски-гончары и музыканты, а некоторые музыкальные инструменты (например, лютня) использовались только морисками. Славились они также как красильщики, которые соединялись в солидную корпорацию, декораторы и керамисты.

Им в высшей степени было присуще чувство коллективизма. Поэтому они редко говорили о себе в первом лице, предпочитая выражения «мы считаем», «мы думаем», «мы храним», « мы хотим». Очевидно, обстановка в стране задолго до их изгнания способствовала их пессимистическому взгляду на будущее, в связи с чем они называли «нашей землей» не Испанию, а страны ислама. И когда изгнание все же свершилось, некоторые из них (но не большинство) восприняли эту новость с «печалью», но одновременно радуясь тому, что они поедут в «нашу землю»[41].

Доклады Хуана Аранды Донсела, Долорес Брамон, Рафаэля Каррaско, Микеля де Эпалсы, Мухаммеда Хатамлы, Хедии

Хадар и других исследователей на 3-м симпозиуме по изучению морисков в 1987 г. в Хаммамете (Тунис) свидетельствуют, что мориски все же первое время всерьез приняли решение Карла V и воспользовались им в полной мере и даже более того. Например, альхамы Валенсии «не шли на авантюры» (до поры до времени, а именно — до 1580 г.), надеясь, что их не тронут ввиду многочисленности местных морисков и важности их роли в экономике. Избегая конфликтов с властями, они пытались опираться на помощь местных сеньоров и даже духовенства, стоявших на страже соблюдения всех фуэрос (в том числе — дарованных морискам) и старавшихся не допустить их нарушения ввиду опасности в этом случае распространения на Валенсию и вообще весь Арагон «централизованной власти кастильцев». При этом альхамы вполне легально содержали своих альфаки, аль-аминов (ответственных за те или иные вопросы), аль-кади (судей), акушерок и мясников (каковыми по закону могли быть только христиане). За счет альхам функционировали мавританские бани, кладбища, залы для молитв (заменившие мечети). Позже, когда давление на них усилилось, они стали создавать тайные вооруженные группы «под эгидой наиболее влиятельных богачей, близких к Алжиру», связь с которым хоть и с трудом, но все же поддерживалась по морю.

Религиозная солидарность, запрятанная в глубокое подполье, естественно, не афишировалась, но была, по мнению Р. Карраско, «самой основой социальной сплоченности морисков», а защита ее традиций — «самой почетной задачей альхамы». Ради нее шли на любые расходы. У наиболее богатых и многолюдных общин расходы были еще больше, ибо они «платили специальный налог» османскому правительству, «высылавшийся на Восток с огромным риском и тысячами предосторожностей». К этому стоит добавить постоянные траты морисков на подкуп «агента инквизиции, члена муниципальной милиции, альгвасила, священника, нотариуса» и т. п. И все это — помимо многих «законных» налогов и податей, взимавшихся государством[42].

Одной из форм солидарности морисков стало соблюдение ими «центрального элемента мусульманского календаря» — поста рамадан. И как бы они ни маскировали свои действия,

христиане (а особенно шпионы и добровольные доносчики инквизиции), конечно, обращали внимание на то, что во время рамадана мориски воздерживались от пищи днем, принимая ее лишь до восхода и после захода солнца, при этом обычно ограничиваясь лепешками с оливками и сыром. Пост заканчивался «малым праздником» (ыд ас-сагыр), когда полагалось заботиться о бедных. Другой праздник (ыд аль-кебир) христиане называли «бараньей пасхой», так как в это время мориски резали животных, обычно баранов, в память о жертвоприношении Ибрахима (у христиан — Авраама). Были и другие праздники (например, «день пророков» через 40 дней после «бараньей пасхи»), во время которых у морисков было принято в полдень молиться под руководством альфаки, менять нижнее белье и собираться на совместные трапезы, сопровождавшиеся танцами и пением. При рождении ребенка ему на 6-й день вешали на шею амулет со стихами из Корана, давали мусульманское имя и приносили в жертву животное. На 8-й день проводили обряд обрезания, но в большинстве случаев его откладывали до возраста 8 лет. Брачная церемония сопровождалась «обрядом очищения» (мориски вообще часто мылись по любому поводу), после чего новобрачная вводилась в дом будущего супруга. При похоронах мориска тело умершего обязательно обмывали, одновременно читая над ним молитвы из Корана, и хоронили в его лучшей одежде за пределами селения. На могиле оставляли воду, хлеб и кисть сухого винограда. Мориски не пили вина, не ели мясо свиней, а также репу, редьку и морковь как якобы «свинячий корм».

Баня у них, по мнению Мерседес Гарсиа-Ареналь, считалась своего рода знаком «культурной идентичности». Встав на заре, мориск должен был совершать омовение перед первой молитвой. Рот они полоскали после каждого приема пищи. Вода для ритуального омовения должна была быть чистой, без всяких примесей. Разумеется, все это тщательно скрывали от «старых христиан», подпольно распространяя священные тексты и указания альфаки. Но, конечно, скрыть все было достаточно трудно. Тем более что за морисками не просто следили, а тщательно их выслеживали, выискивая любое действие, которое могло быть истолковано как их приверженность исламу.

Правда, первое время (при Карле V) королевская власть не всегда проявляла жестокость в отношении морисков, изобличенных в «измене христианству», и даже среди архиепископов и прочих служителей церкви находились люди, осуждавшие нарушение властями условий капитуляции Гранады в 1492 г. и даже говорившие: «в их неверности виноваты мы сами». В Тортосе наследный принц Филипп (будущий король) даже основал в 1544 г. специальный колледж для «обучения детей новых христиан».

Религиозные различия, несмотря на формальное крещение морисков, фактически сохранялись и даже подогревались не прекращавшейся полемикой мусульманских и христианских теологов. Книги с резкой критикой Корана и прямыми оскорблениями в адрес пророка Мухаммеда издавались в 1500–1502 гг., 1515 г., 1519 г., 1528 г., 1532 г., 1537 г., 1560 г. В ходе антимусульманской кампании были попытки действительно сделать из морисков настоящих христиан, но удалось лишь научить многих из них читать «Отче наш» или «Аве Мария». Евангелие и катехизис мориски знали плохо или вообще не знали, за исключением части младшего поколения, которая твердила их с детских лет в специально созданных школах. С 1525 г. активно заработали миссионеры, в том числе знавшие арабский язык (обычно францисканцы из Андалусии). Они действовали во всех областях королевства, но особенно в Валенсии и Гранаде, вплоть до 1606 г. Среди них больше преуспели иезуиты, даже принимавшие морисков в свои ряды. Из них наиболее известен падре Франсиско Альботодо, сын кузнеца и выпускник колледжа Святого Михаила. Став иезуитом в 1558 г., он довольно успешно обучал «на арабском языке своих бывших единоверцев и достиг некоторых результатов». Но так было далеко не везде. Кроме того, все авторы отмечают, что мориски в христианских школах усваивали «довольно поверхностно» лишь самые общие принципы католицизма.

Даже внешне «христианизированные» мориски, как правило, оставались людьми двойной культуры. Пример: несмотря на запрет литературы по исламу с 1511 г., в 1570 г. в Альбайсине были найдены 60 экземпляров Корана. Такие же находки были обнаружены в Малаге, Аркос де Халоне и во многих дру-

гих местах. Можно не сомневаться, что еще больше морискам удалось утаить от инквизиции и полиции. Еще чаще мориски нарушали прочие запреты (например, на соблюдение их обычаев, праздников и т. п.). Некоторая терпимость властей в таких случаях имела свои причины.

Гранды и сеньоры, чьими вассалами во многих случаях были мориски Арагона, Валенсии, Наварры, получали с них значительные доходы. В ответ они закрывали глаза на употребление в среде морисков арабского языка, мусульманских имен и одежды, на наличие полуподпольных мечетей, мавританских бань и кладбищ, на обучение детей арабскому языку, на шумные танцы «самбрас» (впоследствии заимствованные у морисков цыганами), на празднование морисками по старым обычаям дней рождения, обрезания, свадеб и даже мусульманского поста рамадан. Иногда сеньоры просто не пускали агентов инквизиции в деревни морисков. Только в 1570 г. инквизиция приговорила к крупным штрафам за такое пособничество морискам видных аристократов области: дон Луис Паллас потерял при этом половину своего состояния, дон Санчо де Кардона — 2 тыс. дукатов, дон Педро де Ла Каста — 4500 дукатов, дон Луис Кастелви — 500. Пострадали и другие сеньоры. Но не очень, так как в большинстве случаев все эти суммы выплачивали альхамы. Всего в 1566–1609 гг. мориски Валенсии выплатили инквизиции 225 619 дукатов, т. е. в 8 раз больше, чем все остальные жители Испании.

Это говорит и о наибольшем сопротивлении местных морисков нажиму на них инквизиторов и монархии Габсбургов, а также — об их более высокой зажиточности по сравнению с морисками других частей королевства. Составляя треть населения области, они занимали труднодоступные горные районы или же богатые кварталы таких значительных городов, как Валенсия, Хатива, Альсира, Кастейон. Карл V никогда не забывал, что именно в Валенсии насильственная христианизация в 1521–1525 гг. встретила жесткий отпор: 4 тыс. морисков селения Бану аль-Вазир близ города Сегорве восстали и ушли в горы Сьерра Эспадан. Их возглавил Карбальо, принявший псевдоним Салим аль-Мансор. Император бросил против них 30 тыс. солдат во главе с герцогом Сегорве, поддержанных

вскоре немецким корпусом Рокандольфа. Атакованные с четырех сторон повстанцы были разбиты. Из них 2 тыс. человек погибли, включая аль-Мансора. Откликом на этот мятеж стал менее значительный бунт в Арагоне, тоже вскоре усмиренный.

Карл V, сам признававший, что обращение в христианство произошло не по «полной воле» (!) морисков, знал, конечно, что оно было всюду «поспешным, поверхностным, часто — без знания «крестителями» арабского языка, традиций и религии мусульман. К тому же сеньоры не были в этом заинтересованы, как и суды (и даже многие агенты инквизиции!), наживавшиеся на штрафах за нарушение предписаний христианской веры. Часть морисков, как считает Мигель Анхель Ладеро Кесада, приняла христианство «по доброй воле и без принуждения». Известны даже иезуиты из числа морисков — Альботодо, Иеронимо де Мур. Но большинство их все же, как писал папе Клименту VIII Игнасио де Лас Касас (мориск из Гранады, ставший иезуитом, известным миссионером и переводчиком), было «крещено, но не обращено в христианство»[43].

Более того, он считал, что мудехары, «бывшие вернейшими друзьями христиан, после крещения превратились в их злейших врагов». Положение, по его мнению, лишь ухудшило лишение морисков оружия и запрет им иметь рабов, даже африканцев. Сам Лас Касас много сделал для ассимиляции морисков, даже отмечал, что в Арагоне и Кастилии они почти не отличаются от «старых христиан», чего нельзя сказать о морисках Валенсии и Гранады. Он не мог не признать, что ассимиляции мешает во многом политика самой инквизиции, предпочитавшей практику часто необоснованных доносов, штрафов и конфискации имущества морисков. Вследствие этого мориски, даже полуассимилированные, останавливались на полпути и искали контактов с «турками, берберами и гугенотами Беарна». В этих условиях бесполезны были создававшиеся иезуитами коллегии для морисков Валенсии, Гандии, Гранады и Тортосы (с целью формирования из них руководящих кадров и католических священников), их протесты против закона о «чистоте крови» и даже налаживание ими взаимопонимания с морисками Альбайсина[44].

Религиозная жизнь морисков до сих пор является предметом изучения и в Испании, и во Франции, и в арабских странах. Но почти все публикации на эту тему опираются на изданную еще в начале XX в. монографию арагонского историка Педро Лонгаса, впервые широко использовавшего собрания рукописей на альхамиадо в разных библиотеках Испании, архивы инквизиции и вообще почти все написанное о морисках в XVI–XIX вв. М. Гарсиа-Ареналь считает труд Лонгаса «одной из лучших и наиболее документированных работ по данной теме до сегодняшнего дня» (написано это было в 1975 г.). В разное время эту книгу высоко оценили Анхель Гонсалес Паленсия, Хулио Каро Бароха и другие известные ученые. В ней впервые детально охарактеризованы разные направления историографии морисков, дана критика многообразных точек зрения, рассмотрены, помимо религиозной жизни морисков как таковой, приписывавшиеся им «волшебства», «колдовство», «предрассудки» и т. п.

Лонгас установил, что мориски, формально не соблюдая мусульманский пост рамадан, на деле старались в 9-й месяц лунного календаря не есть днем, ограничиваясь одной или двумя трапезами между заходом и восходом солнца. Они фактически отмечали («по мере возможности») и другие праздники ислама, в частности собирались на совместные трапезы с пением и танцами по завершении поста, подавали милостыню бедным единоверцам, по пятницам старались поститься и молиться под руководством альфаки. При рождении младенца соблюдалась церемония «фада»: проводилось очищение (мытье) новорожденного на 6-й день жизни, его украшали амулетами со стихами из Корана и давали мусульманское имя. Приносилось при этом в жертву животное, а ребенок впоследствии привыкал к тому, что для испанцев он (к примеру) — Диего, а для своих — Али бен Мухаммед из клана Бану Зияд. Это было важно для морисков, не желавших терять своих корней. На 8-й день (но иногда — на 8-й только год) проводился обряд обрезания. Когда мориск умирал, его тело обмывали ароматной водой, одевали в лучшее платье и читали над ним молитвы из Корана, а затем хоронили на кладбище вне селения.

Пищевые запреты тоже носили религиозный характер: нельзя было есть свинину и пить вино. В целом мориски старались соблюдать, насколько это было возможно, все религиозные обязанности мусульман, придавая большое значение соблюдению поста, омовениям, милостыне и молитве. И в этом не было ничего удивительного. Вопреки всем угрозам и опасности для жизни, связанным с демонстрацией своей верности исламу, мориски в большинстве случаев шли на это без колебаний[45].

Материалы некоторых трибуналов инквизиции (в частности, процесса Херонимо Пинтора из Аркоса) доказывают наличие у морисков собственного календаря, составленного с учетом предписаний Корана и с обширными цитатами из него и с названиями месяцев и праздничных дней традиционного для мусульман летоисчисления хиджры. Разумеется, такие календари существовали подпольно, и арабские названия (например, «лайлат аль-кадр» — ночь судьбы) чередовались в тексте на альхамиадо с испанскими «паскуа де аллегриа» — «праздник радости». Отмеченный Леонардом Харвеем «лингвистический гибридизм» был свойствен и священным, и обычным, более «земным», текстам морисков, отражая своего рода их промежуточное, переходное состояние между еще не утраченной арабской и вновь приобретенной испанской культурой. Впрочем, степень этой приобретенности была различной и к настоящему времени изучена недостаточно. Известно, что среди морисков были и полностью ассимилированные испанским влиянием, и те, кто «стал испанцем» лишь наполовину, на четверть и т.д.

Сама обстановка недоверия, подозрений, презрения и ненависти, нагнетавшаяся вокруг морисков их недругами, мало способствовала тому, чтобы их христианизация была бы искренней. Поэтому-то историки и уделяют много внимания таким персонам, как Лас Касас, Алонсо дель Кастильо или Мигель де Луна, действительно глубоко ассимилированным мориска м, служившим переводчиками при дворе Филиппа II, выполнявшим его не всегда безобидные для интересов их общины задания и оставившим некоторые рукописи, имеющие определенное значение для истории. Они, однако, были фактиче-

ски изолированы от основной массы морисков и жили не ее интересами, а таковыми королевского двора и церкви. Поэтому их называли «мориски без будущего»[46].

Тем не менее, тенденции к ассимиляции в среде морисков имели место. Лишь немногие из них сохранили (например, Фарадж Абенфарадж) мусульманские имена. Не больше было и тех, кто принял испанские имя и фамилию (как Мигель де Рохас и т. п.). Но очень многие сочетали испанские имена и мусульманские фамилии или наоборот: Диего Лопес Абенабо (т.е. Бен Абу) или Франсиско Нуньес Мулей. Другие же, формально «испанизировавшись», назывались по месту рождения. Их именовали «люди с прозвищем». Но они при этом не забывали о своих корнях, как Эрнандо де Валор, известный всем как «глава Абенумейя», т. е. потомков рода Омейядов. На такие вещи, как и на заявления о верности христианству, среди морисков смотрели спокойно, как на необходимую формальность.

Бывали и исключения из правил. В Альпухарре мориски убили Инес де Сенеда, вдову мориска, которая «не хотела быть мавританкой, как они», говорила, что как христианка «не желала бы большего, чем умереть за Иисуса Христа». За это же убили Каталину де Арройо, мать католического священника. Избежала этой участи лишь третья женщина из морисков Альпухарры, так как ее сын, падре Торрихос, был посредником в переговорах между морисками и «старыми христианами». Но две других женщины из местных морисков все же были позже убиты при сходных обстоятельствах. Дело в том, что «старые христиане» могли жениться на женщинах-морисках, формально являвшихся христианками. Поэтому нередко «старый христианин и вдобавок идальго» оказывался «сыном матери из морисков и внуком мориска», ибо у испанцев (как и у арабов) принимались во внимание происхождение по мужской линии и религиозная принадлежность отца. Мориски, особенно во время мятежей, всяких неурядиц и столкновений с властями, женщин из своей среды, оказавшихся в подобных семьях, считали предательницами[47].

Реально религиозные различия существовали. Например, мориск пользовался христианским календарем, но делал в нем

такого рода записи: «Мой сын Али родился в 17-ю пятницу такого-то года согласно календарю неверных христиан». Для них Адам, Авраам, Ной, Моисей и даже Александр Македонский были мусульманами, а Иисус Христос — хоть и один из пророков, но всего лишь человек. В широко распространенной среди них литературе на языке альхамиадо главными сюжетами были биографии пророка Мухаммеда, подвиги деятелей ислама и некоторых арабов доисламской эпохи. Их исторические представления были вполне в духе религиозных взглядов мусульманских традиционалистов. Сочетаясь с представлениями, почерпнутыми у христиан, мировоззрение морисков приобретало оригинальный, сложный и эклектичный характер.

Они отвергали поклонение иконам, статуям святых и любым их изображениям, считая это идолопоклонством. Это совпадало с взглядами протестантов, что лишь ухудшало положение морисков. Наряду с этим их самих обвиняли в поклонении (явно вымышленном) «золотым бюстам» пророка Мухаммеда, в отрицании божественности Троицы и отказе целовать распятие. Им приписывали даже элементы шиизма в их религиозной жизни, в частности приверженность принципу «такия». Различны были также взгляды христиан и морисков на пророков[48].

Несмотря на засилье инквизиции, мориски даже ухитрялись вести полемику с христианами по религиозным вопросам. И хотя, как пишет Ф. Бродель, «антихристианская полемика морисков оставалась рукописной, подпольной и лишь случайно сохранилась», она имела последствия: большинство морисков оставались в твердом убеждении, что «настоящие христиане должны быть мусульманами», что Бог един и не может быть человеком (т.е. они отрицали догматы о Христе как богочеловеке и о святой Троице). В этих аргументах не было ничего нового с эпохи борьбы раннего христианства с ересью ариан. Были даже католики, ставшие под их влиянием ренегатами (например, доктор теологии Хуан Алонсо Арагонес, бежавший после перехода в ислам из Андалусии в Тетуан, а потом — в Тунис). Скрытая (до поры до времени) борьба отравляла отношения общин. Христиане, преисполненные после 1492 г. «ложной самоуверенности», реагировали на аргументы морисков «презрением» (тем более что чаще всего на улице их вы-

сказывали женщины морисков), а те ссылались на произведения мусульманских теологов и улемов, особенно философов и мыслителей Аль-Андалуса, в частности Ибн Хазма. Как считает Луи Кардайяк, это негативно сказывалось на повседневных отношениях христиан и морисков, в которых с самого начала «соседствовали дружба и предательство, верность и обман, навязывание силой чужой веры и религиозная непримиримость»[49].

Сближаясь в быту, торговле, различных видах совместной деятельности, обе стороны в то же время отчуждались друг от друга, сталкиваясь с совершенно иными привычками, взглядами, предрассудками и предубеждениями представителя другой общины. Христиане осуждали морисков за частое незнание церковных обрядов, текста молитв, за нежелание сидеть в кресле или за столом (а не на ковре и циновке), есть суп со свининой, за стремление отмалчиваться, когда при них ругали ислам (впрочем, это было редко). Все это считалось предосудительным и могло стать поводом для доноса в инквизицию. Впрочем, поводы были разные. Один мориск, рыбак из Малаги, получил 100 ударов за то, что счел дорогой плату в 1 реал за мессу, тогда как раньше платили по полреала. Так же наказали рабыню, которая, оступившись, невольно воскликнула: «Магомет!» Одна женщина подверглась наказанию за пожелание «святого причастия» своему больному ослу, а другая — за жалобу на тяжесть статуи Христа, которую надо было нести во время религиозной процессии. Тем более наказывали тех, кто называл христиан «варварами» или надеялся стать вновь или хотя бы «умереть мавром».

Про морисков распускали слухи, что они якобы воруют детей христиан для воспитания их в духе ислама, тайно вооружаются (со временем это перестало быть только слухом), проклинают христиан в своих молитвах и даже ухитряются ездить в Мекку, строго соблюдают пищевые запреты. Этому способствовали действительно проводившиеся ими по ночам сборища с песнями, танцами и едой «по-своему», хотя только за приготовление кускуса (арабского национального блюда) можно было попасть в инквизицию. Замечено было также, что часто они младенца после крещения отмывали горячей водой и нарекали

арабским именем, а в церкви во время мессы не слушали священников и даже иногда развлекались. В одной из рукописей на альхамиадо, найденной в Арагоне, грозили адом тем морискам, которые дружили с христианами более 40 дней[50].

Однако политика властей не была постоянной. Нуждаясь в деньгах, король и инквизиция иногда «прощали» морискам их «прегрешения» при условии всего лишь их «самокритики», т. е. духовного покаяния. Прощали (но только до 1561 г.) даже уехавших в Магриб, лишь бы они вернулись, так как среди них были хорошие мастера весьма доходных профессий (ювелиры, часовщики, оружейники и прочие). Кроме того, Карл V даже законодательно пытался предписать «мягкий курс» в отношении морисков. Стремясь не донимать их и даже некоторым образом «умиротворить» в первые годы после насильственного крещения, он заключил в 1522 г. в Толедо конкордат с альхамами Валенсии, по которому инквизиция обязывалась не вмешиваться, если мориски допускали «ошибки, происходящие от их традиционных обычаев, за исключением открыто мусульманских церемоний». И хотя впоследствии инквизиция часто нарушала это обещание, поначалу казалось, что диалог возможен.

Это связано было во многом с внешней политикой Карла V, желавшего избежать внутренних неурядиц, одновременно воюя с Османской империей, государствами Магриба, Францией, индейцами Америки. Лояльность многих мудехаров в той же Валенсии (но — до крещения), возможно, порождала у короля иллюзию покорности и «умиротворенности» морисков, которых в начале XVI в. было свыше полумиллиона, т. е. более 5% населения страны.

Это объясняет необъяснимые на первый взгляд королевские указы 1545 г. и 1558 г., как и папские постановления от 1556 г. и 1561 г. о помиловании приговоренных и освобождении их от всех наказаний. Но при этом им не доверяли и их никогда не допускали ни к каким-либо почетным должностям, ни к любым постам, требовавшим доказательств «чистоты крови». Однако инквизиция, как это ни странно, зачисляла «проверенных» морисков на службу в свой аппарат! Что не мешало ей карать их наряду с прочими «еретиками». К примеру, в

1560 г. в Мурсии инквизицией были наказаны 52 человека (22 — за тайное «иудейство», 16 — за «магометанство, 7 — за полигамию, т. е. тоже практически за «магометанство», 5 — за лютеранство, 2 — за богохульство).

Инквизиторы не всегда зверствовали. Иногда они не пытали, не казнили и не жгли морисков, а приговаривали их к «недееспособности», т. е. запрещали им ездить верхом, носить драгоценности (обычно — женщинам), прогуливаться по улице и т. п. Так поступали с теми, кого лишь в чем-то подозревали. Но подозревать можно было всех! Поэтому обычной практикой были обыски морисков прямо на улице с полным раздеванием и последующим обвинением в «магометанстве», поскольку большинство морисков и после крещения подвергались обрезанию (оно было запрещено инквизицией, равно как и употребление арабских имен и работа в христианские праздники, только в 1559 г.). Шпионы инквизиции выискивали, обычно среди цирюльников и портных, тех, кто проводил операции обрезания (их штрафовали, бросали в тюрьму, реже — жгли на кострах), доносили, что торговцы-мориски в Арагоне провозят среди фруктов и прочих товаров запрещенные книги и тексты морисков, что мориски Куэнки получают такие книги из Валенсии, а из Толедо к ним под видом народных лекарей приезжают учителя, обучающие исламу и арабскому языку. Были случаи, когда богатые мориски (например, скотовладелец Факине в Валенсии в 1605 г.) обращали в ислам своих слуг-христиан[51].

Мориски считали трибуналы инквизиции «судом дьявола», обвиняли их в «варварстве» и «корыстолюбии». Когда на попросившего милостыню мориска спустили собак, он закричал: «Закон христиан — это закон собак!» Другой мориск заявил, что кастильцы произошли от Каина, а его собратья — от Авеля. Говоря о спасении души, многие мориски верили, что в рай попадет лишь соблюдающий рамадан, а в ад — следующий «слепому закону Назара», т. е. учению назаретянина Христа. Будучи в курсе разногласий между католиками и протестантами, мориски приняли сторону последних, осуждая «папистов» за «покупку спасения» (т.е. продажу индульгенций) и «идолопоклонство» (поклонение иконам). Эту позицию им фактиче-

ски подсказал и как бы освятил своим авторитетом в обращении 1504 г. муфтий Орана Ахмед ибн Джумаа. Но мориски и сами многое знали из протестантских книг, пересылавшихся им из Англии, и иногда пользовались аргументами протестантов, особенно — об отсутствии у церковников исключительного права на толкование Священного Писания, в понимании которого мориски считали себя близкими к иудеям.

Впрочем, они нередко открыто признавали себя мусульманами. И даже сочувствовавший им Мигель Сервантес писал: «Хорошо, если из большого их количества найдется хоть один, кто верит в безусловную правильность священного христианского закона».

Опасаясь сближения морисков с протестантами, инквизиция доносила королю о бегстве многих морисков в Беарн (на юго-западе Франции), «где много лютеран» (на самом деле — гугенотов). Одно время вождь гугенотов Генрих Наваррский серьезно думал использовать поддержку морисков, которые надеялись на него даже после его перехода в католицизм с целью занять французский престол. В 1602 г. они обратились к нему от имени «76 тыс. домов» Валенсии, клялись признавать «только волю Вашего королевского величества короля Франции» и обещали прислать в помощь ему 60 тыс. человек[52]. Были случаи перехода морисков в протестантство (например, кузнеца Гонсало Эль Кордо в г. Альмагро в 1578 г.). В Севилье в 1559 г. был сожжен на костре вместе с двумя своими сестрами священник-мориск Хуан Гонсалес, ставший протестантским проповедником. Лютеранство принял и мориск-монах Касиодоро де ла Рейна, окончивший до этого католический университет. О том, что мориски согласны были стать протестантами, дабы освободиться от власти испанцев с помощью Генриха Наваррского, писал в своих мемуарах знаменитый соратник Генриха и его министр Сюлли.

При всей жесткости религиозного единообразия в Испании XVI в. не стоит забывать, что там имелись и традиции иного рода. Известно, что в Арагоне, в 30 км от Лериды, существовал один из центров альбигойской ереси, связанный с альбигойцами Лангедока и, одновременно, с мосарабами. Его основал еще в 1122 г. аквитанец Педро де Брюйс, учивший, что креститься

надо только в «разумном» возрасте, что «церкви, алтари и иконы не нужны», что надо отменить обряды и дисциплину духовенства и не платить церкви десятину от доходов верующих. Это учение получило поддержку мосарабов при нейтралитете королей Арагона, только что (в 1118 г.) завоевавших Сарагосу и заинтересованных в лояльности местных мосарабов. Однако усилиями папы римского и французских крестоносцев альбигойцы были разгромлены к 1253 г., несмотря на поддержку короля Арагона. Свыше 100 тыс. из них были принуждены отречься от своей веры под давлением армий и духовенства Франции и соперничавшей с Арагоном тогда Кастилии. Тем не менее община мосарабов сохранилась и в дальнейшем, несмотря на разногласия с римско-католической церковью, не преследовалась. Более того, сам кардинал Сиснерос признал ее «образцовой защитницей католической веры на мусульманских территориях». Мориски, естественно, знали об особом положении мосарабов[53].

Все возраставшая нелояльность и даже враждебность морисков властям Мадрида далеко не всегда вызывались политикой королевского двора и вообще верхушки испанского общества. Известно, что многие гранды и сеньоры, особенно в Каталонии и Валенсии, столь рьяно заступались за морисков, даже обвиненных инквизицией в ереси, что это вызывало недовольство христианских «низов». Отражая их настроения, кортесы Валенсии в 1542 г. приняли специальное решение, обязывавшее сеньоров не защищать «еретиков». Но, наряду с этим, какое-то время действовали обещания Карла V, разрешавшего морискам Гранады и Валенсии говорить по-арабски и одеваться по-мусульмански, признавшего ранее заключенные ими браки (иногда — с родственниками, что церковью запрещалось), а также — налоговое равенство морисков со «старыми христианами» и выплату альфаки, принявшим христианство, денежного возмещения, в том числе и за имущество закрытых мечетей, переданное церкви[54].

Однако противники морисков использовали любой повод для нарушения королевских обещаний. В частности, инквизиция продолжала, после некоторого перерыва, их преследовать (с 1528 г. в Валенсии, с 1529 г. — в Гранаде). С 1532 г. нача-

лось наступление на обычаи и праздники морисков Гранады. В частности, им стали запрещать их танец «самбра», одновременно заставляя тщательно изучать Евангелие и катехизис. Этому примеру последовали кортесы Сеговии и Вальядолида в Кастилии, а также — в Монсоне (Арагон) в 1537 г. Многие прелаты (Антонио де Гевара, Гаспар де Авалос, Мартин Перес де Айяла и др.) искренне стремились «христианизировать» и ассимилировать морисков. Но обычно это не встречало понимания ни у большинства морисков, особенно — малосостоятельной их части, ни у основной массы «старых христиан», не доверявших морискам, остерегавшихся их и подозревавших в «измене Богу и королю». К тому же неудачи испанцев в борьбе с османами, отвоевавшими у Карла V Триполи (1557 г.), Биджайю (1555 г.) и ряд других опорных баз в Средиземном море, усилили предубеждения против морисков как «внутренней мусульманской пятой колонны, способной поддерживать атаку врага». Тем более что контакты некоторых морисков Гранады и Валенсии со Стамбулом были известны давно, а в 60-е гг. XVI в. стали известны также тексты обращения морисков Гранады к султану Сулейману Кануни осенью 1541 г. с просьбой о помощи, а также — проекты союза османов и Марокко против Испании[55].

Кроме того, среди морисков очень многочисленны были, особенно в прибрежных районах, бандиты, разбойники, пираты и грабители. Это объяснялось последствиями десятилетнего хаоса и непрерывной войны 1482–1492 гг., маргинализацией многих мусульман, покинувших свои дома, но не сумевших выехать в Африку, последующими преследованиями мудехаров и морисков, вынуждавшими их бороться за свои права незаконными методами. Внешние факторы также играли свою роль: в Арагоне, например, в 1564–1566 гг. наблюдался подъем бандитизма (всякого, не только со стороны морисков), поддержанного французскими гугенотами, а косвенно — и дворянами Валенсии, использовавшими шайки своих вассалов-морисков для сведения личных счетов. На юге страны регулярные войска вели трудную борьбу с разбойниками-морисками, вроде Эль Партала или Гонсало Эль Сениса, буквально терроризировавшими христианское население в 1566–1568 гг. В области Ва-

ленсии вице-король (область еще долго называлась королевством) 20 июня 1560 г. даже запретил морискам ловлю рыбы в море, подозревая их в «сообщничестве с пиратами» Магриба.

Стойкость морисков в отстаивании своей самобытности и религиозной идентичности, как бы они ее ни прятали, возможно частично объясняется наличием «элементов шиизма» в их духовной культуре. По данным Майкла Маклэйна, мориски унаследовали эти элементы от Аль-Андалуса, в котором было заметно персидское влияние в ряде обычаев, манере поведения, музыке, даже в названиях праздников («Новруз» — Новый год, «михраджан» — праздник начала лета), в почитании Фатимы и ее сына имама Хусейна ибн Али — главного мученика шиитов, Али ибн Аби Талиба — последнего «праведного» халифа и первого имама шиитов. Маклэйн подчеркивает связь с шиизмом почти всех суфиев Аль-Андалуса как своего рода их оппозицию правлению Омейядов в Кордове, а потом — Альморавидов, фанатичных суннитов, плохо принятых андалусийцами. В дальнейшем влияние шиизма было значительно среди мусульман Гранады. После принудительного крещения всеми ими была воспринята шиитская практика «такия». Собственно, мориски Гранады (а вслед за ними и более лояльные мориски Арагона и Кастилии) в основной своей массе считали свое положение пребыванием в состоянии «такия», от которого большинство из них готовы были отступиться в любой благоприятный для этого момент[56].

Борьба с морисками была трудной, так как они в основном сохраняли не только относительно крепкую организацию своей общины, но и авторитарно-патриархальные принципы ее функционирования. Старики и отцы семейств пользовались не только уважением, но и полной властью над детьми, вплоть до возможности продавать в рабство сыновей и дочерей (что обычно случалось, если семья жила очень бедно). Женщина за пределами семейного очага мало что значила в обычной обстановке (но так как мориски постоянно жили в чрезвычайных обстоятельствах, роль женщины в их среде постоянно менялась, о чем подробно будет сказано ниже). Обычно старейший в роде признавался «хефе» (вождем) и мог принимать любые решения, даже касающиеся жизни и смерти родственников.

Существовали также советы старейшин, управлявшие группами семей, родов и даже селений (если их жители целиком или в преобладающей степени были морисками). Эти советы играли важную роль во время кризисов и испытаний, которыми весьма щедро была заполнена жизнь морисков[57].

По широко распространенному среди «старых христиан» мнению, мориски следовали «коранические предписаниям» во всем, в том числе в «своих нравах, обычаях, технике, искусстве и профессиях». Х. Каро Бароха пишет: «Мусульманская культура, на их взгляд, была единой и полностью однородной от Испании до Персии». Испанцы отмечали, что дома и лавки морисков запираются легкими деревянными дверями на деревянных гвоздях, как это обычно делается в Египте и Африке, что морискам будто бы свойственно по всякому поводу совершать жертвоприношения. Испанский посол в Персии XVII в. отмечал сходство формы окон «некоторых больших старых домов в Испании и Индии», делая упор на том, что и тут и там побывали «завоеватели из Аравии». Этой тенденции полного отождествления морисков с миром ислама противостояла другая, исходившая от наиболее ассимилированных морисков — Абенджагара (Эрнандо эль Сагера), Нуньеса Мулея и других. Она сводилась к подчеркиванию различий среди морисков «по головным уборам, одежде и обуви», подобно провинциальным различиям между «людьми Кастилии». Сторонники данной точки зрения утверждали в то же время, что они «обычно одеваются по-кастильски», но это мало что значит, ибо есть люди, «одевающиеся как немцы, или как французы, или как греки, или как монахи; молодежь одевается как хочет, а старики — по своему вкусу; в каждой профессии и в каждом государстве существует своя манера одеваться, что не мешает всем одевающимся по-разному быть христианами».

Во многих случаях (например, в г. Даймьеле в Кастилии, где свыше 400 морисков, т. е. 10% горожан, «внешне не отличались от прочих сограждан ни по одежде, ни по языку, ни по экономической деятельности») само проживание морисков в особом квартале, наличие у них своей элиты и своих обычаев приводило к их «обособлению и самоизоляции». Они жили отдельно от «старых христиан», не вступая в браки с ними, «про-

являя чувство отчужденности и сознание принадлежности к другой группе». Они оставались верны исламу, хотя и многое забыли, особенно некоторые ритуалы, и, очевидно, мусульманами Востока не всегда были бы сочтены единоверцами. Тем не менее, трибунал инквизиции в Толедо с 1538 по 1551 г. арестовал более 60 морисков, осудив из них на смерть двоих и добившись «раскаяния» примерно 50 человек, приговоренных к различным срокам тюрьмы и конфискации имущества. Во многих случаях наказывали за какие-то высказывания, сочтенные «еретическими», или даже за жесты. Одного наказали за то, что он смотрел во время причащения не на алтарь, а на дверь церкви.

Нередко именно «старые христиане» провоцировали морисков на спор по вопросам религии, а потом доносили на них. Жертвами таких инцидентов в Даймьеле стали 46 морисков, в том числе 12 женщин. Темой споров не всегда была религия. Не менее часто речь заходила о борьбе Испании с Алжиром и османами, о мятежах морисков, о том, что «закон мавров лучше закона христиан». Современные авторы считают, что во всей Испании ситуация была менее напряженной, чем в Даймьеле. Далее мы увидим, что это далеко не так[58].

Повседневная жизнь морисков не стояла на месте. Их культурно-этническое и политическое бытие сильно отличалось, согласно периодизации Микеля де Эпалсы, в эпоху мудехаризма (до насильственной христианизации в 1502–1525 гг.), в эпоху собственно морисков (когда они около 100 лет официально считались христианами Испании) и в эпоху исхода (т.е. массовых депортаций 1609–1614 гг., когда они, за немногими исключениями, вновь стали мусульманами). Помимо того, что условия жизни морисков были различны в то или иное время, они весьма разнились и в зависимости от области проживания в Испании. По данным Рейнхольда Контци, мориски делились до изгнания на четыре основных группы, отличавшихся по своему экономическому положению и культурным характеристикам: 1) мориски области Гранады, сохранявшие знание арабского языка и сравнительно высокий уровень жизни до восстания 1568–1570 гг. в Альпухарре; 2) мориски «королевства» (фактически провинции) Валенсии, также знавшие еще

арабский язык, но жившие несколько хуже; 3) мориски Арагона, уже утратившие знание арабского языка и жившие не лучше своих валенсианских собратьев; 4) мориски Кастилии, также не знавшие арабского языка, но еще не утратившие прежней зажиточности[59]. К этому надо добавить существовавшие незначительные культурно-лингвистические различия между более мелкими группами морисков Каталонии, Галисии, Мурсии и др.

Естественно, представители четырех основных групп по-разному воспринимались и вели себя неодинаково. Оказавшись в дальнейшем в Европе и мире ислама, они были по-разному встречены. Их интеграция в культурно-религиозную жизнь и Испании, и стран Магриба, например, происходила в разное время, различными путями и темпами, да и с разными результатами. Во многом эти различия были предопределены особенностями указанных выше групп морисков.

Мориски Гранады («гранадинос») наиболее долго сохраняли не только арабский язык, но и обычаи мусульман. Здесь действовали (в том числе — и при морисках, но тайно) 13 мечетей и до 50 мусульманских университетов, названия которых сохранились в топонимике города. Некоторые названия (Субия, Суйя, Сувия в Гранаде, Адсубеа и Адсубия в Аликанте, Асойя в Мурсии) не что иное, как память о былых завиях (обителях) суфийских братств. Они пользовались влиянием и после 1492 г. еще определенное время. Вместе с тем мориски не были изолированы от внешних влияний, тем более что в чем-то их культура, как уже отмечалось выше, еще до падения Гранады имела общие черты с культурой христианского окружения. Они в большинстве своем говорили по-испански, что, кстати, использовали при посредничестве между торговцами, дипломатами и военными Испании и Магриба. Более того, есть сведения о культурном взаимовлиянии (например, в архитектуре, ремеслах, производстве шелка, керамики и т. п.) Гранады, населенного тогда в значительной мере морисками острова Майорки, в основном терпимо к ним относившейся Каталонии и Генуи. Генуя и другие торговые города Италии были посредниками между Гранадой и всеми европейскими государствами, включая Испанию. По мнению венгерского исследователя

Адама Андерле, Гранада играла роль «специфического шлюза между двумя различными мирами». Разумеется, эта роль не могла не отразиться и на культурной ситуации в Гранаде до 1492 г., тем более, если учесть социальную и этническую неоднородность ее жителей, среди которых в XIV в. насчитывалось не более 500 «чистых» арабов и до 30 тыс. рабов (в основном христиан из Европы), а остальные 170 тыс. были мувалладами и неомусульманами не только иберийского происхождения[60].

После 1492 г. «гранадинос» составляли наиболее близкую к мусульманам Магриба и наиболее ненадежную, с точки зрения испанских властей, часть мудехаров Испании. Поэтому еще в 1501 г. они были поставлены перед выбором между изгнанием или крещением, что вызвало отъезд многих из них в Магриб. Восстание 1568–1570 гг. в Альпухарре (о котором речь пойдет ниже) привело к тому, что многие из них (предположительно — десятки тысяч) добровольно бежали или были вывезены в Африку, а около 50 тыс. — рассеяны в 1571–1584 гг. по различным районам Кастилии. В самой Гранаде их оставалось после этого не более 3 тыс. чел. Тем не менее «гранадинос» существенно изменили географию расселения морисков в Испании: в основном за счет их миграции количество морисков в Кастилии выросло с 30 тыс. до 90–115 тыс. чел. в 1568–1609 гг. (некоторый разнобой в цифрах объясняется как приблизительностью подсчетов разных авторов, так и прибытием морисков не только из Гранады, но также из присоединенной к Испании в 1580 г. Португалии). Кроме того, некоторые «гранадинос» в дальнейшем пытались вернуться в родные места или выехать в другие части Испании или за ее пределы (например, к 1609 г. образовалась их двухтысячная диаспора на Канарских островах). Но главной их базой стала Кастилия, где они достаточно быстро освоились. Более многочисленные, чем почти забывшие арабский язык бывшие мудехары Кастилии (которых они во многих случаях фактически поглотили), «гранадинос» и в новых местах расселения продолжали отличаться от основной части жителей языком (правда, арабский они тоже вскоре начали забывать) и одеждой. Вскоре они монополизировали многие важные городские профессии (булоч-

ников, мясников, водоносов, торговцев, ткачей, портных, сапожников, каменщиков и других), что способствовало их определенному социокультурному (но не религиозному, и тем более, социопсихологическому) сближению с кастильцами. Разумеется, они к этому времени знали уже кастильское наречие. При этом грамотные мориски, не всегда зная латинский алфавит, нередко писали кастильский (или каталанский, или любой другой европейский) текст арабской вязью[61].

Если в Кастилии после 1570 г. насчитывалось всего около 90 тыс. или чуть более морисков (около 1,3% всех кастильцев), то в области («королевстве») Валенсии их было 85 тыс. в 1572 г., а к 1609 г. — 125–135 тыс. чел. в 400 населенных пунктах, всего — около 40% населения области. От морисков Кастилии они в основном отличались владением каталанским языком (хотя, как и прочие жители области, подверглись в XVI в. «кастилизации»), а также — арагонским диалектом, и кое-где (по мнению Пьера Гишара, оспариваемому Микелем де Эпалсой) даже сохранили в быту устную берберскую речь. Хотя еще до успехов Реконкисты мусульмане области были в основном арабизированы и сохранили в усвоенном ими местном арабском диалекте, по данным видного арабиста-лингвиста Федерико Коррьенте Кордобы, не более 12 берберских слов. Занимаясь главным образом в горах и долинах разведением оливок и виноградников, а также ремеслом и торговлей в городах, мориски Валенсии превосходили местных испанцев по темпам роста населения и благосостояния. Это не означало, однако, их зажиточности, по уровню которой они явно уступали своим собратьям из Гранады и Кастилии. Многие из них постепенно разорялись: только в 1527–1563 гг. в 90 селениях области количество домашних очагов уменьшилось с 3429 до 3318. Но мориски Валенсии при этом отличались стойкостью и сплоченностью. Они компактно располагались в районах, близких к побережью. Власти и духовенство считали их, наряду с «гранадинос», не менее опасными в качестве потенциальной опоры османов, боровшихся с Испанией за гегемонию в Средиземноморьи, а также — магрибинских корсаров, нападавших на побережье[62].

Мориски Арагона, численность которых возросла с примерно 49 тыс. в 1575 г. до 61 тыс. в 1609 г. (очевидно, лишь в незначительной степени за счет «гранадинос»), отличались от своих собратьев в других областях страны почти полным забвением арабского языка и относительно невысоким жизненным уровнем (особенно в сельской местности, как всюду в Арагоне — гористой и малоплодородной). Но в городах они славились как торговцы, ремесленники и квалифицированные мастера самых разных профессий, раньше, чем мориски иных провинций королевства, начавшие находить общий язык с иноверческим окружением. Изучение романсе (предка всех нынешних языков Испании), отмечает Мириами Маниелайнен из университета Хельсинки, служило им практически единственным средством наилучшим образом войти в профессиональный мир христианского большинства (при этом надо оговориться, что в период «мудехаризма» в XI–XV вв. гораздо чаще представители «большинства» учились у них профессиональному мастерству). Но если в Валенсии мориски, овладевая языком большинства, не забывали и своего, то в Арагоне «ранняя христианская реконкиста… привела к быстрой утрате арабского языка мусульманским населением».

Это объясняется многими причинами: 1) ожесточенной борьбой за северо-восток Иберийского полуострова еще с первых десятилетий VIII в., причем — с участием империи Карла Великого, христиан-басков и норманнов («маджус»); 2) отъездом в XI в. при первых значительных успехах Реконкисты большинства непримиримо настроенных мусульман (тагаринов, упоминавшихся ранее); 3) малочисленностью оставшихся на месте мудехаров, мало что потерявших на первых порах. Однако превращение мудехаров Арагона в морисков возродило их стремление (почти утраченное) сопротивляться ассимиляции и утвердить свою социокультурную идентичность. В Арагоне стали возникать подпольные школы по изучению арабского языка, и со временем даже возникла «богатая арабская литературная культура», которая, однако, ограничивалась узким кругом грамотеев и парадоксально сочеталась с полным незнанием арабской культуры неграмотной частью морисков Арагона и почти незнанием ее их более просвещен-

ной, но испанизированной фракции. Исследователи этого феномена (от Пуэрто-Рико до Финляндии) подчеркивают важную роль в создании этой культуры и особенно в передаче многих ее элементов, в том числе литературы на альхамиадо, из Кастилии в Арагон философа, богослова и просветителя Мансебо де Аревало.

Особенностью морисков Арагона, как и его провинций — Валенсии и Каталонии, было также крепко запомнившееся им поспешное и грубо проведенное (как, впрочем, не только в Арагоне), силой навязанное крещение, во многом осуществленное не «сверху», а «снизу», т. е. усилиями простых арагонцев, утративших многие свои права после поражения движения коммунерос 1520–1521 гг., в подавлении которого участвовали мудехары. Объективно превращение последних в морисков явилось своего рода актом мести «старых христиан» и, одновременно, актом предательства со стороны властей, столь своеобразно «отблагодаривших» мусульман за помощь. При крещении мудехары вынуждены были срочно менять свои мусульманские имена на христианские, которые выбирались в спешке и потому не всегда удачно. Частично этим, очевидно, объясняется обилие среди фамилий именно морисков Арагона прозвищ или названий профессий: Ройо («красный», «недозрелый» на арагонском диалекте), Серрано («горец»), Фестеро («столяр»), Эскрибано («писец», «писарь»), Кастеллано («кастилец»), Андон («бродяга»), Морако («копченый»), Медиана («ремень»), Салинас («солончак»). Эти полуфамилии-полуклички, которые носили свыше 30% морисков Арагона, не встречались, по данным Кармен Ансон и Сильвии Гомес, среди местных «старых христиан». А среди морисков мусульманские фамилии (например «Азиз», т. е. могучий) сохранили менее 5%.

Но это не означает, что у большинства морисков Арагона фамилия совпадала с названием профессии. Ансон и Гомес изучили этот вопрос на примере городка (вернее — большого поселка) Альмонасид де ла Сьерра недалеко от Сарагосы. Они, несмотря на очевидные трудности (многие мориски числились как бы вне профессии, именуясь в документах как «сын, или брат, или вдова такого-то»), подсчитали, что примерно среди

477 «новых христиан» селения было 36% слуг (из них более трети — женщин), 13% пастухов, 7% гончаров, 5% портных, 3% пекарей, более 2% скотоводов, столько же сапожников, 2% горничных и 2% дворян. Очевидно, эти цифры не вполне точны, так как Мерседес Гарсиа-Ареналь, известная своим знанием проблемы, считает, что «мориск не был ни рыбаком, ни пастухом» (что в общем-то расходится с мнением других источников). Впрочем, и Ансон, и Гомес называют еще «по одному представителю» следующих занятий — ветеринар, экономка викария, танцор, козопас, мясник, слесарь, хирург, маклер, резник, мостильщик, сторож, юрист, учитель, ювелир, художник и адвокат. Этот список интересен как иллюстрация крайнего разнообразия профессий среди морисков, а также — как свидетельство их сближения со «старыми христианами», как подтверждение постепенной их интеграции в местное общество, что выражалось, в частности, в появлении у них профессий, не характерных для традиционного мусульманского общества. В то же время явное преобладание среди морисков лиц, занятых, выражаясь современным языком, «в сфере услуг» (более 60%), говорит об их неравноправном, зависимом положении в обществе Альмонасид де Сьерра, где проживали также и «старые христиане».

Ситуация в этом селении в общих чертах была характерна для всех областей Арагона, включая Валенсию, где доля морисков была наиболее высокой. Это подтверждается и мнением Рафаэля Карраско из университета Безансона (Франция) о тяжелом положении морисков в Валенсии, где их принуждали креститься еще в 1391 г., громили их альхамы, а в 1455 г. сожгли их «мореориа» (мавританский квартал) в городе Валенсия, изгнав оттуда всех мудехаров. На их месте поселились «старые христиане», принявшиеся усердно крестить немногих оставшихся в городе мусульман. В ходе этих принудительных актов «христианизации» в 1487–1587 гг. население Валенсии в большинстве своем стало состоять из «старых христиан», а среди остальных жителей оказались не только мориски, но и смешанные в религиозном отношении семьи, где, например, отец остался мусульманином, а дети стали морисками.

Во время многочисленных судебных процессов, инициированных инквизицией, выяснялось, что многие мориски справляли свадьбы по мусульманскому обычаю, отказавшись ходить в церковь, оскорбляли тех, кто принял крещение искренне и всерьез, а не из страха и лишь формально. Некоторые, крестившись, сохраняли нескольких жен, причем одну — крещеную, а другую (или других) — оставшуюся мусульманкой. Были и такие, кто ухитрялся жить на два дома — с женой-христианкой (обычно — из морисков) в Валенсии и с другой, мусульманкой, в Алжире. В большинстве случаев это были корсары и контрабандисты. С их помощью мориски нередко вывозили в Африку мусульманок, желавших креститься или выйти замуж за «старого христианина». Инквизиция использовала и всячески преувеличивала все эти случаи, особенно напоминая «старым христианам», как некоторые сеньоры, борясь в 1521–1524 гг. с коммунерос, использовали для нападений на них отряды в 30–150 мудехаров. Однако Карраско считает, что уже с 1510 г. значительная часть горожан Арагона, особенно низшее духовенство (по идейным соображениям) и ремесленники из среды «старых христиан» (конкуренты ремесленников-морисков) поддерживали действия инквизиции, в том числе против сочувствовавшего морискам христианского меньшинства. К 1560 г. инквизиция почти добилась «всенародного консенсуса против морисков», хотя далеко не все последние были прислужниками феодалов («морисками сеньоров»). К тому же попытки вооруженного сопротивления мудехаров Валенсии крещению в 1525–1526 гг. (особенно в горах Эспадан) окончательно разрушили былую благожелательность властей к ним (если она и была на самом деле, что еще требует доказательств). После этого сопротивление морисков Арагона приняло пассивные формы (бегство в Африку или тайное исповедание ислама даже теми, кто поначалу хотел искренне стать христианином). Новые «мореріа» стали возникать в горах и даже функционировали там, иногда — продолжительное время, в недосягаемости властей.

Какое-то время сеньоры в своих владениях даже разрешили строить новые мечети. Но после 1526 г., когда это было запрещено, и мечети — разрушены или превращены в церкви,

мориски отводили под молельни частные дома, где собирались по пятницам. Нередко в районах их компактного расселения церкви разрушались, а священники вынуждены были бежать. Все это означало окончательный «разрыв социальных связей, существовавших между христианами и мудехарами» в предшествующие столетия, вследствие чего «межобщинное и межэтническое общение получило смертельный удар»[63].

Вместе с тем Луи Кардайяк напоминает: «Мориск — это не просто мусульманин, как все прочие, а тот, кто официально был христианином и участвовал, хотел он того или нет, в жизни христианского общества, выстраивая свою индивидуальность в сплетении конфликтных и противоречивых ситуаций». Особое значение в этих условиях приобрело все, что помогало определить его социокультурную идентичность. Помимо языка, этнорелигиозных и прочих характеристик, о которых уже говорилось, частью самосознания морисков была созданная ими мифология. Элементами ее стали пророчества различных астрологов и предсказателей, в основном из Валенсии, которые писали о предопределении Богом судьбы морисков как народа-мученика, как особого, отдельного от христиан, сообщества, которое, будучи побеждено христианами, в конце концов восторжествует над ними, так как Бог пошлет монарха, каковой воцарится над всем миром. Во многих текстах таких пророчеств (а их было много: помимо Валенсии, также в Арагоне и в Гранаде) прямо назывался этот монарх — османский султан. Один из морисков сообщил инквизиции Толедо распространенное среди его близких предание, которое даже выдавалось за хадис (рассказ из жизни пророка Мухаммада), в котором говорилось, как пророк предвидел судьбу морисков, особенно их «мучения в огне» (явно имея в виду костры инквизиции), предавался скорби по этому поводу, но предрекал счастливый конец всем страданиям, ибо «грядет освободитель». В ответ христиане тоже сочиняли подобные же пророчества «полного уничтожения проклятой секты Магомета», якобы исходившие от «святых людей», а не от «ведьм и астрологов», каковыми они считали морисков. Эта полемика продолжалась и позже, уже после изгнания морисков, о чем свидетельствуют тексты рукописей на альхамиадо, хранящиеся в

библиотеках Парижа и Болоньи, опубликованные в 1937 г. и 1982 г. с комментариями американца Джозефа Линкольна и испанских филологов Альваро Гальмеса де Фуэнтеса и Мерседес Санчес Альварес.

Кардайяк также обращает внимание на то, что важной частью идентичности мориска при всем его стремлении подчеркнуть свои особенности была все же парадоксальность существования в процессе «аккультурации», включения в «окружающую культуру, которую он в основном отвергал, но именно в ней существовал и мог выразить свою индивидуальность». Он был «мусульманин, живущий в христианской среде, но имевший юридический статус новообращенного». Однако из приведенных ранее примеров видно, что даже эта неоднозначная характеристика мориска была неполной и к тому же менялась с течением времени и событий[64].

К числу социокультурных особенностей, отличавших морисков от «старых христиан», относится их приверженность к различным магическим обрядам, подчас неотделимая от усвоенных ими достижений медицины в духе Ибн Сины и Абу Бакра ар-Рази[65]. К сожалению, мы располагаем сведениями об этом только из документов инквизиции, на анализе которых основаны наиболее фундаментальные труды о так называемой магии морисков. Насколько можно судить по имеющимся материалам, мориски широко использовали в повседневной жизни методы гипноза, разного рода заклинания, символы, формулы с таинственным смыслом, которые истолковывались и в документах инквизиции, и в испанской светской литературе как не просто суеверия, несовместимые с христианством, а как злонамеренное «колдовство», опасное «волшебство» и «дьявольские козни». Обвинения такого рода в 1500–1650 гг. были предъявлены 152 морискам, включая 64 женщин[66].

К черной магии относили часто применение морисками целебных трав, чистой воды (даже связанную с этим их манеру селиться около горных источников), огня, дыма, цветов. Кстати, сами «старые христиане» были не свободны от веры в силу магических обрядов (некоторые, например, сжигали ногти и волосы, дабы их нельзя было использовать «в целях магии»). Те из них, кто занимался знахарством, особенно в Арагоне,

учили арабский язык и посещали «обитателей кварталов морисков». Более того, к помощи лекарей-морисков прибегали и представители христианского духовенства и высшей элиты Испании. Например, когда в 1500 г. заболел («после всех своих усилий по христианизации», как пишет Иветт Кардайяк-Эрмосилья) самый ярый ненавистник мусульман архиепископ Толедо Франсиско Хименес де Сиснерос, его удалось вылечить «с помощью неизвестных врачам трав» только 80-летней женщине из среды кастильских морисков[67].

Мориск Пинтерете участвовал в лечении наследного принца дона Карлоса, впоследствии погибшего при неясных обстоятельствах (возможно, убитого по приказу Филиппа II). Другой мориск, Херонимо Пачете из Гандии, имевший в Валенсии обширную клиентуру, включавшую богатых торговцев из Италии, лечил другого принца, будущего короля Филиппа III, как известно впоследствии изгнавшего морисков из Испании. Это не спасло Пачете от преследований инквизиции (по доносам завидовавших ему коллег из «старых христиан»). Кстати, Филипп II, узнав об успешном лечении его сыновей морисками, сказал: «Я не хочу здоровья, полученного таким скверным образом».

Разумеется, инквизиция предпочитала обращаться к иным примерам, в частности, когда мориски читали над больным Коран, рисовали на его теле арабские буквы, произносили мусульманские молитвы и т. п. Это служило, естественно, основанием для обвинений в измене христианству. Но такие же обвинения выдвигались и против тех морисков, кто лечил, накладывая на больное место печень барана, уголь, масло или еще что-нибудь. Их, как и тех, кто прибегал к талисманам и амулетам, обвиняли как в религиозном отступничестве, так и в «мошенничестве», «ведьмовстве» и т. п. Многие мориски были осуждены за выделку амулетов и распространение их даже в своей среде. Некоторые талисманы содержали типично мусульманские формулы, другие — изречения «греко-сирийского происхождения», т. е., очевидно, они были вывезены в свое время арабами из Сирии еще в эпоху завоеваний VII–VIII вв. В Валенсии были найдены талисманы даже с древнееврейскими символами и надписями, а также — «с магическими словами,

не имевшими никакого смысла». Однако обычно и такие талисманы принимались более чем всерьез, так как для морисков они были данью традиции, а для многих «старых христиан», особенно для малограмотных, непонятное представлялось просто непознаваемым и преисполненным тайного смысла.

Женщины и дети часто носили амулеты, якобы защищавшие их от «дурного глаза», мужчины — «от удара кинжалом» или «стрелы из арбалета». Священники обычно отбирали и сжигали такие амулеты, но это мало что меняло. У многих «старых христиан» тоже были проблемы с инквизицией из-за использования амулетов в виде серебряных медалей с арабскими надписями и знаменитой «рукой Фатимы», иногда — с изображением солнца или мусульманской молитвой, восхваляющей Аллаха, Коран и Мекку. Постепенно среди «старых христиан» сформировался своего рода устойчивый стереотип ведьмы из морисков, «мятежной, хорошо знающей Коран, отвергающей католическую религию и все, что с ней связано». Этот штамп инквизиторской пропаганды сыграл свою роль в постепенном ухудшении отношения большинства испанцев к морискам[68].

Считалось, что магические обряды и вообще все действия такой «ведьмы» являются «разрушительными», а сама она была «демоном», «воплощением зла», «заключившим пакт с дьяволом». Испанцы верили, что мавры вообще все склонны к черной магии и для занятий ею всегда использовали гроты в окрестностях Саламанки, Толедо, Кордовы и Севильи[69]. Связанные с этой темой сюжеты получили отражение в произведениях таких испанских писателей, как М. Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон де ла Барка, Лопес де Убеда и других литераторов преимущественно XVI–XVII вв. Однако новейшие исследования XX в. свидетельствуют, что многое, что относилось лет 300–400 назад к «черной магии» в Испании, вовсе не было исключительно присуще лишь морискам, являясь общей «традицией средиземноморского чародейства, не связанного с каким-либо одним культурным контекстом». Иветт Кардайяк-Эрмосилья в этой связи даже предполагает, что магия морисков могла быть как их собственным творением, так и результатом «влияния доминирующего общества», т. е. «старых хри-

стиан», среди которых тоже встречались лица, занимавшиеся магией, ворожбой, нетрадиционным лечением, пророчествами и т. п. Отсюда следует вывод, что многое из всего этого восходит «скорее к народной традиции, унаследовавшей магические обряды предков, нежели к канонам мусульманской религии»[70].

Оспорить это трудно по двум причинам: а) ислам осуждает магию, демонов и вообще какие-либо чудеса, не исходящие от Аллаха; б) стоит вспомнить, что большинство мавров Аль-Андалуса, т. е. предков морисков, были принявшими ислам жителями Иберийского полуострова и у них с предками «старых христиан», от которых они отличались только религией, до VIII в. были общие социокультурные и цивилизационные корни.

Естественно, за семь-восемь столетий, отделявших и морисков, и «старых христиан» от их далеких предков, многое изменилось — как в силу их долгого взаимодействия (а также борьбы) друг с другом, так и в результате внутренней эволюции. В частности, это относится к языку морисков, отразившему особенности их социокультурной и социорелигиозной идентичности[71]. Сохранение этой идентичности, «несмотря на все преследования и насильственную христианизацию», является общепризнанным фактом[72]. Нельзя отрицать их аккультурацию, «стихийную интеграцию» в «мир испанизма»[73]. Но наряду с этим не вызывает сомнений их участие и, что важно, самостоятельная роль в синтезе цивилизаций, объективно происходившем на Иберийском полуострове в течение всех девяти столетий арабского присутствия (711–1614 гг.). Отсюда — прямой вывод о **двойной принадлежности морисков к арабо-исламской и испанской цивилизациям**, которая объективно определила (что стало ясно несколько позже) их своеобразную роль **посредников между Европой и арабо-мусульманским миром, так же как переходный и пограничный характер их синкретической культуры**[74].

Подтверждений этому — множество. И они самого разного рода. Известно, в частности, что мориски имели свои версии библейских и вообще христианских легенд (особенно разработана в их литературе история страданий и чудес девы Марии, которую они называли Марьям), сведений об Искандере Дву-

рогом (Александре Македонском), занимались астрологией, женским и другими вопросами примерно в том же духе и на том же уровне, что и испанцы. В некоторых сферах деятельности, в частности в медицине, архитектуре, металлургии, ювелирном деле, мориски, безусловно, лидировали, как и в некоторых отраслях сельского хозяйства и городских ремесел, о чем выше уже говорилось. Есть также данные о влиянии морисков и тайно сохранявшейся ими культуры суфизма на инакомыслящих представителей испанского общества, в том числе на знаменитого врача, философа-пантеиста и географа Мигеля Сервета (1511–1553), известного своим открытием кровообращения[75].

В литературе морисков (в основном — в текстах на альхамиадо) можно найти немало общего с христианской литературой их времени, но еще больше — стремления подчеркнуть свою арабо-исламскую идентичность, свои отличия от «старых христиан». Эти отличия выражались не только в тайном исповедании ислама, очевидно, большинством морисков, но и в их нравах и обычаях, праздниках и обрядах, особенностях семейной жизни и жизни общины (альхамы), гигиены и бытовой культуры, даже в специфике их устной романской (кастильской, каталанской, галисийско-португальской) речи, когда они не пользовались арабским или альхамиадо, хотя они и старались, когда это было возможно, говорить по-арабски, ибо считали: «кто потерял свой язык, тот утратил и свой закон» (т. е. религию)[76].

Анвар Чейне, Каро Бароха и другие авторы уверены, что альхамиадо был языком тех морисков, которые уже забыли арабский, и что литература на альхамиадо главной целью имела сохранить религиозную идентичность морисков[77]. Этот тезис представляется спорным, так как литература морисков затрагивает не только религиозные сюжеты, а альхамиадо, помимо всего прочего, выполнял функции тайного средства общения морисков. Но мориски находились в разном положении. По свидетельству Педро Лонгаса, те из них, кто был на положении вассала грандов (а не короля), «жили среди христиан, одевались, как они, и в большинстве своем хорошо говорили по-кастильски»[78]. К этому стоит добавить, что мориски — вас-

салы сеньоров Арагона, Каталонии и Валенсии — говорили и по-каталански. Так что культура морисков была многоязычна, что лишь обогащало их самобытность, а вовсе не ставило ее под сомнение. Их сплочению содействовало и то обстоятельство, что система образования в их среде и создававшаяся ими литература были подпольными или полуподпольными, вынужденными функционировать под гнетом жесточайших ограничений и запретов.

Тем не менее, вопреки всем этим трудностям, мориски в 1591 г., т. е. когда, по словам А. Темими, «политико-религиозная борьба против морисков и других некатолических религиозных общин достигла апогея», ухитрялись распространять сугубо исламскую литературу. В частности, в том году появился перевод с арабского на альхамиадо (с целью распространения среди большинства морисков, включая забывших или уже плохо знавших арабский язык) собрания хадисов, составленного умершим в Египте в XII в. андалусийцем Абу-ль-Аббасом ат-Туджиби. Не случайно эти хадисы как бы освящали ряд моральных принципов, весьма актуальных для морисков в их положении: «Наилучшим действием верующего является борьба во имя Бога»; «Бог предписывает мужчинам вести борьбу»; «Боритесь с неверными с помощью ваших денег, рук и слов»; «тот, кто умирает без борьбы и без поощрения своей души к борьбе, умирает в лицемерии»; «сабли — ключи к раю»; «мученик — тот, у кого отняли имущество (инквизиция часто приговаривала морисков к конфискации их собственности даже за мелкие отступления от церковного ритуала. — *Р. Л.*), и тот, кто погиб, защищая свою религию»; «смерть мученика — самая прекрасная смерть»; «лучший из вас — тот, кто учит Коран и знакомит с ним других»; «того, кто меняет веру, убивайте!»[79].

В этой связи представляются несколько односторонними, не учитывающими все сложности жизни и специфического положения морисков, высказывания ряда испанских знатоков проблемы, в том числе и самых квалифицированных, например Альваро Гальмеса де Фуэнтеса, в 1964 г. пришедшего к следующему выводу: «Из написанного морисками на альхамиадо, по существу, вытекает, что они, по крайней мере грамотные среди них, были полностью интегрированы в исламскую куль-

туру и соответствующее ей мышление. В их писаниях нет ничего, что говорило бы об их ассимиляции, хотя бы частичной, их присоединении к христианской доктрине. С другой стороны, использование ими неарабского языка не противоречило нормам ислама. В то же время глубокая семантическая, синтаксическая и стилистическая арабизация их испанского языка еще раз подтверждает их включение в мусульманскую мысль и логику. Наряду с этим внутри их исламизации представлена и собственная самобытная культурная модель морисков». Далее автор в какой-то степени сам себя поправляет, добавляя, что эта модель, с одной стороны, «свидетельство особых обстоятельств» жизни, с другой — средство «открыть пути выхода из их мучительной ситуации»[80]. Это — правда, но не вся. Очевидно, что культурная модель морисков, как и всякая другая, складывалась объективно, т. е. с учетом не только практических соображений и необходимости адаптации к неблагоприятным условиям, но также былых традиций и цивилизации Аль-Андалуса, и периода «мудехаризма» XI–XV вв., т. е. совместного проживания мусульман и христиан Арагона и Кастилии в ситуации относительной терпимости и взаимодействия в сферах экономики, политики, культуры и социальной жизни (см. главу I). Эти четыре столетия были характерны взаимовлиянием и взаимным воздействием друг на друга христиан и мусульман, в том числе и влиянием восходящей к высотам XVI в. культуры Испании на мудехаров. Данное обстоятельство, как и последовавшее доминирование «старых христиан» над мудехарами, а потом и морисками, не могло не наложить свой отпечаток на культуру морисков. И факты это подтверждают. Многие мориски (в первую очередь их элита) были испанизированы в значительной, иногда — в очень высокой, степени и хорошо знали культуру «старых христиан». Собственно, это и позволяло им вести с последними религиозную, а нередко и религиозно-политическую полемику.

Косвенным свидетельством неплохой осведомленности представителей обеих общин о жизни друг друга являются поводы для взаимных обвинений, непрекращавшихся с обеих сторон. Морисков, в частности, их оппоненты считали «слишком плодовитыми, слишком трудолюбивыми, слишком скупы-

ми», «внушающими страх соперниками», которые неизменно «побеждают и обогащаются благодаря своей активности в ремеслах и торговле». Ненавидели их и за ту поддержку, которую они нередко получали от грандов и знатных сеньоров, ценивших труд и услуги морисков (особенно известен инцидент 1559 г., когда герцог де Вилаэрмоса, граф де Аранда и некоторые другие сорвали выполнение декрета о разоружении морисков). С этими аристократами была связана часть морисков, особенно богатых коммерсантов и квалифицированных мастеров Арагона, которые в принципе могли и были готовы добиться взаимопонимания со «старыми христианами». Однако эта возможность так и осталась неиспользованной[81].

Исследователи отмечают и разные стадии и степени «испанизации» грамотной по-испански части морисков, среди которых находились люди, «пишущие то по-кастильски, то полатыни, то по-арабски латинскими и арабскими буквами, при этом часто смешивая слова всех трех яызыков», как отмечает Консуэло Лопес-Морийяс из университета Индианы (США)[82]. Историки из Сантандера Хесус Мансо и Роса М'Бласко считают, что мориски, оказавшиеся после изгнания в Африке, «были в значительной степени озападнившимися», хотя и «отвергали ценности общества, в которое были включены, одновременно прославляя исламское общество прошлого». Все мориски Арагона, например, были крещены, состояли в браке, причащались, выполняли прочие церковные обряды, впрочем — не везде и не всегда. Но в основном собранные историками документы архивов XVI–XVII вв. говорят не столько об упорстве морисков и их стремлении сохранить прежние обычаи, сколько об их «аккультурации»[83]. При этом надо помнить, что речь идет в основном о морисках Арагона и части области Валенсии.

Проблемы аккультурации и, тем более, ассимиляции морисков осложнялись и тормозились как общей обстановкой в стране, где «дух Реконкисты» не только не исчез после 1492 г., но даже окреп и фактически определял моральный климат в католической среде, но также и процессами внутри самих общин морисков. В частности, на морисков Кастилии, и без того разочарованных позицией королевского двора, в 1502 г. от-

рекшегося от лояльной в отношении мудехаров политики Альфонса X Мудрого и Хайме I Завоевателя, возмущенных жестокостями и провокационной политикой инквизиции, сильно повлияли после 1571 г. «гранадинос», изгнанные с территории экс-эмирата Насридов преимущественно в кастильские области. Увеличив там в 3–4 раза численность морисков, весьма преуспев в чисто экономической сфере (см. выше), они сумели изменить и общий настрой местных «новых христиан» (в основном — из бывших мудехаров, еще помнивших старые «добрые времена» уважения королями их прав, интересов и самобытности) или, по крайней мере, существенно повлияли на этот настрой. «Гранадинос», сохранившие арабский язык и культуру ислама, сумели во многом возродить и то и другое среди своих менее многочисленных и часто полуассимилированных собратьев в Кастилии. Они еще помнили времена независимости Гранады, ожесточенной борьбы за нее, были глубоко травмированы и капитуляцией 1492 г., и последующими событиями — потоком беженцев из Гранады в Магриб (в том числе — родственников, друзей и деловых партнеров многих из тех, кто остался), циничным отказом властей выполнять условия сдачи Гранады, наконец — насильственным крещением 1502 г., которое ими переживалось более глубоко и болезненно, чем их собратьями в Кастилии и Арагоне, привыкшими к многовековой жизни в христианской среде и во многом находившимися не только под экономическим и социальным, но и под культурно-лингвистическим ее влиянием.

Имели значение и социальные аспекты переселения «гранадинос», лишенных не только своих домов и земель (да и прочего недвижимого имущества), но, во многих случаях, и личной свободы: часть из них в наказание за участие в восстании 1568–1570 гг. (о котором речь впереди) была обращена в рабство. В частности, среди «гранадинос», выселенных в Мурсию, Лорку и Картахену, в 1571 г. насчитывалось 1577 рабов и всего лишь 579 свободных. Их прибытие, судя по ордонансам местного епископа Гонсалеса Гальего от 20 января 1571 г., вызвало напряженность среди «старых христиан», ибо епископ призвал свою паству проявить «христианское милосердие» к вновь прибывшим, «не говорить оскорбительных для них слов

и не называть их ни маврами, ни собаками». Примерно тогда же с соответствующими инструкциями выступили архиепископ Валенсии Перес де Айяла, религиозные власти Картахены, Ориуэлы и других мест. Стоит обратить внимание на запреты, содержавшиеся во всех этих документах: морискам запрещались «сборища на улицах и в кварталах», посещение друг друга и использование «их скверного арабского языка», ношение «одежды мавров». И конечно, приходским священникам предписывалось доносить инквизиции о всех «словах или делах» морисков, свидетельствующих о связи с «ужасами их магометанской секты»[84].

Для того, чтобы лучше понять ситуацию, стоит напомнить, что высланные «гранадинос», хоть и презираемые, все же легко отделались. Из тех, кого не выслали и кто не смог бежать в Магриб, большинство оказалось в тюрьмах и застенках, а многие были казнены. Только в один день — 18 марта 1571 г. — в Гранаде были сожжены на костре 84 человека (включая 34 женщины), из них — 77 морисков, а также — лютеране во главе со священником Кристобалем де Моралесом. Из остальных судимых инквизицией 61 человек раскаялся, 13 — были признаны невиновными, 26 — приговорены к заключению в тюрьму, 20 — посланы на галеры, 16 — публично высечены (это сравнительно «мягкое» наказание обычно применялось к женщинам морисков, замеченным в следовании мусульманским обычаям или в высказываниях, порочащих церковь)[85].

Разумеется, преследования лишь сплачивали «нацию новообращенных» (выражение профессора из Безансона Рафаэля Карраско). Документы инквизиции и королевской администрации, в частности, показывают, что в области Валенсии, например, «мориски никогда бы не перешли в другой лагерь», т. е. не заняли бы враждебную властям и церкви позицию, если бы их к этому не толкнула «фанатичная нетерпимость старых христиан». Сам процесс христианизации шел мучительно: были семьи, в которых дети крестились, а родители оставались мусульманами (чаще всего — тайно), были стычки с взаимными оскорблениями и доносами в инквизицию между членами семей, в которых один из супругов принимал крещение, а другой отказывался или не спешил это делать.

Все это происходило в условиях сохранявшихся контактов «старых христиан» с довольно многочисленными в области морисками. Представители обеих групп населения торговали друг с другом, общались на разных уровнях и по различным поводам, влюблялись и женились, не всегда учитывая, особенно первое время, конфессиональные и прочие различия. Были случаи, когда даже аристократы вели супружескую жизнь «по-восточному», имея, наряду с официальной женой-христианкой, других жен из среды морисков. Был даже случай с монахиней, сестрой Маргаритой Рода, безумно влюбившейся в мориска и покинувшей ради него не только монастырь, но и вообще местную христианскую общину. Еще трое «старых христиан» по сходной причине решили «жить как мавры». Разумеется, во всех подобных случаях инквизиция не замедлила с репрессиями. Характерно при этом, что она пользовалась «сигналами с мест», исходившими, как правило, от христиан-ремесленников и городских буржуа, т. е. прямых конкурентов морисков[86].

Естественно, все изложенное выше предопределяло чрезвычайно «трудное сосуществование» морисков и «старых христиан». И чем дальше, тем все более трудным, почти невозможным оно становилось. Например, в 1598 г. чуть ли не все члены альхамы небольшого городка Кампо де Криптана в Ламанче бойкотировали свадьбу двух морисков, «всем сердцем принявших христианство». Были случаи, когда сельские рабочие-мориски отказывались от совместной трапезы со своими христианскими собратьями, «опасаясь, что придется есть свинину». Однако в целом мориски гораздо реже и менее резко выступали против христианства. Выпады христиан против ислама были более частыми и гораздо более грубыми. Оппозиция же морисков была, как правило, «хоть и твердой, но молчаливой». Но было известно, что они, как сообщали доносчики инквизиции, нередко собираются для чтения «книги Алькоран и других книг зловредной и ничтожной секты Магомета, написанных на арабском и мавританском языке» (под последним, очевидно, подразумевался альхамиадо). Судя по всему, они упростили свой ритуал, в частности отказавшись от пяти ежедневных молитв, дабы обеспечить скрытность своей тайной религиозной жизни[87].

Еще один аспект социальной жизни Испании негативно сказывался на морисках. В этой стране, как во всей средиземноморской Европе, в XVI–XVII вв. процветало рабство. При этом черные рабы определялись по цвету кожи, а белые — по особым отметинам на лице, обычно — в виде буквы «с» (от «склаво» — раб). По наличию рабов судили о богатстве и образе жизни аристократии. Например, в Гранаде в 1609 г. семья считалась знатной, «если имела лошадей и оруженосцев — идальго, рабов и слуг, ковры и финансовую службу»[88]. Но рабы ценились больше денег, ибо они очень часто выполняли в домах грандов «декоративную функцию», содействуя росту престижа своих господ. Их, обычно — «мусульман и евреев, держали как врачей, знатоков лекарств, умелых шелкоделов» и т. п., хотя в XVI в. Европа уже стала опережать Восток, но начала это делать в некоторых областях техники[89]. Испанцы, как и османы, использовали рабов в сельском хозяйстве и на галерах (до 6 тыс. рабов-мусульман были гребцами на кораблях Испании и Венеции в 1571 г. в знаменитой битве при Лепанто). Крупный землевладелец близ Трапани (Сицилия, как и весь юг Италии с Неаполем, тогда принадлежала Испании) в 1593 г. указал, что имеет 5 сыновей, 3 слуг, 5 «мальчиков при ферме», 1 служанку, 4 рабыни и 4 рабов, считавшихся «недвижимым имуществом». Всего на Сицилии к концу XVI в. насчитывалось не менее 15 тыс. рабов, в Неаполе — 10 тыс. рабов. Несколько тысяч рабов трудились в арсеналах Неаполя и Мессины. В Малаге 351 хозяин, т. е. 12% от их общего числа, имел по 6–8 рабов. В Севилье и Кордове тогда (в 1581 г.) ими даже обменивались.

В самой Испании рабство было распространено, помимо домашних услуг, также и в сельском хозяйстве, преимущественно в Андалусии и валенсианском Леванте, т. е. на южном и восточном побережье, где была наиболее высока доля морисков, к тому же — еще не забывших арабский язык. Рабы с Востока и из Африки стоили дороже и ввозили их издалека, а мориски всегда были «под рукой» и давали много поводов для обращения их в рабство по решению трибуналов инквизиции, королевских властей или военных карателей, подавлявших мятежи или просто протестные выступления морисков. По оценке

Домингеса Ортиса, к концу XVI в. в Испании было до 10 тыс. рабов, половина которых находилась в Андалусии. Основную их часть составляли мориски, хотя были также «турки, мавры и варварийцы (т.е. берберы. — *Р. Л.*) Туниса, Алжира и Марокко»[90]. В этих странах также были рабы из числа пленных христиан. Но их положение было лучше. Французский дипломат Ложье де Тасси писал в начале XVIII в., что он предпочел бы «10 лет рабства в Алжире одному году тюрьмы в Испании». Это — не единственное свидетельство такого рода, хотя имеются и другие данные, в частности о высокой смертности среди рабов-христиан в Магрибе (до 20%).

Естественно, мориски-рабы были наиболее ожесточенными противниками инквизиции и королевских властей Испании и всегда готовы были примкнуть к любой антииспанской акции или к бегству в Магриб. Справедливости ради надо вспомнить, что рабов-христиан, в основном военнопленных или жертв действий корсаров, в руках османов и магрибинцев было еще больше, чем рабов-мусульман в Европе: только на османских галерах в битве при Лепанто гребцами были 25 тыс. рабов-христиан. В окрестностях гор. Алжир в конце XVI в. в 15 тыс. садов трудились по 3–8 рабов в каждом. Из них до 12 тыс. были европейцами, работавшими вместе с чернокожими рабами, «которых было невозможно сосчитать». Французский монах из ордена тринитариев Дан видел в Алжире в 1634 г. рабов из Франции, Италии, Испании, Англии, Германии, Голландии, Фландрии, Греции, Польши, Словении и России. Тогда в Тунисе было 7 тыс. рабов, в Алжире — 25 тыс. белых рабов, т. е. на трех жителей города приходилось по 1 рабу. При этом среди них преобладали подданные Испании: 27% испанцев и 49% подвластных Мадриду итальянцев и фламандцев. Естественно, в Испании знали об этом и соответственно относились к морискам-рабам, да и к свободным, положение которых нередко было близко к рабскому. Но, как пишет Мишель Фонтенэ, в XVII в. «раб больше не считался рабочей силой, но рассматривался как объект выкупа». Очевидно, это было не совсем так, о чем свидетельствует высокая смертность среди рабов в Магрибе, особенно — среди занятых на галерах и в каменоломнях. В

Триполи она достигала в отдельных случаях до 50% (например, в 1668–1678 гг. там умерли 1130 из 2450 рабов-христиан).

Освобожденных за выкуп было гораздо меньше: например, из плена в Тунисе в 1680–1700 гг. — всего 420 европейцев, в основном итальянцев (339 чел.), голландцев (37 чел.), мальтийцев (29 чел.). В то же время испанцев и португальцев было освобождено всего 10 чел. В соседнем Алжире из захваченных только в 1685–1686 гг. 755 чел. освободились 90 чел., а среди оставшихся в плену (на положении рабов) 664 чел. свыше половины были женщины или связанные с ними (как моряки, торговцы или корсары) генуэзцы и корсиканцы. По некоторым свидетельствам, среди рабовладельцев, в частности в Алжире, встречались бежавшие из Испании мориски, которые хорошо обращались с рабами-христианами и «говорили с ними по-испански так же хорошо, как и самые воспитанные севильцы и толедцы». Впрочем, после массового изгнания морисков из Испании положение рабов-христиан в Магрибе ухудшилось. В частности, были резко ограничены их возможности изменить свое положение, приняв ислам: по словам М. Фонтенэ, «теперь в ренегатах уже не нуждались как в технико-экономической элите, функции которой взяли на себя изгнанные из Испании мориски»[91].

В Мадриде даже в середине XVII в. из 250 рабов 60% составляли «мавры» (мориски и магрибинцы). В Валенсии тогда же их было 68% из 652 рабов, в Генуе — 62% из 300 рабов-галерщиков в 1635 г., у папы римского даже в 1720 г. — 67% из 260 рабов на галерах (по свидетельству профессора университета Перуджи Сальваторе Боно). В Испании главными рабовладельцами были чиновники и знать: из 447 рабов Мадрида в конце XVII в. 68% принадлежали высшей аристократии и бюрократии, 22% — разным идальго. Институт рабства в Средиземноморье вообще отмирал медленно, что было связано, по мнению Мишеля Фонтенэ, «со структурами и ментальностью христианского Запада, аристократического и феодального». Особенно это относилось к Испании с ее восьмивековой традицией Реконкисты, приучившей к постоянному насилию, воинственности и нетерпимости. Тем более что Испания «официально оставалась в состоянии войны с исламом, хотя с 1580 г.

фактически не было прямых столкновений между двумя великими империями, Испанской и Османской».

Проблема рабов и военнопленных была тесно связана с еще одной немаловажной для Испании XVI в. проблемой — демографической. Правоверных католиков всегда «волновала плодовитость морисков», которую они объясняли их «похотливостью». Действительно, темпы естественного прироста населения среди морисков были выше, но отнюдь не по этой причине. Во-первых, мориски, теоретически не допускавшиеся в монашеские ордены, предписывавшие безбрачие, реально почти в них не вступали как ввиду тайного исповедания большинством из них ислама, так и по причине их дискриминации и недоверия к ним, даже к тем, кто закончил духовные семинарии. Ввиду этого почти все семинаристы из морисков, за редкими исключениями, отказывались от религиозной карьеры, тем более в духовных орденах.

В то же время среди «старых христиан» карьера священника или монаха была весьма популярна не только ввиду разгоревшегося еще во времена Реконкисты католического фанатизма, но и по чисто экономическим соображениям: монах или священник был материально обеспечен и не страдал (или почти не страдал) от голода, нищеты и прочих напастей, неизбежно сопровождавших жизнь простого испанца в XVI в. Таким образом, по словам Р. де Сайяса, «целый сектор старохристианского общества был обречен на бесплодие». Вместе с тем мориски, которым было запрещено носить оружие, не участвовали в бесчисленных войнах испанской монархии с 1492 по 1609 г., в которых именно «старые христиане» (вместе с германскими, итальянскими и прочими, тогда даже арабскими и африканскими, наемниками) гибли в Африке, Америке, Европе, Азии, на Тихом и Атлантическом океанах, в Средиземноморье и на других морях. К тому же многие из них, спасаясь от рекрутчины, нищеты, произвола властей и сеньоров, налогового гнета, предпочитали эмиграцию в Америку или другие заморские владения Габсбургов. В то же время эмиграция морисков в Магриб, хоть и происходила тайно, но все же была затруднена, так как неизбежно влекла за собой утрату недвижи-

мого, да и прочего имущества, иногда тюремное заключение и смерть[92].

Мориски, как мы далее увидим, высылались, уезжали добровольно, погибали от репрессий и преследований. Тем не менее, в среднем их численность выросла за XVI в. примерно на треть, в то время как численность «старых христиан» уменьшалась (см. главу II). Однако последние делали все, что могли, дабы свести на нет данное преимущество морисков. Например, в 90 районах области Валенсии, где в 1527–1563 гг. не было каких-либо особых социальных и политических потрясений, именно в это время количество домашних очагов морисков уменьшилось с 3429 до 3318. Однако в дальнейшем численность морисков этой области в 1572–1609 гг. выросла с 85 тыс. до 135 тыс. чел. За тот же период в Арагоне она увеличилась с 48 тыс. до 61 тыс., в Каталонии — с 7 тыс. до 8 тыс., в Кастилии — с 30 тыс. до 115 тыс. чел. (что произошло в основном за счет переселения почти всех морисков из бывшего эмирата Гранады, где их из 150 тыс. чел. в 1568 г. осталось к 1580 г. не более 10 тыс.). Общая их численность мало изменилась: 321 тыс. в 1575 г., 319 тыс. — в 1609 г., и это несмотря на продолжавшееся тайное бегство в Магриб, непрекращавшиеся преследования инквизиции (только в Кастилии и Эстремадуре к 1594 г. было заведено свыше 27 тыс. судебных дел, в большинстве случаев завершившихся смертным приговором или осуждением на долгий тюремный срок), естественную убыль, потери от эпидемий и стихийных бедствий[93].

Мориски, вынужденные вести себя как христиане, старались избегать выполнения церковных обрядов (по крайней мере, всех) и особенно контроля со стороны духовенства. Они часто скрывали от властей истинные цифры рождаемости (дабы избежать крещений) и смертности в своей среде (дабы хоронить умерших по своим обычаям). Они считали «старых христиан» алчными и склонными к насилию варварами, презирали их за фанатизм и нечистоплотность, «идолопоклонничество» (почитание икон), «многобожие» (догмат Святой Троицы) и «святотатство» (уподобление вина крови сына Божьего). Однако большинство их, как правило, свое мнение держали при себе. Оно высказывалось обычно во время конфликтов,

столкновений и открытых мятежей. В то же время среди части морисков имели место и соглашательские, примиренческие настроения. Из этой же их фракции вербовались доносчики и информаторы властей, а также сотрудничавшие с властями коррупционеры, старавшиеся угодить обеим сторонам конфликта путем подкупа и тех и других. Наличие подобных элементов часто подрывало сопротивление морисков, тем более что среди католиков каждый «был информатором инквизиции из интереса, страха или ненависти к морискам». Исключением были, как уже отмечалось выше, некоторые сеньоры Арагона, Валенсии и даже Гранады, «заинтересованные в защите главного источника своих доходов, т. е. вассалов из морисков»[94].

«Старые христиане» думали о «конверсос», т. е. новообращенных (бывших мусульманах, иудеях и прочих), еще хуже, чем те о них. При этом, если мориски свое отрицательное отношение к угнетателям и мучителям (пусть — не всегда справедливое) хоть как-то обосновывали религиозно-идеологическими аргументами или просто реакцией на жестокость и тиранию, другая сторона, систематически пропагандируя ненависть, подозрительность и беспощадность к преследуемому меньшинству, не всегда утруждала себя поиском даже аргументов религиозного характера.

Наиболее пространно сформулировал расхожее мнение о морисках (не лишенное, однако, интереса) монах-тринитарий Пабло Аснар-и-Лафуэнте, апостольский проповедник в соборах Барселоны и Сарагосы. В 1610 г. его рассуждения были опубликованы инквизитором Хайме Бледой, советником близкого к королю герцога де Лерма. Они содержат довольно интересные сведения и наблюдения этнографического характера, ценность которых, однако, умаляется предвзятой и непримиримо враждебной клерикально-догматической позицией Аснара-и-Лафуэнте. Его текст гласил: «Мориски — это крайне гнусные люди, неопрятные, враги просвещения и науки, спутников добродетели. Поэтому они чужды всякой вежливости, учтивости и политичности, воспитывают своих детей в диком невежестве, не давая им ни рационального образования, ни учения о спасении. Они сблизились с христианством, вынужденные к этому штрафами и наказаниями со стороны священ-

ников и альгвасилов. Они лживы в своих рассуждениях, дики в речах, варвары по своей речи и смехотворны в своих костюмах: большинство одевается в лохмотья из синего полотна или прочие дешевые вещи… то же самое относится к женщинам в коротких цветных рубашках или платьях желто-зелено-синей раскраски. Они так все время ходят, непринужденно и легко, полуодетые, почти в одной рубашке. Молодые хорошо причесаны, вымыты и чисты. Они едят как скоты, расположившись на земле по еврейскому ритуалу, установленному Магометом (!), без столов и каких-либо предметов, которые сближали бы их с человеческими существами, за исключением ковров и, очень редко, скатерти. Спят они так же, на земле, постелив коврик, называемый “альмадрава” в Арагоне и “маталафет” в королевстве Валенсия. Однако, когда они болеют, то пользуются очень большими и широкими кроватями… Они не применяют никаких лекарств, кроме диеты, с помощью которой вылечивают лихорадку. Они никогда не пускают кровь и не принимают слабительное. Они никогда не зовут к себе врача, если он не из них, а живут до 80, 90 и 100 лет. У них есть хирурги, которые прекрасно лечат мазями. Питаются они мерзко и страдают от этого по приговору Небес, ибо они смешивают разные сорта муки, овощей, бобов, чечевицы и проса, из которых выпекают свой хлеб с добавкой из других растений. Они также едят этот хлеб с сухим виноградом, инжиром, медом, молоком, а в королевстве Валенсия ежедневно едят рис. Они очень любят лакомиться свежими фруктами и овощами. Они объедаются огурцами, грушами и баклажанами после поглощения кувшинов воды без какого-либо вреда для себя. Они не дожидаются, пока фрукты созреют, и едят их еще зелеными. На питание они тратят очень мало, предпочитая мясо коз и баранов, дешевую сушеную рыбу, селедку, треску и сардины со свежим салатом. Они употребляют много масла… Они очень любят фарсы, сказки и рассказы. Особенно же обожают балы, танцы, праздники, песни, утренние серенады, пляски в садах и вокруг фонтанов, так же как и все дикие развлечения, которым предаются молодые крестьяне на улицах самым шумным и беспорядочным образом. Обычно у них есть лютни, волынки, барабаны. Они хвастают тем, что они — великие танцоры, ук-

ротители быков, и прочими делами, достойными паршивцев. Предпочитают же они занятия, не требующие особых усилий: ткачей, портных, конюхов, ветеринаров, обувщиков, жестянщиков, сапожников. Они — большие мастера по дрессировке животных. Они посвящают себя торговле в развоз подобно их великому караванщику Магомету, а также — садоводству и сбыту масла, рыбы, меда, винограда, сахара, кур, яиц, холста. Занимаясь профессиями, позволяющими перемещаться по стране, они наблюдают, что происходит у христиан, которых они убивают в большом количестве с помощью дьявольской отравы, примешиваемой в пищу, которую они продают. Обычно — они бездельники и бродяги, шатающиеся по полям как дикари или арабы. Зимой они тянутся к солнцу, чтобы поболтать о вредных животных, о том, чья лошадь лучше и лучше других выдрессирована и других подобных вещах, причем вопят во все горло. Они мало занимаются профессиями, связанными с металлом, железом, деревом или камнем, за исключением некоторых кузнецов, работающих для себя, а также — ввиду их большой любви к своим мулам. Они также делают серпы, кинжалы и топоры, всегда сохраняя это оружие при себе. Они весьма подвержены телесным порокам. У мужчин и женщин среди них все разговоры, мысли и заботы крутятся вокруг этого… Они ведут себя друг с другом так разнузданно и с таким презрением к законам природы и Бога, что не считают грехом отношения инцеста. Для них не считается позором, если женщина вступила в связь со своим деверем, поскольку это ей разрешил муж. Они очень рано женят своих детей и думают, что это хорошо для брака, если девочке 11 лет, а мальчику — 12. Они не очень трудятся ради приданого своих дочерей. Наоборот, юноши должны давать половину имущества, что означает покупку ими жен, дабы полностью над ними господствовать, как завещал Магомет, словно речь идет о личной собственности. Они стараются размножаться как паршивая трава. Никто не упускает случая жениться, поскольку никто не связан статусом монаха или монахини и не обязан отказываться от плотской чувственности. Это показывает, что они ненавидят честную и целомудренную жизнь. Женятся все: бедные, богатые, здоровые, хромые. У них нет совести отцов “старых хри-

стиан", которые, имея пять-шесть детей, обычно женят старшего сына или выдают замуж старшую дочь, а остальных отдают в чиновники, монахи, монахини или солдаты».

Далее проповедник уже не в силах был оставаться в рамках приличий и хотя бы внешней объективности, назвав морисков «детьми Сатаны», «лжецами» и «двуличными», которые «рождены с ложью на устах и воровством в руках». А в Арагоне, по его мнению, среди них «несметное число ведьм» и всюду у них «величайшие колдуны и чародеи». В сущности, брань и проклятия в адрес морисков в тексте Аснара-и-Лафуэнте ничем не подкрепляются, если не обращать внимания на его фантастические домыслы относительно выдуманной им самим якобы враждебности морисков «просвещению и науке», которые для благочестивых католиков того времени, очевидно, сводились к папским энцикликам и вердиктам инквизиции. Смехотворны невежественные высказывания проповедника о будто бы «еврейском ритуале», да еще «установленном Магометом». Все здесь — преднамеренная ложь и рассчитанные на невежественных людей весьма примитивные инсинуации с целью еще более разжечь среди правоверных католиков вражду к морискам. Приводимые же им позитивные сведения не подтверждают ни одно из его обвинений. Чувствуя это, он периодически срывается, оперируя клеветой и пропагандистскими клише. В то же время он, судя по всему, довольно долго наблюдал жизнь морисков и неплохо знал ее. Так что его свидетельство при всей пристрастности проповедника и его стремлении очернить морисков все же является ценным историческим документом.

Материалов такого рода довольно много, но не все они равноценны, к тому же — редко содержат столь богатые сведения о морисках, как текст Аснара-и-Лафуэнте. Тем не менее, они все как-то дополняют и обогащают в чем-то информацию данного автора (разумеется, в ее позитивной, а не пропагандистской части), чаще же — ее подтверждают, уточняют, детализируют, конкретизируют в зависимости от места и времени. Это — десятки и сотни писем, обращений к королю, меморандумов, памятных записок и просто доносов епископов, рядовых священников и инквизиторов разных рангов, чиновников,

юристов, придворных, прочих аристократов, личных секретарей короля, а иногда и самого короля, отвечавшего своим подданным или выносившего решения по поднятым ими проблемам, связанным с морисками, их положением, поведением, бытом[95].

Все, изложенное выше, свидетельствует о том, что, несмотря на постоянную аккультурацию и «испанизацию» морисков во всех сферах жизни, им удалось сохранить свою самобытность в области религии, культуры и быта. Тем самым они, даже сближаясь со «старыми христианами», все же оставались самими собой, закрепляя «особость», уникальность своего этнолингвистического и духовного бытия, которому были свойственны черты переходности, пограничности и культурного синкретизма.

Это подтверждается мнениями многих знатоков проблемы: идентичность морисков «подкреплялась семейными связями, обычаями, общностью профессий и совместного проживания, языковыми и прочими особенностями, делавшими из мориска члена социальной группы, непроницаемой для чуждых влияний» (А. Домингес Ортис); «стены их домов превращались в оборонительные укрепления, двери и окна выходили во внутренний дворик», что лишь «усиливало сплоченность этого сообщества» (Мухаммед Турки, профессор университета Мануба в Тунисе). В то же время в их среде даже дети говорили на хорошем испанском языке, но девушки часто отказывали женихам-испанцам. Иными словами, мориск «даже в повседневной жизни был в высшей степени и конформистом, и традиционалистом». Хопкинс и Лэтэм указывают на сдержанность и неболтливость морисков, одновременно отмечая их «благородство, честность, великодушие» и верность данному слову. После переезда в Магриб они выделялись среди местных жителей «элегантностью одежды, изысканностью манер и вкуса», а также расчетливостью и экономностью, что открыло многим из них путь к богатству и власти. В дальнейшем, однако, большинство их потомков (даже в Тунисе) утратило наследие предков, смешавшись с автохтонами[96].

Женщина в социуме морисков

Мориски являлись одновременно и фракцией испанского общества, и чужеродным элементом в его составе. Многое в их жизни определяли традиции, унаследованные от Аль-Андалуса, но скорректированные новой ситуацией все более усиливавшегося воздействия испанского окружения, доходившего порой до полуассимиляции или, в отдельных случаях, до полной ассимиляции с этим окружением. Уже в эпоху Аль-Андалуса страна была, по определению К. Санчеса-Альборноса, «мостом между Европой и Африкой», «полем битвы двух культур — Востока и Запада»[97]. Это сказывалось во всем, в том числе в положении женщин, которые были гораздо более свободны, образованны и социально самостоятельны в Аль-Андалусе, чем в других странах ислама. Это было одной из особенностей андалусийского общества, которое было «одновременно арабским и неарабским, так как синтезировало черты мусульманского и европейского общества средних веков»[98].

Пьер Гишар, исследовавший сложное переплетение в Аль-Андалусе социальных структур Востока и Запада, указывает на множество матримониальных связей между известными семьями Аль-Андалуса и христианских государств на севере Иберийского полуострова, на двуязычие и бикультурализм вследствие этого многих знатных родов Аль-Андалуса и на заметную роль женщин в этом социуме, все же «остававшимся в своей основе арабо-исламским по языку, культуре и религии»[99].

Поэтому, несмотря на то, что и христиане, и мусульмане полуострова имели много общего, вплоть до физического и культурно-этнического сходства, различия все же оставались. Они сохранялись в языке (к тому же — мориски говорили по-испански со специфическим акцентом), религии, нравах и обычаях, одежде, питании, обрядах и празднествах. Причем во многом все это относилось прежде всего к женщинам-моркскам, наиболее бережно хранившим этнические особенности своего сообщества и, прежде всего, стремившимся придерживаться традиционной обрядности при вступлении в брак,

рождении ребенка, погребении умерших и в других важных «моментах семейной и общинной жизни».

После падения Гранады мусульманки Испании, оставшиеся на родине, разделили участь своих мужей, отцов, братьев. И казалось, им нечего было опасаться, так как в условиях подписанной Боабдилем капитуляции специально оговаривалось уважение религии и обычаев мавров, их мечетей и школ, их законов и образа жизни, в том числе их жен[100]. Однако нарушение условий 1492 г. постепенно превратило всех мавров в морисков, противопоставив друг другу «старых» и «новых» христиан, отличавшихся не только по языку и одежде, но и по своим менталитету, поведению и, в целом, этнокультурной идентичности. В сообществе морисков эти отличия породили «сопротивление на различных уровнях», в котором, по словам Л. Кардайяка, «большую роль играли альфаки как распространители ислама, а также женщины как хранительницы семейных ценностей»[101].

Роль матери семейства, оберегающей семейный очаг, была не единственной для женщин-морисков. Им еще раньше, сразу после падения Гранады в 1492 г., пришлось защищать свою свободу, поскольку многие из них, особенно вдовы и девушки, но также «замужние женщины из уважаемых семей и их дочери» были проданы в рабство (около 300 чел.). Правда, не так уж редко рабынь и освобождали, иногда — за плату, иногда — даром, иногда — по завещанию. Многим при этом выдавали «карта до орро» (от арабского «хурр» — свободный), указывая в некоторых случаях причиной освобождения «любовь, которую я к ней испытываю, как к доброй христианке»[102]. Это было обычно для той эпохи, когда работорговля еще не была под запретом и считалась «законным бизнесом» победителя[103]. Ситуация усугублялась также исчезновением после 1492 г. мусульманской государственности на Иберийском полуострове, распадом ее структур, в том числе морально-юридических, отъездом в Магриб основной части политической и духовной элиты мусульман[104]. Неизбежными последствиями жесточайшего кризиса андалусийского общества явились кризис семьи у морисков, рост числа вдов, брошенных жен, сирот, беспомощных стариков. Это подтверждается, помимо всего прочего,

документами инквизиции по поводу бродяг, нищих, «ведьм и колдунов» из среды морисков[105].

В подобных условиях роль женщины как хранительницы семейных ценностей резко возросла. Испанская исследовательница Ана Лабарта пришла к выводу, что почти все темы так называемой магии морисков относятся к «женской компетенции»: охрана здоровья, способность вызывать любовь и быть любимой, гарантии потомству, защита детей и т. п.[106] Характерная черта, присущая фольклору морисков, — изобилие тем, касающихся положения и здоровья женщины, ее поведения, способности предвидеть, вести дела и хозяйство, использовать талисманы и фетиши, заключать брак по расчету или по любви, допускать или не допускать адюльтер, знать и хранить секреты мужчин, хотеть или не хотеть замуж, желать или не желать родить ребенка, заниматься или не заниматься акушерством и т. п.[107]

Конечно, не случайно женщины морисков были компетентны в вопросах магии. Это было наследием интеллектуальной культуры Аль-Андалуса и его традиций, согласно которым женщины были не только грамотны, но и много читали, будучи нередко владелицами больших библиотек. Кроме того, использование магии было для женщин-морисков средством укорениться в жизни общества. Многие из них были известны как компетентные целительницы, знающие целебные источники и травы, неизвестные врачам того времени, да и прочие средства лечения, включая магические обряды, лекарства, яды, соответствующие свойства фруктов и т. п.[108]

Являясь частью преследуемого меньшинства, женщина у морисков полностью осознавала свою роль в борьбе всего их сообщества за свою самобытность, особую культуру и специфику, в том числе религиозную[109]. Она была в самом центре этого религиозного и культурного сопротивления, дополняя христианское крещение мусульманским обрядом «фада», иногда (но очень редко) просто обходясь без церемонии крещения, открыто выступая против таинства христианского брака и заключая брак вне контроля государства и церкви. Как писала Жанна Видаль, «женщины были главными в этом церемониале»[110]. Их роль была также важна в различных контактах с хри-

стианским окружением через общение по специфически «женским» вопросам, в том числе касавшимся любви, секса, болезней и их лечения. Им удавалось иногда влиять на некоторую часть «старых христиан», особенно молодежь и особенно в Валенсии, а также — по всей стране, через механизм не очень уж редких смешанных браков[111].

Внутри семей морисков роль женщины также возросла как воспитательницы и хранительницы культурных традиций. С превращением мавров в морисков в стране были разрушены все мечети и медресе, уничтожена основная часть арабоязычной литературы. На тайное их восстановление (чаще всего — в виде подпольных молельных домов) многие женщины жертвовали свои личные средства, продавая принадлежавшие им драгоценности или даже обстановку. И хотя литература морисков, особенно на альхамиадо, выжила, слишком многие мориски, даже состоятельные, не могли учиться читать и писать по-арабски. Поэтому грамоте стали учить в семье, что лишь добавило эту непростую функцию ко всем прочим заботам женщины в обществе морисков. В некоторых регионах, например в Гранаде, женщины среди морисков преобладали (в результате гибели значительной части мужчин в почти непрерывной войне 1482–1501 гг.), причем большинство из них были вдовами. Постоянные репрессии и лишения, ответственность за детей и стариков закалили их волю и характер, их способность противостоять многочисленным испытаниям и отстаивать свои интересы[112].

Во многих документах, в том числе церковных, которые фиксировали брачные отношения, женщины-мориски фигурируют в качестве владелиц домов (таких было, например, 19 в городе Шатиба — современной Хативе), земель (15 чел. в той же общине), садов, рабынь и т. д.[113] Обычно источником их богатств были богатое приданое или подарки мужа, особенно роскошные наряды и драгоценности, вдовами обычно продававшиеся. Вообще женщины морисков, часто оказывавшиеся без поддержки мужчин (погибших, брошенных в тюрьмы, уехавших), просто вынуждены были во многих случаях самостоятельно решать многие проблемы. Они участвовали в судебных процессах, преследовались, арестовывались, осужда-

лись и наказывались наравне с мужчинами. Многие из них были упорными труженицами не только на кухне и в традиционно-женской работе дома (в частности, в вязании круглых шапочек — «шешиа»). Они также были заняты в ковроделии, всякого рода мелкой торговле, а еще чаще становились прачками, продавщицами воды, уборщицами, домашними служанками[114]. Практически их социокультурный уровень был не ниже уровня «старых христианок». Они, вопреки распространенному мнению, начинали брачную жизнь, по данным Антонио Домингеса Ортиса и Бернара Венсана, не раньше 17 лет (а в Кордове — 18–19 лет), т. е. как и «старые христианки», и рожали не чаще, чем последние, вовсе не отличаясь особой «плодовитостью», так пугавшей инквизиторов, и вообще, по признанию даже испанских историков, «по своему жизненному опыту» были неотличимы от «старых христиан»[115].

В квартале Альбайсин в Гранаде в 1560 г. семья морисков в среднем имела 4 детей, а «старохристианская» семья — 5. Тогда в Гранаде большинство женщин-морисков трудились (в частности, 786 из них были заняты выделкой шелка). Особо надо подчеркнуть их занятость в сельском хозяйстве, где наиболее зажиточные из женщин-морисков держали по нескольку десятков голов крупного рогатого скота, а в герцогстве Гандия работали на плантациях сахарного тростника[116]. В области Гранады 14 из них самостоятельно владели виноградниками, оливковыми рощами, маслобойнями[117]. Но, конечно, большинство женщин-морисков не имели возможности (или необходимости) самостоятельно вести хозяйство, будучи либо прислугой в домах испанской знати и дворянства (редко — у состоятельных морисков), либо наемными работницами на различных торговых или ремесленных предприятиях, либо оставаясь домашними хозяйками (обычно — в относительно зажиточных семьях). Характерно, что их общение со «старохристианским окружением», особенно с женщинами из этой среды, сказывалось на их поведении и даже внешнем виде. В частности, они носили «одежду и обувь, традиционные для морисков, но одновременно учитывавшие кастильский стиль и… кастильскую моду»[118].

Некоторые занятия женщин у морисков дожили до наших дней. Они касаются музыки, танцев, обрядов, связанных с гаданием и предсказаниями. Более 30 лет назад Мерседес Гарсиа-Ареналь, морисколог с мировым именем, выдвинула следующий тезис: «Весьма вероятно, что большое число морисков, дабы избежать изгнания, превратились в цыган». В этой связи стоит обратить внимание на песни, танцы и вообще музыкальный фольклор испанских цыган. Цыганки Испании открыто признают, что они, дабы привлечь клиентов, прибегают к «магии мавров», что они во время традиционных празднеств исполняют танец самбра, заимствованный у морисков. Известно, что само возникновение в испанской культуре на рубеже XVIII–XIX вв. музыкального жанра «фламенко» является результатом смешения вклада морисков и цыган (в основном пришедших в Испанию из Египта через Магриб) с фольклором христиан Андалусии, в котором многое (в частности, танец фанданго) также в значительной степени ведет свое происхождение от морисков. Стоит обратить внимание и на то, что после изгнания морисков цыгане унаследовали некоторые их профессии[119]. Еще один аргумент в пользу тезиса Гарсиа-Ареналь: автор этих строк лично наблюдал в Испании в 1985 г., когда цыган Хименес из провинции Мурсия называл себя «моро», т. е. мавр, и говорил, что все его сородичи считают себя наследниками мавров. В разных аспектах этой проблемы касались великий поэт Федерико Гарсиа Лорка, известный композитор Мануэль де Фалья и выдающийся испанский филолог-арабист Федерико Коррьенте Кордоба, указывавшие на привнесение цыганами индийских и египетских мотивов в жанр «фламенко», который все современные арабские писатели и музыковеды считают «своим», возводя его истоки к арабской музыке Аль-Андалуса.

В дополнение к этому стоит привести ряд свидетельств, собранных профессором университета в Перпиньяне Бернаром Леблоном: 1) в 1607 г. монах Мелькор де Уэламо заявил, что «цыгане — это африканский народ, произошедший от мавров — магометан Аллаха»; 2) инквизиция Каталонии в 1608 г. сочла «цыган также морисками»; 3) Государственный Совет Испании в 1610 г. рассматривал петицию жителей двух селений,

требовавших изгнания цыган, «так как они — мориски». Таких свидетельств — более 20. Они, естественно, ничего не доказывают, но подтверждают близость морисков к цыганам, каковая в глазах католиков Испании начала XVII в. была аксиомой. И основывалась она как на сходстве положения этих отверженных и презираемых фанатиками народов, так и на их контактах, позволивших, в частности, некоторым морискам Валенсии и Арагона «смешаться с ватагами цыган», что подтверждают многие историки (А. Домингес Ортис, М. Барриос, Р. Лафуэнте и др.). Женщин это касалось в не меньшей, если не в большей степени, чем мужчин[120].

Наконец, самое главное, что следует сказать о женщинах морисков, относится к их роли в общественной жизни. Эта роль была гораздо более значительной, чем в любом другом мусульманском обществе того времени. После принудительного крещения 1501–1525 гг. альфаки, возглавлявшие альхамы (а кое-где и сами альхамы), были объявлены вне закона, знахарки, акушерки и мясники морисков (резавшие скот по ритуальным правилам) стали «нежелательными» лицами. К 1540 г. практически вся самобытная культура морисков оказалась под запретом. Тем не менее, альхамы продолжали существовать, хотя альфаки и другие должностные лица в альхамах перешли фактически на полулегальное или полностью нелегальное положение. Во многом тайная, скрытая от властей, жизнь альхам поддерживалась усилиями женщин, на которых инквизиция и королевские чиновники, зная о главенствующей роли мужчин у мусульман, обращали, особенно первое время, явно недостаточное внимание. Между тем женщины морисков довольно эффективно (хоть и скрыто) действовали во имя сохранения специфики жизни альхам и защиты их культурной самобытности. Они учили детей (и не только) читать и писать по-арабски и на языке альхамиадо, ведали религиозным обучением, организацией секретных собраний для молитв или празднеств (по случаю, например, свадьбы, обрезания младенца или присвоения ему, после крещения в церкви, второго, на этот раз арабского имени). Они также обмывали тело умершего перед его погребением в соответствии с мусульманской традицией, за

что, в случае извещения об этом инквизиции, подвергались жесточайшей порке.

Тем не менее, механизм альхам, действуя в подполье, был весьма эффективен именно благодаря женщинам, которые снабжали альфаки и других лидеров альхам (например, кадиев — шариатских судей) всевозможной информацией, поддерживали связь между альхамами, устраивали тайные встречи между их главами. Грамотные женщины писали и читали письма за неграмотных, состоятельные женщины, особенно вдовы, предоставляли свои дома для собраний единоверцев. Практически все богатые женщины давали деньги и личное имущество (земли, ковры, комнаты) на нужды альхам. Но они же часто давали «старым христианам» повод для расправ с ними, отказываясь быть где-либо наедине с незнакомым мужчиной, даже со священником (т. е. тем самым отказывались от исповеди), не желали есть свинину и вообще мяса животных, зарезанных не по мусульманским обычаям. Возмущало «старых христиан» и нежелание женщин морисков открывать перед ними лицо. Мориски обычно в 2–3 раза чаще своих оппонентов начинали с ними споры о преимуществах ислама и христианства, а их женщины в 3 раза чаще были повинны в этом, за что и расплачивались весьма жестоко: среди наказанных инквизицией морисков женщины составляли 53%, за 77 лет их преследования 72 женщины были заживо сожжены на кострах инквизиции. Остальные — подвергнуты пыткам, избиению в камерах и при допросах. Многие из них умерли в тюрьмах во время заключения, полного мук и лишений, часть — погибла в застенках.

С большим опозданием раскусив роль женщин в обществе морисков, инквизиторы усилили слежку за ними, запрещая им говорить с детьми по-арабски, носить традиционную одежду и драгоценности, даже исполнять андалусийские песни и пользоваться традиционными для Аль-Андалуса музыкальными инструментами. За нарушение этих запретов полагались жестокие наказания[121]. Женщины морисков раздражали «старых христиан» своей одеждой, скрытыми лицами, предпочтением ярких красок, обычаем мыться и красить хной (по соображениям гигиены) ступни и ладони. В какой-то мере это возмущало наиболее невежественную и завистливую часть «старых хри-

стиан», особенно распалившуюся после запрещения ношения традиционных костюмов морисков (в том числе — покрывала их женщинами), использования ими арабского языка, хождения в публичные «мавританские» бани[122]. Известно, что все эти запреты были одной из причин восстания 1568–1570 гг. в Альпухарре, в котором женщины активно участвовали (об этом см. далее главу III). Именно это обстоятельство послужило впоследствии предлогом для испанских властей признать морисками детей от смешанных браков «старых христиан» и женщин-морисков. Тем самым власти как бы признавали твердость характера и принципиальность женщин-морисков, их верность своему сообществу во всех случаях, в том числе в воспитании детей[123].

Официально же они исходили из того, что женщины морисков якобы «похотливы», «беспутны», «легкомысленны», «свободного поведения» и «полураздеты», «воспитывают своих детей в невежестве» и «не считают, что инцест можно считать грехом» (у морисков часто вдова после смерти мужа выходила замуж за его брата или другого родственника). Более того, для «старых христиан», особенно же — для фанатичного духовенства и трибуналов инквизиции, практически все женщины морисков были «колдуньями», «ведьмами» и «подружками Сатаны»[124].

Однако столь ожесточенные и полубезумные обвинения, помимо фанатизма и невежества, объясняются еще и тем, что инквизиция, как и власти, опасалась влияния женщин-морисков на «старых христиан». Как пишет известный гранадский историк Энике Госальбес Гравиото, «в XIV в. женщины-мориски Гранады славились как красавицы», в стихах и романсах XIV–XVII вв. «воспевались их физические и духовные достоинства». Широко известна была легенда о пленительно «прекрасной Харифе», как и другие произведения испанского и мавританского фольклора на эту тему. Хуан Аранда Донсел приводит сведения о том, что женщины морисков были в основном высокими, стройными, белокожими (62%) и черноглазыми (85%). О «телесной красоте», как о «выдающемся отличии» женщин-морисков, писали и многие иностранцы, в частности — посетивший Испанию в 1523 г. венецианец Андреа

Наваджеро, впервые приехавший в Гранаду в 1502 г. Филипп Красивый Габсбург (будущий супруг королевы Хуаны Безумной), германский путешественник Иероним Мюнцер в 1494 г. и ряд других, не говоря уже об испанских авторах, среди которых — известные историки и писатели Мармоль-и-Карвахаль, Перес де Ита, Уртадо де Мендоса. Недаром многие гранадинки (особенно до восстания 1568 г.) потом вошли в семьи «старых христиан»[125].

Но кроме внешних данных женщин-морисков, «смущавших» добрых католиков, почти все авторы отмечали их своеобразный «общинный патриотизм», твердость в подчеркивании и отстаивании своей религиозно-культурной самобытности. Чиновники и инквизиторы боялись, что многие «старые христиане», особенно молодежь, не выдержат объединенного воздействия на них женского обаяния и идейного напора прекрасных мавританок. Поэтому архиепископ Гранады рекомендовал всем новообращенным «одеваться, обуваться, стричься и питаться» по примеру «старых христиан», а королева Кастилии Хуана Безумная дважды — в 1511 г. и 1513 г. — издавала указы, обязывавшие морисков, особенно их женщин, прекратить носить одежду «устаревшего образца». Разумеется, мориски всеми правдами и неправдами саботировали выполнение подобных «рекомендаций» и «указаний». И женщины в этом особенно преуспели. Одежда и язык оставались главными показателями их борьбы за, как они говорили, «сохранение своего лица».

Вот как уже упоминавшийся А. Наваджеро описывал женщин-морисков в 1526 г.: все они «выглядят как мориски в своем фантастическом костюме, носят рубашку, едва достигающую пупка, короткие штаны из расписной ткани, в которые заправлена рубашка; чулки натянуты на штаны из сукна или полотна и собраны складками таким образом, что ноги кажутся слишком толстыми; на ногах они носят не туфли, а хорошо пригнанные небольшие носки. Поверх рубашки надевают куртку с рукавами, которая выглядит как морискский камзол или жакет более чем двух цветов окраски, а также — белое покрывало до ступней, в которое закутываются, как кому угодно».

Другой иностранец, немец Иоханнес Ланге, тогда же посетивший Гранаду, дал свое описание морисков: «Основу обитателей города составляют белые мавры. Их женщины и девушки носят панталоны или белые штаны, закрывают голову белым платком и закутываются в белую ткань до толстых чулок, подобно нашим сельским пастухам». Кристоф Вейдиц, соотечественник Ланге, в 1529 г. обратил свое внимание не столько на одежду и внешний вид женщин гранадской общины, сколько на их занятия: заботу о детях и их воспитании (и обучении), хорошее ведение домашнего хозяйства, уличные прогулки большими компаниями, участие в традиционных для общины празднествах, особенно в сопровождавших их танцах и пении. На одном таком празднестве присутствовал император Карл V, воспринявший его весьма «толерантно», на что впоследствии ссылались мориски, когда от них требовали отказа от их самобытности[126].

Инквизиция в Гранаде тогда в основном интересовалась скрытыми иудеями и «иудействовавшими», обращая главное внимание на них и на протестантов. Но с 1550 г. она вновь обрушилась на морисков (в 1560–1571 гг. среди жертв местной инквизиции мориски составили более 90%), начав при этом с их женщин и особенно возмущаясь тем, что «невесты идут в церковь для благословения в христианских одеяниях, а вернувшись домой, все сбрасывают и, одевшись как мавританки, празднуют свадьбу с инструментами и песнями морисков». Тщетно пытался защитить обычаи морисков уже упоминавшийся выше Франсиско Нуньес Мулей: «Наши свадьбы, самбры и гуляния, наши развлечения никак не ставят под сомнение нашу верность христианству. Да и мавританские ли это церемонии? Настоящий мавр не имеет дела с такими вещами никогда: альфаки сразу же уходят, когда начинаются песни и музыка». И далее он доказывал, что такого нет «ни в Африке, ни в Турции», а то, что есть у морисков, это всего лишь «провинциальный обычай». Он также защищал обычай женщин-морисков краситься хной: «Это — вовсе не против веры, а лишь полезно для тела»[127].

Ж.-П. Дедьё и Л. Кардайяк объясняют как бы «внезапное» ожесточение инквизиции против морисков необходимостью

подогреть религиозный фанатизм и шовинизм «истинных» католиков, к середине XVI в. уже забывших об изгнанных иудеях и весьма равнодушных к «ереси» протестантов. Отсюда — поиск нового объекта для ненависти и демонизации. Именно Гранада, последней попавшая под власть Габсбургов, вызывала у них наибольшую настороженность как область, наиболее близкая к мусульманскому миру и наиболее подверженная его влиянию. Поэтому местные мориски находились под особым подозрением, которое почти в равной мере относилось и к мужчинам, и к женщинам. Во всяком случае доля женщин-морисков среди обвиненных инквизиторами Гранады была выше, чем в среднем по Испании — 39%, в то время как в Арагоне и Валенсии, например, она чуть превысила 27%[128]. И нет ничего удивительного в том, что именно в Гранаде женщины морисков, помимо всех видов сопротивления, о которых ранее уже говорилось, участвовали также и в вооруженной борьбе, подвергались за это, как и мужчины, поголовному истреблению, продаже в рабство, изгнанию и т. п.[129]

Все мориски, за редкими исключениями, угнетались, эксплуатировались, презирались, оскорблялись. Но над женщинами из их среды особенно издевались, обрушивая на них потоки клеветы, обид и вздорных выдумок. Вплоть до изгнания в 1609–1614 гг. женщины морисков вынуждены были терпеть не только преследования, лживые обвинения, репрессии всех видов, но и запреты на профессию (впервые применявшиеся в мировой истории), особенно в области медицины, учительства, общественной жизни. Тем не менее, нельзя отрицать, что женщины играли важную роль в жизни общины морисков в качестве хранительниц не только семейных и моральных ценностей, воспитательниц детей и помощниц мужей и братьев. Вопреки всему им все же удавалось реализовать себя и в экономической сфере (торговле, сельском хозяйстве, ремеслах, сфере услуг), в медицине, но, конечно, главной социальной функцией женщины в социуме морисков было активное и многообразное участие в борьбе за сохранение социокультурной и этнорелигиозной идентичности своей общины.

Глава III

ТРАГЕДИЯ ИСХОДА

Восстание в Альпухарре

Взаимоотношения морисков с испанским обществом постепенно эволюционировали отнюдь не в лучшую сторону. Власти и духовенство, как и большинство «истинных» католиков, очевидно, постепенно изживали иллюзии по поводу возможности культурно-конфессиональной ассимиляции морисков на своих условиях. А мориски, в свою очередь, тоже все более и более склонялись к тому, что католическое окружение не намерено ни соблюдать былые обещания, тем более — благоприятные для них ордонансы королей Кастилии и Арагона, ни уважать 67 пунктов капитуляции 1492 г.

Империя «Вечного солнца» Карла V и сменившего его в 1556 г. Филиппа II была в расцвете своей мощи. И она не собиралась идти на уступки кому-либо, тем более морискам, которых она считала всего лишь недобитыми остатками побежденных иноверцев, которым из милости разрешили проживать на землях христиан. Наоборот, от морисков ждали, когда же они наконец «одумаются» и, отказавшись от всех своих «заблуждений» и попыток сохранить самобытность, на деле полностью христианизируются и испанизируются. Возник политический тупик, чреватый взрывом насилия, что и произошло. Подробное описание произошедшего оставили непосредственные очевидцы событий, одновременно — видные историки Уртадо де Мендоса, Перес де Ита, Луис Мармоль Карвахаль, а также — 16 членов миссии ордена иезуитов в своих 37 письмах с мест событий.

Вполне закономерно, что все началось в Альпухарре — труднодоступной горно-лесной области на востоке бывшего эмирата Гранады, где наиболее сильны были традиции жизни и быта мусульман Аль-Андалуса, где еще долго держались старые названия (начиная с употреблявшегося еще в XII в. аль-Идриси названия «Аль-Бушшарат» — Альпухарра) и где и при испанцах сохранилось принятое в эмирате Насридов деление на «таа» (уезды), которые могли объединять до 5 деревень.

Мориски называли их «алькариас» (от арабского «алькариа» — селение). Крупные таа могли включать до 15 алькариас и тогда могли делиться на «аджза» (части, подразделения). Местные мориски упорно не хотели пользоваться испанской терминологией и цеплялись за старые названия, как и вообще за все, что еще осталось от прежней жизни, ностальгию по которой они испытывали особенно сильно.

Взаимная враждебность, к середине XVI в. все более разделявшая испанцев и морисков, выражалась во все большей агрессивности «старых христиан» и в росте претензий инквизиции к морискам, которые обычно реагировали на это бегством в Магриб. Постоянно поддерживая контакты с уехавшими (через контрабандистов, корсаров и иными средствами), мориски ухитрялись информировать своих собратьев о готовящихся испанцами военных экспедициях и бурно радовались, не скрывая этого, при провале таких экспедиций. Особенно усилилась враждебность морисков к «старым христианам», начиная с 1566 г., когда кончились 40 лет отсрочки, предоставленной им в свое время Карлом V, и вступили в силу все ограничения их прав (см. ниже). Кроме того, в 1564–1568 гг. на кострах инквизиции были сожжены 300 морисков и намного больше было изгнанных, брошенных в тюрьму, подвергнутых пыткам. В ряде мест мориски решили поэтому открыто сопротивляться властям и прибегли к помощи османов и магрибинцев.

Наиболее известен инцидент в Табернасе (на юге области Гранады), куда прибыли для «наведения порядка» эмиссары инквизиции с альгвасилом и нотариусом. Предупрежденные местными морисками, на побережье высадились османы (причем ночью и производя страшный шум барабанным боем и стрельбой из аркебузов). Инквизиторы и «силы порядка» едва успели спастись бегством, а османы, забрав их оружие, лошадей и прочее имущество, отплыли восвояси, увозя с собой 43 пленных «старых христиан» и 99 морисков, опасавшихся мести карателей. Часто подобные налеты организовывали мориски, эмигрировавшие в Алжир и выстроившие там в Сартеле (20 км от столицы) военную базу и судоверфь, регулярно спускавшую на воду бригантины и фрегаты, не уступавшие европейским. Нередко они, высадившись ночью в родных местах,

прятали бригантину в близлежащей пещере, а сами разгуливали открыто «в христианской одежде и хорошо говоря покастильски». Усыпив бдительность местных христиан, они затем внезапно на них нападали, пользуясь обычно сообщничеством родственников и друзей, после чего отплывали в Магриб, обычно прихватив с собой пленников и, нередко, сообщников.

Некоторые, вернувшись из Магриба, даже призывали морисков восстать. Некий Альбоасен был за это сожжен на костре в 1562 г. в городе Альмуньекаре на юге области Андалусии. Неудивительно, что в таких условиях политика властей по отношению к морискам становилась все жестче, все чаще сводясь к «грабежу, воровству, несправедливости, убийствам, массовым и произвольным приговорам». Это неизбежно нагнетало напряженность, тем более, когда в Гранаде — еще недавно столице мусульманского эмирата — «вырос рядом с туземным городом, но отдельно от него, официальный христианский город близ Альхамбры, где расположился капитан-генерал, с основанным в 1537 г. университетом, выстроенной в 1505 г. канцелярией; этот город уже к 1540 г. стал всесильным и агрессивным». Испанец в нем, по словам Ф. Броделя, был «подобен вчерашнему французу в Алжире, голландцу в Батавии или англичанину в Калькутте». А верхушка морисков, прежде всего богачи из Альбайсина, «еще сохраняли свои кадры, традиции, память о происхождении своих великих семейств». Напомним: к середине XVI в. в бывшем эмирате из 275 тыс. жителей морисков было 120 тыс. чел., т. е. около 45%. Их элите было еще на кого опираться, что было явно недооценено властями и духовенством. Поэтому, когда мориски в конце концов восстали в ответ на все ограничения, оскорбления и репрессии, это явилось для испанцев почти полной неожиданностью.

Как выяснилось позже, мориски особенно остро переживали заносчиво-наглое обращение победителей с их женщинами. Многие из них только ждали повода для выступления. Поэтому при первом же известии о нем сразу 50 тыс. морисков области Гранады покинули свои дома, присоединившись к повстанцам или направившись в горы на их поиски[1].

Искрой, от которой вспыхнуло пламя восстания, явился, как доносил в Рим папский нунций из Мадрида, «небольшой инцидент»: в начале января в город Гранаду вступила группа морисков, призывавших следовать за ними всех, желающих защитить ислам. По одной из версий, не сумев вызвать сочувствия в Альбайсине — главном оплоте мусульман города, агитаторы ушли в горно-лесной массив Альпухарры. Но их командиру Фараджу Абен Фараджу, по иным данным, все же удалось увлечь за собой кое-кого из горожан, ибо вошел он в Гранаду во главе 60 чел., а вывел из нее уже около 1 тыс. сторонников. Вскоре численность партизан в горах возросла до 4 тыс. чел., в основном — за счет уроженцев деревень. «Среди них, говорят, находятся 300 турок», — писал в Геную ее посол в Испании Саули. По другим данным, к февралю 1569 г. в горах будто бы воевали 150 тыс. морисков (что маловероятно), а другие регионы королевства восстанием охвачены не были. Но на этой цифре настаивал герцог де Сесса, имевший в области множество вассалов. Он уверял, что в горах около трети морисков (до 45 тыс.) «вполне боеспособны».

Точных сведений об этом нет. В документе, основанном на донесениях «шпионов и заслуживающих доверия свидетельствах священников» (хранится в Британской Библиотеке — Add. 15, 188), говорится, что мориски, «подстрекаемые Дьяволом», избрали своего короля и в помощь ему «назначили слуг, офицеров и министров». После этого «в полночь накануне Рождества 500 мавров вышли из Альбайсина» и присоединились к 2 тыс. мавров, «пришедшим из Альпухарры и других мест». Часть из них вернулась в Альбайсин, «славя пророка Мухаммеда», а другая, — проникнув в Альхамбру, выстрелом из пушки подала сигнал к восстанию. Тотчас на площадях города собрались более 8 тыс. морисков, в том числе из окрестных деревень. Они будто бы хотели «убить всех священников, разрушить все храмы и иконы», но не получили поддержки большинства жителей, говоривших им: «Вас мало и вы пришли в неподходящий момент». Поэтому они отступили в горы, очевидно, разными группами, так как «потеряли связь друг с другом». Этот документ исходил явно из лагеря «старых христиан», так как изобиловал обвинениями морисков в «предатель-

стве и кровожадности», а также в том, что «даже на руках их женщин кровь наших женщин-христианок и священников». Далее следовал вывод: «Ярость их секты, отвергающей наш правильный закон (имелась в виду религия. — *Р. Л.*), делает невозможным их превращение в христиан»[2].

Мадрид не сразу нашел силы и средства для подавления восстания. Основные воинские контингенты тогда находились в Нидерландах, где под командованием герцога Альбы сражались против протестантов-гёзов, а также контролировали Италию и сражались с корсарами на островах Средиземноморья. Королевству даже трудно было набрать рекрутов для новой, да к тому же «внутренней», войны, которой никто не ожидал[3]. Хотя целый ряд мер властей (в частности, объявление об обязательном изучении в школах всеми детьми морисков кастильского языка и христианской религии, декретирование «полного разоружения» морисков в 1559 г., которое на деле саботировали не только мориски, но даже их католические сеньоры в Арагоне; ревизия тогда же прав собственности на землю, в результате которой у морисков Гранады конфисковали около 100 тыс. гектаров земли, решения 1565–1566 гг. провинциального совета Гранады и собрания теологов в Мадриде о полной «евангелизации» и «катехизации» морисков и восстановлении отложенных когда-то Карлом V запретов, не отмененных, а лишь «не применявшихся», на употребление арабского языка, ношение национальной одежды, использование мавританских бань, «культовых церемоний и сопровождающих их ритуалов», танца самбры и т. п.) носил явно провокационный характер. Это относится и к запрету богатым морискам иметь рабов в 1567 г. и оказывать помощь туркам и маврам Магриба, что подтолкнуло и ускорило выступление повстанцев. Особенно после неудачи попыток влиятельных морисков Эрнандо Хабаки и Хуана Эрнандеса Модафала убедить кардинала Диего де Эспиносу, председателя Совета Кастилии, отменить вышеперечисленные меры[4].

40 лет неприменения всех этих запретов породили у морисков иллюзию об их забвении, хотя периодически трибуналы инквизиции напоминали о них и взимали с морисков штрафы за нарушение «воли короля». Но мориски воспринимали это

как своего рода издевательство над ними, ибо сами постановления о запретах нередко противоречили друг другу. Например, изданное еще королевой Хуаной Безумной запрещение морискам носить свою национальную одежду (практически повсеместно не выполнявшееся, иногда — за взятку, иногда — «по забывчивости») вскоре было дополнено требованием носить «на головном уборе нашивку в виде голубого полумесяца размером в пол-апельсина». Это было одновременно и издевательством, и актом сегрегации и дискриминации, фактически подчеркивавшим неравноправие и «особость» морисков, и хорошо запомнившимся оскорблением. Оно, несомненно, тоже сыграло свою роль в формировании бунтарских настроений среди будущих повстанцев[5].

Внешнеполитическая обстановка явно благоприятствовала морискам. Испания тогда, имея уже упомянутых выше противников, вела, кроме того, трудную борьбу за гегемонию на Средиземном море с Османской империей и борьбу эту явно проигрывала, о чем свидетельствовали неудачные нападения испанцев на алжирские порты Шершель и Хунейн в 1529–1532 гг., разгром их эскадры при Превезе в 1538 г., катастрофа армии и флота Испании при попытке захвата Алжира в 1541 г. В 1560 г. она потерпела поражение в морском бою в Керкеннском проливе близ Туниса и сдала османам саму столицу Туниса. Корсиканский вождь Сампьеро в 1564–1569 гг. превратил свой остров в солидную базу и укрытие для османского флота, разведка Стамбула (состоявшая во многом из хорошо знавших Испанию морисков и сефардов) явно превосходила испанскую, противники Мадрида из числа нидерландских протестантов, французских гугенотов и тех же морисков, имевших своих представителей при султанском дворе, широко пользовались помощью османов. А султан Селим II даже, по некоторым данным, снабжал заранее оружием тайно формировавшуюся в Гранаде «армию восстания». Османы поддержали повстанцев Альпухарры буквально в первые же дни, направив из Алжира 40 кораблей с оружием и добровольцами — гази (участниками священной войны). И хотя сквозь зимние штормы пробились всего 6 кораблей, с них было выгружено оружие (включая пушки), порох, высадились небольшие группы гази. Всего за

два года войны бейлербей («бей над беями») Алжира Ульдж Али сумел переправить на помощь морискам 4 тыс. воинов, в том числе морисков, ранее уехавших в Алжир, и несколько сот турок, ставших военными предводителями и инструкторами у повстанцев[6].

В канун праздника Рождества 1568 г. повстанцы избрали своим предводителем 24-летнего Эрнандо де Кордобу-и-Валора, провозгласившего себя эмиром. Он был потомком семейства андалусийских Омейядов и принял имя Абен Умейя (Ибн Омейя, т. е. сын рода Омейя)[7]. Будучи богат, он входил в городской совет Гранады. Но, как и другие знатные мориски, был недоволен политикой Мадрида по отношению к ним, а также — обижен за своего отца, брошенного в тюрьму королевскими властями. По некоторым сведениям, все это заранее готовилось, по другим — вспыхнуло внезапно.

Абен Умейю избирали 4 категории морисков — вдовцы, женатые, молодые воины и женщины (что еще раз подчеркивает роль женщин у морисков). Процедура сопровождалась чтением Корана и пророчеством марабута (суфийского проповедника) о восстановлении арабского владычества «молодым начальником царской породы», который вернется к вере предков. После чего новоиспеченный эмир сбросил испанский костюм и облачился в красный шелковый бурнус с золотыми кистями, поклявшись «на знамени пророка… жить и умереть в вере Корана». На первых порах ему сопутствовала удача.

В первый же день мятежа восстали многие селения трех округов области, а за ними — большинство морисков, проживавших в бывшем эмирате. Всего к восстанию примкнули 182 селения Альпухарры. Это поставило власти в трудное положение, так как южное побережье страны было практически не защищено от атак с моря, которые при поддержке морисков могли быть очень опасны. Тем более, как выяснилось в дальнейшем, мориски в горах Альпухарры времени даром не теряли, организовав там нечто вроде мини-государства, в котором насчитывалось до 85 тыс. хозяйств, плативших специальный налог «фарду», и до 100 тыс. боеспособных мужчин. Получая помощь из Алжира, повстанцы обращались за ней и к другим странам ислама. В частности, испанцами было перехвачено их

письмо с соответствующей просьбой в Фес — столицу султаната Марокко.

В мае 1569 г. повстанцы спустились с гор на равнину и открыто двинулись в наступление с развевающимися знаменами. По дороге они грабили дома «старых христиан», захватывая их женщин и детей, которых готовили для продажи в рабство в Магриб в обмен на необходимое им оружие. При этом разрушались церкви и были убиты многие священники. 8-тысячный отряд морисков готовился занять Гранаду, где одно время войск почти не было, если не считать запершихся в Альхамбре 23 солдат во главе с генерал-капитаном провинции маркизом Мондехаром[8].

Не сразу оценив по достоинству опасность восстания, власти на первых порах пытались расправиться с ним малыми силами. Однако эти силы, в частности городская гвардия Святого братства (объединения муниципалитетов) и прибывший из Мурсии отряд маркиза Лос Велеса, терпели неудачи. После этого маркиз Мондехар, сумевший собрать все же небольшое войско, в феврале 1569 г. нанес повстанцам первое поражение, в котором «камни и ножи морисков (в том числе женщин) явно уступали аркебузам солдат». Опьяненные первой удачей, карателя начали зверствовать, убивая всех подряд морисков или обращая их в рабство. Как считает современный испанский историк Аурелия Мартин Касарес, «надо принять во внимание, что война предоставляла участвовавшим в ней христианским солдатам и капитанам счастливый случай… не забыть свои экономические интересы, без всяких сомнений “делая” деньги на торговле людьми». Впоследствии эта практика была продолжена и после прекращения восстания и связанных с ним военных действий. Особенно бойко торговали, перекупали и перепродавали женщин и детей морисков. Этот ажиотаж, пишет Фернан Бродель, «подобно проказе» распространился и на мирные края. «Все города Испании были переполнены морисками-рабами и их вывозили на кораблях в Италию».

Несмотря на чисто военные неудачи повстанцев, это вызвало новый подъем воли к сопротивлению и еще больший приток желавших сражаться в их ряды. Власти потом объясняли это «падением дисциплины в армии, совершавшей различ-

ного рода злоупотребления», каковые и «придали новые силы мятежному движению». Это продолжалось и потом, уже после отставки Мондехара, когда восстание распространилось на Малагу и Альмерию. Гранада же оказалась фактически в осаде.

Вплоть до марта 1570 г. в горах находились не менее 25–26 тыс. вооруженных повстанцев, включая 4 тыс. османов и магрибинцев. У них в изобилии было продовольствия, особенно зерна, инжира и изюма, доставлявшихся преимущественно из Алжира. Их стойкость служила примером для остальных. Например, в мае 1570 г. подняли восстание близ Севильи 12 тыс. морисков-вассалов герцогов Медины-Сидонии и д'Аркоса. До этого, в марте 1570 г., восстали мориски одной деревни в области Валенсии, возмущенные грабительством и оскорбительным поведением «старых христиан». И хотя все эти бунты быстро подавлялись или затухали сами собой, все же они держали в напряжении испанскую армию и отвлекали ее внимание от главного оплота повстанцев в Альпухарре[9].

Мориски оказались явно лучше властей подготовлены к противоборству. Это видно хотя бы на примере ситуации в маркизате Сенете, проанализированной по многим документам гранадским историком Рикардо Руисом Пересом. Сеньоры Сенете старались всячески ограничить вмешательство властей (в том числе — религиозных) в их отношения со своими вассалами-морисками, которым разрешали многое, в частности не соблюдать церковные праздники, составлять отчетность на арабском языке, менять профессию (например, переезжая в город, где они превращались из сельчан в ремесленников). Даже священники здесь смотрели сквозь пальцы на различные «вольности» морисков, признаваясь потом: «Мы приезжали сюда бедными, а уезжаем богатыми» (за счет высокой производительности и эффективности труда морисков, практически содержавших священников во многих деревнях области)». Поэтому здесь не спешили выполнять приказ епископата о строительстве стольких церквей, «сколько здесь было мечетей во времена мавров», отвергали обвинения епископа в предоставлении «убежища мятежникам» и даже смещали по просьбе морисков местных управляющих за «самоуправство» и «тенденциозную

информацию». Так было не везде, но далеко не только в маркизате Сенете.

С 1563 г. положение стало ухудшаться ввиду усиления «интереса» инквизиции к морискам: если до этого в тюрьме инквизиции в Гранаде сидело всего 6 морисков, то к 1570 г. — уже 60. При этом аресты сопровождались конфискациями имущества, стычками с солдатами, все чаще появлявшимися на территории маркизата (как и всей Альпухарры, в которую входил Сенете). С января 1569 г. появились убитые и раненые уже среди испанцев (ранее они были в основном морисками): монахи-доминиканцы, курьеры и прочие. В 1570 г. королевская комиссия объявила, что эти «эксцессы» — дело рук «отъявленных отщепенцев, которые совершают здесь преступления уж 10 лет», т. е. задолго до восстания. Это любопытно, так как жители Сенете сначала (до мая 1559 г.) в восстании не участвовали и лишь слышали, что оно началось и что возглавил его «принц Загер». Речь шла о Мухаммеде ибн Джаухаре, который был старшим в клане потомков Омейядов, но отказался от руководства повстанцами в пользу своего племянника Абен Умейи.

Тем не менее, власти Сенете во главе с алькальдом Молиной де Москера были охвачены страхом: в Сенете и соседнем округе Гуадис в 1568 г. проживали 4758 морисков и всего 476 «кристианос вьехос». В этих условиях чиновники действовали не лучшим образом: они заперлись в укрепленном замке, казнив предварительно 60 «подозрительных морисков». Это вызвало взрыв возмущения, и более 2 тыс. местных морисков примкнули к повстанцам. С помощью милиции из «кристианос вьехос» власти атаковали мятежников и объявили, что они «вернули контроль над ситуацией». На самом деле, вся сеньория Сенете, как и соседние с ней, стали «зоной опасности», которой постоянно угрожали ушедшие в горы мориски[10].

Периодически они спускались из своих «пеньонов» (убежищ в труднодоступных скалистых горах) в долины, требуя от оставшихся в домах «восстать или умереть». Местная власть, располагая лишь 250 аркебузирами, не могла пресечь эти налеты. К тому же милиция «старых христиан» с морисками вела себя крайне враждебно, грабила их, захватывала в заложники

(а то и убивала) их семьи, вследствие чего мориски, у которых уже появились аркебузы, шпаги, сабли, пики, арбалеты и пращи, стали отвечать насилием на насилие, убивая милиционеров и заставляя их снять осаду с замков, в которых обосновались повстанцы. В то же время еще в январе — феврале 1569 г. несколько сот женщин-морисков с детьми, лишившиеся своих мужей, ушли в крепость «на милость сеньоры» Сенете, предпочитая «быть пленницами маркизы».

Вообще маркизат Сенете отличался «нежными» отношениями местных сеньоров и их вассалов-морисков, которые, по мнению Р. Переса Руиса, были не активными повстанцами, а скорее их пособниками, невольно вовлеченными в мятеж бездарной политикой впавших в панику чиновников и особенно провокационными действиями присланных карателей и безответственным поведением «старохристианской милиции», которая жгла оставленные морисками деревни и стремилась захватить как можно больше их жен и детей для последующей продажи в рабство.

Уже в конце первой фазы восстания (с декабря 1568 г. по март 1569 г.) оно едва не захлебнулось, так как согласно донесению шпионов властей «мавританский король, находясь в Паттерне с 4 тыс. чел., терпел поражение, не имея снаряжения и умирая от голода». Маркиз Мондехар уже вел с ним переговоры о капитуляции, но они сорвались из-за «эксцессов и недисциплинированности войск». Позднее стало известно, что лично Абен Умейя склонен был сдаться, но не решился сделать это под давлением своих соратников,среди которых шла постоянная борьба не только мнений, но и за власть.

Вместе с Абен Умейей в горах скрывались также его тесть Мигель де Рохас, дядя Эль Загер, брат Луис де Валор, кузены Абен Абу и Эль Галипе. Еще один родственник — Эрнандо аль-Хабаки — тоже входил в клан потомков Омейядов. Клан Сегри остался верен властям, клан Паласиос долго колебался. Однако кое-кто из его членов примкнул к повстанцам. Надо особо отметить, что наличие среди их лидеров представителей не менее четырех родов андалусийской знати вдохновляло морисков, хорошо знавших, кто есть кто в их среде. Кстати, лидеры морисков даже в горах оставались аристократами: напри-

мер, Абен Умейю всюду сопровождал его раб-африканец, что ничуть не умаляло в глазах повстанцев его авторитета борца за их свободу. Скорее наоборот: это напоминало о знатности его рода и, следовательно, его право возглавлять мусульман. К тому же, по описанию Переса де Иты, этот «смуглый, густобровый молодой человек изящного сложения всем своим благородным обликом и манерами доказывал, что в его жилах течет королевская кровь». В результате наступила вторая фаза восстания, когда пережившие зиму в горах и усилившиеся за счет новых добровольцев (а также — помощи из Алжира) повстанцы взяли инициативу в свои руки[11].

Недовольный неудачами, как и соперничеством Мондехара и Лос Велеса, король отодвинул их на второстепенные позиции, передав верховное командование войсками своему нелюбимому «полубрату» (незаконному сыну Карла V), 23-летнему дону Хуану Австрийскому, безусловно — самому талантливому в то время полководцу Испании, а может быть, и Европы. Он привлек, помимо 20 тыс. регулярных солдат, также городскую милицию «старых христиан» и подразделения «гражданской гвардии» из Италии. Однако назначение принца на этот пост (13 апреля 1569 г.) ознаменовалось, как ни странно, успехами морисков. 3 мая 1569 г. маркиз де Лос Велес потерпел поражение, сдав повстанцам важные позиции под Малагой. 6 июня армия короля атаковала гору Фрехелиану, где повстанцы, не имевшие огнестрельного оружия, погибли поголовно. Их упорное сопротивление продолжалось очень долго, а когда оно закончилось, то выяснилось, что главную роль в нем играли женщины, которые, осознав неизбежность поражения, предпочли все покончить с собой, бросившись в пропасть. Через несколько дней разъяренный Филипп II приказал изгнать всех морисков из Альбайсина. Дон Хуан Австрийский, выполняя этот приказ, подверг квартал полному разгрому и едва не стал жертвой покушения, при котором был ранен лишь охранявший его солдат. Всего было выселено 3500 мужчин и еще больше женщин, которые шли со связанными руками под конвоем пехоты и кавалерии. Разрешили остаться лишь нескольким торговцам и ремесленникам. Части подростков удалось бежать в горы. «Очень многие, — пишет Диего Уртадо де

Мендоса, — погибли в дороге от страданий, усталости, голода, отчаяния или были убиты теми, кто должен был их охранять, а на деле — грабил и продавал как рабов»[12].

В ответ на это 11 июля 1569 г. мориски взяли крепость Серон, вырезали весь гарнизон, а 24 женщин-христианок продали, как рабынь, берберам Магриба. Король отреагировал на это полным отстранением Мондехара (впоследствии, в 1572 г., ставшего вице-королем Валенсии). Это было также запоздалым осознанием неудачи тактики маркиза, разжигавшего алчность и грабительские инстинкты карателей. После первых же неудач королевской армии в ней началось дезертирство, ибо солдаты поняли, что легкой добычи не будет и что бои становятся все более ожесточенными. На «старых христиан» деморализующее воздействие оказывало также улучшение вооружения повстанцев: к июлю 1569 г. среди них было 3 тыс. аркебузиров, получивших из Алжира отличные ружья[13]. Однако успехи морисков скоро сменились неудачами.

Особенностью войны в Альпухарре был ее изменчивый, непостоянный характер. Военные действия вспыхивали то в одном, то в другом месте, то затихая, то возобновляясь, то сменяясь периодами неопределенности и бездействия с обеих сторон, что многие авторы (Х. Каро Бароха и др.) объясняют поведением крестьян, составлявших большинство повстанцев, но действовавших наиболее активно в своей местности и не всегда получавших поддержку горожан, особенно богатых и, как правило, менее решительных и более склонных к компромиссу с властями. С 14 декабря 1568 г. по 3 января 1569 г. восстанием были охвачены 12 районов Альпухарры, в мае 1569 г. — еще 8, в июне 1569 г. — еще 2, в июле — сентябре и октябре того же года, как и в апреле 1570 г. — по одному району. В то же время 29 районов оставались спокойными. Впрочем, некоторые из них назывались и среди тех, где какие-то, пусть изолированные, акции повстанцев все же имели место[14].

Неорганизованность, несогласованность действий повстанцев определялась и неодинаковым их положением (в частности, мориски Гранады острее других, например своих собратьев в Валенсии, ощущали гнет и светских, и духовных властей Испании), и постоянными разногласиями в их руково-

дстве, в котором Абен Умейя «был умеренным, более склонявшимся к политическим решениям». Но главой его правительства («великим вазиром») был Фарадж Абен Фарадж, наиболее жестокий и непримиримый «воитель и сторонник войны до победы». Потомок клана Бану Саррадж (Абенсеррахов), он всегда был в душе мятежником, не доверявшим ни Омейядам, ни Насридам. Но и среди потомков Омейядов, т. е. своей ближайшей родни, Абен Умейя не всегда находил понимание. Его дядя Фернандо Эль Загер (Мухаммад ибн Джаухар) тоже был противником всякого «соглашательства», что и проводил в жизнь, став «капитан-генералом» (т. е. главкомом) армии повстанцев. Среди прочих лидеров повстанцев многие представители знати завидовали Абен Умейе и за глаза называли его «королёк», «дон Фернандильо» и даже «тиран», приписывая ему без всяких оснований «склонности к порокам и деспотизму». Они настроили против него даже Эль Загера, в свое время уговорившего Абен Умейю возглавить восстание. Однако в июле 1569 г. Эль Загер погиб, а вскоре за ним и Фарадж Абен Фарадж. Исчезновение этих сильных фигур в окружении Абен Умейи сделало его более уязвимым и безусловно облегчило его устранение 20 октября 1569 г.

Абен Умейя погиб в момент апогея восстания, когда он почти стал хозяином положения: 23 июля 1569 г. он писал дону Хуану Австрийскому, что ежедневно захватывает в плен 6–10 христиан. Однако кузен Абен Умейи Диего Лопес (с началом восстания — Абдаллах Абен Абу) и подкупленный им Диего Альгвасил или Аль-Газиль (тоже родственник Абен Умейи) считали своего вождя «слишком мягким», хотя на поле боя он всегда вел себя безупречно. Им не нравилось осуждение Абен Умейей жестокостей морисков и его готовность закончить борьбу компромиссом. Не нравилось это и османам, которым важно было ослабить Испанию изнутри. Есть сведения, что они были причастны к устранению Абен Умейи. Но имели хождение и другие версии убийства. По слухам, Абен Умейя и Абен Абу не поделили красивую пленницу. Но скорее всего это, если так и было (что сомнительно), решающей роли не играло. Тем более что после того, как Аль-Газиль задушил Абен Умейю (безгранично ему доверявшего), «неоспоримым вож-

дем» восстания был провозглашен Абен Абу, до того — каид (начальник округа) в администрации повстанцев. Большинство историков считают, что это «никак не отразилось на ситуации», что сомнительно, ибо именно после гибели Абен Умейи недостатки альпухаррского повстанчества вышли на первый план.

Объективной слабостью повстанцев явилось их непродуманное и недальновидное, чрезмерно эмоциональное поведение. Добившись удачи в каком-либо бою, они, по словам Р. Сайяса, «вместо сосредоточения на важнейших задачах… организации войны против оккупантов разрушали все, что было связано с католическим гнетом. Они нападали на священников, жгли церкви, мучили монахов и монахинь. Они даже выкапывали мертвецов, чтобы отомстить им за былые преследования». Хулио Каро Бароха, сравнивая повстанцев с «некоторыми андалусскими революционерами недавних времен» (т. е. анархистами и атеистами-республиканцами 1936–1938 гг.), осуждал морисков за будто бы присущее им «безверие» (явно несправедливо), которое-де толкало их «на такие акты, как обезглавливание, вырывание глаз, сжигание заживо и т. п.». Морисками были убиты 80 духовных лиц, 111 «старых христиан», полсотни детей и женщин (включая 4 из числа морисков). Кстати, женщины-мориски обычно участвовали в разгроме церквей и домов «старых христиан». Иногда мориски сжигали собранный «старыми христианами» урожай, разрушали мельницы. Особенно «отличился» в этом один из предводителей повстанцев Фарадж, которого прозвали «капитан-негр». Он, как и его сотоварищи, известен был угонами скота у «старых христиан». Про другого такого «капитана» — Редуана — даже был сочинен романс: «С двумя тысячами мавров Редуан мчится по дорогам. Все стада скота похитив, он границам угрожает». Такого рода методы войны восходили ко временам Реконкисты и, естественно, пробуждали у обеих сторон не самые лучшие воспоминания и чувства. Это было непростительной ошибкой руководителей восстания, которые обладали не только определенным уровнем политической культуры, но и опытом административной деятельности до 1568 г.: Абен Умейя был членом городского совета Гранады, его тесть Мигель де

Рохас — альгвасилом в Агихаре, его дядя Эрнандо эль Загер — альгвасилом в Кадияре, Эрнандо аль Хабаки — альгвасилом в Алькудиа, причем всегда был в дружеских отношениях со «старыми христианами». Все они, как и Луис де Валор (брат Абен Умейи) и кузены его — Абен Абу и аль-Газиль, прекрасно понимали, какое впечатление произведут на испанцев жестокости морисков. Впрочем, даже если они это и понимали (про Абен Умейю это можно сказать наверняка), они не всегда могли контролировать своих подопечных. Стоит при этом вспомнить, что многие испанцы, если верить Уртадо де Мендосе, считали восстание «мятежом грабителей», «бунтом подонков», «средоточием рабства, ненависти, амбиций и претензий»[15].

Не выгораживая морисков и не снимая с них ответственности за допущенные жестокости, стоит все же вспомнить обстановку того времени. Реально в военных действиях участвовали около 26 тыс. морисков (назывались и цифры до 50–150 тыс. чел., включавшие, судя по всему, «сочувствовавших»). Они подразделялись на 20–26 отрядов, не всегда связанных друг с другом и, особенно, с главным командованием. Когда они спускались с гор в долины, к ним присоединялись обычно до 5 тыс. чел., но неопытных и почти безоружных, иногда даже случайно вовлекавшихся в стихию восстания. Сталкиваясь с армией, повстанцы уходили в горы, не принимая, как правило, открытого боя. Их козырем были внезапные и молниеносные налеты при сообщничестве местных жителей и с использованием ножей, топоров, камней и т. п. При этом мориски несли гораздо большие потери, чем их противник. Не вызывает поэтому удивления, что в первые месяцы боев погибло 550 морисков и всего 5 «старых христиан» (которые помогали армии бороться с повстанцами; о потерях армии в те месяцы сведений нет). Восставшие страдали также от голода и лишений, ибо каратели сжигали и без того редкие в горах селения, дабы «выморозить мятежников». Это вынуждало последних, с одной стороны, сдаваться под угрозой смерти от голода и холода (что и сделали 27 января 1569 г. 800 женщин с детьми в маркизате Сенете), а с другой — неимоверно их ожесточало.

Война в Альпухарре выставила обе стороны конфликта не в лучшем свете. Но мориски от этого проиграли больше. «Самым важным, — считает Родриго де Сайяс, — было то, что жестокости морисков лишали их и без того редких симпатий умеренных “старых христиан”. Кроме того, они теряли время, ибо более или менее оборонительная война в пределах Альпухарры не имела шансов на успех в отдаленной перспективе: нехватка снабжения и превосходство христианского оружия станут решающими факторами их поражения». Существенно было и отсутствие поддержки со стороны морисков других областей Испании. Экс-мудехары Арагона, Кастилии, Наварры, привыкнув к XI–XV вв. к беспроблемному сосуществованию со «старыми христианами», с трудом постигали перемены в отношении к ним и, вполне возможно, надеялись на возвращение «добрых старых времен», не понимая, что после 1492 г. ситуация изменилась решительным образом и власти уже не заинтересованы в сотрудничестве с ними. Поэтому они были более спокойны, чем «гранадинос», и не поддержали их. Кстати, Мадрид очень опасался их выступления. Только Арагон в этом случае мог бы добавить к 30 тыс. «гранадинос» не менее 70 тыс. своих бойцов.

Этого не произошло. Но и без этого у повстанцев Альпухарры было немало слабых сторон. Их центры снабжения на деле часто становились невольничьими рынками по обмену «одного христианина на одно ружье». Коммерция такого рода даже заставила морисков создать свою таможню в г. Пурчена. У них «теолог служил торговцу, а торговец — теологу». Они не овладели такими морскими базами, как Малага и Альмерия, что намного облегчило бы приток вооружения, снабжения и военных кадров в рамках османской помощи (эта помощь, многократно обещанная приезжавшим в Тетуан, Алжир и Стамбул посланцам морисков Абен Дауду, Луису де Валор и Аль Хабаки, шла через небольшую прибрежную деревню Сорбас близ Альмерии при активном участии магрибинцев). Не имея крепостей, занятых испанскими гарнизонами, повстанцы были ограничены в своих действиях и терпели жестокие лишения, скрываясь зимой в высокогорных районах, обычно — с семьями (включая стариков и детей). Эффект партизанской

тактики малых групп снижался их привязанностью к той или иной местности (где можно было укрыться в случае неудачи). Женщины сражались наряду с мужчинами, что в случае пленения обрекало их на изнасилование и смерть, в лучшем варианте — на продажу в рабство. Однако женщины морисков сражались самоотверженно, иногда, например, почти без оружия сопротивляясь вражеской кавалерии. Частично этим, а также призывами женщин к морискам-мужчинам держаться до конца объясняется относительная продолжительность сопротивления повстанцев до весны 1571 г.[16]

«При чтении многих документов, — пишет известный морисколог Николас Кабрильяна, — у исследователя создается впечатление, что восстание во многих случаях было использовано как повод для грабежа морисков»[17]. Многие авторы (причем свидетели событий того времени) — Хинес Перес де Ита, Луис Мармоль Карвахаль, Рикардо Руис Перес — подтверждают это, обращая внимание на аморальность поведения карателей, для которых «не существовали ни честь, ни слава, ни религия, а только мятеж», участников которого они называли «самыми большими ворами на свете, живодерами и разбойниками». Между тем именно «умиротворителям» могут быть предъявлены подобные обвинения, в то время как у морисков было гораздо меньше возможностей совершить приписываемые им преступления, хотя и они вели себя, как уже отмечалось, далеко не безупречно. Во всяком случае, именно они в конечном счете оказались проигравшей стороной, понесшей человеческие и материальные потери, «не поддающиеся подсчету», в том числе не только в боях, но и от холода, голода, бесчеловечного обращения с пленными, заложниками и, тем более, с обращенными в рабство.

Формально каратели действовали в рамках закона, ибо еще в октябре 1569 г. король Филипп II провозгласил «войну огня и крови», фактически отдав морисков на волю бесчинствующей солдатни. Рядовых карателей при этом поощряли их начальники, включая самых высших. В частности, сам Хуан Австрийский, не лишенный понятий о рыцарстве и даже, как мы увидим, простых человеческих чувств жалости и сострадания, по отношению к морискам часто вел себя жестоко и бесчеловеч-

но. В частности, он лично «подарил» своим солдатам 500 женщин-морисков «как рабынь», не испытывая по этому поводу никаких «лишних» сантиментов. Помимо того, что он, очевидно, как и большинство католиков Испании XVI в., разделял чувства этнофобии и религиозной нетерпимости в отношении морисков, он еще и хотел буквально раздавить их морально, лишить воли к сопротивлению. Странно, но при этом он, по слухам, был не прочь стать «королем Туниса», который был им захвачен впоследствии в октябре 1573 г.

В этом отношении опять показателен пример маркизата Сенете, о лояльности жителей которого (на 90% — морисков) власти знали с самого начала. Маркизат в целом и населявшие его мориски были «слишком» зажиточны, чтобы каратели упустили случай его пограбить. В результате алькальд Молина де Москера захватил в свое личное пользование 25 тыс. голов скота, принадлежавших морискам, а управляющий маркизатом Хуан де ла Торре только на распродаже отнятого у морисков скота нажил 3 тыс. золотых дукатов. Он же от продажи в рабство пленных морисков получил 47 тыс. дукатов. Всего в плен попали 2 тыс. из 9077 местных морисков (их численность во время восстания выросла почти вдвое за счет бежавших из других, еще более разоренных, районов Альпухарры), в рабстве оказались из них 804 (374 женщины, 161 мальчик, 296 девочек), остальные — были казнены, брошены в тюрьмы, изгнаны с родных мест. Редко кто из них вернулся домой. Во время хаоса и замешательства, сопровождавших боевые действия, каратели также грабили церкви (разумеется, потом сваливая ответственность за это на морисков), запасы зерна и продовольствия, захваченные в деревнях морисков (обычно сжигавшихся после этого)[18].

Однако поражение морисков определилось не сразу. Дон Хуан Австрийский, вступивший в Альпухарру со свежими контингентами войск, артиллерией и другой техникой (например, минами), вскоре после гибели Абен Умейи, лишь в декабре 1569 г., добился первых успехов, взяв крепость Гуэхар после ожесточенных битв[19]. В январе 1570 г. он осадил город Галеру и начал его штурм после месяца непрерывных артобстрелов и подрыва стен крепости минами. Город пал в феврале. Но со-

противление его защитников, отчаянно оборонявших каждый дом, было беспримерным. Потери испанцев при этом оказались столь велики, что дон Хуан «приказал уничтожить все население, включая женщин и детей». Луис де Мармоль Карвахаль (ответственный в армии дона Хуана за транспорт и снабжение) получил приказ принца «стереть город с лица земли, засыпать его руины солью». Сегодня жители небольшой деревни, существующей на месте этого города, считают, как пишет Родриго де Сайяс, что она «стоит на месте древнеиберского селения, но ничего не помнят о городе морисков, словно их память засыпана солью Мармоля».

В марте 1570 г. положение повстанцев резко ухудшилось в связи с поголовным выселением морисков из области Гранады (хотя Ф. Бродель счел этот чисто полицейский акт Филиппа II «чрезмерной мерой отчаяния»). Абен Абу и его сторонники оказывались как бы в вакууме, лишенные опоры. 20 мая 1570 г. «генерал-капитан» повстанцев Аль-Хабаки явился в штаб дона Хуана Австрийского, поцеловал ему руку и сдался, подписав мир на условиях прощения морисков, сдачи ими в течение 10 дней оружия, но возвращения им права носить национальный костюм. Османским гази и добровольцам из Магриба было разрешено вернуться в Алжир, причем — на испанских кораблях! Вместе с ними выехала и часть повстанцев. Другая же часть была переселена в наименее населенные и малоплодородные области Кастилии.

30 тыс. морисков (очевидно, речь идет и о примкнувших к повстанцам беженцах) сложили оружие 15 июня 1570 г. Однако тут же, 17 июня, инквизиторы Гранады стали доносить в Мадрид о том, что мориски в Гранаде ходят с оружием, хвалятся числом «убитых ими христиан и оскорбляют святую католическую веру» и никто из них «еще не покаялся за свои ошибки». К тому же испанцы перехватили 5–6 мелких судов с оружием из Африки и, не получая жалованья, продолжали грабить морисков, а в горах «отдельные христиане» опять подвергались нападениям. 400 османов отплыли в Магриб, но магрибинские гази с отъездом не торопились. Оставшиеся в горах 2–3 тыс. морисков заявили, что не намерены покидать Альпухарру.

Король Филипп II, считая, что победа фактически достигнута, уже отзывал дона Хуана, назначая его главой флота, направлявшегося против османских эскадр на востоке Средиземноморья. Но, на всякий случай, он приказал своему «полубрату» (славе которого втайне завидовал) до конца года оставаться в Гранаде, дабы застраховаться от возможных неожиданностей, а также выполнить желание практически всей верхушки Испании, наиболее четко выраженное послом Филиппа II в Париже Франсесом де Алава: «Богу угодно, чтобы мятежники в Альпухарре были бы наказаны до того, как эта собака (он имел в виду султана османов. — *Р. Л.*) сможет вооружиться!» Повстанцы практически были разбиты к весне 1570 г., но многие из них (иногда — целые отряды) смогли укрыться в наиболее труднодоступных пещерах высокогорных районов, из которых солдаты дона Хуана пытались их «выкуривать», разжигая костры у входов. Испанское командование в этой связи опять впало в эйфорию, а солдаты и офицеры «предались охоте за добычей и рабами». Был даже учрежден пост «Распределителя мавританских женщин и имущества», который занял Лоренсо, брат Луиса Мармоля. Османские военачальники, предвидя неминуемый крах повстанцев, прекратили оказывать им помощь. По поручению испанских властей верный им знатный мориск Алонсо де Гранада Венегас написал 18 апреля 1570 г. письмо Абен Абу, убеждая его сдаться. Абен Абу ответил, что морискам больше нечего терять после стольких страданий и потерь, причиненных им христианами и их королем, и вежливо, но решительно отказался капитулировать.

После этого армия продолжала разрушать деревни Альпухарры и охотиться за рабами. В горах близ Ронды произошел ряд стычек, но в основном с мирными крестьянами-морисками, пытавшимися избежать депортации. Вскоре в пещере близ Берчула погибли, задохнувшись от дыма, жена и двое детей Абен Абу. Но сам он сумел спастись, хотя 260 морисков, находившихся вместе с ним в пещере Мессина де Бомбарон, погибли от удушья, а еще 120 человек там же были захвачены при попытке бежать. Армия «освобождала» от морисков города и селения области и даже объявила 5 ноября 1570 г. об окончании войны. Тогда же дон Хуан завершил начатую им еще в

феврале 1570 г. операцию по изгнанию морисков из области Гранады, в том числе тех, кто в войне не участвовал. Он выполнял приказ короля и, уже изгнав до 50 тыс. морисков, писал другу: «Эти несчастные, рыдая, цеплялись друг за друга в дождь, снег и ветер. Не стоит отрицать, что это — обезлюдение королевства, вызывающее самую большую жалость и печаль, которые можно вообразить». Напомним, что именно дон Хуан убеждал короля в необходимости подобной депортации. При этом до 1/5 изгнанных погибли[20].

Тем не менее, Абен Абу продолжал скрываться во главе 400 бойцов на высотах Альпухарры. Но в его окружении был некий Гонсало де Сенис, тайно ненавидевший Абен Абу за то, что тот сжег годом раньше корабль Сениса, лишив его таким образом возможности бежать в Магриб в случае неблагоприятного для морисков поворота событий. Вступив в тайный сговор с испанскими властями, Сенис выторговал себе охранную грамоту в обмен на голову вождя восстания и после этого 15 марта 1571 г. убил Абен Абу ударом жезла у входа в пещеру, где тот прятался (по данным Каро Барохи, в убийстве участвовал «ювелир» Франсиско Барреро, присланный из Гранады и вскоре погибший в Магрибе). Таким образом, предав в свое время Абен Умейю, сам Абен Абу также стал жертвой предательства. Его труп провезли по улицам Гранады, а затем разрубили на куски, голову же поместили в железную клетку, выставленную у ворот Растро, выходящих к Альпухарре. «На этот раз, — пишет Сайяс, — война действительно была закончена, а община морисков Гранады практически перестала существовать».

«Гранадинос» были лишены своих земель и расселены, по преимуществу — небольшими группами, по разным местам Кастилии. Например, в область Мурсии были перевезены из Гранады 508 семей морисков, т. е. 2156 человек, из которых 1577 были рабами. Их всех здесь называли «гранадинос», а местных морисков (около 3 тыс. чел.) — «мудехарами». Политика рассеивания морисков исходила из расчета обеспечить за ними контроль со стороны духовенства. Впрочем, в Мурсии власти могли быть спокойны. Местные шелководы из числа «старых христиан» особенно ненавидели именно морисков Альпухарры как своих давних конкурентов в производстве

шелка. Однако у морисков не оставалось выбора. Они должны были или поселиться на новых местах, окруженные подозрениями и недоброжелательством местных старожилов, или скрываться в родных местах, рискуя угодить на костры инквизиции. Именно в Гранаде между 1550 г. и 1580 г. были проведены 12 аутодафе, во время которых были сожжены 780 морисков, составивших 80% всех жертв (остальные были заподозренные в тайном «иудействе» или сочувствовавшие протестантам).

Что касается лидеров повстанцев, то их уцелевшая родня эмигрировала в Магриб или в Европу. В частности, родственник Абен Абу Альфонсо Лопес, став агентом кардинала Ришелье, умер в Париже в 1649 г. «очень богатым».

Земли депортированных морисков были проданы или сданы в аренду 12 тыс. колонистам из Астурии, Галисии и Кастилии, что положило начало бесчисленным спекуляциям и незаконным присвоениям. Бухгалтерские книги, касавшиеся конфискованной собственности морисков, «очевидно, были уничтожены, ибо их так никогда и не нашли». Хаос и беспорядок в этой связи длился до 1635 г.[21] Этому, безусловно, способствовало и то обстоятельство, что уже после прекращения войны в Альпухарре там остались примерно 2,5 тыс. морисков, «живших как бандиты», которых власти так и не смогли искоренить. Впрочем, сравнивая Альпухарру с каталонскими Пиренеями, власти считали, что это — «нормальный уровень полицейской безопасности» и что «мир достигнут»[22].

На деле это не всегда было так. Например, упомянутый выше разгром города Галеры не привел к «умиротворению» региона. Часть защитников города бежала в горы Сьерра де Серон, где смогла отбить атаки преследовавших их карателей. В начавшейся после этого «войне засад» многие испанцы погибли, в том числе Луис Кихада, воспитатель дона Хуана. Еще в декабре 1569 г. не только в Гранаде, но и в Севилье, по донесению французских агентов своему королю, «никто не смел высунуть нос наружу», так как вооруженные группы морисков иногда устраивали успешные рейды в города, включая Севилью и Гранаду. А в августе 1570 г. посол Генуи писал из Мадрида, что для сокрушения повстанцев «потребуется еще одна

кампания в течение целого года, поскольку пресловутые мавры собрали хороший урожай зерна… Наши в этом не могли им помешать, так как войск для этого недостаточно».

Восстание в Альпухарре не явилось просто эпизодом в противостоянии властей Испании и морисков. Оно потрясло всю страну, обострив ее и без того серьезные проблемы политического, этнокультурного, религиозного, финансово-экономического, военного и иного характера. Сопровождаясь массовыми насилиями, убийствами, обращениями в рабство, разрушением жилищ и разорением земель, оно углубило пропасть между этноконфессиональными общинами государства, реально (хоть и не юридически) существовавшими и никак не находившими взаимопонимания (напомним, что при изгнании «гранадинос» 20,7% из них, т. е. почти 11 тыс. чел., погибли). Наконец, оно чрезвычайно осложнило внешнеполитическое положение испанских Габсбургов. Пользуясь их занятостью войной в Альпухарре, алжирские гази захватили в январе 1570 г. Тунис, находившийся под фактическим протекторатом Испании. Одновременно османы начали войну за Кипр, противопоставив себя союзу Испании, Венеции и папского Рима. Вместе с тем Филипп II, зная о помощи бейлербея Ульдж Али морискам, запретил торговлю с Алжиром (в Валенсии в 1569 г. был даже арестован французский коммерсант, пытавшийся этот запрет нарушить). От подобной блокады Испания страдала не меньше Алжира[23].

Именно во время войны в Альпухарре в Мадриде впервые заговорили о возможности изгнания из страны всех морисков поголовно. Одним из сторонников этой идеи был дон Хуан Австрийский. Его мнение значило много, но не все, учитывая сложность его отношений с королем. Тем не менее, победа при Лепанто (Кырли-Или) 7 октября 1571 г., в которой союзный флот Священной Лиги — Испании, Венеции и папского Рима (при участии Генуи и других католических государств Европы) — разгромил превосходивший его османский флот, способствовала еще большей популярности и еще более высокому престижу дона Хуана, добавившего к своему авторитету полководца на суше еще и славу флотоводца. Битва при Лепанто, по мнению Н. А. Иванова, «стала рубежом в истории мировых

войн», развеявшим миф о непобедимости османов на море и как бы установившим хрупкое равновесие сил, боровшихся за гегемонию в Средиземноморье, а также — закрепившим «между Востоком и Западом… военный паритет, сохранившийся вплоть до 1683 г.»[24].

Добившись с трудом этого паритета, Испания, сильнейшая держава Запада в XVI в., не хотела в дальнейшем его утратить, тем более — в результате подрыва ее военной мощи вследствие внутренних трудностей. Хуан Австрийский, убедившись в силе сопротивления и ожесточения морисков, рассуждал как военный. Он слишком хорошо помнил, как упорно сражались с его войсками даже женщины и дети морисков, не желая примириться с уготованной им рабской долей[25]. Он, как и многие высшие иерархи королевства и церкви, чувствовал, что война в Альпухарре сделала призрачными все надежды на ассимиляцию морисков, но, не допуская даже теоретически обращения с морисками, как с равными, не понимал, что сама эта война была спровоцирована невыполнением королевских обязательств перед морисками по условиям 1492 г., последующим нарушением всех их прав и, окончательно, решениями 1565–1567 гг. властей Гранады, пытавшихся полностью обезличить морисков, в то время — 43% населения области[26].

В сущности, Филипп II не последовал совету дона Хуана, как представляется, из нежелания еще более его возвысить, а также — еще больше обескровить истощенную войнами и преследованиями инакомыслящих страну (ибо мориски много значили в ее экономической жизни, прежде всего в Арагоне и особенно в Валенсии, не затронутых, или почти незатронутых, событиями в Альпухарре). Прямых указаний на подобные соображения короля нет, но косвенных — предостаточно (см. главу II). Стоит вспомнить лишь катастрофическую нехватку денег у Филиппа II, трижды объявлявшего государственное банкротство, и преобладание морисков в наиболее доходных, в том числе ориентированных на экспорт, отраслях производства.

Можно предположить также, что Филипп II не пошел на крайние меры, несколько успокоившись к концу 1571 г. относительно главного бастиона морисков — области Гранады. К

этому времени из нее и из прилегающих к ней районов были переселены уже около 70–80 тыс. морисков, из них 54,7% составляли женщины, у многих из которых были дети. Все они, как и старики, страдали от голода, отсутствия первое время крыши над головой и особенно косившей их эпидемии тифа. К тому же власти без конца их гоняли с места на место, добиваясь их максимальной разбросанности по незнакомым селениям. В зимних условиях это приводило к трагическим последствиям: например, в маркизате Карпио (провинция Кордовы) из 866 прибывших туда «гранадинос» 249 умерли, еще не успев обосноваться на новом месте, а 241 — уже после этого. По дороге в область Эстремадуру скончались 600 из направленных туда 3600 морисков. Короче, король мог не опасаться «гранадинос», деморализованных, лишенных своих домов и земель, умирающих от голода и болезней. А ведь до этого «гранадинос» считались в Мадриде наиболее опасными из морисков.

Были и другие факторы, явно повлиявшие на позицию Филиппа II, прежде всего — внешнеполитические. К ним в первую очередь следует отнести некоторое сближение Испании во 2-й половине XVI в. с державой Саадидов в западном Магрибе, т. е. на территории современного Марокко. Здесь испанцы и их союзники — генуэзцы — столкнулись с жестокой конкуренцией Португалии, захватившей к началу XVI в. почти всё атлантическое побережье Магриба, а чуть позже — с османами, которым так и не удалось, в отличие от прочих арабских стран, завоевать Марокко. Султан этой страны Ахмед аль-Мансур (1578–1603) «продолжал политику своих предшественников» и, по мнению Жана Бриньона, Абд аль-Азиза Амина и других авторов солидной «Истории Марокко», «оставался верен альянсу с испанцами» с целью противостоять достаточно долгому, мощному и опасному напору османов. Об этом свидетельствуют 17 писем султана и его приближенных королю, перевод которых с арабского, выполненный в 1579 г. знаменитым мориском Алонсо дель Кастильо, автором первого каталога арабских рукописей королевской библиотеки, хранится в монастыре Эскориала. Есть также сведения о том, что султан опасался своего племянника Дауда Ибн Абд аль-Мумина, желавшего его свергнуть при помощи османов и части ориентировавшихся на

них мавров. Ввиду этого он будто бы даже выдал Филиппу II план восстания морисков, который они готовили в 1580 г. в Кордове и Севилье.

Со своей стороны, Филипп II ценил своего союзника, тем более — мусульманина, ибо побережье Марокко было всего в 14 км от юга Испании и в случае захвата его османами представило бы серьезную угрозу державе Габсбургов (известно, что Елизавета I Английская даже вела с султаном Марокко переговоры о разделе Испании между Тюдорами и Саадидами!). По данным гранадского историка Дарио Кабанеласа, османы также пытались вовлечь Марокко в войну с Испанией, хоть и безуспешно. Королю было важно сорвать все планы своих врагов. Но союз с Саадидами требовал от Филиппа II хотя бы на время ослабить, вернее — приглушить, кампанию против морисков ввиду наличия у них сильных позиций в Магрибе среди их собратьев, уже эмигрировавших туда, и их предшественников — мавров Аль-Андалуса, расселившихся, в частности, в Фесе, Тетуане, Рабате, Сале, Танжере и прочих городах западного Магриба еще в X–XII вв. Они были влиятельны там (подробнее см. ниже, в главе IV) и располагали вооруженными силами. Самый знаменитый их предводитель Саид ибн Фарадж ад-Дугали, не раз нападавший на побережье Испании, возглавлял целую армию (по некоторым данным, в 14 тыс. воинов). В противоборстве с османами Филипп II был заинтересован в отвлечении внимания и Саадидов, и их подданных из числа мавров и морисков от внутренних проблем Испании и переключении его на борьбу с экспансией Стамбула[27].

Вообще, как мы увидим далее, внешний фактор, властно вмешивавшийся в отношения «старых христиан» Испании с этноконфессиональными меньшинствами страны, в конечном итоге сыграл огромную роль в судьбе морисков.

Внешний фактор

Конец войны в Альпухарре и изменение соотношения сил в Средиземноморье совпали по времени, но не только. Они оказались сплетены в сложный узел геополитических, идеологических и военно-стратегических противоречий.

В целом, как признает высоко оценивший ее Н. А. Иванов, «победа при Лепанто не дала Испании непосредственных стратегических выгод». Уже через год османский флот был восстановлен, а между членами Священной Лиги начались разногласия. В результате Венеция, гораздо больше заинтересованная в экономических связях с землями, попавшими под власть османов, нежели в политико-идеалогическом контроле над ними (как Испания и папский Рим), заключила мир со Стамбулом на выгодных для него условиях. Испании же воспользоваться плодами победы при Лепанто мешали «внутренние трудности» (проблема морисков из них на первом месте) и связанные с ними колебания короля, который будто бы еще до битвы отказался от «африканских амбиций» своего отца и вообще «от всякой большой политики в Средиземноморье». Хотя то же самое пишет Ф. Бродель, эта мысль представляется отнюдь не бесспорной, особенно — в свете захвата Хуаном Австрийским в октябре 1573 г. Туниса, причем силами армии, набранной в разных частях империи Габсбургов: в нее входили 13 тыс. итальянцев, 9 тыс. испанцев и 5 тыс. немцев. Король Филипп дал согласие на эту экспедицию, т. е. вовсе не отрекся от «африканских амбиций». Он лишь отказался признать своего «полубрата» королем Туниса и определил срок оккупации этой страны в один год. Иными словами, он, очевидно, уже начал понимать всю тяжесть для его страны авантюр в Африке, но все еще хотел «попробовать» — а вдруг выйдет! И отозвав Хуана Австрийского на должность наместника в Милане, что было равноценно опале, он назначил в Тунис графа Сербеллони из клана Медичи, что означало желание сохранить власть над Тунисом, но не Хуана Австрийского, а самого Филиппа II![28]

Эта попытка оказалась неудачной. Османы направили в Тунис, где испанцы вели изнурительные бои с местными му-

сульманами и отступившими внутрь страны войсками султанского наместника, огромный флот из 320 кораблей и 40-тысячную армию под командой сераскира (главнокомандующего) Синан-паши, упрямого и жестокого албанца, незадолго до этого подчинившего Стамбулу Йемен. После двух месяцев кровопролитной борьбы османы отвоевали Тунис, после чего Филипп II действительно отказался от «африканских амбиций». К этому его вынудило и очередное финансовое банкротство Испании в 1575 г., вызванное помимо непомерных военных расходов еще и прекращением потока кредитов из Антверпена (в связи с войной против нидерландских гёзов) и Генуи (ввиду политического кризиса в этой купеческой республике), и беспорядками в Италии, и происками Англии, и втянутостью Испании в ожесточенную религиозную войну во Франции между католиками и гугенотами. В то же время и османы, продолжавшие воевать за Кавказ с Ираном, а также — на Балканах и в Центральной Европе, утратили (на некоторое время) свой воинственный пыл, тем более — после объединения Испании с Португалией в 1580 г. Все это логично привело к перемирию 1581 г., в котором нуждались и османы, и испанцы. Испании это было особенно необходимо, так как во 2-й половине XVI в. османы установили дружественные отношения с довольно непостоянным союзником Мадрида — дожем Венеции, а главное — с британской монархией, особенно в период правления Елизаветы Тюдор, много сделавшей для подрыва мощи державы Габсбургов. По сведениям Ф. Броделя, мориски, бежавшие в Стамбул, где они «служили как солдаты, переводчики или шпионы», как правило, проезжали через Венецию. Есть также данные, что «турки стали больше интересоваться судьбой несчастных единоверцев» после 1574 г.[29]

Все эти события так или иначе сказывались на положении морисков. Переселенные в Кастилию десятки тысяч «гранадинос», как правило потерявшие свое имущество, обездоленные и деморализированные, как бы перестали быть «боевым авангардом» своей общины. Эта роль объективно перешла к морискам Арагона и Валенсии. Но не стоит сбрасывать со счетов тех, кто остался. Официально их в области Гранады сохранилось не более 3 тыс., но Кристина Виньес Миллет называет

другую цифру — 50 тыс. из 300 тыс. ранее здесь проживавших[30]. Очевидно, имеются в виду те, кто, нарушая королевский указ, скрылся в горных и лесных районах, либо выжидая более благоприятных времен, либо желая любой ценой помешать прибывавшим с севера колонистам (не только испанцам, но также французам, итальянцам, немцам и другим) освоить покинутые морисками земли. Создав многочисленные партизанские группы, они фактически продолжили войну, на этот раз — по всей Испании. Эти «монфи» (от арабского «манфий» — изгнанник, отвергнутый) наводили страх на всю страну. Всего их насчитывалось до 35 тыс. человек. Позднее было установлено, что 7–8 банд высланных «гранадинос» только в 1577–1581 гг. убили до 200 «старых христиан» в окрестностях Толедо, Севильи, Алькалы де Энарес и других крупных городов Кастилии. В Альпухарре же они также действовали, но больше в Арагоне и Валенсии, «сея панику среди христианского населения во время рейдов, осуществлявшихся совместно с прибывшими из Берберии»[31].

«Из «Берберии», т. е. из Магриба, рейды осуществлялись постоянно, ибо были частью фактически непрекращавшейся религиозной, да и политической «трехсотлетней войны», как назвал ее видный алжирский историк, писатель, теолог и общественный деятель Тауфик аль-Мадани. Поэтому и после прекращения войны в Альпухарре продолжались эксцессы с обеих сторон, убийства, грабежи и расправы, а в Мадрид регулярно поступали доносы, что мориски не крестят своих детей и дают им арабские имена, что они «укрывают пиратов и помогают туркам»[32]. Причем в этой войне, отмечает другой алжирский историк Махмуд Буайяд, «религиозное чувство было более глубоким, более непримиримым и, сказали бы мы сегодня, более активным в христианском лагере», что он объясняет «торжеством Реконкисты и предельной суровостью инквизиции». Сначала в этой войне, начатой, как мы помним (см. главу II), по инициативе кардинала Хименеса де Сиснероса, успех был на стороне испанцев, обычно наносивших магрибинцам более тяжелые потери. Например, в 1531 г. они взяли штурмом алжирский порт Хонейн, потеряв при этом 40 чел. убитыми и 100 ранеными, а среди защитников порта 600 чел. были убиты,

а около 1 тыс. — взяты в плен. Однако через несколько лет этот порт, как и другие пункты побережья Магриба, был оставлен испанским гарнизоном, который «много месяцев не получал жалованья и был лишен всего», в том числе продовольствия и прочих средств существования во враждебном окружении[33].

В дальнейшем испанцы, предводительствуемые губернатором Орана графом Алькаудете, «героическим и несчастным авантюристом», пытались даже расширить свои владения, поддерживая своих марионеток в Тлемсене и организуя походы на Алжир, Тлемсен и Мостаганем в 1535–1558 гг., но потерпели полный крах[34]. Вытесненные из Магриба, за исключением Орана и Мелильи, они должны были больше думать о защите своего побережья, именно во время и после окончания войны в Альпухарре ставшего объектом нападений с моря. Самое известное из них — рейд из Тетуана в ночь с 27 на 28 ноября 1573 г. 23 кораблей под руководством знаменитого мудехара Саида ибн Фараджа ад-Дугали. Высадившись во главе отряда из 400 бойцов в окрестностях Альмерии, он разгромил несколько селений и увел в плен 250 человек, потеряв в стычке с местным гарнизоном всего 14 воинов[35].

Л. Кардайяк и Ж.-П. Дедьё считают, что «если мориск в XVI в. наводил страх на Испанию, то одной из причин этого была внешнеполитическая игра». Они имели при этом в виду цепь поражений христиан Европы в борьбе с османами, начиная с завоевания султаном Сулейманом Кануни острова Родос в 1522 г., с которого были изгнаны рыцари-иоанниты (госпитальеры), и кончая падением испанского господства в Триполи (1551 г.) и Тунисе (1574 г.), а венецианского — на Кипре (1570 г.). При этом османы поддерживали регулярную связь с морисками, к которым были направлены десятки гонцов. Наиболее известен из них ездивший в Стамбул и вернувшийся оттуда в декабре 1576 г. с письмом султана мориск Юсуф Дуарте, «ознакомивший с этим письмом все альхамы». Кроме того, почти сразу после прекращения войны в Альпухарре султан направил бейлербеям Алжира, Туниса и Триполи «резко антииспанские» по тону фирманы с предписанием усилить религиозные связи с «мусульманской общиной» морисков Испании.

Влияние этих посланий, известных морискам, было значительнее всех усилий предпринимавшейся Мадридом антиосманской контрпропаганды[36]. «Каждая победа мусульман была для морисков поводом для праздника, каждая победа христиан — для траура». Наблюдая это, большинство испанцев постепенно «укрепилось в убеждении, что все они — предатели, да к тому же — еретики, готовые воззвать к любому врагу Испании, даже к королю Франции». Среди морисков, особенно в Арагоне и Валенсии, широко распространялись слухи о скором приходе османов, а также — о предстоящем вторжении в Испанию французских гугенотов, которых «поддержат 60 тыс. восставших новообращенных христиан»[37].

Это обстоятельство было одной (но не единственной) из причин вмешательства Испании в религиозную борьбу во Франции. Начиная с 1580 г. испанские войска систематически вторгались на французскую территорию, помогая Католической Лиге герцогов Гизов сражаться против гугенотов, а после 1590 г. даже занимали Париж. Филипп II, однако, не смог в конечном итоге предотвратить восшествие на французский престол в 1594 г. Генриха IV Бурбона, а впоследствии в открытой войне против него в 1594–1598 гг. не добился никаких выгод. По мирному договору в Вервэне с Испанией по-прежнему граничили французская Наварра и Лангедок, т. е. области Франции с наибольшим влиянием гугенотов. Их, по мнению Мадрида, «опасное соседство» с наиболее крупными общинами морисков Арагоны и Валенсии стало предметом особых забот испанского королевского двора и инквизиции. Тем более что в присоединенной к Кастилии в 1512 г. южной части Наварры тоже сохранилась небольшая община морисков[38].

Хотя присоединение Португалии с ее колониями в 1580–1581 гг. чрезвычайно усилило державу Филиппа II, он так и не смог подавить развертывавшуюся с 1565 г. революцию в Нидерландах, впоследствии, уже после его кончины, завершившуюся провозглашением независимости 7 наиболее развитых из 17 провинций этой страны. В 1588 г. была уничтожена (частично англичанами, частично штормами) гигантская флотилия «Непобедимая армада», посланная королем с целью сокрушить Англию. Это был самый тяжелый удар по морскому могущест-

ву Испании, после этого уступившей его своему давнему британскому конкуренту. Таким образом, к концу своего «золотого века» Испания вынуждена была отступить, ничего не добившись ни от Англии, ни от Франции, ни от Нидерландов, ни от Османской империи[39].

Морисков в первую очередь касалось всё, что относилось к соперничеству Габсбургов и османов в бассейне Средиземного моря, а также к борьбе Мадрида с так называемыми «варварийскими государствами», т. е. Триполи, Тунисом, Алжиром и Марокко. Первые три были сначала пашалыками Османской империи, но вскоре стали на деле полуавтономными, хотя бы в силу того, что путь по морю от Алжира до Босфора занимал в XVI в. 72 дня. Марокко же, как отмечалось, отбив натиск османов, осталось суверенным султанатом. Реально все четыре страны во многом сами определяли свои отношения с Испанией. С Триполи, Тунисом и Алжиром они оставались враждебными, с Марокко — несколько раз менялись. И хотя после 1577 г. Испания больше внимания уделяла Америке и Атлантике, а османы — борьбе с Ираном, тем не менее они продолжали, особенно в 1580–1620 гг., «войну корсаров», причем османы вели ее в основном руками своих «варварийских вассалов». Вследствие этого упомянутая выше испано-магрибская «трехсотлетняя война» наложила свою печать на все действия мадридского двора в сфере внешней политики. В последующие века западная историография восприняла именно от империи Габсбургов XVI–XVII вв. несправедливые оценки и воевавших с ними османов, и морисков, представлявшихся не только как агентура османов, но и как «еретики», «бандиты», «разбойники» и т. п. Все это, считает Абд аль-Джалиль Темими, происходило потому, что «тема морисков трактовалась западными историками как сюжет истории Запада, в то время как в действительности это был сюжет прежде всего мусульманской истории. Изменение такого подхода должно радикально изменить всю концепцию проблемы морисков»[40].

Как бы предвидя будущие споры историков, вождь альпухаррского восстания Абен Умейя заявлял: «Мы — не банда воров, а королевство»[41]. Даже такой знающий морисколог, как Бернар Венсан, в статье «Бандиты-мориски в Андалусии

XVI в.» сообщает, что некий 24-летний мориск Патрона Лоренсо Текра признался инквизиции, что убил 67 человек[42]. «Но было ли это «бандитизмом»? — спрашивает Темими. — Каковы настоящие причины такого «бандитизма»? Он убежден, что сожжение большинства рукописей и прочих документов морисков способствовало либо замалчиванию, либо искажению реальной информации о них[43]. Кстати, стоит напомнить, что если жители Испании опасались (и вполне обоснованно) нападений на побережье страны османов, магрибинцев и, особенно со 2-й половины XVI в., бежавших морисков, то последние, в свою очередь, точно так же опасались испанской экспансии в Магрибе и вообще воспринимали державу Габсбургов как жестокого агрессора. Это косвенно подтверждает даже не симпатизирующий морискам Анхель Галан Санчес, сообщая, что эмигранты из Аль-Андалуса никогда не чувствовали себя в Магрибе в безопасности, и после падения Гранады многие из них, покинув Магриб, выехали на Восток, в Александрию и Дамаск, а альфаки Ибн аль-Азрак даже стал кади Иерусалима. 270 человек из сопровождавших в изгнание Боабдиля осели в Турции, а некоторые из ранее поселившихся в Бужи (ныне Биджайя) и Тунисе впоследствии даже добрались до «азиатского торгового города Бухара»[44].

Однако большинство выходцев из Аль-Андалуса в странах Магриба и на Арабском Востоке осталось в качестве подданных местных правителей и, по мере усиления позиций османов и фактически не прекращавшегося притока морисков, настроенных резко против Испании, способствовали отпору экспансии Габсбургов. Во многом это определило эволюцию испано-османского соперничества за гегемонию на Средиземном море в упомянутую выше «войну корсаров». К концу XVI в., считает Жан Монлау, «корсарство, став независимым коммерческим предприятием, достигло своего апогея, будучи победоносным и совершенно безнаказанным как в Атлантике, так и в Средиземноморье». При этом «христианское корсарство, столь же активное, хоть и менее известное», было так же хорошо организовано и имело хорошо оснащенные базы на острове Майорка и в таких портах, как Валенсия и Альмерия в Испании, Ливорно в Италии, Мессина и Трапани на Сицилии (тоже тогда

бывшей владением Мадрида). В свою очередь, магрибинские пираты базировались на острове Джерба, в портах Туниса и Бизерты, в городах Биджайя, Алжир, Шершель, Тенес, Оран, Мерс аль-Кебир, каждый из которых был превращен в морскую крепость и фактически стал полунезависимой «корсарской республикой, вооруженной за свой счет». Именно «изгнанные из Испании мавры» стали играть в них наиболее активную роль, а ряд городов, прежде всего Алжир, Бреск, Рашгун, Хонейн и Шершель, уже с XVI в. управлялись «торговой аристократией» андалусийского происхождения, что, естественно, не сулило Испании ничего хорошего. Впрочем, корсарство было вполне интернациональным занятием. В частности, в Аль-Маамуре (на западе Марокко) тоже возникла «республика», созданная «пришедшими отовсюду пиратами», в том числе из морисков, но возглавил ее беглый английский капитан Генри Мэйуоринг[45]. Правители стран Магриба (как и Габсбурги в Мадриде или Тюдоры в Лондоне) поощряли пиратский бизнес, довольствуясь до поры до времени определенной долей дохода корсаров. К тому же религиозно-политическая подоплека пиратства с обеих сторон позволяла считать его вполне «богоугодным» делом.

Роль инквизиции

Инквизиция, как уже говорилось, была главным врагом морисков и руководствовалась, по словам ее первого исследователя Мигеля де Пинто Льоренте, девизом — «Единый закон, единый король, единая вера». Но вряд ли можно согласиться с Жан-Пьером Дедьё, директором Центра исследований Бордо, в том, что она считалась «главным орудием ассимиляции» морисков. Сам же он в 1990 г. признал, что особенностью испанской инквизиции, созданной в 1478 г., было то, что «ее подлинным главой был король», хотя эта организация де-юре подчинялась римскому папе и имела собственную весьма разветвленную структуру. Формально возглавлял ее Великий Инкви-

зитор, «фактически назначавшийся королем» и, в свою очередь, назначавший своих представителей в регионы. Он мог иногда пользоваться большим влиянием на монарха, как Томас Торквемада (1483–1498) или Франсиско Хименес де Сиснерос (1507–1517), но в определенных пределах, хотя нередко входил в противоречия с Высшим советом из 6 прелатов, также назначавшихся королем. Великий Инквизитор к тому же должен был руководствоваться определенным сводом правил, за пределы которых он мог выйти лишь по решению папской канцелярии, оформленной в буллу (послание папы). Все такие случаи были объектом жестких переговоров между Римом и Мадридом. Иными словами, инквизиция играла роль орудия дворцовой политики, воля короля была решающим фактором в ее деятельности, хоть она и была юридически «постоянным представительством папского престола»[46].

Но после войны в Альпухарре и монархии Габсбургов, и римскому понтифику было уже не до мелких склок и взаимных претензий, тем более что во владения Испании входили и территории Италии, непосредственно примыкавшие к Папской области. Король и папа почувствовали себя в опасности. «Османская угроза (реальная или воображаемая), — пишет Анвар Чейне, — подъем протестантства и буйство пиратства в Средиземноморье обострили и без того напряженные отношения между христианами и морисками, побудив церковь и государство решить проблему морисков как можно быстрее, невзирая на средства, даже если это означало полное уничтожение»[47]. По существу, Чейне прав, но лишь в оценке настроений большинства чиновников и духовенства. Последнее слово было за королем, который явно медлил с «окончательным решением».

Занятая войнами в Нидерландах, Германии, Магрибе, Средиземноморье, Атлантике и Америке, королевская власть фактически возложила задачу расправы с морисками на инквизицию, которая с удвоенной энергией принялась выслеживать, подозревать, арестовывать и всячески преследовать морисков, особенно — «гранадинос». Вскоре, однако, репрессии распространились вообще на всех морисков, в том числе там, где ранее столкновений с ними не было или почти не было. В частности, возобновились слухи, не лишенные реальной основы, о

тайных связях морисков Арагона и Валенсии с французскими гугенотами. В связи с этим резко возрастает внимание трибуналов инквизиции в этих регионах к морискам: в 1566–1620 гг. в Валенсии 72% их активности было направлено против морисков. Если в 1571–1580 гг. здесь их дела рассматривались на 334 судебных процессах, то в 1586–1595 гг. уже на 1084 процессах. 85% подсудимых были подвергнуты различным пыткам. В 6 случаях из 10 дело заканчивалось приговором к смерти (хотя не все из них были приведены в исполнение, в большинстве случаев — ввиду осуждения заочно лиц, заранее бежавших за рубеж или скрывшихся в подполье). Но нередко измученные узники «отрекались от своих заблуждений» или «раскаивались» в них[48]. В Арагоне трибунал инквизиции в Сарагосе, вынужденный считаться с указом короля Карла от 1534 г. о запрещении конфискации имущества морисков (указ был принят по просьбе арагонской аристократии, покровительствовавшей морискам), до 1557 г. ограничивался, наказывая морисков, в основном штрафами. В 1555 г. это даже было подтверждено по специальным соглашениям инквизиции Сарагосы с прелатами и сеньорами, имевшими вассалов-морисков. Но уже в 1566–1570 гг. он осудил 174 мориска, из которых 7 приговорил к смерти. В 1571–1610 гг. трибунал привлек к суду уже 2278 морисков, из которых 85 были осуждены на смерть. При этом судьба остальных, обычно вынужденных под пытками «раскаяться» или просить о пощаде, тоже не была завидной: они обычно лишались имущества и изгонялись или заключались в тюрьму. Полностью освобождались не более 11–13%, попавших в руки трибунала (это средняя цифра по области Валенсии за период 1566–1620 гг., причем в 1566–1595 гг. освобождались не более 7–8% судимых)[49].

Естественно, избежать репрессий инквизиции мало кому удавалось, ибо, даже если мориск вел себя лояльно, всегда можно было придраться к его одежде, к тому или иному высказыванию (нередко приписываемому ему без всяких оснований), к тому или иному поступку или обычаю (например, неупотреблению вина или свинины) и т. п. Кроме того, при всей ожесточенности и фанатизме инквизиторов, от них можно было иногда и откупиться[50]. Многие так и делали, обычно после

этого скрываясь или эмигрируя в Магриб, где «злейшими врагами христиан» были бывшие мудехары Гранады и тагарины Арагона, Валенсии и Каталонии[51].

По данным Рафаэля Карраско, всего инквизицией было проведено против морисков 9636 судебных процессов в 1540–1614 гг., причем больше всего — в Валенсии (2634 процесса) и Арагоне (2463 процесса). «Интерес» инквизиции к «иудействующим», протестантам и «еретикам» в эти годы снизился: им было посвящено менее 40% судебных дел в Арагоне и около 28% — в Валенсии. Из 390 женщин-морисков, осужденных трибуналом Сарагосы, 236 были подвергнуты пыткам, 154 казнены. В Валенсии поступили «мягче»: из привлеченных к суду 217 женщин-морисков пыткам подверглись 103 и лишь две были казнены. Возможно, это объяснялось большей влиятельностью и более высокой концентрацией морисков в области Валенсии, где они составляли свыше 33% всего населения (в Арагоне — около 20%) и жили преимущественно в труднодоступных горных районах между реками Михарес и Хукар, но также — в особых кварталах городов Альсира, Валенсия, Гандия, Кастейон, Хатива, где пользовались открытым, но чаще скрытым покровительством местных сеньоров, ценивших их как садоводов, ремесленников, ювелиров, кузнецов и мастеров на все руки, выплачивавших своим господам (и весьма аккуратно) значительные суммы в виде податей и различных подношений. Но было, по сведениям Рикардо Гарсия Карселя, и немало свободных морисков (400 семей, т. е. 2,5% всего населения), не зависевших от сеньоров, более того — дававших им деньги в долг. До трети доходов валенсианского дворянства к концу XVI в. оказалось в руках заимодавцев, среди которых 354 морискам было выплачено «старыми христианами» в виде долгов 197 679 ливров. Так возникал «сельский средний класс из морисков»[52].

Еще более тесно мориски были связаны со «старыми христианами» в Каталонии, где их всего проживало 5144 чел. в 16 городах и селениях. Во многих случаях они были полуассимилированы или даже полностью ассимилированы, главным образом — путем заключения смешанных браков. Впоследствии, когда встал вопрос об изгнании, 1578 морискам Катало-

нии разрешено было остаться, ибо расследовавший их дела епископ Педро Манрике установил, что они происходили от смешанных браков, регулярно выполняли все церковные обряды, а главное — «употребляли свинину и вино». Однако за остальными каталонскими морисками трибунал инквизиции в Барселоне следил достаточно бдительно: в 1561–1570 гг. судили 40 чел., в 1571–1605 гг. — 10 чел., в 1606–1615 гг. — 40 чел., причем среди последних были 10 «ренегатов» (христиан, принявших ислам во время пребывания в плену в Магрибе) и 3 «морискадос», т. е. поселившихся в Каталонии католиков-французов, признававших, что мориски могут обрести «спасение души в своей вере». Среди прочих обвиняемых преобладали мигранты с юга — «гранадинос» и их соседи из Андалусии. Приговоры были относительно мягкими: три смертных приговора заочно бежавшим от суда «ренегатам», остальные в основном были сосланы на галеры, казнены были только два раба-магрибинца, многократно отклонившие все призывы креститься.

Инквизиция в Старой и Новой Кастилии действовала более жестко, чем в Арагоне и Каталонии, но тоже преимущественно против «пришельцев». Численность «гранадинос» все время росла: только в области Толедо их было 1,5 тыс. чел. в 1570 г. и уже 13 тыс. чел. — в 1608 г. Естественно, их опасались больше, чем других. Из 300 морисков, судимых в 1570–1615 гг. трибуналом Толедо, 82% были «гранадинос». Местные бывшие мудехары были затронуты лишь на 16 процессах, им были предъявлены несерьезные обвинения (в неосторожных выражениях, нарушении мелких запретов и т. п.). В Куэнке преследованиями трибунала были затронуты 3% морисков, в Толедо — 1%. Однако это выражалось в постоянном давлении на морисков: 7–8 тыс. морисков Толедо пережили 400 процессов, 4–5 тыс. морисков Куэнки — 200 процессов. И морискам в этих районах Новой Кастилии было трудно сопротивляться преследователям, «находясь среди населения, с энтузиазмом помогавшего полицейским операциям инквизиции».

В Старой Кастилии, где морисков было меньше (8336 чел. в 1594 г.), инквизиция занималась больше борьбой с различными «ересями» среди «старых христиан». Среди дел трибунала в Логроньо лишь 20% касались морисков. Но в них были

судьбы 653 людей, обращение инквизиторов с которыми историк Хайме Контрерас назвал «террором». Он же счел период 1576–1595 гг. «апогеем репрессий против морисков» в трибунале Логроньо. Широко используя конфискации имущества, штрафы, заключение в тюрьму на срок до 5 лет, а также — костры (21 мориск был сожжен 22 июля 1585 г., 16 морисков — 21 декабря 1588 г.), инквизиторы Старой Кастилии сумели добиться исчезновения целых общин морисков, так как многие из уцелевших спешили перебраться в другие места страны или даже за ее пределы. Этому способствовали и такого рода «гуманные» решения трибунала, как освобождение арестованного, но … с лишением его жилья, что, естественно, обрекало его на изгнание. Именно в Старой Кастилии, считает Х. Контрерас, мориски, «выслеживаемые, изолированные, окруженные, предоставлены самим себе … менее исламизированные, чем их другие собратья … обретали этническое самосознание в результате угнетения, которому их подвергали».

Деятельность трибуналов инквизиции при всем различии местных условий, тем не менее, не отличалась особым разнообразием. Наиболее стандартным обвинением было обвинение (в 68% случаев) в «соблюдении исламских обычаев», а именно — в совершении омовения до 7 раз в день, пятикратной молитвы с обращением лица на восток, соблюдения поста рамадан. Реже (до трети случаев) судьи обвиняли морисков (например, повстанцев Альпухарры) в «полном восстановлении мусульманской религии», а также слушании проповедей альфаки, наличии мусульманских имен (в чем был «виновен» практически каждый мориск), полигамии, распространении слухов о прибытии турок, оскорблении христианской веры и ее обрядов, прославлении пророка Мухаммеда. Очень много обвинений касались полемики по поводу божественности Христа (многие мориски никак не могли понять, как бог может страдать) и практики католической церкви, которая в глазах морисков была подвержена всевозможным порокам и нередко осуждалась ими за стяжательство, доносительство, разврат и лицемерие.

В трибунале Кордовы 8% из 219 морисков (включая 94 женщины), представших перед судом в 1570–1599 гг., обвинялись в «сексуальных преступлениях», под каковыми обычно

понимались отрицание религиозного понимания брака и необходимости его освящения церковью. Один мориск (гранадец Бартоломе Каталан) был осужден только лишь за высказывание: «Нет греха в том, чтобы быть близким с женой язычника».

Вздорность обвинений часто проистекала из их полной необоснованности. Об этом свидетельствует значительный процент оправданных или просто отпущенных (нередко — после пыток). В Кордове из 219 подсудимых 8 были просто оправданы, 109 — отпущены после «раскаяния», 65 — наказаны, а 38 — отсутствовали и были осуждены заочно. Причем трибунал Кордовы считался одним из наиболее строгих: здесь было проведено 350 процессов, хотя в городе насчитывалось всего 20 тыс. морисков. Впрочем, в Куэнке на 7 тыс. морисков было проведено 317 процессов, а в Толедо на 25 тыс. морисков — 300 процессов. Но по сведениям Хуана Аранды Донсела (члена Королевской Академии Кордовы), в Куэнке были освобождены или прощены 69 из 102 обвиняемых (некоторые из них судимы были не раз, отсюда и расхождение между количеством процессов и подсудимых). Он же утверждает, что были также прощены 58% обвиняемых в Валенсии и 60% — в Сарагосе[53].

Материалы трибуналов инквизиции содержали, помимо всевозможных обвинений, также любопытные сведения о взаимоотношениях морисков и «старых христиан». В регионе Куэнки в 1598 г. на свадьбу двух морисков Исабель Кальвес и Монго Лопеса, «искренне принявших христианство», не явился никто из членов местной альхамы. Были случаи отказа сельских рабочих-морисков от совместной трапезы со «старыми христианами» из опасения «съесть свинину». Пищевые и прочие запреты соблюдались морисками особенно строго во время поста рамадан, как и все правила этого поста. Вместе с тем большинство наблюдателей отмечало, что мориски внешне не проявляли какого-либо религиозного фанатизма, и в частности к концу XVI в. обычно не соблюдали правило пятикратной молитвы в день. Трибунал Куэнки установил также, что местные мориски «часто не знали смысла ни слов, ни жестов» соответствующих ритуалов, вследствие чего их традиционные (т. е. мусульманские) «обряды, сопровождавшие рождение, брако-

сочетание и погребение, были во многом упрощены и обеднены»[54].

Инквизиция преследовала и всякую попытку сближения «старых христиан» с морисками. Например, она дважды судила Кристобаля Дуарте Баллестера за любовь к культуре морисков. Этот вполне правоверный католик знал арабский язык, пел на нем песни морисков и любил танцевать с их женщинами старинные танцы времен Аль-Андалуса. Вдобавок он «ел мясо по пятницам» и не всегда ходил к мессе. Осужденный дважды, он вынужден был отказаться от подобного «культурного плюрализма», совершенно нетерпимого в Испании XVI в.[55]

Однако был канал взаимосближения «старых христиан» и морисков (да и вообще мусульман), не контролировавшийся или плохо контролировавшийся инквизицией. Это был институт рабства. Рабы и особенно рабыни открыто продавались на рынках Испании XV–XVI вв. Их труд использовали все монастыри Каталонии и Майорки, да и многих других областей Испании. Священники Барселоны (как и Генуи, Марселя и других портов европейского Средиземноморья) держали обычно одну или несколько рабынь. Иногда монастыри (включая женские) сдавали рабов «в аренду» тому или иному купцу или фабриканту за треть заработка рабов, иногда не только покупали, но и продавали рабов, причем женщин часто с детьми. В 1500 г. в городах Андалусии половина рабынь была с детьми, и хотя на полях Испании, особенно на Балеарах и в Валенсии, как и на Юге Италии и в португальском Алгарви (с 1580 г. — в составе Испании), предпочитали труд взрослых, особенно во время посевной или сбора урожая, детей тоже эксплуатировали. Некоторые торговцы, особенно из морских пиратов, специализировались на продаже детей в рабство.

Большинство рабов были маврами и африканцами, но некоторая часть их была черкесами, особенно черкешенками, захваченными на Кавказе османами и перепроданными генуэзцам. Обычно большинство их становились домашними слугами, нередко сближались с семьями своих господ и принимали христианство. С этого момента они попадали в поле зрения инквизиции. Жак Ээрс считает, что нередко наличие молодых рабынь «провоцировало драмы, адюльтеры, внебрачное сожи-

тельство, незаконные союзы, соперничество, даже проституцию». Нередко рабыни добивались свободы, законного брака и усыновления детей, что способствовало «серьезному притоку новой крови»[56].

Такого же мнения придерживается профессор университета Нантерра Анри Бреск, полагающий, что «семейное (т. е. домашнее. — *Р. Л.*) рабство оказало огромное влияние на состав населения всего Средиземноморья» и что в средние века этнический и культурно-цивилизационный синтез был характерен не только для мира ислама и островов Средиземноморья, но и для Иберийского полуострова и испанских владений[57]. Это мнение известного знатока средневекового Средиземноморья базируется на его фундаментальном исследовании экономики и общества Сицилии XII–XV вв., связанной с самыми отдаленными уголками Средиземноморья. Прослеживая приток на остров по каналам работорговли арабов, греков, татар, славян и других, он установил, что от 59 до 85% их принимали христианство и практически ассимилировались, впоследствии интегрируясь в местное общество. То же происходило на Мальте и других островах. Вместе с тем при активном участии свободных иммигрантов-арабов из Киренаики формировались общины местных мудехаров, которые начали исчезать после XV в., так как практически все острова на западе Средиземноморья стали владением Испании и объектом внимания инквизиции[58].

Поскольку инквизицию трудно заподозрить в мягкосердечии и гуманизме, причиной сравнительно высокой доли освобожденных ею (см. выше) должна была быть полная беспочвенность выдвинутых против них обвинений. Впрочем, нельзя исключить и влияния двух факторов — коррупции и силового давления морисков. Относительная зажиточность морисков давала им возможность покупать «благожелательность» функционеров инквизиции, особенно низших и особенно в провинции, подальше от короля и Великого Инквизитора. Что же до силового давления, то известно, что мориски, сплоченные и солидарные как все преследуемые социумы, неплохо организованные в альхамы, находили способы борьбы с доносчиками (особенно из своей среды), наиболее рьяными «христианизаторами» и старательными надсмотрщиками из «старых христи-

ан», в крайних случаях не останавливаясь и перед их физической ликвидацией.

В качестве примера можно привести ранее уже упоминавшееся селение Орначос в Эстремадуре, населенное в основном (а по мнению Генри Чарлза Ли, «исключительно») морисками. По масштабам того времени это был скорее город, поскольку жителей там было, по разным сведениям, 6–8 тыс. чел., обитавших в 1200 домах. Принужденные креститься позже других, в 1530 г., они этому отчаянно сопротивлялись, а когда все же вынуждены были уступить, создали свою «секретную хунту», которая тайно собиралась в горной пещере. Испанцы впоследствии обвиняли их в порче монеты, использовании арабского языка вместо кастильского, «незнании христианских обязанностей» и «нарушении мира христиан». Причиной этих обвинений, предъявленных задним числом, была действительно четкая организация орначерос (т. е. жителей Орначос), наличие у них общей казны и права носить оружие, купленного ими за 30 тыс. дукатов у короля Филиппа II, вечно нуждавшегося в деньгах. Инквизиторы считали, что орначерос «грабили и убивали» христиан, которые появлялись в их городе. Действительно, посланный для расследования жалоб на орначерос в 1608 г. Луис Мадера нашел на полях Орначос 83 трупа, за что местные мориски жестоко поплатились: 10 членов их совета были повешены, а 170 человек сосланы на галеры. Однако гранадский историк Гильермо Госальбес Бусто считает, что орначерос вовсе не были уголовными преступниками, а были богатыми производителями винограда и меда, зажиточными скотоводами и «из них мало кто шел в разбойники». Они действительно не были, как и подавляющее большинство морисков, искренними христианами, но «в обиду себя не давали» и жестко расправлялись с доносчиками инквизиции и пытавшимися за ними наблюдать подозрительными чужаками, так как «фактически почти шла гражданская война». Госальбес Бусто при этом добавляет: «Не будем этому удивляться. Достаточно вспомнить вошедшее в поговорку испанское упорство, прежде всего в области религии»[59].

Конечно, в этой скрытой, но непрекращавшейся ни на один день войне участвовали не только орначерос. Но их при-

мер наиболее показателен в силу их многочисленности, организованности, решительности и наибольшей впоследствии известности. Редко какой другой общине морисков удавалось за все время их жизни в Испании продержаться так долго, сохраняя в тайне свою организацию, процветая экономически и даже защищая свои интересы с оружием в руках, что было редкостью после подавления восстания в Альпухарре. Страна тогда была во многом парализована террором инквизиции.

Логика и методы этого террора эволюционировали в течение примерно 120 лет. Один из первых процессов инквизиции имел место в 1495 г., когда «святые отцы» еще не вмешивались в дела общин мудехаров. Однако они все же решили уже тогда начать преследование Юсефа де ла Васиа, альфаки морерии Молина, одной из наиболее крупных и влиятельных в Арагоне, к тому же — обладавшей большой мечетью, привлекавшей верующих не только из соседних альхам, но также со всего Арагона. Юсефа обвинили в пропаганде ислама среди христиан, которых он приглашал посетить мечеть и убедиться в том, что там не говорится ничего против христианства, в частности, что «закон иудеев, мол, лучше христианского» или что христианином можно быть «лишь по невежеству или отсутствию информации». Отрицая эти обвинения, Юсеф, тем не менее, признал, что многие христиане его города «при мне часто оскорбляли мой закон» (т. е. религию. — *Р. Л.*) и «бесчестили Мухаммеда», на что он вынужден был отвечать, а также — пригласить хулителей в мечеть, дабы они, увидев своими глазами происходившее в мечети, убедились бы в отсутствии чего-либо задевающего христиан. Тем не менее, он был осужден на изгнание и штраф в 50 золотых флоринов. Ему было запрещено возвращаться назад «под страхом смерти», и приводились в пример «четверо альфаки Гранады, принявшие христианство»[60].

Этот случай доказывает, что инквизиция с самого начала, еще до открытого нарушения соглашений 1492 г., взяла курс на искоренение всякого наследия Аль-Андалуса и всякого «присутствия мавров» на Иберийском полуострове. И естественно, в дальнейшем, после превращения мудехаров в морисков, эта политика лишь ужесточалась. Между тем сообщество морисков стремилось, как и всякое сообщество людей, жить по-

человечески даже в нечеловеческих условиях. Например, в 1571 г., уже после «генеральной зачистки» Гранады, оставшиеся здесь по тем или иным причинам мориски ухитрялись иметь в Альбайсине 6 садов и 11 виноградников и около 6 тыс. домов. «Старые христиане» составляли 5–10% населения Альбайсина, но жили, как ни странно, в гораздо большей тесноте, чем мориски. У морисков приходилось в среднем по 4 жителя на дом и, как пишет Бернар Венсан, «два брата-мориска имели каждый свой дом». У «старых христиан» картина была иной: в доме Исабель де Аларкон — 9 персон, включая двух черных рабов, в доме семьи Агреда — 23 персоны, включая четырех слуг, двух пажей и двух черных рабов, в доме графа Плиего только слуг было 13. В домах морисков слуг не было или почти не было. И большинство их владело одним домом. Что касается многодетности, то в среднем на 2 семьи морисков приходилось 8 детей, а на две семьи «старых христиан» — 9. Некоторые авторы пытались объяснить этот факт тем, что мориски крестили не всех детей (ибо главным источником демографической статистики того времени были записи в церковных книгах). Но другие склонны считать причиной меньшего количества детей у морисков более высокую детскую смертность в их среде.

Теоретически все мориски по декрету 1570 г. должны были покинуть область Гранады (и более того, некоторые соседние районы). На деле же было много исключений из этого правила. В 1580 г. в области легально проживали 8700 морисков, из которых 5599, т. е. более двух третей, были люди зависимые — рабы, рабыни, женщины и дети. Взрослых рабынь и вдов было 1166. Конечно, в основном это были бедные люди. Среди 307 имевших разрешение короля остаться в Гранаде 178 не владели никаким имуществом. Среди прочих же 22 имели годовой доход в 100 дукатов, а 53 — от 120 до 350 дукатов. Еще 53 семейства, получая в год более 400 дукатов, были крайне неоднородны, включая как лиц со средним (по понятиям того времени) достатком, так и богачей (Канилес, Хуан де Ронда Эль Хакин) с доходом не менее 1600 дукатов. Расслоение было заметно внутри разных социальных категорий. Например, среди 90 семейств ремесленников города Гранады насчитывалось

только 19 богатых. В долине Вега, прилегающей к городу, крестьяне-мориски имели доход от 20 до 300 дукатов.

Разумеется, были исключения. Некоторые мориски, обычно — богатые торговцы или чиновники королевской службы, жили в Альбайсине роскошно: Педро Лопес Кайбона владел тремя домами, тремя мельницами, гостиницей и лавкой, Алонсо Альботодо — 4 домами и 3 лавками, Гарсиа де Пальмахалаф — 4 домами и 4 лавками, Франсиско де Мендоса Халаф — 2 домами и 5 лавками. Семья Абулили владела сразу 13 помещениями. Диего Эрмес имел 4 дома и лавку, а его три сына жили в наиболее красивом особняке Альбайсина, где им прислуживали 5 рабынь. Впоследствии его потомки владели также мельницей, землями, стадами и юридической конторой и, «доказав свое происхождение от миланских торговцев», стали «старыми христианами», как и другой богатый мориск Чавес Эль Чапис, именем которого названа ныне одна из улиц Альбайсина.

Не вызывает удивления, что в декабре 1568 г. повстанцы во главе с простым ткачом Фараджем Абенфараджем не смогли привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительную часть жителей Альбайсина, в том числе бедных ремесленников и мелких торговцев, ориентировавшихся на мнение верхушки квартала. Тем не менее, 90 человек из них были арестованы, в том числе Франсиско Эрмес, хранивший в доме оружие, на которое имелось разрешение. В квартале были размещены войска. Когда в апреле 1569 г. стало известно о предстоящей депортации, мориски стали готовить восстание, но их план был раскрыт и около 4 тыс. из них были высланы на север страны. За этим последовали высылки остальных, в первую очередь — наиболее влиятельных Хуана Родригеса Абдуррафе, Мигеля Джубрана и Диего Эрнандеса в марте — июле 1570 г. Депортация коснулась и «мирных» морисков: 850 из них отбыли в ссылку без возражений, 50 — оказали сопротивление. При этом 9 человек погибли (включая упомянутого выше Альботодо), 9 — оказались в тюрьме, 25 — погибли по дороге в ссылку. Опустевший квартал постепенно заселяли «старые христиане». Но процесс шел медленно. Еще в 1587 г. из 4751 дома в квартале были заселены лишь 2298, т. е. меньше половины.

Казалось, после 1571 г. «гранадинос» были окончательно разбиты, разобщены, парализованы. Тем не менее они, даже лишенные привычной обстановки, давно налаженных связей и четкой организации своих общин, пытались сопротивляться. У некоторых, как у Алонсо дель Кастильо или Мигеля де Луны, это выражалось в продолжении поиска компромисса на основе «синкретизма между христианством и исламом», у других — просто в попытке доказать свое «христианское происхождение», как это сделали 60 семейств морисков в 1573 г. Поскольку после депортаций 1569–1571 гг. было немало случаев «незаконного» (т. е. не разрешенного властями) возвращения «гранадинос» в родные места, к январю 1580 г. было установлено проживание в области, вопреки запрету, 10–15 тыс. морисков, включая 3851 из них в городе Гранаде и окрестностях. Оказалось, что 58% из них абсолютно бедны, а 2/3 из них — женщины. Однако более важно, что среди них были 32 семейства (в основном врачей, юристов, священников, писателей), активно сотрудничавших с властями (в частности, Фустеро, Сегри, Ванегас, Паласиос, Леон, Фес Мулей, Лопес Абенашара и др.). Их было всего 150–200 человек, принадлежавших к 19 фамилиям знати.

Некоторые из них, как, например, Франсиско Эль Сегри, успели поучаствовать на стороне Испании в войнах в Магрибе, пробыть 15 месяцев в плену у мусульман, потом снова штурмовать Танжер и Тунис в чине капитана кавалерии, сражаться на море против французов, а в 1569–1570 гг. — даже в армии Хуана Австрийского, громившей Альпухарру. Одновременно он был до своей смерти в 1578 г. сборщиком налога «фарда», 100 дукатов из суммы которого с 1543 г. отчислялись ему в виде ренты, унаследованной впоследствии его сыном Хуаном. Другие, как Хуан Альботодо, иезуит и «самый активный евангелизатор», выходец из семейства кузнецов и медиков, пользовался особым доверием властей, имел рабов-африканцев, а его два брата, Алонсо и Бартоломе, получили привилегию носить оружие, что «означало признание их подлинными христианами». Тем не менее, Алонсо Альботадо, как и его зять Фелипе Ванегас, также представитель семьи, давно сотрудничавшей с испанцами, погиб в тюрьме в апреле 1569 г., когда власти, ох-

ваченные паникой в связи с войной в Альпухарре, арестовывали всех видных морисков. Удачнее сложилась судьба Иньиго Родригеса Эль Гамада (или Эль Гамуди). Сын Диего Родригеса Эль Гамуди, крупного производителя шелка и «аламина» (ответственного руководителя, инспектора) цеха красильщиков Гранады в течение более 50 лет (начиная с 1501 г.), Иньиго был богатейшим из морисков Альбайсина, имевшим ежегодный доход не менее 2 тыс. дукатов. Верный линии своего отца, он активно выступал на стороне властей в течение всей войны в Альпухарре, а впоследствии основал фонд по содержанию монастыря и церкви св. Иеронима в Гранаде.

Особый интерес вызывает судьба рода Мулей — потомков последнего султана Феса из династии Меринидов Абд аль-Хакка. Перебравшись в Гранаду в 1465 г., незадолго до ее падения, они интегрировались в местную знать, ставшую вскоре элитой морисков. Наиболее известен из них Франсиско Нуньес Мулей, ранее уже упоминавшийся (см. выше главу II) обладатель многих пожалованных ему королем привилегий, включая передаваемую по наследству годовую ренту в 9 тыс. мараведи. Его дядя Аль-Мутаваккиль, женившись на одной из дочерей эмира Гранады, соединил в одной семье потомков двух династий, а в 1500 г., крестившись, принял имя Фернандо де Фес, а его жена — имя Исабель (их крестными отцом и матерью были «католические короли» Фердинанд и Изабелла). Фернандо де Фес трижды получал щедрые подарки от королевского двора, имел королевскую ренту, дом в Гранаде, загородную виллу. Его сын Альваро де Фес, унаследовав привилегии отца, стал также сборщиком налога «фарда», как и его сын Эрнандо Мулей и дядя (сын Франсиско Нуньеса) Алонсо Мартинес де Сантьяго Мулей. Фернандо де Фес Мулей имел конфликт с инквизицией, закончившийся его высылкой, как и его брата Андреса, с конфискацией имущества (2 тыс. дукатов, мельниц, лавок, маслобоен). В 1572 г. Эрнандо вернулся в свой дом, но не получил компенсации за конфискованное прочее имущество, добившись лишь в 1576 г. пенсии в 20 тыс. мараведи, увеличенной до 30 тыс. в 1579 г. С этого времени Эрнандо стал посещать «секретные собрания» недовольных морисков, официально будучи фабрикантом шелка[61].

Но недовольство элиты не было идентично недовольству основной массы морисков. Первая, проживая в относительно благополучных условиях, хотела их просто улучшить. Вторая же не хотела мириться с обстановкой, созданной инквизицией, и всерьез думала о ее изменении, смутно надеясь прежде всего на помощь османов, хотя после битвы при Лепанто эти надежды стали весьма неопределенными. Отсутствие единства социально-политических стремлений у морисков было характерной чертой последней четверти XVI в. Тем не менее, постоянное ухудшение положения всех морисков и ужесточение политики властей по отношению к ним постепенно сближали все их социальные группы и радикализировали, в частности, позицию элиты.

Верхушка «гранадинос» сначала, конечно, не желала, чтобы ее смешивали с «плебсом», тем более — с повстанцами Альпухарры, а также всячески отмежевывалась от «бандитов», продолжавших скрываться в горах и после 1571 г. По словам Бернара Венсана, лишь в 1577 г. властям «покорились последние вожаки повстанцев — Хуан Эсвиле, Маркос Эль Мелиш… — выжившие в авантюре, в которую в 1572–1573 гг. были вовлечены сотни людей». Власти пытались решить проблему радикально, «полностью очистив» Андалусию от морисков. Однако это было чрезвычайно трудно осуществить ввиду того, что мориски «пользовались сообщничеством христиан», многие из которых, особенно в городах, были связаны с наиболее лояльной и ассимилированной частью морисков различными узами делового, культурного и личного характера. Тем более что после 1570 г. мориски, составляя менее 10% жителей Андалусии, т. е. практически всего юга Испании (охватывающего, кроме Гранады, еще 7 областей), уже не воспринимались как серьезная «угроза христианству», не занимали больше особых кварталов «мореріа» и не стремились (по крайней мере, на юге) объединяться в альхамы и демонстрировать былую сплоченность. К тому же они выполняли все тяжелые и трудные, да и наиболее квалифицированные работы.

Иными словами, их «рассеянное сообщество не только не было опасным, но было полезным». Поэтому когда все же по указу короля еще 3500 морисков были изгнаны из области

Гранады в 1584 г., это вызвало протесты архиепископа Гранады, епископа Гуадиса, а также «истинных» католиков Антекеры, Лохи, Алькала ла Реаль. Иными словами, не только у части грандов и сеньоров, извлекавших выгоду из эксплуатации морисков, но и в среде христиан-горожан и, более того, католического духовенства находились люди, сочувствовавшие морискам и способные к совместной жизни с ними. Но, к сожалению, не они задавали тон в монархии Габсбургов. Поэтому их протесты никакого результата не дали. Несмотря на то, что даже комиссары, ведавшие депортацией, докладывали по начальству: среди изгнанных преобладают женщины и дети, в своей массе «очень бедные», часто «почти не одетые» и «шедшие босиком». Не выселялись только обладатели специального королевского разрешения (считанные единицы, преимущественно коллаборационисты) и свободные (по личному статусу и от семейных уз) 786 женщин-морисков, занятых весьма ценившимся во всем королевстве шелкопрядением.

Депортация 1584 г., судя по всему, была, помимо всевозраставшего недоверия к морискам, вызвана еще и реакцией властей на события в Севилье, где 9 июня 1580 г. 40-летняя жительница квартала Фериа Мария Эрнандес (из морисков) сообщила местному священнику, а он — властям, что переселенные в Севилью и Кордову «гранадинос» организовали заговор с целью вновь поднять восстание, дабы погрузить «Севилью в кровь и пламя» в ночь на 29 июня. По обвинению в подготовке «убийства как можно большего количества христиан» с последующим бегством в горы 19 июня были арестованы 50 морисков, а через 5 дней — находившийся с семьей в Кордове Эрнандо Мулей, которого сочли главой заговора. После пятидневного допроса «не без неоднократного применения пыток» он и его сын Альваро Энрикес во всем признались. Впрочем, остальные свидетели (и обвиняемые, и доносчики, в основном соседи Мулеев по кварталу Фериа) говорили то же самое, исходя, правда, в основном из того, что Эрнандо Мулей — как «кабальеро», «влиятельный человек» и потомок «короля Гранады» — больше всех подходил на роль главы заговора, что у него всегда было много людей в доме (что неудивительно, учитывая, что он распределял налог «фарда»), что он «го-

ворил с ними по-арабски» (т. е. не все могли его понять и не всё им сказанное), а его сын «без конца что-то писал». Эрнандо был осужден на смерть, замененную ему 10 годами галер и 200 ударами розг. Впрочем, на галеры его отправить было нельзя, ибо в результате пыток он лишился одной руки. В 1581 г. его просто «изолировали» в каком-то секретном месте заключения в Галисии (или Португалии, только что присоединенной к Испании). Ни о нем, ни о его брате Андресе, заключенном в тюрьму Кордовы, больше нет точных сведений. Альваро Энрикес Мулей, осужденный на 4 года галер, вскоре умер еще в тюрьме, как считает Бернар Венсан, «несомненно вследствие нанесенных ему увечий». Практически род Мулеев после этого в истории морисков более не упоминается.

Из 16 морисков, выданных доносчиками, прежде всего рабом-марокканцем Хуаном де Пальмой, 10 подверглись пыткам, но большинство их ничего не сказали, потому что ничего не знали. Несостоявшийся «заговор» существовал, судя по всему, лишь в намерениях нескольких лиц, что признал и Эрнандо Мулей, который, побывав незадолго до ареста в Кордове и Эсихе, убедился в бесперспективности своего замысла. В связи с чем он решил от него отказаться и поселиться в Кордове, где купил дом, лавку и участок земли. Трагическая судьба его и его брата, как и их кузенов Херонимо и Алонсо Энрикесов из рода Каибона, в 1580 г. была не случайной. Она была частью заката элиты морисков. Некий Фернандо де Фес Мулей еще упоминался в 1587 г. как помощник известного переводчика Алонсо дель Кастильо и как владелец дома и бакалейной лавки в Альбайсине в 1590 г. Б. Венсан допускает, что это мог быть тот самый Эрнандо, осужденный в 1580 г., что маловероятно, хотя по возрасту возможно: Эрнандо родился в 1542 г. Но в любом случае следует согласиться с Венсаном, что история рода Мулеев «от принца до скромного лавочника является историей падения». Отпрыскам мавританской знати не было места в нетерпимой и воинственно-католической монархии испанских Габсбургов.

Следует оговориться, что на территории области Гранады, вопреки всем усилиям властей, все же оставалось какое-то количество морисков, трудно поддающееся исчислению. Помимо

тех, кто остался вполне легально, было немало уклонившихся от депортации, главным образом — при помощи «старых христиан», либо подкупленных, либо заинтересованных в морисках как работниках, слугах, мастерах того или иного дела. Небольшой процент составляли и незаконно вернувшиеся. Так, коррехидор (администратор, исправник) города Трухильо в Эстремадуре сообщил в 1585 г., что из 166 морисков, прибывших из Гранады годом раньше, в городе осели только 33 человека. Остальные бежали обратно. Потом их, конечно, ловили, но далеко не всегда успешно.

Естественно, оставшиеся в Гранаде мориски вели себя особенно осторожно и старались не давать никаких поводов для преследований. Во многих случаях они пытались «слиться с большинством», нередко — путем заключения смешанных браков. Вместе с тем они делали все возможное для «сохранения основы своей идентичности», в частности шли на риск хранения своих текстов на альхамиадо и книг, отрицавших божественность Христа. 19 таких книг были обнаружены в 1595 г. в пещерах Сакрамонте близ Гранады.

Судя по всему, инквизиторам в Гранаде многое из вышеизложенного было известно. Возможно, поэтому они преследовали морисков не как таковых, а как «богохульников», «многоженцев» или же обманщиков, неправомерно приписывавших себе «происхождение от христианина». Стоит обратить внимание и на снижение активности инквизиции в Гранаде после 1582 г., когда Филипп II отклонил многочисленные призывы изгнать морисков из Испании. В 1568–1569 гг. местный трибунал судил 175 морисков, в 1582 г. — всего 18, в 1583 г. — 16. Далее — еще меньше, вплоть до 1607–1608 гг., когда перед трибуналом предстали 97 морисков. Всего в 1584–1615 гг. трибунал рассмотрел дела 134 морисков, из которых были осуждены 9 и «вернулись в лоно церкви» 109, остальные были освобождены или судились заочно. Количество не-морисков за это же время было гораздо больше, но почти все они (179 из 189) «вернулись в лоно церкви», т. е. раскаялись и были прощены. Однако, если рассмотреть более длительный период, 1550–1615 гг., то в это время под судом трибунала прошли всего 2077 человек, из них 1236 (59,5%) — мориски, причем 137

из них были осуждены. В то же время среди сожженных по приговору трибунала на костре мориски составили две трети[62].

Нередко инквизиторы преследовали лиц из определенных семей (например, семьи Абен Умейя), их родственников и друзей, стремясь разрушить все личные контакты между мисками. При этом представители той или иной фамилии, попав в поле зрения инквизиции, уже никогда не освобождались от ее «внимания», нередко оказываясь в числе ее жертв, через 30–40 лет после первого упоминания имени их отцов или дедов в документах трибунала. При этом среди преследуемых оказывались люди самого разного происхождения и социального положения: плотники, сапожники, булочники, торговцы шелком, ювелиры, обладатели многотысячных состояний, землевладельцы и вместе с ними (иногда — буквально в одной камере и на одном эшафоте) — нищие, бедные крестьяне, бродяги и рабы[63]. Инквизиторы и не скрывали, что они преследовали поголовно всех морисков, независимо от их происхождения, социального положения и даже поведения, а только по принципу их этнической и религиозной принадлежности. При этом, репрессировав мужчин того или иного клана, они продолжали бдительно следить за их женщинами и детьми. Учитывая особую роль женщин в общинах морисков (см. главу II), это, как правило, давало свои результаты. Так, в частности, была выслежена Мария де Кордоба, жена Эль Загера и тетка Абен Умейи, которая у себя дома собирала женщин-морисков, а они «целовали ей руки», славили Пророка и «выслушивали поучения некоего альфаки». Подобные обвинения могли быть и оговором, к которому часто принуждали соседей, прислугу или знакомых тех, кого преследовали. Реже обвиняемые «давали на себя материал сами», как Херонимо де Мойя из Канилеса, бросавший камни в распятие, или Лоренсо Солайтан из Муртаса, разбивший крест.

С морисками Гранады были связаны «гранадинос», переселенные в другие области Андалусии. Всего их было около 20 тыс. в регионе Кордовы, Хаэна и Эсихи и около 13 тыс. в области Севильи, Кадиса и Уэльвы. Трибунал Кордовы судил в 1570–1599 гг. более 200 морисков, в том числе 55 рабов и 38 рабынь. Из них 173 были осуждены, в том числе 1 раб и

2 рабыни, на смерть. Из остальных свободные были лишены имущества и брошены в тюрьму или сосланы на галеры, а рабы, получив от 100 до 200 розог, были возвращены хозяевам, которых обязывали «научить их христианскому закону». До 1563 г. трибунал Севильи мало занимался морисками Среди 346 судимых им в 1559–1563 гг. было всего 13 морисков. Из них 3 магрибинца и 2 «гранадинос», бежавших в Магриб, были захвачены как корсары, а из остальных только троих обвинили в «магометанстве», прочих же — в протестантизме, каковой многие мориски предпочитали католицизму. По периоду 1571–1599 гг. точных данных нет. Известно лишь, что доля обвинений против морисков возросла с 4 до 15%, что среди преследуемых преобладали пришлые «гранадинос» (на одну треть — рабы), что во многих случаях дела их рассматривались заочно, ибо подозреваемые старались скрыться, чаще всего — в Магрибе. Среди них потомков местных мудехаров было крайне мало, и почти все они были связаны так или иначе (через корсарство, контрабанду, легальную или незаконную торговлю) с магрибинцами, нередко тайно приезжавшими в Андалусию, куда они, помимо всякого рода товаров, а иногда — и оружия, доставляли и «мусульманские тексты на арабском языке». Хранение таких текстов преследовалось самым жестоким образом.

Но такие случаи были единичны. Местные мориски были чрезвычайно осторожны. Из осужденных в 1601–1610 гг. 36 морисков только 5 были местными уроженцами, а 24 — «гранадинос». Кроме того, трибунал заставил «раскаяться» двух прибывших из Арагона, одного из Орначос и женщину из Мурсии, осужденную (редчайший случай в среде морисков) за тайное исповедание «иудаизма». Относительная малочисленность жертв трибунала Севильи сочеталась с удивительным разнообразием их происхождения: среди них, кроме «впавших в ересь» христиан и морисков, попадались немцы, французы, англичане, греки, турки, даже поляки, не говоря уже о магрибинцах и мулатах. В 1606 г. трибунал, например, судил 25 европейцев, бежавших из охваченного смутой Марокко, за то, что они называли себя «служителями короля Феса»[64].

Таким образом, впечатление «умиротворения» Гранады после депортаций 1570–1571 гг. и 1584 г. было обманчиво, хотя, как указывалось выше, даже трибунал инквизиции в Гранаде, судя по всему, ему поддался. Во-первых, «гранадинос», упорно старались вернуться в родные места[65], а во-вторых, продолжали довольно активно вести себя в новых местах их расселения, о чем свидетельствует, в частности, история «заговора» Эрнандо Мулея в 1580 г., основными участниками которого были «гранадинос», переселенные в Кордову, Севилью и Эсиху[66]. В самой Гранаде репрессии возобновились в 1606–1608 гг. Но это уже было следствием общего, еще большего, ухудшения отношения к морискам и усиления давления на нового короля Филиппа III (1598–1621) со стороны прежде всего духовенства, но также военных, фанатизированной черни и постепенно (хоть и очень медленно) поднимавшейся испанской буржуазии, для которой мориски были серьезными конкурентами[67].

Была еще очень важная причина озлобления властей против морисков, и особенно «гранадинос». По мнению Ж.-П. Дидье и Л. Кардайяка, за 37 лет (1571–1608) «никаких важных событий» в стране не было. Более того, в ряде мест, особенно в Ламанче (т. е. в центре полуострова), «можно было подумать, что мориски… неплохо интегрировались в господствующее общество и что их отношения с большинством населения улучшились». Однако прибытие «гранадинос» нарушило эту благостную картину: «эти полчища недисциплинированных, утративших свои корни и лишенных всего людей, готовых на любую работу за любую плату, грабивших леса, говоривших на непонятном языке (мориски Кастилии арабский к тому времени почти забыли. — *Р. Л.*), эти средиземноморцы, пользовавшиеся оливковым маслом (в то время как на центральных плато готовили пищу на сале), были ли они христианами?» Многие из них, участвовавшие в войне 1568–1571 гг., были реисламизированы и часто «даже не знали своего христианского имени». Поэтому их прибытие возродило, казалось, угаснувшие этнорелигиозные чувства морисков в центре Кастилии и вновь обострило их отношения с властями.

После подавления восстания в Альпухарре и последующего рассеяния «гранадинос» по всему королевству наиболее значительной по населению и роли в экономике среди морисков стала их община в Валенсии. По мнению Жоана Реглà, «Валенсия морисков была своего рода колониальным обществом, в котором земли, бывшие собственностью господствующего народа, обрабатывались туземным пролетариатом»[68]. Это — несколько упрощенное представление. Во-первых, не все земли области принадлежали «господствующему народу» — 400 землевладельцев-морисков были самостоятельными сельскими хозяевами уже к середине XVI в. В дальнейшем из среды тех, кто был вассалом местных сеньоров, многие приобретали земли королевского домена и, в этом новом качестве, тоже становились свободными собственниками, по словам изучившего этот вопрос Пау Феррера Наранхо, «классом посредников, образованным семьями разбогатевших крестьян». Они владели участками в 23 из 72 королевских уделов общей стоимостью в 280 тыс. ливров. Более того, по мнению ряда авторов, они даже составили «поднимающийся сельский средний класс морисков», возвышение которого шло параллельно разорению местного дворянства, включая знатных сеньоров (Вальдинья, Сегорбе и др.). Хозяйства дворян были обременены долгами и до трети их доходов шло кредиторам, среди которых были 354 мориска, в общей сложности успевших до своего изгнания взыскать со «старых христиан» 197 679 ливров. Причем, как установил один священник, самые богатые мориски обычно «старались не показывать своего богатства», экономили на всем и выглядели «бедными людьми», которые занимались плетением корзин, канатов, изготовлением веревок и т. п. Архиепископ Валенсии Хуан де Рибера, без конца жаловавшийся на морисков в Мадрид и требовавший применить против них «серьезные экономические санкции», писал, что «деньги морисков — это оружие против христиан»[69].

Как уже отмечалось, Карл V запретил в 1526 г. инквизиции в течение 40 лет преследовать морисков Валенсии и лишать их имущества. Это условие хотя и не соблюдалось скрупулезно, но все же явно содействовало относительному экономическому процветанию общины. Инквизиторы, однако, и в это время

проявляли бдительность, грозя строгими карами тем, кто «будет жить как мавры или выполнять мавританские обряды». Только в 1529–1546 гг. они подвергли репрессиям 148 новообращенных, среди которых были как мориски, так и марраны. Одновременно христианские проповедники развернули в области миссионерскую деятельность и создали 190 приходов, где уже «от проповедей переходили к обучению и приказам». В те же годы успехи османов и магрибинских правителей, захвативших у испанцев Триполи (1551 г.), Пеньон де Велес (1554 г.), Биджайю (1555 г.), отбивших атаки испанцев против Мостаганема в 1547 г. и 1558 г., усилили их позиции на Средиземном море и позволили интенсифицировать нападения корсаров Хасан-паши, Салах-Раиса и Яхьи-Раиса на побережье Валенсии. Это не могло не сказаться на внутриполитической ситуации в области, тем более что церковные иерархи вынуждены были констатировать к началу 60-х гг. XVI в. полный провал всех попыток ассимиляции и аккультурации морисков[70].

С 60-х гг. XVI в. инквизиция открыто переходит в наступление, чему во многом способствует назначение архиепископом Валенсии Хуана де Риберы, фанатичного ненавистника и неутомимого преследователя морисков. Он превращает трибунал Валенсии в «послушный ему полицейский аппарат», всюду, в том числе у короля, требует уничтожения всех проявлений самобытности морисков, их языка, костюма, пищевых запретов, переобучения детей морисков в школах при приходах и в специально созданных коллежах. При этом он настойчиво добивается реализации всех своих требований, в том числе реального запрещения говорить и писать по-арабски, одеваться и готовить мясо по-мусульмански, заключать смешанные браки, производить обрезание. Он запретил все праздники мусульман и посещение ими мавританских бань.

Все это вызывало сопротивление не только со стороны морисков, но и ряда их сеньоров-покровителей и даже некоторых священников и епископов, еще надеявшихся на ассимиляцию морисков и предлагавших достичь ее более либеральными мерами при уважении их языка и культуры. Однако Рибера не желал и слышать об этом. Он даже выступал против разреше-

ния учредить в университете Валенсии кафедру арабского языка, так как он, по его мнению, «не подходил для проповеди» христианства, ибо у него якобы нет «надлежащих слов для выражения таинств нашей веры». Ввиду этого не удивляет масштаб репрессий трибунала инквизиции в Валенсии, активно поощрявшегося Риберой, помимо непрерывной кампании против морисков, то и дело раскрывавшего их «заговоры», «интриги» и «планы мятежей» против властей. Некоторые из них действительно имели место, но были вполне понятной реакцией на действия архиепископа.

Львиная доля судебных процессов в трибунале Валенсии против морисков — их более 3 тыс. в 1482–1609 гг. — приходится именно на время после 1576 г., т. е. на период пребывания в области Риберы, когда при его участии, или по его подсказке, или благодаря созданной им обстановке были организованы 1812 процессов. При этом 85% подсудимых были подвергнуты пыткам. Сравнительно небольшая доля (4%) из них была сожжена на костре, но зато высока была (54%) доля «раскаявшихся», т. е. тех, кому тоже грозила смерть на костре и кто под пыткой или под угрозой сожжения заживо признавался во всем, в чем его обвиняли, и приговаривался либо к изгнанию из страны, либо, в большинстве случаев, к длительному сроку тюремного заключения, но с обязательной конфискацией имущества. Конфисковывать у морисков, как уже отмечалось выше, было что. Не удивляет поэтому, что инквизиторы упорно добивались любым путем именно «раскаяния» подсудимых[71].

Жесткость их позиции определялась во многом довольно долгим и эффективным сопротивлением морисков всем проектам ассимиляции. Недаром ненавистники «новых христиан» (т. е. всех новообращенных, среди которых бывшие мудехары составляли подавляющее большинство) предпочитали называть их «фальшивыми христианами». Иначе и не могло быть ввиду сложившейся на полуострове после 1492 г. обстановки, характеризовавшейся чередованием постоянных конфликтов и неизбежного (особенно в сферах экономики, торговли, искусства, обмена знаниями и т. п.) сотрудничества. В результате в повседневной жизни этого возникшего в стране по завершении Реконкисты дуального социума соседствовали, по верному оп-

ределению Луи Кардайяка, «дружба и предательство, верность и обман, насильственное обращение и религиозная нетерпимость».

Мориски не следовали запрещению говорить по-арабски и использовать арабский алфавит, хотя в Кастилии и Арагоне (особенно во входившей в его состав Каталонии) они уже давно, на протяжении всего периода «мудехаризма» XI–XV вв., постепенно переходили к употреблению и в общественной жизни и даже в повседневном быту кастильского и каталанского языков. Они продолжали пользоваться языком альхамиадо, хотя это им было разрешено лишь «временно», до овладения кастильским. Они вынуждены были отказаться от ношения традиционной мусульманской одежды, но старались сохранить хоть какой-нибудь ее элемент, дабы подчеркнуть или хотя бы условно обозначить свою этнокультурную идентичность. Это не относилось к употреблению косметики, ношению различных украшений и драгоценностей, что нередко вызывало ярость наиболее бдительных «христианизаторов» и выражалось в многочисленных решениях трибуналов инквизиции, запрещавших (в основном женщинам морисков) носить те или иные украшения или драгоценности, которые обычно признавались либо амулетами, либо мусульманскими символами (из которых чаще других фигурировала «рука Фатимы»). К частым нарушениям запретительных мер и королевской власти, и инквизиции относились также совершение обряда обрезания, хранение арабоязычных книг, особенно — книг по шариату и вообще на исламские темы, посещение мавританских бань (повсеместно закрытых, но иногда возрождавшихся подпольно), соблюдение поста рамадан. Преследовалось даже употребление мяса в дни, не разрешенные церковью. Этот запрет был особенно тяжел в Гранаде, где до 1571 г. мясниками были сплошь мориски, которых этот запрет обрекал на убытки[72].

Особым упорством в отстаивании своей самобытности отличались мориски, проживавшие в горных, отдаленных и вообще труднодоступных районах. Фернан Бродель пишет о том, что так было и в Валенсии, и в Арагоне, и даже в Гранаде, где после 1584 г. почти не осталось «гранадинос». Но особенно упоминаются и Броделем, и другими авторами оплоты мори-

сков на юго-западе полуострова, в Эстремадуре, где помимо уже известного Орначос выделялись также Магасела и Бенкеренсиа де Ла Серена. В эти общины, по утверждению Хулио Фернандеса Ниевы (профессора из Бадахоса), «почти не проникало старохристианское окружение», с которым мориски «практически не смешивались». А что касается самого выражения «уроженец Орначос», то оно означало принадлежность к «исключительно упрямой категории морисков». Невзирая ни на что, орначерос и в 1580 г., по свидетельству посетившего их немецкого путешественника Эриха Лааота, говорили по-арабски, выращивали цитрусовые, гранаты, перец, томаты, баклажаны, грейпфруты и другие экзотические культуры[73]. Они славились своей приверженностью к традициям и, в частности, гордились тем, что многие обряды, утраченные или полузабытые их собратьями, у них соблюдаются в полной мере. В частности, в 1598 г. в Орначос праздновали свадьбу «по обычаю и нравам почтенной Альхамы мавров города», а на документе, фиксировавшем бракосочетание, стояла печать альфаки, хотя к тому времени Орначос уже 164 года было ленным владением духовно-рыцарского ордена Сантъяго.

Не вызывает удивления поэтому, что орначерос отчаянно сопротивлялись навязыванию им крещения. В 1502 г. 34 жителя Орначос пытались бежать, дабы избежать крещения, но были перехвачены и проданы в рабство. Тем не менее, став морисками, орначерос сохранили свою организацию, сплоченность, высокий уровень хозяйствования и довольно успешно отстаивали свои интересы и перед властями, и перед командором ордена, и перед церковниками, умело пользуясь разъединенностью и даже некоторым соперничеством своих противников. Тем не менее, с 1586 г. начались их постоянные конфликты со все возраставшим давлением «старохристианского» окружения, которое во взаимоотношениях с морисками стало все больше руководствоваться расистскими «Статутами о чистоте крови». Эти Статуты, как и «понятия о чести», исповедовавшиеся не только дворянством, но также бюрократией, духовенством и наиболее ярыми «христианизаторами», были идейным оружием гонителей морисков, не обращавших внимания на то, что местная элита морисков во всём, кроме религии, была

«достаточно испанизирована». Однако, возможно, на нее могли повлиять переселенные в Эстремадуру в 1570–1585 гг. 11 тыс. «гранадинос». Впрочем, эта цифра явно преувеличена. Очевидно, какая-то часть этих людей погибла или бежала во время переселения, а также вернулась обратно, о чем выше уже говорилось. На это указывает и весьма малое число морисков в Эстремадуре к концу XVI в. — всего 14 423 чел., т. е. менее 3% населения провинции[74].

Столкновения морисков (и прежде всего жителей Орначос) с трибуналом инквизиции в г. Льорена начались с 1537 г. В 1542 г. был шумный процесс 30 орначерос, большинство которых были осуждены на костер. Всего в 1539–1559 гг. против морисков Эстремадуры были проведены 75 процессов. Однако наиболее интенсивно трибунал работал в 1570–1613 гг., когда прошли 560 процессов, в ходе которых было вынесено 540 приговоров, в том числе 54 оправдательных. Остальные предусматривали аутодафе (сожжение на костре), тюремное заключение от 2 до 8 лет (в 7 случаях — пожизненное), порку розгами (до 200 ударов), штрафы (до 500 дукатов) и каторгу (обычно — галеры, на которых мало кто выживал), изгнание и конфискацию имущества после вырванного пытками «раскаяния». В 1572 г. был скандальный процесс по делу о заговоре против короля, в котором участвовали высокопоставленные чиновники, в том числе вице-губернатор провинции с «группой нескольких мавров», которые будто бы хотели «восстать» против короля и «отравить его водой, доставленной из Орначос в Мериду». Многие из предполагаемых заговорщиков умерли в тюрьме, 13 из них бежали, но некоторых из них потом поймали и … отпустили, что указывает на то, что заговор в реальности не существовал. После этого орначерос почти не фигурировали среди преследуемых трибуналом, который повышенное внимание уделил переселенным в Эстремадуру «гранадинос», обнаружив среди них участников боев в Альпухарре (известно, что среди них нашлись и орначерос), а также — организаторов очагов «чисто религиозного сопротивления». До 1606 г. репрессиям подверглись в основном жители Мериды, Сафры, Каньямеро, Трухильо и Вильянуэва де ла Серена. Однако, собрав в 1606–1608 гг. до 40 доносов на орначерос, трибунал ор-

ганизовал процесс против 6 арестованных и 34 успевших скрыться. Почти всех приговорили к изгнанию (оно тогда уже намечалось по всей стране) и лишь нескольких сослали на галеры[75].

Характерно, что среди 286 морисков Эстремадуры, посланных инквизицией на костер (некоторые из них, «раскаявшись» в последний момент, костра избежали), не было ни одного жителя Орначос. Невысока среди них относительно была и доля женщин (всего 4) и альфаки (5 чел.). Что касается орначерос, то все очевидцы указывают на их удивительную сплоченность, благодаря которой в распоряжении трибунала почти не было доносов из их среды, а также — умелость и настойчивость, с какой орначерос защищали друг друга, почти не давая инквизиторам **прямых улик** против себя, хотя косвенных было предостаточно. Этим же объясняется высокая доля орначерос (70%!), оправданных или освобожденных за недоказанностью выдвинутых против них обвинений. А ведь их было 211 человек (более 35% всех судимых инквизицией в Эстремадуре). Любопытно, что 24 мориска были судимы дважды и один — трижды. В основном это были приговоренные к изгнанию, но вернувшиеся на родину. В материалах трибунала Льорены содержится также много фактов о функционировании альфаки во всех селениях провинции, где жили мориски, о наличии «большого числа» альфаки и даже тайных учителей арабского языка в Орначос, о регулярных подпольных собраниях религиозного характера в Орначос, Мериде, Вильянуэве, где обсуждались самые разные **политические вопросы** — от возможности восстановления с помощью османов Гранадского эмирата до строительства мечетей[76].

Несколько специфическая обстановка сложилась в области (традиционно называвшейся тогда «королевством») Мурсии. Здесь местные мориски были потомками мудехаров, получивших еще в XIII в. от короля Альфонса X Мудрого административно-юридическую автономию и покровительство короны, и в связи с этим к ним, во многом реально ассимилированным, относились как к «старым христианам». И хотя навязанное в 1502 г. крещение сблизило их с прочими морисками, на деле их продолжали отделять от остальных «новообращенных».

Всего их было к началу XVIII в. 21 116 человек, однако картина изменилась с прибытием «гранадинос» в 1568–1575 гг. Они прибывали разными группами, при этом нередко пытаясь вернуться обратно. По разным данным, их было от 906 человек (включая 381 раба) до более 2 тыс. Среди них было много «предпринимателей и ремесленников». Но, судя по всему, численность их менялась, ибо в 1603 г. уже 400 семей «гранадинос» хотели «работать на земле» (т. е. не менее 1,5–2 тыс. чел.). До их прибытия трибунал инквизиции в Мурсии почти не занимался морисками, осудив до 1568 г. только одного из них. Да и потом другие «еретики» привлекали его внимание гораздо больше. В 1576–1610 гг. из 108 осужденных трибуналом лишь 26 были морисками (включая только двух потомков местных мудехаров), к которым можно добавить и нескольких неморисков, а именно — обвиненных в «магометанстве» крещенных берберов и захваченных в море «ренегатов» из числа принявших ислам дезертиров из испанского гарнизона Орана (испанцев, итальянцев и португальцев). Кроме того, были осуждены 18 рабов (магрибинцев и африканцев), планировавших бегство в Алжир. Никто из них не был казнен, но все были наказаны конфискациями, тюремным заключением от 2 до 8 лет или ссылкой на галеры. Все авторы отмечают, что инквизиторы Мурсии отнеслись к морискам, даже к «гранадинос», гораздо мягче, чем к протестантам или «иудействующим», из которых 15 человек по приговору трибунала были сожжены 20 мая 1563 г.[77]

Значительный размах деятельность инквизиции приобрела в заморских владениях Испании — на островах Средиземноморья, на Канарах, в Италии и Америке. На Сицилии трибуналы свирепствовали с 1540 г., на Балеарских островах — с 1579 г., на Сардинии — с 1285 г., т. е. вскоре после учреждения инквизиции как таковой папой Григорием IX в 1232 г. и еще до включения Сардинии в состав Арагона в XIV в. Трибуналам здесь было где развернуться, так как острова всегда были как бы посредническо-промежуточной зоной между католическим Западом и миром ислама, имели очень смешанное по своему происхождению население вследствие частых войн, захватов пленных, работорговли, вынужденных, да и добровольных ми-

граций. Пестрота этого населения была не только этнической, но и конфессиональной (дважды судимая — в 1580 г. и 1591 г. — рабыня в Палермо Сусанна Даса была последовательно христианкой, иудейкой и мусульманкой; высланная из Валенсии другая рабыня Каталина Сара, на Сицилии вышла замуж за раба-турка, уже имея мужа-христианина). Кроме того, острова славились обилием социокультурных типов переходного характера — крестившихся мусульман, принявших ислам христиан («ренегатов»), последователей самых разных христианских и мусульманских сект. Жили тут и «просто мавры», не успевшие принять крещение (вернее, умело уклонившиеся от него). В 1487 г. состоялось первое аутодафе на Сицилии, в 1488 г. прибывшие на остров Майорку инквизиторы добились «покаяния» 338 человек.

Однако, несмотря на обилие потенциальных жертв инквизиции, в ее действиях на островах были разные периоды. До 1555 г. на Сицилии преследовали в основном лютеран и иудеев, но были также осуждены 13 «ренегатов» (англичан, немцев и голландцев), 14 мавров (обычно беглецов из Магриба по политическим или личным причинам) и ни одного мориска. В 1560–1570 гг. осудили 8 лютеран, 3 «ренегатов», 11 мавров и 2 морисков. Но уже в 1572 г. (т. е. после битвы при Лепанто) в течение 10 лет были осуждены 157 «ренегатов», 19 мавров и 6 морисков. Частые осуждения «ренегатов» объясняются не только их более высокой долей на островах, но и нередким их участием в «джихаде», т. е. во всех формах борьбы с «неверными», т. е. христианами. К тому же среди них было много авантюристов, профессиональных корсаров, беглых каторжников, контрабандистов со стажем и просто разбойников. Но инквизицию прежде всего интересовали «еретики». Помимо обвинений в «лютеранстве» и «магометанстве», основанием для приговора нередко были «двоеженство», «колдовство», «святотатство». Одного священника осудили за нарушение целибата (женитьбу). Иногда обвинения были весьма многообразны, например «ренегат» Хуан Баутиста Романьоло, грек с острова Митилена, оказался виновен в «корсарстве с переодеванием в христианскую одежду», пленении 150 христиан и «плохом обращении с ними», «оскорблении христианства и послушании

закону Пророка». В своей практике, как и всюду, инквизиция пользовалась услугами доносчиков, по количеству которых лидировала Майорка, за ней шли Сицилия и Сардиния[78].

Анита Гонсалес-Рэймон из университета Гренобля полагает, что 74% обвиняемых в «магометанстве» на островах составляли «ренегаты», чья «доминирующая роль в истории Средиземноморья не может быть забыта». Они составляли основу корсаров, а «их переход из лагеря в лагерь, от христиан к мусульманам образует один из наиболее интересных культурных, экономических и социальных векторов той эпохи». Их было много и они были «пестры по составу, представляя не только Средиземноморье, но и более отдаленные регионы», например остров Сан-Томе близ Экваториальной Гвинеи. Морисков приравнивали к ним и преследовали столь же сурово. Однако отношение к «ренегатам» чаще все же было как к «заблудшим овцам, и их редко наказывали как предателей своей веры и своей страны». Тем не менее, инквизиторы Сицилии в 1540–1586 гг. часто «сигнализировали» в Высший совет в Мадриде об «опасности лютеранства» в соседней с островом южноитальянской области Калабрии, о переездах из Марселя в Алжир через Балеарские острова на французских, английских и голландских кораблях спасавшихся от преследований лютеран, иудеев и «ренегатов»[79].

Обращение с морисками и, тем более, с маврами на островах было гораздо жестче, чем с прочими жертвами инквизиции. Всего 13–15% судимых трибуналами подвергались пыткам. Но доля «ренегатов» среди них была меньше: 6% — на Балеарских островах, 6% — на Сицилии, 7,5% — на Сардинии. В то же время на Балеарах 22,4% морисков и 50% мавров прошли через застенки. Но и судьба многих «ренегатов» не была завидной: почти 7% из них были осуждены пожизненно. Из них некоторые (например, грек Аликола, 37 лет проживший среди мавров и ставший корсарским капитаном) довольно быстро умирали от голода, болезней и жестокостей охраны. Около половины «ренегатов» обычно отправлялись на галеры на срок от 3 до 5 лет, реже — на 10 лет. При этом на Балеарах и Сардинии их дополнительно приговаривали к порке розгами. В решениях трибуналов встречались формулировки, обосновы-

вавшие отправку того или иного «ренегата», мавра или мориска на галеры тем, что он — «сильный выносливый мужчина, смелый и опытный корсар, умело обращающийся с оружием и в случае побега представляющий большую опасность для христианства»[80].

Всего на Балеарских островах в 1579–1618 гг. были осуждены 81 мориск, 23 мавра и 107 «ренегатов», на Сицилии — в 1541–1620 гг. — 33 мориска, 102 мавра и 453 «ренегата», на Сардинии — в 1570–1599 гг. — 1 мориск, 19 мавров, 83 «ренегата». Самые суровые приговоры были вынесены трибуналом Палермо, заставившим «раскаяться» (с последующим наказанием) до 2/3 обвиняемых и осудившим на смерть 7 человек. Большинство морисков на островах были высланные из Андалусии «гранадинос», на Сицилии оказались сплошь мужчины (в том числе пленные корсары или бывшие повстанцы из Альпухарры), а на Балеарских островах до трети обвиняемых были женщины 23–33 лет. Кроме того, на Балеарах мориски были «интегрированы в местное население и не имели собственной социальной организации». Возможно, этим объясняется, что трибунал Майорки никого не осудил на смерть и многих «простил», вернув их к «прежнему положению»: две трети судимых морисков были и, таким образом, остались рабами, в том числе и женщины (в личном услужении), и мужчины (на королевских галерах)[81].

Вышеприведенные цифры не дают полных сведений о борьбе морисков против инквизиции и тех, кто ей помогал. Многие мориски, исчерпав все средства подпольного существования и тайного (включая вооруженное) сопротивления властям, небольшими группами прятались в пещерах и прочих убежищах на морском побережье, куда «флот мавров», т. е. курсировавшие между Магрибом и владениями испанских Габсбургов корабли североафриканских мусульман или «ренегатов» (корсаров, контрабандистов и т. п.) доставляли им воду и продовольствие, а иногда просто вывозили их в Африку. Как отмечают Анита Гонсалес-Рэймон и Моник Кост, обычно такие операции готовились заранее, что облегчалось «свободой передвижения рабов, вызывающей удивление в наши дни». Еще более удивительно, что рабы, несмотря на обилие бди-

тельных доносчиков инквизиции, чуть ли не открыто встречались с «ренегатами» в тавернах и даже на площадях, договариваясь об условиях переезда в Магриб, закупки транспорта и необходимых материалов. Причем это имело место не только на островах, где не всегда хватало местных «сил порядка», но также по всему восточному и южному побережью Испании, о чем свидетельствуют материалы трибуналов Барселоны, Валенсии и Севильи, а позднее — также документы инквизиции Гранады и Мурсии. Поэтому не вызывает удивления явное преобладание «ренегатов» среди обвинявшихся инквизицией островов в «магометанстве»: 965 из 1298 за период 1541–1698 гг.[82]

Проблема «ренегатов» обострилась к концу XVI в. ростом их численности в Магрибе, особенно в Марокко, где при дворе султана Ахмеда аль-Мансура, по свидетельству очевидца, уже в 1587 г. «содержались 200 молодых испанских ренегатов, воспитывавшихся в мусульманской вере». Проживший в Танжере 23 года пленный испанец Луис Баррето женился на дочери осевшего в Магрибе португальского «ренегата» из Коимбры. А другой «ренегат», Симон Мендес, стал капитаном гвардии одного из принцев Феса и охранял 14 находившихся в заключении шерифов (суфийских авторитетов) с помощью 100 солдат — «ренегатов и андалусцев». По данным Бартоломе Беннасара из университета Тулузы, тогда в Фесе, кроме испанских и португальских «ренегатов», были и другие — «итальянцы, корсиканцы, французы», причем — «гораздо более многочисленные и влиятельные». В основном это были «несколько тысяч пленных», захваченных при разгроме португальской армии в знаменитой «битве трех королей» под Эль-Ксар Эль-Кебиром в 1578 г. Несколько сот знатных пленников были освобождены за выкуп, но остальные, в основном молодежь, включая юных фидальго (дворян), не были отпущены. Многие из них, прожив в Магрибе по 10–17 лет, принимали ислам. Были среди них и дезертиры из испанских гарнизонов Орана, Мелильи и других прибрежных крепостей в Магрибе, побуждаемые голодом, нехваткой одежды и снаряжения (тем более что часть из них были наемниками неиспанского происхождения). Наконец, третью категорию «ренегатов» составили захваченные корсарами

Сале, Тетуана и Алжира жители островов и прибрежных районов Испании (например, в 1586 г. флотилией «Морато Арраэса», т. е. раиса Мурада).

Среди «ренегатов» инквизиция потом находила самых разных людей — сербов, татар, одного русского, схваченного крымцами вместе со всеми жителями подмосковной деревни и проданного османам, 12-летнего уроженца Белграда, 8-летнего грека Константино де Меццо, плененного в составе группы 15 земляков, множество «детей разных народов» в возрасте от 3 до 10 лет, взятых «в счет уплаты регулярно уплачиваемого Великому Турку налога» («девширмэ», имевшего целью воспитать будущих янычар). С одного небольшого греческого острова были похищены 107 детей, впоследствии проданных в Магриб, где они приняли ислам в целях избавления от рабства, но затем, попав в плен к испанцам, предстали перед судом инквизиции. Таких людей было много во всех странах Магриба. Например, в Алжире, куда османский флот в каждый свой заход завозил 5–6 тыс. пленников, в 1568 г. насчитывалось до 10 тыс. «ренегатов», включая 6 тыс. корсиканцев. К концу XVI в. у них здесь было до 6 тыс. очагов (т. е. их численность должна была быть не менее 24 тыс. чел.). По данным испанского автора Серрано-и-Санса, в то же время в Алжире находилось до 20 тыс. пленников из разных стран, но доля принявших ислам среди них не была установлена. Кстати, известно, что многие «ренегаты», взятые в плен Хуаном Австрийским в битве при Лепанто, в 1572 г. заявили, что, принимая ислам в свое время, «в сердце своем оставались христианами»[83].

Из 24 «ренегатов», судимых трибуналом Палермо в 1610–1612 гг., было 6 русских, 5 венгров, 5 греков, по одному валаху и итальянцу. Бродель отмечает: «С Корсики, Сардинии, Сицилии, из Калабрии, Генуи, Венеции, Испании, со всех концов мира Средиземноморья христиане стремились к исламу». А знаток Алжира — монах де Аэдо видел там «ренегатов-московитов, валахов, венгров, болгар, поляков, христиан Богемии, немцев, датчан, норвежцев, шотландцев, англичан, ирландцев, фламандцев, бургундцев, французов, наваррцев, бискайцев, кастильцев, галисийцев, португальцев, андалусцев, валенсийцев, арагонцев, каталонцев, майоркинцев, сардинцев,

корсиканцев, сицилийцев, калабрийцев, неаполитанцев, римлян, тосканцев, генуэзцев, савойцев, пьемонтцев, ломбардцев, венецианцев, словенов, албанцев, боснийцев, греков, киприотов, сирийцев, египтян, точно так же как эфиопов, уроженцев португальской Индии, Бразилии и Новой Испании» (т. е. Испанской Америки. — *Р. Л.*). Преобладали, однако, среди них обычно уроженцы Испании, Италии и Франции. Например, среди 93 «ренегатов», осужденных в разное время на Сардинии, было 17 итальянцев (4 генуэзца, 7 неаполитанцев, 2 венецианца, 2 калабрийца и 2 тосканца), 13 испанцев из 9 мест и 14 французов, а также не так точно учитывавшиеся уроженцы Португалии, португальских владений в Африке и Америке, Словении, Кипра, Албании и Польши[84].

Примерно такая же картина была на Сицилии и на Майорке, только с более высокой долей калабрийцев в первом случае и каталонцев — во втором. Некоторые этнические общины, наиболее многочисленные, отличались особой сплоченностью и активностью. Например, в Алжире, где наиболее прославились как бейлербеи («беи среди беев») полугрек-полуславянин Хайраддин Барбаросса и калабриец Ульдж Али, все же особую роль играли примерно 6 тыс. корсиканцев («ренегатов» в Европе, «мевлед-руми», т. е. урожденных христиан, на Востоке). Они долгое время были влиятельны в Тунисе, где почти весь XVII в. правила корсиканская по происхождению династия беев Мурадидов. Но и в Алжире они выдвинули из своей среды многих представителей местной элиты, включая правителя страны в 1556–1557 гг. Хасана Корсо. В 1568 г. именно они были широко представлены в коммерции и работорговле, в руководстве флотом корсаров и операциями по выкупу пленных, в водоснабжении и торговле древесиной. Поэтому трибуналы инквизиции были «особенно внимательны» к ним, хотя среди «ренегатов» уроженцев Калабрии, очень бедного края с весьма развитыми традициями сельского бандитизма, а главное — близко расположенного к Магрибу и весьма уязвимого для атак корсаров, было, по крайней мере, не меньше[85].

Ситуация с этноконфессиональным составом населения островов осложнялась также весьма интенсивной работорговлей, каковой на Сицилии занимались не менее профессиональ-

но, чем в Магрибе. В частности, Палермо и особенно Мессина, считает Гонсалес-Рэймон, «были крупными центрами торговли людьми». Сюда привозили с невольничьих рынков Мальты и Константинополя «якобы мавританских рабов», значительное количество которых составляли «отрекшиеся от своей веры пленные христиане». И никто не знал, «являются ли продаваемые в Мессине рабы подлинными мусульманами или же на деле христианами, обращенными в ислам». Работорговцы об этом молчали, дабы не потерять «товар», немедленно подлежавший «отправке в трибуналы инквизиции», а сами рабы боялись того же. Но многие из них все же были изобличены, вследствие чего трибунал Палермо часто разбирал дела венгров, русских, захваченных во время татарских и турецких набегов, крымцев, валахов и прочих[86].

По мере усиления пиратства на просторах Средиземноморья и учащения нападений на прибрежные районы Италии и Испании проблема выкупа пленников, среди которых все чаще оказывались и представители знати, встала перед европейскими городами от Любека и Гамбурга на севере до Палермо и Ливорно — на юге. Многие из этих городов даже стали создавать совместные фонды для помощи своим согражданам[87]. В Испании, всегда испытывавшей финансовые трудности, проблема эта освещалась по-разному, в том числе — с чисто военной стороны. В 1612 г. герцог д'Осуна даже писал королю Филиппу III, что турки и мавры разоряют Испанию, требуя огромные деньги за выкуп христиан, «им совершенно ненужных», и предлагал никаких выкупов не давать, что, по его мнению, «будет не самым худшим средством содействовать исчезновению корсаров»[88]. Герцог, конечно, ошибался: турки и мавры использовали пленных христиан, не принимавших ислам, на самых тяжелых работах и на галерах. Что же касается «исчезновения корсаров», то и в этом герцог был не прав, ибо невыплата выкупа только разжигала аппетиты раисов (капитанов корсарских кораблей), стремившихся захватить побольше пленников, среди которых могли с большей вероятностью попадаться знатные и богатые, способные заплатить за свое освобождение. Кроме того, невыплата выкупов интенсифицировала нападения на торговые корабли (в том числе перевозившие зо-

лото из испанских колоний в Америке). Захваченные на этих кораблях товары либо присваивались, либо сбывались (обычно через морисков и сефардов, промышлявших подобным посредничеством в портах Италии и Франции) в разных, в том числе европейских странах.

Так или иначе, но выкупы производились, на них даже специализировались некоторые благотворительные общества в Неаполе и на Сицилии. Посредником в их сношениях, например, с властями Туниса выступало генуэзское семейство Ломеллини. Впоследствии, уже в XVII–XVIII вв. с их помощью удалось выкупить 812 христиан, обращенных в рабство, вследствие чего во всем Магрибе осталось всего 130 сицилийских пленников[89]. Деятельность подобных обществ даже приводила к их стычкам с религиозными властями Сицилии[90]. Вместе с тем получила большой размах, особенно среди моряков Сицилии, Сардинии и Мальты, деятельность по организации тайных побегов христианских пленников (особенно — уроженцев Сицилии и юга Италии) из Магриба.

Говоря о проблеме христианских пленников, не стоит забывать и о мусульманах, захваченных европейскими корсарами. «Во многих христианских государствах (Испании, Португалии, Франции, на Мальте и в итальянских княжествах) тысячи мусульман, в частности алжирцев … познали ужасы рабства», — пишет изучивший этот вопрос алжирский историк Мулай Бельхамиси. Рыцари Мальты уже с XV в., корсары Франции — с XVI в., а Майорки и Валенсии — с XVII в., нападали на побережье Алжира и захватывали в плен его жителей. Не отставали от них и прочие европейцы: например, корсары Тосканы, благославляемые римским папой, только в 1678 г. захватили до 15 тыс. мусульман. В XVII–XVIII вв. Алжир лишился многих кораблей с их экипажами, а также — сотен пленников в результате атак Англии, Португалии, Дании и Швеции, а также России (очевидно, речь шла об участии эскадр Алжира в русско-турецких войнах XVIII в.). После 1711 г. корсары Мальты и Сицилии не раз захватывали алжирские корабли с 200, 325 или 118 матросами и пассажирами. Невольничьи рынки постоянно действовали на Мальте, Сицилии, в Ливорно, Неаполе, Венеции, Генуе, Марселе. Во Франции до 15% гребцов на га-

лерах были мусульманами в 1700–1710 гг., а на галерах папы римского в 1720 г. — до 74% гребцов. Освобождали их обычно путем обмена (алжирский дей Хасан-паша в 1791–1798 гг. отдавал одного европейца за двух мусульман). В 1755 г. 370 алжирцев обменяли на 20 испанцев, но в 1769 г. Алжир и Испания освободили по 1300 пленников. Реже мусульман освобождали за выкуп (150 экю за турка, 100 — за мавра). Еще реже им удавалось бежать. На родину из них попадали лишь сумевшие достичь Франции, у которой был заключен соответствующий договор с Алжиром[91].

Проблема «ренегатов» как бы зеркально отражала положение морисков в христианском обществе. Однако «ренегаты», или, как их назвал Бартоломе Беннассар, «христиане Аллаха», были в лучшем положении. Их принимали в мусульманском обществе как равных, никто за ними не следил и ни в чем не подозревал, тем более — безосновательно не репрессировал. В мире ислама им были доступны любые должности, включая самые высшие. Поэтому сравнение их положения с таковым морисков — явно в пользу первых. Тем не менее, на обоих берегах Средиземноморья сложилась в чем-то сходная ситуация включения иноконфессиональной группы в социум большинства, типичная для пограничной, полиэтничной и поликонфессиональной среды. Мусульманский социум с этой ситуацией справлялся явно успешнее христианского, проявившего в данном случае явно меньше воли к ассимиляции иноверцев и гораздо меньшую способность к их интеграции[92].

Свои особенности имела проблема морисков на Канарских островах и в американских владениях Испании[93]. На Канарских островах, завоеванных испанцами в 1478–1496 гг., инквизиция, учрежденная здесь в 1504 г., столкнулась прежде всего с выехавшими сюда из Испании марранами, составившими к 1525 г. до 9,8% населения, включая «различных чиновников, священников и некоторых наиболее богатых торговцев». Семеро «иудействующих» в 1526–1597 гг. были казнены, остальные (16 чел.) «раскаялись» и были брошены в тюрьму. В дальнейшем трибунал имел дело в основном с довольно малочисленной и пестрой по происхождению общиной морисков (примерно 3 тыс. чел.), главным образом из рабов или бывших ра-

бов берберского или африканского происхождения и родом не из Испании, а из Северной или Тропической Африки (преимущественно из Западной Сахары). В большинстве случаев хозяева препятствовали их крещению, ибо тогда должны были бы их освободить, но предпочитали этого не делать, оставляя за собой свободу купли-продажи рабов, весьма широко использовавшихся не только в личном услужении, но и на плантациях сахарного тростника. До 70% рабов были африканцами, но немало среди них было и мусульман, численность которых росла ввиду постоянных атак магрибинцев, часть которых попадала в плен и вынуждена была креститься в надежде обрести свободу. Впрочем, нередко их захватывали и во время рейдов испанцев в Африку и тоже не спешили с их крещением. Тем более что и тех, кто был освобожден, снова продавали в рабство, даже если он был крещен (в 1510–1600 гг. так были проданы 243 мориска, из них почти половина — женщины).

Вместе с тем среди местных морисков, как и в Испании, выдвинулась группа богатых коммерсантов и землевладельцев, нередко сталкивавшихся со «старыми христианами». Поэтому, хотя масштабы деятельности трибунала, заседавшего в Лас Пальмасе, были ограничены самой малочисленностью морисков и спецификой местных «мавров», часто представлявших собой получивших свободу, но не крестившихся африканцев, так и не ставших морисками, инквизиторы нашли себе работу. Основные обвинения ими были выдвинуты против «святотатцев» или «пиратов». В 1526–1605 гг. здесь имели место 12 аутодафе и 163 случая обвинения в «магометанстве», не считая 15 обвинений против оказавшихся в поле зрения трибунала «ренегатов». Среди последних нередко встречались коренные канарцы, успевшие принять католичество, но попавшие в плен к магрибинцам и обращенные ими в ислам. Реже трибунал имел дело с морисками из Испании, специально переехавшими на Канары в надежде избавиться здесь от всевидящего ока инквизиции. Женщин-морисков (всего их было осуждено 33), помимо «богохульства», обвиняли также в «колдовстве» и различных видах «магии», осуждавшихся церковью. Но главной заботой инквизиторов все же оставались «ренегаты», в основном — бывшие мориски, формально исповедовавшие христи-

анство в течение 15–20 лет, но затем, оказавшись в Магрибе (по своей воле или попав в плен), вновь принимавшие ислам. Захваченных во время испанских рейдов в Африку или при отражении нападений магрибинцев на острова (в которых они, как правило, охотно участвовали), обвиняли сразу и в «измене святой вере», и в «магометанстве», и в «корсарстве». Вместе с тем канарских морисков никуда не высылали, не было ни одного преследования альфаки или же человека, говорившего и писавшего по-арабски, «хотя ислам вполне присутствовал на островах». Это объяснялось наличием «многих частных интересов», выражавшихся иногда даже в дружбе и «деловых связях» инквизиторов с богатыми морисками-рабовладельцами. Поэтому ни один осужденный мориск не был казнен и даже не был подвергнут пыткам. Инквизиторы Лас Пальмаса проявляли строгость лишь к «ренегатам», протестантам или заподозренным в «иудействе»[94].

Тем не менее, нетерпимое отношение к морискам и вообще «новым христианам», не говоря уже об иноверцах, было типичным для поведения испанских католиков рассматриваемого периода вообще и представителей духовенства, знати и военного сословия особенно. Например, Эрнандо Кортес, завоеватель Мексики, в своих письмах прямо сравнивал индейцев-ацтеков с морисками и, называя их «идолопоклонниками», писал о человеческих жертвах, приносимых «ацтеками в каждой мечети». Он даже назвал селение ацтеков Наутекаль «Альмерией», поскольку одноименный город в Испании был центром восстания морисков в 1501 г., а «язычники» были, по его мнению, такими же мятежниками, как и мориски.

В Испанской (впоследствии — Латинской) Америке теоретически морисков не должно было быть. Еще в 1501 г. Фердинанд II Арагонский постановил не допускать туда «ни мавров, ни евреев, ни еретиков, ни раскаявшихся, ни тех, кто лишь недавно обращен в нашу святую веру». Однако на деле было много исключений из этого правила, как и на островах, куда доступ морискам был вроде бы запрещен, но они туда все равно проникали. В 1559 г. особо был оговорен запрет въезда в Америку лютеранам, а в 1596 г. король Филипп II потребовал строго соблюдать все запреты такого рода, дабы «любой ценой

оградить индейцев от всякой заразы»[95]. Но «оградить» было невозможно. Во-первых, многие испанцы, селившиеся в Америке, приезжали туда со своими рабами, в основном магрибинцами или морисками по происхождению. Во-вторых, в Новом Свете им нужны были слуги, солдаты, торговцы, ремесленники, которые были бы для них помощниками и защитниками, работниками и сторожами, на которых можно было бы положиться, противопоставив их индейцам. К тому же вскоре в Америке морисками стали называть местных креолов, рожденных в смешанных семьях испанцев с мулатками и метисками. Этих людей с «тремя четвертями белой крови», хоть и называли морисками, но реально таковыми все же не считали.

Некоторые историки предпочитают вообще «отрицать присутствие морисков в Америке ввиду молчания об этом официальных документов». Тем не менее, мориски, разными путями (чаще всего нелегальными) попадавшие в Америку, так же как в Испании, «не старались и не хотели казаться старыми христианами по языку, одежде, пище, свадьбам». Тем не менее, они появились в Америке как своеобразная часть уже сложившейся к тому времени «культурно многообразной Испании». И стремились это своеобразие сохранить, тяготея друг к другу и даже создавая собственные поселения (в устье Ла-Платы на территории будущей Аргентины, в районе деревни Чимайо на севере Мексики)[96].

По данным Майкла Макклэйна из университета Огайо (США), среди первых испанских колонистов на севере Мексики было много галисийцев и морисков «гранадинос». Среди последних будто бы даже была женщина, «читавшая Коран за закрытыми дверями». Макклэйн обращает внимание на сходство между областью Гранады и севером Мексики, которое привлекало колонистов из Гранады, в том числе морисков, на «сильный привкус арабизма в новомексиканской кастильской речи», на некоторое влияние шиитских обрядов на католиков Мексики, относя его тоже к наследию Аль-Андалуса, переданному в Америку морисками. Все это, естественно, должно было привлечь внимание инквизиторов. Но, по мысли американского историка, морисков должен был при этом выручить

принцип «такийа» (т. е. сокрытия своей веры), наиболее успешно применявшийся шиитами[97].

Трибуналы инквизиции возникли в Америке поздно. Первый был учрежден в Лиме в 1569 г. Вскоре, в 1560 г., епископат в Куско осудил на смерть двух морисков (одного приезжего из Орначос, а другого — местного мулата) и добился «раскаяния» третьего — приезжего из Кастилии. В Мексике в конце XVI в. некая Мария Руис, родившаяся близ Гранады в семье морисков, в юности тайно исповедовала ислам, но, выйдя замуж за «старого христианина», уехала с ним в Америку, где «призналась в ошибках молодости». Инквизиторы удовлетворились ее «раскаянием» и наказали всего лишь штрафом. Трибунал инквизиции в Картахене был создан лишь в 1610 г. Практически он осудил только одного мориска, в свое время изгнанного из Испании в Магриб и затем взятого в плен как корсара и сосланного на королевские галеры, на одной из которых он и попал в Карибское море[98].

В системе карающих органов инквизиции был также «трибунал Моря», специально созданный в 1571 г., для рассмотрения дел лиц, служивших во флоте Хуана Австрийского, который уже в том же году вместе с инквизитором Херонимо Манрике присутствовал на аутодафе в Мессине. Однако вскоре, в 1575 г., трибунал был распущен после распада антиосманской коалиции и роспуска эскадры победителей при Лепанто. Его восстановил, но только в 1615 г., король Филипп III под названием Трибунала галер (или флота) с задачей «искоренить ересь во флоте». В 1617–1623 гг. он осудил 51 человека, среди которых было всего 4 мориска из Валенсии, Мурсии и Льероны, захваченных как корсары, и 26 иностранцев, в том числе 11 «ренегатов» и 9 протестантов. Не ограничиваясь чисто судебными функциями, глава трибунала Мартин де Виванко, рыцарь ордена Алькантара, провел тщательное расследование по поводу «чистоты крови» у всех своих служащих.

Чрезвычайно типична для судеб большинства осужденных биография 27-летнего Гаспара дель Кампо. Родившийся в семье мориска в Мурсии, он был обращен в рабство и сослан на галеры. Оказавшись в Алжире, он принял ислам и назвался Хаметом, но в 1617 г. вернулся в Испанию, дабы «спасти свою

душу». В Алжире у него осталась мать Фатима (ранее — Исабель Эрнандес), а с нею брат Али (Алонсо) 9 лет и сестра Фатима (Исабель) 14 лет. Там же — его жена Мариам (ранее — Мария де Мурсия). Все они были насильно изгнаны в Магриб. Однако в Мурсии остался его дядя с женой и детьми. Гаспар говорил, что он крещен и выполнял все христианские обряды, пока не стал в Алжире корсаром, о чем «потом очень сожалел». Взятый в плен испанцами, он снова был обращен в рабство. Трибунал приговорил его к тюремному заключению с последующим возвратом на галеры. По мнению Моник Кост из университета Компьеня, история Гаспара весьма показательна для того времени. Ибо подобным же образом «сотни семей морисков … метались между разными религиями, нередко оказываясь рабами и тут, и там»[99].

Таким образом, тактика инквизиции в разных местах всемирной империи испанских Габсбургов была различной, но стратегия — общей. Все трибуналы, по-своему и с нюансами, но вели неустанную борьбу не столько за ассимиляцию морисков, как считают некоторые испанские авторы, сколько за искоренение всех проявлений их этнокультурной и особенно религиозной самобытности, за уничтожение всех следов памяти об Аль-Андалусе и арабо-исламской цивилизации на полуострове. Различие методов инквизиции объяснялось не только неодинаковостью условий работы трибуналов (часть специалистов — Л. Кардайяк, Б. Венсан, Ж.-П. Дедьё — даже считает, что они действовали не самостоятельно, а по решениям местных «хунт», в рамках которых инквизиторы будто бы вынуждены были руководствоваться мнением «задетых епископов, заинтересованных сеньоров и … королевских чиновников»), но также степенью их близости, в том числе географической, ко двору, уровнем социально-политической напряженности в соответствующем регионе и т. п. Но все трибуналы так или иначе выполняли роль **идеологического орудия** королевской власти, ее специального аппарата **запугивания** и разложения морисков, а также — особой команды по **нейтрализации** (или уничтожению!) наиболее активной и потому опасной для королевской власти фракции морисков.

Эффективность деятельности инквизиции поэтому нельзя измерять только числом ее жертв, точное количество которых, кстати, до сих пор не подсчитано. Было также немало тех, кто не был казнен, брошен в тюрьму, сослан на галеры или изгнан, но был вынужден молчать, жить в постоянном страхе, свидетельствовать на суде против своих (иногда — самых близких родственников), а то и скрываться, побираясь или терпя постоянные лишения. И хотя история противостояния морисков и их преследователей полна примеров мужественного, подчас — героического, поведения первых, бывали и случаи совсем иного рода.

Ассимиляция морисков удалась лишь в центре полуострова — Ламанче, что объясняется «сильным влиянием» на них «старохристианского» окружения и «безусловно, задолго до вмешательства инквизиции». Здесь «их аккультурация продвинулась по многим направлениям настолько, что на первый взгляд они уже перестали отличаться от своих христианских соотечественников». Более того, с начала XVI в. они ушли из крупных центров и рассеялись малыми группами в одну или две семьи по наиболее мелким деревням. Таким способом они растворились в массе местного населения, перестав привлекать внимание властей. Эти «старые мориски» вскоре «быстро забыли о своем происхождении и впоследствии не были изгнаны из страны».

Но это было исключение (коснувшееся, кстати, очень незначительной доли морисков), лишь подтверждавшее правило. Поэтому не вызывает удивления, что в целом «мориски ненавидели и боялись инквизицию», хотя в системе госаппарата Испании она играла не главную роль в репрессиях. Но она покушалась на «самую суть их идентичности — принадлежность к сообществу людей одной веры, гарантированного общностью их жизни». Инквизиция стремилась разрушить и то и другое, создавая тем самым «проблему морисков» как таковую.

Стоит обратить внимание на то, что религиозная нетерпимость в Испании XVI в. и стремление королей любой ценой искоренить морисков, как и все прочие этноконфессиональные меньшинства, контрастировали с положением в Османской империи, где, наряду с несомненным религиозным рвением,

также доходившим до фанатизма, существовала и определенная терпимость к иным верованиям, в частности — «свобода исповедовать католичество в Стамбуле XVI в.». Еще лучше было отношение к православию, а также — к «христианским сектам, с которыми хорошо обращались». Договор Сулеймана Кануни с королем Франции Франциском I гарантировал свободу вероисповедания торговцам и служителям культа разных конфессий. Это положение распространялось как на христиан, так и на иудеев. Вместе с тем стремление османов (так и не реализованное) включить в свою империю Марокко не мешало им поддерживать султанов Феса в их попытках защитить морисков. А это лишь еще больше содействовало симпатиям морисков к османам и росту их антипатий к державе Габсбургов, боявшейся, помимо всего прочего, признать права и самобытность морисков. На фоне Габсбургов османы выглядели и более уверенными в себе, и более справедливыми в своем отношении к иным конфессиям[100].

Изгнание морисков

Проекты изгнания морисков из Испании возникли еще во время войны 1568–1571 гг. в Альпухарре. Филипп II не согласился с этим тогда и по личным, и по внутриполитическим, и по дипломатическим соображениям. Но сама идея «окончательного решения» проблемы продолжала занимать умы многих высших иерархов королевства. Это находило свое выражение в многочисленных письмах и обращениях к королю представителей знати и особенно духовенства, убеждавших монарха изгнать это «проклятое потомство несомненных внутренних врагов Вашего величества»[101]. Предлагались и иные варианты «окончательного решения». Например, епископ Сегорбе дон Мартин де Сальватьерра в 1587 г. предложил просто «покончить с ними, кастрировав в каждом пункте взрослых мужчин, подростков и женщин». В следующем году то же предложил Алонсо Гутьерес из Севильи. Подобные демарши стали воз-

можны благодаря широко распространившемуся (кстати, не без участия в этом самих морисков) мифу о якобы сложившемся «широком союзе» всех врагов Испании — голландцев, турок, французов, марокканцев (в то время, как уже отмечалось выше, союзников Испании в борьбе против османов!), которые будто бы планируют совместное вторжение в королевство при активной помощи морисков. На самом деле среди последних имели место лишь разговоры на эту тему, всячески раздувавшиеся в доносах агентов инквизиции и полиции. Власти реагировали на это периодическими кампаниями по разоружению морисков в 1575 г., 1588 г. 1594 г. и, в дальнейшем, угрозами послать на галеры всех морисков в возрасте 18–40 лет, иногда — «систематическим навязыванием» морискам «принудительных смешанных браков». Но это были как бы последние всплески ассимиляторских настроений среди чиновников и духовенства Испании. Все чаще звучали призывы выслать всех морисков на «новые земли», т. е. в Америку, или просто прогнать куда угодно. Это решение было принято 19 сентября 1582 г. Государственным советом королевства, а до этого тщательно обсуждалось на совещаниях высших сановников в декабре 1581 г. — сентябре 1582 г. в Лиссабоне (Филипп II к этому времени стал также королем Португалии). Однако монарх опять не решился «перейти черту», в какой-то мере — по соображениям экономическим и религиозным, даже медицинским (врачей-морисков трижды приглашали лечить сыновей короля), а также — ввиду возражений части знати (маркиза Дении и др.), материальных затруднений вследствие войны с Францией и предшествовавших финансовых кризисов, военного ослабления Испании после гибели «Непобедимой армады» в 1588 г. и последовавшего вскоре уменьшения внешней угрозы в связи с заключением мира с Францией в 1598 г. В том же году Филипп II скончался[102].

Его сменил 20-летний Филипп III (1598–1621), во всем отличавшийся от своего отца — сильной, волевой и авторитарной личности, полной энергии и активности. Филипп II был, конечно, религиозным фанатиком, доходившим в своей жестокости до полубезумия, но одновременно он всегда принимал решения сам, не был лишен таланта политика и способности

мыслить как государственный деятель. Есть сведения, что он даже хотел, но не успел отменить Статут о «чистоте крови». Многие его ошибки были не следствием персональных промахов, сколько логично вытекали из традиционных пороков идеологии правления Габсбургов, стремившихся искусственно продлить Реконкисту за пределы Иберийского полуострова, поддерживать величие своей державы прежде всего путем военного насилия (причем — по всему миру: в Европе, Азии, Африке, Америке), вести борьбу с иноверцами и еретиками не на жизнь, а на смерть тоже во всемирном масштабе, всюду тем самым создавая себе врагов, а заодно — вызывая недоверие и опасения тех, кто еще не успел стать врагом. В этой перманентной войне со всеми, с кем только можно (да и с теми, с кем воевать было необязательно), Филипп II, как и прочие Габсбурги, мало считался с экономическими возможностями Испании и с объективными интересами страны, прислушиваясь в основном к мнению лишь грандов и духовенства (но не всегда), да к настроениям «идальгии», более всего желавшей и постоянно готовой воевать.

Филипп III был по характеру другим — «уступчивым, миролюбивым, поддающимся влиянию». Его религиозность, по словам А. Домингеса Ортиса и Бернара Венсана, была «типичной для большинства испанских семей XVII века: эмоциональной, лишенной интеллектуального содержания, ограниченной внешним благочестием и церемониями». При нем «безграничным стало влияние иезуитов». Все эти особенности личности нового короля были усилены воздействием на него королевы Марии Австрийской, «отношение которой к религиозным вопросам было таким же». Однако реальным правителем королевства стал Франсиско Гомес де Сандоваль, маркиз Дении и герцог де Лерма. Он был весьма ценим и при предыдущем короле, но при Филиппе III, на которого он оказывал огромное влияние, стал всесилен. Очевидно, это обстоятельство как-то отдалило (на время) изгнание морисков, ибо герцог был «хорошим знатоком проблемы морисков, сеньором многочисленных вассалов этой расы и выразителем позиции валенсианского дворянства, выступавшего против изгнания»[103].

Однако и Филипп III, и герцог де Лерма, и другие гранды (в том числе тайные покровители морисков) не могли не считаться с реальностью, заключавшейся в том, что мориски, даже после тяжелых поражений, испытаний и преследований, не смирились и не теряли надежды на реванш. Об этом свидетельствовали и обращение в 1575 г. морисков Арагона к французским властям Беарна с просьбой о поставках оружия, контакты «гранадинос» в 1580 г. с султаном Марокко, заговор «короля Беназара» (лидера альхамы Сегорбе) в 1581 г., предупреждение морисков Валенсии корсарам Алжира о предстоящем нападении на них испанцев в 1601 г. Все это было известно и вынудило еще Филиппа II запретить морискам проживать на побережье Андалусии в 1579 г., Валенсии — в 1586 г., а духовенство разного ранга — вести неустанную кампанию против морисков как «лжецов, обманщиков и воров»[104]. Более того, монахи и священники, проповедовавшие католицизм среди морисков, приходили, как и папский нунций Николас дель Рио в 1606 г., к неутешительному выводу: «Те, кто наиболее преуспел в познании нашей святой католической веры… полностью поддерживают магометанство»[105].

Пример герцогства Гандия и примыкавшего к нему графства Олива (в области Валенсии) доказывает, насколько крепки были традиции и структуры «некатолической» жизни морисков даже через сотню лет (в 1604 г.) после их крещения. Здесь инквизиция обнаружила, что 40–60-летние мориски соблюдают мусульманский пост рамадан, дома говорят по-арабски (вернее, на его несколько испанизированном варианте «альгарабийя»), не придерживаются многих христианских обычаев (в частности, не отдыхают по воскресеньям), нарушают запрет проживать в прибрежной зоне (в которой вопреки всему жили 3 тыс. их семей) и, составляя 50% населения (до 18 тыс. чел.), «не могут считаться, собственно говоря, меньшинством».

Соблюдая «коранические обряды и предписания», они не только не поддавались влиянию христианского окружения, но сами на него влияли. В частности, священник Хуан Рохас доносил инквизиции, что в селении Алькерия де Тамарит (ныне Гуардамар) христианки Каталина и Рафаэла, выйдя замуж за морисков, восприняли их обычаи и арабские имена, манеры

поведения и т.д., стремясь при этом уклониться от показаний в инквизиции. Еще более серьезным было покровительство местных сеньоров морискам, которые своими арендными платежами (трудясь на прославивших герцогство плантациях сахарного тростника) обогащали своих господ. Начатое против одного из них, дона Санчо де Кардона, адмирала Арагона и сеньора Гуадалеста, следствие в 1540 г. тянулось годами и установило, что и другие гранды — дон Гонасало Диксар, командор ордена Монтеса Роллан, граф Аранда и прочие — были повинны в том же и помогали своим вассалам-морискам не только избежать преследований, но и, при необходимости, скрываться от властей и даже бежать в Алжир[106].

В герцогстве расследовалось и даже рассматривалось в 1606 г. в королевском Государственном совете убийство трех морисков — братьев Мигеля и Херонимо Бланко и валенсианца Франсиско Санеки. Выяснилось, и Мигель Бланко свидетельствовал об этом в суде, что все альхамы герцогства, за исключением одной, соблюдали рамадан. Санеки также был известен как доносчик. Все трое были зарезаны (в разных местах), причем в убийствах участвовали 12 морисков, сумевших вовлечь в это дело и некоего Бурруфета из «старых христиан». Следствие установило также причастность еще четырех морисков. Их судил уголовный суд. А инквизиция, занявшаяся делами в Гандии с 1580 г., рассматривала обвинения против 180 человек, из которых только 4 были морисками. Из них наиболее «прославился» 23-летний сапожник Хайме Бака, оговоривший перед трибуналом 37 человек, включая своих родителей, дядей, племянников и деда. Он также признал, что читал Коран вместе со своим отцом, придерживался мусульманских обычаев в 11–15 лет, но потом «прозрел» и вступил в ряды иезуитов. Бака выдал также двух альфаки, обучавших его чтению Корана вместе с сыном и 3 дочерьми одного из них.

Малочисленность обвиненных в 1580 г. морисков Гандии объяснялась исключительно их скрытностью и умением молчать. Так как к 1590 г. инквизиторы обвинили в герцогстве уже 650 человек, в том числе 643 мориска, большинство которых (77%) были мужчины. Против них было выдвинуто до 1200 обвинений (многие из них повторялись), сводившиеся к со-

блюдению рамадана, пищевых запретов и прочих мусульманских обычаев, употреблению арабских имен, оскорблению христианских символов, чтению арабских книг и т. п.[107]

Не только на отношение инквизиторов, но и на самые широкие круги испанских христиан влияли распространившиеся среди последних стереотипные представления о морисках, часто не соответствовавшие или не вполне соответствовавшие истине. Считалось, что мориски не знают или, по крайней мере, искажают основы христианского учения, что, кстати, Лонгас, подробно изучивший религиозную жизнь морисков, объяснял «плохим, с обилием грамматических ошибок, переводом на арабский» христианских текстов и священных книг. Много недоразумений было по поводу омовений перед молитвой, с которыми путали обычное мытье рук, «очищений» перед свадьбой, обмывания тела покойника перед захоронением, облачения его «в самые красивые одежды», вечерних трапез в пятницу с танцами и пением, которые изображались доносчиками как религиозные акты, «заслуживающие санкции»[108].

Определенную роль играли и уцелевшие за десятилетия преследований представители знати морисков, сохранявшие свое влияние вплоть до последних дней пребывания их единоверцев на Иберийском полуострове. Так, в области Валенсии, где активность инквизиции была особенно значительна в 1580–1609 гг. (ею в эти годы было проведено 3/4 всех процессов, хотя начались они еще в 1510 г.), знатные мориски, сотрудничая с властями, ухитрялись одновременно прикрывать не только проповеди ислама в альхамах и приглашение (тайное, разумеется) турецких инструкторов «для религиозного и военного обучения молодежи», но и обращение в ислам своих подруг из числа «старых христианок», как это сделал в 1606 г. Хуан Надар. Богачи-мориски, подобно Мигелю Хуану Рата, позволяли себе прерывать проповедь священника в церкви и «заставить его замолчать», как только он касался особы пророка Мухаммеда. Инквизиция установила, что влиятельное семейство Абенамиров было «столпом мавританства в королевстве». Оно было сказочно богатым: после смерти его главы Иеронимо алькади (судья) трое суток делил его громадное состояние между наследниками. Дон Косме Абенамир долго был официаль-

ным рупором глав альхам и в противостоянии с инквизицией опирался (как и его братья дон Эрнандо и дон Жоан) на поддержку герцога де Сегорбе. Как правило, таким людям удавалось избежать осуждения трибунала инквизиции, иногда задействовав имевшиеся у них связи с Мадридом, а если все же осуждение имело место — отделываться штрафами, которыми заменялись более суровые приговоры (например, вместо ссылки на галеры — 700 дукатов). Осуждались же они обычно за то, что резали скот по мусульманскому ритуалу, обучали детей мусульманской религии, организовывали тайные собрания с проповедями альфаки. При этом нередко сами выполняли обязанности альфаки, аламина (главы альхамы), алькади и т. п.[109]

Обычно люди, подобные Косме Абенамиру, благодаря своему богатству, происхождению и авторитету «определяли позицию» основной массы морисков. Более того, они иногда, вопреки закону, держали у себя слуг из числа «старых христиан», которых нередко тайно обращали в ислам. Но, бывало, эти же слуги, в том числе мориски (например, Азмет Аларбе, ставший платным агентом инквизиции, или Юсефал Ротайль из Буньоля), доносили на своих господ, в частности на богатого мыловара Херонимо Синтера, побуждавшего своих работников соблюдать рамадан, на «влиятельного человека» Диего Касима Эль-Майора и других. Ротайль, пользуясь доверием единоверцев, искусно провоцировал их, призывая «восстановить мечети и взять власть», а потом выдавал поддавшихся на провокацию, предав в руки инквизиции более 20 человек. Однако в целом, резюмирует исследователь из Безансона (Франция) Рафаэль Карраско, знатным морискам удавалось «сохранять религиозную и культурную идентичность» своей общины, так как это совпадало с «их собственной борьбой за сохранение доминирующих позиций в этой общине»[110].

Наряду с внутренней напряженностью, создаваемой «фактором морисков» (только в Валенсии число процессов против них неуклонно возрастало: 669 в 1566–1585 гг., 1084 — в 1586–1595 гг.), росла и угроза внешней безопасности. Поскольку основной удар к началу XVII в. инквизиция наносила прежде всего по морискам (они к этому времени составляли уже свыше 50% всех осужденных ее трибуналами), усилилось их бег-

ство в Магриб. Некоторые из них потом возвращались, но обычно — уже в качестве разведчиков, контрабандистов, религиозных проповедников, корсаров. Наиболее известен из них Александр Кастельяно, бежавший к османам в 1560 г. и вернувшийся на родину в 1582 г. С 1570 г., т. е. с начала угасания войны в Альпухарре, поток беженцев не прекращался, особенно в Алжир. Только бейлербей Хасан Венесиано (1577–1580) принял свыше 2 тыс. морисков из района Альмерии. В дальнейшем много их прибыло из Каталонии. К 1591 г. они заполнили города Блида, Колеа, Шершель в Среднем Магрибе, а город Алжир, благодаря им, «стал андалусским по преимуществу», ибо там их было 25 тыс., т. е. половина населения[111].

Испанцы пытались пресекать контакты морисков с их собратьями в Магрибе. Трибуналы инквизиции заочно осуждали беглецов на смертную казнь. Солдаты ловили тех, кто пытался сесть на корабли, отплывающие в Магриб. И если в августе 1565 г. 500 морисков из Орхивы сумели уйти от преследования (вместе с напавшими на город корсарами), то в 1560 г. из 60 жителей двух сел Альпухарры это удалось лишь 29, а 31 чел. — были задержаны солдатами. Случаев таких было очень много, так что задержанных стали приговаривать к отбыванию наказания на галерах. Но это мало что меняло и, как отмечает Бернар Венсан, «пересечение Средиземноморья стало постоянным фактором истории морисков». И сумевшие переправиться в Магриб не забывали об оставшихся на родине.

Они активно переписывались со своими собратьями в Испании, поставляли им оружие. Некоторые письма (в частности, Хуана Чико и Андреса Скьердо из Алжира и ответ им из Арагона Лоренсо Беназара) были перехвачены. Из них испанцы узнали о планах морисков вновь поднять восстание, опираясь на поддержку гугенотов Беарна, при этом сжигая церкви и здания трибуналов инквизиции. Стало известно и о переговорах в Стамбуле врача-мориска Мехмета Абулака, связанного с шейх-уль-исламом (религиозным главой) Османской империи (Абулак лечил его дочь), с послом Нидерландов — о предоставлении помощи морискам в Испании. Посол ответил согласием, считая, что мориски заслуживают поддержки «как добрые друзья моего отечества»[112].

Все эти сведения, поступавшие в Мадрид чуть ли не ежедневно, подкреплялись донесениями с мест, подтверждавшими, что «магометанские пираты Северной Африки стали бичом южноитальянских и испанских берегов». Базируясь в Оране, Бизерте, Сфаксе и «дюжине других пунктов», они нападали на побережье королевства, «грабили и жгли города и деревни, захватывали и уводили с собой массы мужчин, женщин и детей», при этом с мужчинами «обращались хуже, чем со зверями … пока они не испускали дух, изнемогая под ударами, женщины распределялись по гаремам, а детей воспитывали как мусульман». Абд аль-Джалиль Темими объясняет тон такого рода сообщений тем, что в европейской историографии до сих пор господствует традиция изображать и османов, и магрибинцев не только пиратами, но и «авантюристами и дикарями». По его словам, действительно жестокий XVI в. был «веком религии», а в религиозных войнах эксцессы имели место с обеих сторон и, что касается таких османо-магрибинских политиков и флотоводцев, как Арудж и Хайраддин Барбаросса, Драгут-паша или Ульдж (Кылыч) Али-паша, то они вели войну с врагом, применяя те же методы, что и испанцы в Магрибе. Кроме того, они не обогащались так, как это делали европейские корсары[113].

Темими полагает, что манера даже таких видных историков, как Фернан Бродель и Бернар Венсан, именовать морисков «бандитами и разбойниками» определяется тем, что для западных авторов «тема морисков — это сюжет истории Запада, в то время как на самом деле — это сюжет мусульманской истории прежде всего». Поэтому при анализе событий того времени необходимо учитывать «веру и убежденность» мусульман, их «уважение религиозного авторитета Османской империи, их горячее стремление самоотверженно защищать ее интересы». Только тогда «позиция османов по проблеме морисков и по событиям в Магрибе может быть лучше выяснена». Что же касается морисков, то Темими указывает на то, что «несправедливо отделять действия этих людей от среды, в которой они жили, и от обстоятельств их истории, благодаря которым можно лучше понять и оценить общую ситуацию того времени»[114].

Большинство морисков не хотело покидать родину, надеясь на освобождение с помощью османов, вернее — «на помощь с неба и турок», как писал Л. Кардайяк[115]. Сотрудничество с османами к концу XVI в. было хорошо налажено: до 500 морисков из Арагона находились в Салониках в качестве переводчиков, разведчиков и прочих. Столько же их было в Стамбуле, где проживало также до 600 морисков из Севильи. Все они, хорошо зная язык, местность, людей, обычаи и жизнь Испании, были незаменимы в качестве агентов спецслужб, курьеров, проповедников, лазутчиков, засылавшихся османами во владения Мадрида. Посол Венеции в Испании прямо на это указывал, подчеркивая также, что связи морисков королевства с их собратьями в Магрибе постоянны и непрерывны. В этом они постепенно стали даже конкурировать с сефардами, изгнанными из Испании еще в 1492 г. и поэтому гораздо раньше оказавшимися на службе у османов. Морисков, бежавших в Магриб и вообще на территории, подконтрольные османам, становилось все больше, и это обстоятельство само по себе увеличивало напряженность в отношениях испанцев и с османами, с 1574 г. закрепившимися в Алжире и Тунисе, и с морисками, полагаться на лояльность которых становилось все труднее[116].

Необходим был какой-то решительный поворот в отношении к морискам: либо избавиться от них навсегда, либо признать их права как самобытного меньшинства в культурно-лингвистическом, этноконфессиональном и социально-юридическом отношении. Клерикально-монархическая элита королевства предпочла первый вариант, логически вытекавший из ее предыдущей политики в отношении морисков. Второй вариант практически исключался как ввиду остроты и многообразия противоречий между «старыми христианами» и морисками внутри королевства, так и вследствие еще большего накала этих противоречий между Испанией Габсбургов и Османской империей, особенно в регионе Средиземноморья.

В то же время нельзя утверждать, как это делают некоторые даже современные авторы, что второй вариант был абсолютно невозможен. К началу XVII в. мориски уже не были той силой, какой они являлись в момент их крещения, сто лет на-

зад. Во-первых, их численность резко уменьшилась. По подсчетам ряда испанских авторов, приводимых алжирским историком Мулудом Гаидом, численность морисков уменьшилась в XVI в. с 900 тыс. чел. до примерно 300 тыс. чел.[117] Француз Пьер Шоню, египтянин Мухаммед Абдаллах Инан, испанец Антонио Палестерос считают, что только в Гранаде в начале XVI в. насчитывалось от 400 тыс. до 700 тыс. морисков. Но в любом случае уже к 1541 г. их стало меньше, когда сами мориски в письме османскому султану Сулейману Кануни назвали цифру в 364 тыс. чел. В дальнейшем их стало еще меньше: репрессии, казни, пытки, бегство в Африку сделали свое дело. Поэтому в 1568–1575 гг. их осталось примерно 319–321 тыс., а к 1609 г. — около 296 тыс. чел. К общему количеству жителей королевства (6–8 млн. чел.) это был очень небольшой процент[118]. Во-вторых, к тому времени уже был пусть и незначительный по масштабам, но все же удачный опыт ассимиляции морисков в Ламанче (см. выше данную главу), свидетельствовавший о возможности и такого решения проблемы.

Однако, несмотря на бесконечные споры и колебания, было все же решено изгнать морисков. Собственно, как уже отмечалось, такое решение было принято еще осенью 1582 г. королевским Государственным советом, но не реализовано Филиппом II, который при всем своем фанатизме и нелюбви к морискам все же, судя по всему, отдавал себе отчет в негативных последствиях проведения в жизнь подобного решения. Что касается Филиппа III, то у него, очевидно, не было по этому вопросу четкого мнения, но он прислушивался прежде всего к герцогу де Лерма, который, как выяснилось, тоже колебался и в конце концов изменил свою точку зрения и тоже выступил за изгнание[119].

Причины такого решения некоторые авторы, отвлекаясь от конкретной ситуации того времени и явно ее «модернизируя», необоснованно приближая к нашему времени, ищут в явно надуманном «столкновении аристократии и буржуазии». Однако была ли тогда в Испании буржуазия, способная не то что бросить вызов аристократии, но хотя бы в чем-то ей возразить? Слабая и малочисленная, полузадушенная иностранными конкурентами, буржуазия тогда равнялась на аристократию, пре-

возносила ее, мечтала проникнуть в ее ряды. А если бы она и была сильней, то тоже вряд ли стала бы ссориться с двором и знатью из-за морисков, не только чуждых ей в этнокультурном отношении, но и прямых конкурентов, причем во всех сферах экономики того времени. Что же до аристократии, то она, как и духовенство, руководствовалась идеями Реконкисты и ее продолжения за пределами полуострова, традициями многовековой борьбы с маврами, религиозного фанатизма и нетерпимости. Лишь часть знати (главным образом в Арагоне и Валенсии), экономически заинтересованная в сохранении морисков как своих вассалов, заступалась за них, не очень обращая внимание на мнение нижестоящих, включая буржуазию, но все же оглядываясь на духовенство и, особенно, на короля.

Однако в позиции этой фракции знати тоже происходили изменения, так как ей в конце концов тоже пришлось делать выбор между материальной выгодой и своими традициями, верностью своей религии и своему монарху, т. е. сословными ценностями, впитанными с молоком матери. Кроме того, не надо забывать, что все это происходило в обстановке религиозного фанатизма, сознательно разжигавшегося королевским двором и духовенством, а также — постоянно подпитывавшегося непрекращавшейся войной на море, военными действиями в Магрибе против османов и магрибинцев, ответными налетами и тех и других на территорию королевства. В этих условиях на все слои населения, от элиты до черни, действовала установка инквизиции на «сохранение единства и неприкосновенности веры в борьбе со всеми ересями». Эта установка становилась все более твердой по мере военного и экономического ослабления Испании к началу XVIII в., утраты ею самых богатых ее провинций в ходе Нидерландской революции 1565–1609 гг., неудач испано-португальцев на море в борьбе с англичанами и голландцами.

Исходя из всего этого, можно согласиться с Антонио Домингесом Ортисом и Бернаром Венсаном: на решение короля об изгнании морисков прежде всего «повлияло мнение герцога де Лерма (без конца колебавшегося), королевы, всегда бывшей сторонницей изгнания, некоторых высших столпов духовенства, выступавших за эту же меру, в то время как те, кто был

против этого или же занимал нейтральную позицию, были менее активны». Наконец, сыграла свою роль позиция «группы политиков и военных, представленных в Госсовете и обычно придерживавшихся разных мнений, но на этот раз выступивших за радикальное решение по соображениям национальной безопасности».

Была важна также переписка короля с архиепископом Валенсии Санхуаном де Риберой, выходцем из высшей знати (он был внебрачным сыном герцога де Алькала), связанным с иезуитами. Посетив Валенсию в 1599 г., король поручил ему ускорить «евангелизацию» морисков. Архиепископ горячо взялся за дело, но вскоре именно он, ранее больше других иерархов церкви ратовавший за «подлинную христианизацию» морисков, фактически встал на позицию архиепископа Толедо, говорившего про морисков: «Они — такие же магометане, как и живущие в Алжире!» Начиная с 1602 г. де Рибера уже предлагал королю их изгнать, оставив только юношей для каторжных работ и младенцев до 5 лет для их перевоспитания в духе католицизма[120]. «Выгоды духовные и светские, — писал де Рибера, — необходимо требуют изгнания мавров; иначе мавры в непродолжительном времени завладеют всеми богатствами королевства; ибо не только в их руках находится промышленность, но они бережливы и воздержаны, работают за небольшую плату и довольствуются барышом весьма умеренным, чего невозможно испанцам… Испанцы, наемники земель самых плодородных, не в состоянии платить денег за наем; мавры же, возделывающие землю самую дурную, заплатив владетелям ее третью часть сбора, не только могут сами кормиться, но еще ежегодно увеличивают свое состояние». Короче, святой отец, разочарованный провалом своей миссии, в пылу идеологической непримиримости был все же не чужд и вполне мирских соображений. Очевидно, их учитывали и прочие князья церкви, в частности наиболее влиятельный в Испании архиепископ Толедо, которого королевская семья слушала больше других прелатов. К тому же де Рибера, с целью разжечь не самые лучшие чувства короля, сознательно его запугивал: «Кроме того, они говорят также по-кастильянски, ум их более просвещен, им лучше известно настоящее положение Испании, и вследствие

того они могут иметь опасные сношения с державами, враждебными могуществу Испании»[121]. Последнее соображение должно было произвести должное впечатление на короля, ибо Испания при нем одновременно противостояла Османской империи, Франции, Англии и Нидерландам, уже начавшим захватывать владения Мадрида в Америке и Азии. Тяжелая война с Англией закончилась лишь в 1604 г. Сразу после этого началась подготовка изгнания.

Характерно, что уже после изгнания морисков де Рибера вдруг задался вопросом: «А кто же будет нам шить обувь?» Он же потом заявил: «Я был первым, кто прожил с ними в мире последние 40 лет». Он только забыл сказать, чем этот «мир» был для морисков и почему он в конце концов и его самого перестал устраивать. Да вряд ли он мог это сказать. Всё в Испании определялось волей монарха. При Филиппе II двор еще питал иллюзии относительно ассимиляции морисков, руководствуясь примерами Алонсо дель Кастильо, семейства Эрмесов и некоторых других знатных морисков. Сам король верил в перспективность ассимиляции, проявлял в конце жизни терпимость вообще к «новым христианам», даже признавался в одном из писем: «Я — не то, что обо мне думают, я вовсе не из железа или дерева… Я смертен, как и все прочие». При всей своей мрачности и закрытости, противоречивости и комплексах, Филипп II, по мнению Луи Кардайяка, все же следовал убеждению в мессианском характере своей деятельности на благо своей империи и сохранение ее единства[122].

Филиппу III досталась власть над государством, включавшим Испанию, Португалию и их владения, т. е. примерно одна пятая часть мира с населением в 60 млн. человек, но это была уже тень империи, пережившей свой «Золотой век». Она теряла одну территорию за другой, терпела поражения и на суше, и на море. «Войска короля, не получая жалованья, делались более страшными для мирного населения, чем для врагов. Не хватало денег на постройку новых и поддержание старых кораблей, и флот приходил в упадок». У королевства элементарно не было средств на продолжение прежней политики, даже на поддержание былого имиджа великой державы. «В поисках выхода из финансовых затруднений правительство конфиско-

вало имущество морисков под предлогом их связи с турками и берберами»[123]. При этом оно руководствовалось донесениями с мест о том, что только в Андалусии и регионе Толедо 20 тыс. этих «нечестивцев» имеют доход более чем по 20 тыс. дукатов, а толедский мориск Франсиско Толедано — самый богатый торговец железом и оружием во всей стране!

Конечно, материальные соображения, особенно — если вспомнить письмо де Риберы королю, играли какую-то роль в принятии решения об изгнании морисков. Но были и другие, о чем говорилось выше, в том числе гораздо более важные, которые и должны были побудить Филиппа III, казалось «более снисходительного», чем его «твердый и фанатичный» отец, решиться на изгнание. Называли при этом даже стремление Мадрида опередить Генриха IV Французского, готовившего войну против Испании и рассчитывавшего (не без оснований) на поддержку морисков Арагона и Валенсии. Хулио Каро Бароха считает, что на выбор времени изгнания повлияла междоусобица в Марокко весной 1609 г., позволявшая не считаться с мнением султана — потенциального заступника морисков. Однако верно будет принять во внимание весь комплекс причин, уже изложенных ранее, и дополнить их тем обстоятельством, что за 10 первых лет правления Филиппа III и он, и его окружение подвергались мощному давлению со стороны наиболее воинственных кругов знати и большинства духовенства, настаивавших на изгнании при полном сочувствии преобладающей части «идальгии», да и остального населения, фанатизированного и настроенного против морисков (пусть и по разным причинам). Вместе с тем можно предположить, что апофеозом этого давления явилось письмо де Риберы, которому король доверял и, очевидно, вместе с ним разделял разочарование от провала «евангелизации» морисков Валенсии[124].

Все это и побудило Филиппа III, не отличавшегося самостоятельностью суждений, преклонявшегося перед духовенством и фанатизированного им, ограниченного пленника своего окружения и его предрассудков, начать «окончательное решение» проблемы морисков. Этому предшествовали в 1604–1608 гг. различные совещания духовенства и знати, в ходе которых почти все прелаты и гранды (в том числе герцог Альба,

кардинал Толедо, губернатор Леона) высказывались за изгнание. Уже тогда поступали сведения, что некоторые мориски (в частности, 200 чел. в марте 1608 г.) бежали в Тунис через Францию. В Валенсии даже говорили, что король будто бы подписал указ об изгнании местных морисков 4 июля 1607 г., обвинив их «в ереси, предательстве и святотатстве», но в виде особой «милости» разрешил им покинуть Испанию «в три дня».

Официально об этом было объявлено 22 сентября 1609 г. 30 сентября того же года первые корабли с морисками уже плыли в Африку. Всего область за 3 месяца 1609 г. покинули 116–120 тыс. чел.[125] После разгрома «гранадинос» мориски Валенсии оставались наиболее значительной и боеспособной частью этого народа, тем более пользовавшейся, как отмечалось, негласной поддержкой части местных сеньоров. Однако их изгнание почти не сопровождалось вооруженными столкновениями, так как многие из них хотели уехать, устав от постоянной травли и «невыносимой обстановки». Но кое-где (в селениях Валь де Айора, Бикорп, Конфрентес, Кортес) они просто вынуждены были отбиваться от банд грабителей, которых поддерживали власти и специально прибывшие из Италии «гражданские гвардейцы». В стычках ежедневно гибли 15–20 человек.

Отчаявшиеся мориски (около 25 тыс. чел.) стали нападать на деревни христиан, разрушать их церкви и убивать их самих. Некоторые отряды насчитывали от нескольких сот до 3 тыс. морисков. Многие из них погибли, другие были проданы в рабство (что предусматривалось королевским декретом). Всего погибших и ставших рабами насчитывалось до 10 тыс. человек. Около 1 тыс. морисков, «пожелавшим умереть в святой вере», было разрешено остаться в Испании. Остальные были высланы, однако на завершение этой операции (подавление сопротивления, розыск бежавших или укрывавшихся в горах, ушедших в подполье) ушло около двух лет. Весь регион был оккупирован войсками. В «эвакуации» морисков участвовали галеры Испании, Неаполя и Португалии, многочисленные торговые суда, высокобортные океанские корабли, концентрировавшиеся в специально назначенных портах по тайному приказу с

9 апреля 1609 г. С их помощью и не без труда самая крупная в Испании община морисков была ликвидирована[126].

Ее исход имел для области самые катастрофические последствия: количество домашних очагов в «королевстве» Валенсии (как назывался тогда прежний Шарк аль-Андалус) уменьшилось с 80 тыс. до 50 тыс., 200 деревень полностью исчезли, население сельской местности сократилось наполовину, всей области — более чем на треть. Для восстановления прежней численности жителей потребовалось около 100 лет[127]. Иными словами, по политическим и идеологическим мотивам был нанесен громадный ущерб экономике и культуре страны, которая была фактически лишена хозяйственно активной части своего населения, частично — пришедшего 900 лет назад, частично ассимилированного пришельцами.

В не меньшей степени это сказалось и в других областях. В Арагоне 60–65 тыс. морисков составляли около 20% населения и нередко проживали не изолированно, а в одних и тех же селениях со «старыми христианами». Они, судя по всему, были наиболее испанизированы и даже пользовались заступничеством религиозных властей, считавших их «добрыми католиками». Но это их не спасло. В мае — сентябре 1610 г. основная их часть была изгнана (более 38 тыс. чел. — морем в Магриб, около 22 тыс. — туда же, но — через Пиренеи и юг Франции)[128]. Оставшиеся по тем или иным причинам (или вернувшиеся, например, из Франции) были окончательно изгнаны на протяжении последующих 4 лет, так что Арагон оказался полностью лишен жителей-морисков. В 1610 г. началось также поэтапное изгнание морисков из различных частей Кастилии: в январе — более 45 тыс. чел. из Андалусии и Мурсии, затем (с июля) — более 44,5 тыс. чел. из прочих областей. Оно длилось вплоть до 1614 г., так как многие крупные сеньоры и даже столпы духовенства, в частности деятели военно-рыцарских орденов, нередко заступались за морисков, вносивших огромный вклад в развитие хозяйства и искусства и выплачивавших значительные суммы феодалам и церкви. Кроме того, бывшие мудехары Кастилии и Андалусии ссылались на привилегии, предоставленные им прежними королями. Однако в конечном итоге они почти все были изгнаны[129].

Изгнание сопровождалось замешательством, слухами и элементарным обманом. Так, некоторым морискам в центре Кастилии (Ламанче) было позволено остаться. Это породило у так называемых «старых морисков», т. е. давно живших здесь потомков мудехаров, смутные надежды на то, что им также разрешат остаться, тем более что власти везде охотились в первую очередь за «гранадинос» и даже будто бы обещали этим ограничиться. 46 тыс. «гранадинос» отправились в Магриб, 17 тыс. (живших в основном в степной полосе Месеты) — выехали во Францию. Однако вскоре и «старые мориски» были изгнаны: 10 тыс. из них, перевалив через Пиренеи, оказались во Франции, откуда все время пытались, разбившись на мелкие группы, вернуться обратно. Но командовавший этой «операцией» граф Салазар вплоть до 1614 г. вооруженной рукой пресекал все эти попытки еще на границе. Какой-то части морисков удалось осесть во Франции, но большинство ее покинуло, постоянно подвергаясь преследованиям. При этом если они «переставали быть маврами» и одевались по-европейски, то французы против них ополчались уже как против «испанцев»[130]. Исчерпав все возможности мирного решения, остававшиеся на родине мориски вступали в вооруженные столкновения с войсками (наиболее известны факты сопротивления жителей долины Рикоте — всего 3 тыс. чел. из 11 деревень в октябре — ноябре), но они в конце концов погибали или вынуждались к отъезду. Были и такие, которые изгонялись (как жители Кампо де Калатрава) несколько раз. Но всякий раз снова и снова возвращались на свои земли, пока уже король Филипп IV (1621–1665) не узаконил их положение в 1624 г. По мнению большинства историков, всего было изгнано (с учетом островов и других испанских владений) до 275 тыс. морисков. И хотя некоторые авторы указывают, что уехали далеко не все, проблема морисков в Испании как таковая перестала существовать[131].

Точное количество изгнанных неизвестно. Разные авторы называют цифры в 900 тыс., 500 тыс, 300 тыс. чел.[132] Судя по всему, эти авторы учитывают всех морисков, оставшихся после 1525 г. на родине и постепенно (особенно после войны в Альпухарре) покидавших ее еще до 1609 г. Тем более что из примерно 270 тыс. изгнанных в странах Магриба потом были заре-

гистрированы не более 130 тыс. Однако известно, что очень многие из них погибли в пути или еще до поселения в Магрибе (по разным причинам). К тому же часть из них оказалась в Стамбуле, Салониках, Каире, в ряде деревень Сирии и Палестины, а некоторые даже сумели осесть в Европе[133].

Анри Лапейр оценивает всего в 10–15 тыс. (из 272 тыс.) количество морисков, оставшихся в Испании, и примерно в 10 тыс. чел. — количество погибших при сопротивлении изгнанию (особенно в Валенсии), хотя Б. Венсан считает, что их было больше и общая численность морисков, возможно, равнялась 300–350 тыс. человек. Вместе с тем алжирский историк Мулуд Гаид определяет численность оставшихся морисков в 9–10 тыс. человек. В соответствии с пожеланием де Риберы к ним были также присоединены дети младше 4 лет, отобранные у изгнанников (24 000 детей только в Валенсии) и переданные на воспитание в христианские семьи. Сотни морисков получили разрешение остаться, вступив в монашеские общины духовно-рыцарских орденов (Калатравы и других). Тот факт, что оставшиеся в Испании мориски в дальнейшем легко ассимилировались, подтверждает наш тезис о том, что в культурно-историческом плане мориски имели много общего с испанцами и были вполне способны к ассимиляции с ними в случае ликвидации религиозно-идеологических и политических барьеров. Характерна позиция Мигеля Сервантеса, который, будучи свидетелем изгнания, осуждал произвол испанских властей и сожалел о мерах против морисков, хотя сам долгое время был в плену в Алжире. И, очевидно, нельзя считать случайным уже в XX в. заявление великого испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки о его сочувствии морискам и его убеждении в том, что в жилах каждого жителя Гранады течет и ныне их кровь[134].

Это спорное на первый взгляд заявление Лорки, однако, не лишено некоторых оснований. Самые разные авторы — француз Доминик Анри, американец Конрад Беркович, испанцы Хосе Карлос де Луна и Рафаэль Лафуэнте — писали в XIX–XX вв. о смешении испанских цыган с маврами и о «наличии в их жилах мавританской крови». Об этом же свидетельствует Мерседес Гарсиа-Ареналь, приводя примеры Фернандо Лопеса в 1577 г. и Педро Орехона в 1580 г. — морисков, выдававших

себя за цыган. По ее сведениям, процесс «цыганизации» части морисков начался после разгрома в 1570 г. повстанцев Альпухарры, желавших таким образом избежать репрессий и высылки. В пользу этой версии говорит и «обилие среди цыган торговцев пирожками, производителей легкой обуви и погонщиков мулов», т. е. профессий, типичных для морисков. «Цыгане — это тоже мориски», — говорили церковники, прежде всего инквизиторы Каталонии. Кортесы 1610 г. сочли цыган «хуже морисков», а герцог де Лерма потребовал также их изгнания. Но Госсовет ему отказал, признав цыган «больше христианами, чем вредоносные мориски». В конце концов на цыган махнули рукой: их было намного меньше, чем морисков, и они не были источником ни религиозных, ни политических проблем. В то же время преследования цыган инквизицией очень сблизили их с морисками и способствовали их дружбе и взаимопомощи. В труднодоступных горных районах даже создавались смешанные группы из морисков, цыган и евреев, занимавшихся магией, знахарством, музыкой, пением и танцами. Всему этому они учились друг у друга, способствуя рождению таких синкретических жанров, как фламенко и «канте хондо». Цыгане, переходившие к оседлости, овладевали всеми профессиями изгнанных морисков и иудеев, становясь портными, ткачами, каменщиками, булочниками и т. п. Но их было мало. Всех они заменить не могли!

Каковы же были непосредственные результаты массового исхода морисков? Стала ли Испания более единой, могучей и процветающей, избавившись от них? Двор, знать (не вся), духовенство, «идальгия» и самые широкие слои «истинных» католиков именно так и считали, торжествуя победу. Изгнание одобрили даже многие представители интеллектуальной элиты, в том числе великий драматург Лопе де Вега. А великий художник Диего Веласкес написал картину «Изгнание морисков», на которой Филипп III изображен в виде сказочного рыцаря в латах, повелительно указывающего толпе плачущих морисков дорогу к морю. Для большинства испанцев избавление от морисков стало как бы завершающим аккордом Реконкисты. А чем оно оказалось на самом деле?

В полной мере это выявилось уже в первые годы после изгнания. Закрылись шелковые мануфактуры в Севилье, Сеговии, Толедо, Гранаде (где до 1614 г. шелком торговали 3 тыс. морисков), что определило переход лидерства в производстве шелка к Италии и Франции. Пресеклась выделка шерсти в Куэнке. Почти прекратился экспорт шелка, шерсти, сукна, керамики, тростникового сахара. Опустели многие села, города и даже области. Пришли в упадок ирригация, металлообработка (после отъезда 5 тыс. ее наиболее искусных мастеров-морисков), ювелирное искусство. Сократилось производство олив, риса, зерновых культур. Терпели крах банки (например, банк Валенсии в 1613 г.) ввиду отказа знати, захватившей земли изгнанников, платить их долги. Впрочем, аристократов можно было понять: один лишь герцог де Гандия, сеньор четырех городов с их окрестностями и 60 тыс. жителей, до отъезда морисков получал доход (в основном — с них) в 53 тыс. ливров, а после их отъезда — всего 15 тыс. ливров. Торговля целых городов (например, Толедо) была парализована. Зарастали поля, разрушались брошенные дома, на месте когда-то процветавших селений (особенно в области Валенсия) воцарилась кладбищенская тишина. В некоторых районах (например, в горах Сьерра-Морены) жизнь возобновилась лишь через 200 лет[135].

Именно после изгнания морисков Испания фактически перестала быть великой державой в экономическом, политическом, да и в военном отношении. Такова была цена искусственного возрождения отошедших в прошлое идеалов Реконкисты с ее национально-религиозной непримиримостью и средневековыми представлениями о чести, выродившимися в фактически расистские законы о «чистоте крови». Хозяйство страны пришло в упадок, политические структуры закостенели, господство реакции и мракобесия давило любую живую мысль. Ослабевшая и хуже оплачиваемая армия (мориски, среди которых было много искусных оружейников, опытных моряков, знающих военных инженеров, покинув родину, теперь сражались уже против Испании) с трудом справлялась со своими обязанностями, не выиграв в XVII–XVIII вв. ни одной войны.

Конфискация собственности морисков, на которую, очевидно, рассчитывали в интересах пополнения казны, мало что дала. Как и золото американских колоний, награбленные у морисков богатства были расхищены, растащены, непроизводительно растрачены королевским двором, всесильным духовенством, паразитической знатью и коррумпированной бюрократией как на свои прихоти, так и на дальнейшие войны, подавление восстаний в колониях и в самой Испании, на борьбу с протестантством и прочей «ересью» везде, где только можно, на роскошь монархов и грандов, наконец — на подачки «идальгии». Именно тогда возникло в Испании (наметившись еще в XV в.) «дворянское безумие», которое предпочитало нищенство и попрошайничество производительному труду. К сожалению, это было свойственно не только дворянству, но и другим слоям, ему подражавшим. Уже к концу XVI в. испанские города были переполнены разорившимися идальго, дезертирами или инвалидами многих войн, бежавшими из сел крестьянами, вернувшимися из Америки больными или разочарованными колонистами, разоренными иностранной конкуренцией торговцами, студентами-недоучками, недобросовестными игроками, профессиональными нищими, жуликами, ворами и авантюристами всех мастей — короче, будущими героями (скорее антигероями) «плутовских романов» Мигеля Сервантеса, Франсиско Кеведо, Мигеля Алемана и других, менее известных авторов[136].

По некоторым данным, население страны в ходе постоянных войн, религиозных преследований и депортаций, экономических бедствий, эпидемий и прочих невзгод «Золотого» XVI в. уменьшилось с 9 млн. чел. в 1482 г. не менее чем на 1 млн. (по подсчетам Ф. Броделя) или на 2–3 млн. чел. (по менее точным данным М. Таршуны). В любом случае, как бы ни относиться к этим многими оспариваемым цифрам, они свидетельствуют, что держава испанских Габсбургов явно надорвалась от сверхусилий по поддержанию собственного величия, ради которого пожертвовала многими другими, и, пожалуй, более важными интересами[137].

Таким образом, потери Испании от исхода морисков были не только материальными. Лишившись наследников и носите-

лей культуры, весьма динамично и своеобразно развивавшейся на полуострове около 900 лет, королевство понесло неизмеримый ущерб в социальной, моральной и духовной сфере, утратив слишком многое из ранее завоеванного или доставшегося по наследству хозяйственного, технического, производственного и художественно-эстетического потенциала. Впрочем, вопрос этот остается дискуссионным. Достаточно вспомнить выше характеризовавшиеся труды «морискофоба» Анхеля Галана Санчеса и такие же более ранние и написанные по горячим следам сочинения Хайме Бледы, Дамиана Фонсеки и многих других. Постепенно фундаментальное изучение разнообразных источников, вовлечение в эту работу множества историков разных стран, методологическое совершенствование самой исторической науки и формирование морискологии как особой дисциплины открыли дорогу к более широкому, всестороннему и объективному взгляду на морисков и их изгнание, которое ранее представлялось «апологетической литературой», подкрепленной королевской цензурой, как «решение священное, справедливое и неизбежное»[138].

Думается все же, что это не так. И можно согласиться с тунисским историком Неджибом Бен Джемиа, что, при всем разнообразии иногда взаимоисключающих оценок исхода морисков, это была «не только жестокая, бесчеловечная и ненужная мера, но и главный фактор упадка Испании, поскольку она лишила страну одного из наиболее производительных секторов ее населения». Этот тезис подтверждается исследованием французских авторов Ж.-П. Амальрика, Б. Беннассара и других, доказавших, что засилье инквизиции не только лишило Испанию ценных кадров, но и, уничтожая их культуру, способствовало консервации старых традиций, отрезало страну от новейших течений в экономике соседей, заглушило ростки свободной мысли и свободной инициативы, что вскоре привело к общему снижению культуры и грамотности, а затем — технического оснащения и производства[139].

Споры по этому поводу продолжаются. И, очевидно, будут еще долго продолжаться в наше время неимоверно возросшего интереса к проблемам национального достоинства и национального престижа, судьбам этносов и развитию этногенеза,

религии и культуры, национальной идентичности и цивилизационной самобытности. Все эти проблемы в связи с трагической судьбой морисков обсуждаются и исследуются, теперь — уже не только в арабской и испанской, но и в мировой историографии. По нашему мнению, многое в решении этого вопроса будет зависеть не столько от степени пристрастности сторон в данном споре, сколько от выработки научно-исторического взгляда на самих морисков, от определения не только их политических и религиозных отношений с испанцами, но также их роли в экономическом, социокультурном и цивилизационном развитии Испании.

Годы, естественно, смягчили и даже в чем-то стерли былую ожесточенность. Более того, непредвзятые и объективные представители Испании и арабского мира охотно признают общность их культурно-исторического наследия. Некоторые деятели культуры при этом шли еще дальше. Известный испанский писатель Висенте Бласко Ибаньес, обращаясь к легендам и традициям родной области Валенсии, немало, в частности, писал о «мавританской крови» в жилах своих земляков, об их «истинно африканской страсти к оружию», присущих им «идеалах Востока» и «образах арабской поэзии», «мавританской гордости и степенности»[140]. Стоит в этой связи вспомнить и о симпозиуме «Арабо-испанская культура в истории» в декабре 1990 г. в Дамаске, где алжирский ученый Абдаллах Хамади сделал доклад об арабских элементах в творчестве современного испанского романиста Хуана Гойтисоло, марокканский историк Мухаммед Разук рассказал о цивилизационных взаимовлияниях между арабами и Испанией, а сирийские газеты в те дни пестрели заголовками типа «Арабо-испанская цивилизация — фактор взаимосвязи между Испанией и арабскими странами», «Испанская культура — законная дочь арабской культуры» и т. п. Один из магрибинских делегатов даже вспомнил, что «Мадрид первоначально назывался Маджрит и вообще возник как арабская деревня»[141].

Что же оставили мориски испанцам и португальцам? Поскольку они были наследниками цивилизации Аль-Андалуса, то правильнее будет спросить, что дала эта цивилизация современным иберийцам? Не так уж мало: тысячи арабских слов

в кастильском, каталанском, португальском и галисийском языках, испано-мавританские традиции в стихосложении, сохранившийся до наших дней стиль «мудехар» в зодчестве, изобразительном искусстве и художественных ремеслах, в строительстве и орнаментальном декоре. Устное народное творчество, танцы, национальный костюм, музыка, некоторые особенности вкуса, этики и эстетики, старинные обычаи, специфика психологии и образа жизни испанцев и португальцев, как и прочих народов западного Средиземноморья, в той или иной мере несут на себе печать цивилизации Аль-Андалуса[142]. Но самый главный урок взаимоотношений испанцев с маврами и сменившими их морисками заключается в том, что обе стороны всегда выигрывали в сфере культуры, экономики и политики, когда действовали в согласии и сотрудничестве, и, наоборот, проигрывали во всех областях, когда враждовали и прибегали к насилию. Как мы убедились, несправедливость по отношению к морискам дорого обошлась Испании. Через 100 лет после их изгнания Испания сама стала объектом притязаний великих держав и в «войне за испанское наследство» 1701–1714 гг. потеряла все свои владения в Европе и крепость Гибралтар на собственной территории.

Глава IV

ЖИЗНЬ ВНЕ РОДИНЫ

История не знает сослагательного наклонения. Поэтому трудно гадать, что было бы, если бы мориски остались в Испании в роли ее полноправных граждан (хотя кое-кто остался, причем тайно, о чем свидетельствует высылка целой общины «мавров и мавританок» в 1712 г. и обнаружение тайной мечети в Картахене в 1769 г.). Можно предположить, что социально-экономическое и культурное развитие страны только выиграло бы от активности и предприимчивости многочисленных владельцев мануфактур, мастерских и ателье из числа морисков, от коммерческой деятельности влиятельных в их среде (и известных за пределами Испании) купцов и негоциантов, от мастерства и квалификации ремесленников и умелых профессионалов, в основном задававших тон в альхамах морисков. Эмигрировав в Магриб, они там быстро заняли ведущие позиции в коммерции, финансах, мореходстве, различных видах предпринимательства и посредничества[1].

Однако в Испании они были и богатыми землевладельцами, скотоводами и обладателями почти всех сельских профессий — от кузнеца до пчеловода, а также — «производительным сельским пролетариатом и дешевой рабочей силой в агросфере»[2]. Именно такого человеческого материала, не утратившего квалификации и трудовых навыков, упорства и заинтересованности в результатах производства, стало очень нехватать после исхода морисков в испанской деревне, разоренной королевскими поборами, ограбленной дворянством, обессиленной потерями в войнах, запуганной инквизицией.

И дело не в том, как пишут некоторые историки, что в Магрибе мориски будто бы стали «представителями современного капитализма», продемонстрировавшими «экономическое и социальное поведение буржуазного класса». Это еще требуется доказать. Но вполне возможно, что в Испании они могли бы сыграть роль строителей нового общества, более прогрессивного и рационального. История, однако, рассудила иначе[3].

Выходцы из Аль-Андалуса в мире ислама

Судьба морисков в арабо-исламском мире явилась продолжением судьбы предыдущих волн эмиграции из Аль-Андалуса. Представители этой эмиграции с IX в. играли значительную роль в экономике, политической и социокультурной жизни Магриба и вообще Средиземноморья. Беженцы из Кордовы в 818 г. основали «квартал Андалусцев» в Фесе — будущей столице Марокко, несколько лет владели Александрией в Египте и, наконец, завоевали Крит, ставший почти на полтора века арабской крепостью и бастионом ислама у ворот Византии. Моряками Аль-Андалуса были основаны и частично заселены такие магрибинские города, как Оран, Тенес, Бенгази, Дерна и ряд других, менее известных. Вслед за военными и мореплавателями прибывали, особенно в наиболее близкие к Иберийскому полуострову районы, андалусийские зодчие, ремесленники, художники и лица прочих профессий, редких для Магриба первых веков существования ислама[4].

Поток эмигрантов из Аль-Андалуса, резко усилившийся в XII–XIII вв. в связи с успехами Реконкисты, увеличил долю иберийских мусульман и их потомков в Магрибе, особенно в рядах его образованной элиты. Как считал крупнейший тунисский историк Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб, только после падения Севильи в 1248 г. в Тунис прибыло не менее 100 тыс. мавров[5]. Выстроенная ими мечеть Ишбилийя (Севилья) до наших дней возвышается в «медине» — старинной части столицы Туниса.

Контакты между Магрибом и Аль-Андалусом, между Магрибом и эмиратом Гранады были достаточно тесными. Многие знаменитые в истории арабов люди (Абд ар-Рахман Ибн Халдун, Лисан ад-Дин ибн аль-Хатиб, советник четырех султанов Ибн аль-Хадж аль-Гарнати и другие) принадлежат по праву и Магрибу, и Гранаде. Причем некоторые из них, например Хиляль аль-Каталани (1290–1337), вазир султанов Тлемсена, были по происхождению христианами, принявшими ислам[6]. В целом в XII–XV вв. андалусийцами была заложена крепкая традиция их постоянного присутствия и сильного влияния во всех сферах экономики, военного дела, политики, культуры и духовной

жизни Магриба[7]. Они восстановили порт Бужи (Биджайя), тогда принадлежавший Тунису. Алжирские порты Бреск, Рашгун, Хонейн также «были обязаны им своим возрождением и процветанием». Столица Алжира управлялась образованной ими «торговой аристократией», а город Шершель уже к XIV в. был «полностью заселен беженцами из Гранады, Валенсии и даже Арагона»[8].

Они, естественно, не теряли связей с собратьями на полуострове и всемерно содействовали их переезду в Магриб. С появлением в Магрибе в 1516 г. братьев Аруджа и Хайраддина Барбароссы и особенно после захвата ими власти в Алжире и включения этой страны в состав Османской империи андалусийцы в Магрибе охотно вступили в «священную войну» против Испании. Они и раньше принимали в ней участие, но эпизодически. По мере роста их численности в Магрибе и усиления их общин, они все чаще оказывались среди тех, кто финансировал рейды корсаров против Испании, да и среди самих корсаров. Мерседес Гарсиа-Ареналь отмечает, в частности, что именно эмиграция морисков «между неудачным восстанием 1501 г. и войной 1570 г. в Альпухарре, эмиграция ремесленников, земледельцев, крестьян и низших городских классов сделала войну корсаров более интенсивной и жестокой»[9].

Еще более жестокой эта война, как и все действия против Испании со стороны морисков, стала после их окончательного изгнания, которое само по себе явилось на деле актом геноцида. Никто точно не знает, сколько морисков и при каких обстоятельствах погибли, не выдержали испытаний депортации, голода, болезней, прочих лишений. Неизвестно даже, сколько их было сознательно уничтожено.

По данным Хуана Пенелы, мориски Валенсии, вывезенные в октябре — ноябре 1609 г., в основном направлялись в район принадлежавшей тогда Испании крепости Оран на алжирском побережье, откуда почти немедленно расселялись в соседних магрибинских султанатах Феса и Марракеша, частично — в районах Тлемсена и города Алжир. Некоторые, задержавшись по дороге в Италии (Генуе или Ливорно), в конце концов также прибыли в Магриб. Мориски Арагона, наиболее образованные и приобщенные к испанской культуре, в основном осели, по

мнению Пенеллы, в Тунисе, где примерно в 30 городах обосновалось 2/3 их числа (40 тыс. чел.), в то время как остальные оказались в Алжире и к востоку от Туниса (в Триполи и Египте)[10]. Всего в Тунисе, включая его столицу (главной осью старинной части которой стала улица Андалусцев), поселились более 80 тыс. морисков (главным образом из Арагона, Каталонии и Валенсии). Более сложными путями (через порты Агд, Марсель и Тулон во Франции, Италию и испанские анклавы в Африке — Танжер, Сеуту, Мелилью и Оран) попали в Магриб, главным образом в Марокко, мориски Кастилии и Андалусии. Часть их выехала также на Ближний Восток, прежде всего в Стамбул и Александрию, отдельные группы так и осели во Франции и Италии. В частности, несколько тысяч морисков заново крестились в 1611 г. в Тулоне, откуда потом разъехались в Бордо, Париж и даже в Нормандию — на север страны[11].

Испанские (а позднее — и другие западные) авторы начала XVII в. единодушно указывают на плохой прием, оказанный морискам мусульманами Магриба, и даже утверждают, что всего в Африке уцелело не более трети или даже четверти морисков. Конечно, многие из прибывших погибли от истощения и тяжелых условий жизни в непривычных и неблагоприятных условиях. Еще больше пострадало от пиратов, грабителей (в том числе — перевозивших их испанских, португальских, французских и итальянских моряков) и, по прибытии в Магриб, от нападений кочевников. Это особенно относится к первым группам морисков Валенсии, прибывшим в район Орана, где местные бедуины не признали в них арабов ввиду их «испанизированной» одежды и речи. Однако гораздо больше морисков погибло в открытом море, когда капитаны кораблей, перевозивших их в Африку, присваивали их имущество, хозяев которого просто выбрасывали за борт. Количество таким образом погибших в море морисков, по словам Б. Венсана, «невозможно определить даже по минимуму»[12]. Очевидно, велики были также потери от болезней, особенно — от эпидемии чумы, опустошавшей Магриб целых два года (1611–1613). Только с учетом всех этих факторов можно верно объяснить значительные расхождения между количеством высланных из Испа-

нии и тех, кто в конце концов обосновался в Магрибе и других регионах мира ислама.

В Марокко их оказалось, по разным подсчетам, сначала около 40 тыс., а потом уже примерно 100 тыс. чел. (в основном — из Валенсии, Андалусии и Кастилии), прежде всего в Тетуане, где возникла самая крупная их колония в 10 тыс. чел, а также — в Лараше, Эль-Ксар Эль-Кебире, Рабате и Сале. Постепенно их главными центрами стали Тетуан и Шешаван на севере и комплекс Рабат-Сале на западном побережье. В отличие от Туниса и Алжира, где политическая жизнь жестко контролировалась османами, в Марокко общины андалусийцев и объединившихся с ними морисков пользовались значительной автономией[13].

По Алжиру сведений гораздо меньше, но известно, что в столице страны было до «тысячи домов», т. е. семейств морисков, насчитывавших в 1615 г., по разным данным, от 6 тыс. до 25 тыс. человек. Известно также, что значительное количество морисков осело в Арзеве, Блиде, Медеа, Милиане, Константине, Мостаганеме, Хонейне, Мазуне, Биджайе, Тлемсене, Аннабе. Но подсчитать их точное количество весьма трудно[14]. Во-первых, многие вышеназванные города, особенно прибрежные, периодически находились в то время в руках испанцев, старавшихся любым способом избавиться от морисков, или же, в ходе сражений и штурмов, неоднократно подвергались разрушениям с частым уничтожением или бегством населения. Кроме того, мориски стремились из Алжира в соседние Марокко и Тунис, где либо власть была более стабильна, либо земли лучше. К тому же там еще с XIII в. осели значительные общины эмигрантов из Севильи и Кордовы. Впрочем, уроженцы Кордовы, например семейство крупных финансистов Малляхов, играли значительную роль и в Тлемсене при династии Зайянидов в XIII–XIV вв.[15] «Иберийское присутствие» в Тлемсене усиливалось в то время также наличием в султанате многочисленных христианских наемников, а также принявших ислам бывших рабов, в основном — каталонского происхождения. Эти исламизированные «ренегаты», как их называли в Испании, часто были наиболее надежной опорой правителей Маг-

риба, ибо больше всего опасались попасть в плен и угодить в лапы инквизиции[16].

Микель де Эпалса пишет, что в Алжир переселилось в общей сложности около 100 тыс. морисков, но Б. Венсан считает это «преувеличением». По его данным, многие «валенсианцы» и «арагонцы», враждебно встреченные в Алжире, впоследствии «рассеялись от Триполи до Стамбула», причем султан даже предоставил в их распоряжение мечеть Арап-джами в стамбульском квартале Галата. Некоторые из них по дороге оседали в Александрии, Каире, Смирне (Измире) и других городах Османской империи[17].

Первое время мориски везде селились, хотя и вместе с ранее прибывшими выходцами из Аль-Андалуса, но все же отдельными кварталами, например в столице Алжира и самом «андалусском» из тунисских городов — Тестуре. Это было естественно: старожилы в значительной мере уже интегрировались в местное общество, а вновь прибывшим требовалось для этого время. Иногда мориски полностью заселяли тот или иной городок или деревню, например Гриш эль-Уэд в Тунисе, где почти все после этого говорили по-каталански[18]. Не только между морисками и коренным населением, но и между ними и ранее прибывшими в Магриб маврами сохранялись культурные, языковые и психологические барьеры. Это было естественно, так как мориски, как указывает Микель де Эпалса, «после их исхода иногда продолжали и нередко довольно долго носить испанские имена и пользоваться устно и письменно испанским языком» (кастильским или каталанским). Это в какой-то мере мешало общению морисков с коренными жителями, даже называвшими их «неверными». Однако в конечном итоге мориски пусть с трудом, но адаптировались к новым условиям. Более того, источники и такие очевидцы событий, как долго живший в Алжире монах Диего де Аэдо, свидетельствуют, что экономический, культурный и военный потенциал государств Магриба укрепился именно благодаря морискам. Во Франции уже в 1614 г. было признано, что мориски познакомили коренных магрибинцев с «искусством и занятиями Европы», ранее им неизвестными. Особенно много сделали они в области военного дела, придав, в частности, городу Алжир почти мисти-

ческий ореол «непобедимой», «неприступной» и «таинственной» крепости в глазах европейцев. Это было весьма важно в условиях практически не прекращавшейся с начала XVI в. войны с Испанией[19].

В этой войне еще в конце XV в. проявили себя мавры, укрепившиеся в Тетуане под командованием аль-Мандари. Но они действовали только в ограниченном районе Средиземноморья, примыкавшем к северному побережью страны, и всегда оставались лояльны султану в Фесе. Гораздо менее покладисты были только что изгнанные мориски, среди которых особенно отличились, начиная с 1610 г., уже упоминавшиеся орначерос (мориски из Орначос), обосновавшиеся в г. Сале[20]. С 1600 г. их действиями на родине руководил уже не легальный консехо (совет), а «секретная хунта», установившая в 1608 г. прочную связь с Магрибом.

Орначерос решили не дожидаться официального указа о высылке их из Эстремадуры (в июле 1610 г.) и начали заранее перевозить в Магриб свое золото и имущество. Многие из них хоть и жили вдали от моря, будучи людьми предприимчивыми, давно уже сумели стать моряками и даже судовладельцами. С 9 декабря 1609 г. по 12 января 1610 г. они все покинули Испанию, захватив с собой женщин и детей. По некоторым данным, их было более 3 тыс. человек. В Орначос они оставили 1000–1200 домов и часть имущества, но эвакуацию провели вовремя, так как на востоке Испании уже началось тогда насильственное изгнание морисков. Орначерос избежали потерь при переезде, во-первых, не пользуясь испанскими и другими христианскими судами, во-вторых, высадившись в Сеуте и Тетуане, где проживало немало потомков мавров из Гранады и морисков, бежавших из Испании ранее, которые оказали орначерос достаточно дружественный прием, ибо всегда поддерживали с ними многообразные, в том числе торговые и денежные, связи. Многие орначерос на собственных судах прибыли прямо в Сале и Рабат — города в устье реки Бу-Регрег, единственные еще не захваченные испанцами или португальцами на побережье Атлантики. Сюда же позже перебрались из Тетуана и Сеуты прочие их земляки.

Зажиточные горожане Сале, преимущественно мавры и ранее прибывшие мориски (всех их историки именуют «андалусцами»), поначалу враждебно приняли новых пришельцев, в среде которых тон задавали чрезмерно энергичные, бесцеремонные и честолюбивые богачи-судовладельцы и негоцианты Хамид Тагарино, Бенито Карпинтеро, Бланко Волкасин, Хамид Серон, Али Галан и другие. Однако обстановка заставила почтенных купцов, улемов и рыбаков Сале пойти на компромисс с орначерос. На борьбу с испанской угрозой необходимо было мобилизовать все наличные силы, в том числе неуемную энергию, значительные капиталы и технические знания орначерос, уступавших «старым андалусцам» по численности (тех было около 10 тыс. чел.), но превосходивших их по боеспособности. Уже с апреля 1610 г. они включаются в боевые действия на море. Они же пополнили гарнизон Рабата, на другом берегу Бу-Регрега: к моменту их прибытия он состоял всего из 20 бойцов. К 1619 г. он имел под ружьем уже 400 бойцов, две трети которых были набраны из орначерос. Прочно закрепившись в Касбе (цитадели) Рабата, они содействовали заселению и самого города своими земляками и другими морисками, прибывшими после них и во всем действовавшими совместно с ними[21].

Используя прежние коммерческие и финансовые связи, орначерос установили контакты с Голландией, с помощью которой смогли неплохо вооружиться. В этом им помогли и османские корсары Алжира и Туниса, среди которых также было немало морисков. Использовали орначерос и помощь изгнанных из Испании иудеев-сефардов, занимавшихся по всему Средиземноморью и в Голландии не только торговлей, финансами и ювелирным искусством, но также производством и сбытом оружия (в некоторых городах Марокко и сейчас еще показывают кварталы, где ремесленники-сефарды делали ножи и другое холодное оружие). Наконец, орначерос привлекали к участию в своих морских экспедициях «ренегатов» из Испании, Франции, Италии, Англии, Голландии и других стран Европы. «Ренегаты» и примкнувшие к ним по разным причинам авантюристы и перебежчики даже основали своего рода пиратское сообщество в Аль-Маамуре (недалеко от Сале) под води-

тельством английского капитана Генри Мэйнуоринга, захватывавшего как испанские, так и британские корабли.

Мориски всюду в Магрибе (сначала — в Тунисе, потом в Марокко) с 1609 г. способствовали замене гребных судов на парусные, пригодные для океанского плавания. При этом алжирские корсары этому учились у голландского ренегата Симона Дансера (еще в 1606 г.), а тунисские — у англичанина Джона Уорда. В Марокко в роли учителей выступили орначерос. Среди них, как и вообще среди морисков, было много моряков и мастеров, умевших строить корабли. Это было время расцвета корсарства вообще и особенно в Средиземноморье, где с XV в. шла упорная борьба за гегемонию между Османской империей и католической Испанией. Корсарство здесь практически не прекращалось с древности, а в средние века лишь усовершенствовалось, постепенно меняя лидеров: викингов-норманнов, арабо-берберов Магриба и Сицилии, крестоносцев, каталонских и генуэзских пиратов, османских гази (борцов за веру), среди которых, помимо турок и морисков, было много исламизированных греков, славян, калабрийцев и особенно корсиканцев. Они достигли больших успехов в технике корсарства. Поэтому их помощь, а также содействие английских и прочих пиратов из Аль-Маамуры, способствовали быстрому превращению Сале в подлинное гнездо корсаров Магриба. Наряду с корсарством и всем, что с ним связано, горожане Сале вели с Европой и обычную торговлю, меняя золото, кожи и ткани на стройматериалы, табак, хлопок. Но это был для них как бы побочный промысел, тем более что ввиду плохой репутации Сале редко какой коммерсант-европеец отваживался вести здесь легальные операции. Пиратство было главным источником богатства и процветания города.

Орначерос, доминируя в Сале, хорошо ориентировались в политической обстановке того времени. Сначала они постепенно наращивали свое чисто военное могущество. «Всего год назад, — писал в 1617 г. один голландский капитан, — мавры Сале не имели кораблей. Теперь же у них в море четыре корабля. Они станут очень сильными, если против них не принять никаких мер». Накапливая силы, орначерос старались слушаться султана Марокко (отдавая ему 10% своей добычи) и не

конфликтовать с влиятельным на западе страны религиозным братством Дила берберского марабута (святого дервиша) аз-Зайяни (т. е. из племени зайян), прозванного аль-Айяши («жизнелюб»), а также — с британскими и голландскими корсарами, которые тоже нападали на Испанию. Но с 1622 г. орначерос стали действовать совершенно самостоятельно. Этому способствовало и их дипломатическое искусство: считая, как и местные мавры, поселившиеся здесь ранее, «варварами» берберов — коренных жителей Сале и его окрестностей, они все же сумели найти с ними общий язык, обучив их многим ремеслам и искусствам, а также способствуя их культурно-лингвистической арабизации.

Вместе с тем орначерос, конечно, не забывали свои интересы. Уже в 1625 г., когда они стали полностью господствовать и в управлении городом, и в пиратском промысле, Али Галан присвоил 18,5% всей суммы выкупа за захваченных в плен христиан, а Башель Касин, бывший в Орначос алькаидом, а в Сале ставший раисом (пиратским капитаном), взял себе 10% этой суммы.

Богатые орначерос финансировали строительство 30–60 пиратских кораблей ежегодно, поставляли пушки, другое вооружение и оснащение, продовольствие, набирали экипажи. Раисами (капитанами) обычно были они же или другие мусульмане-андалусцы, но встречались среди них также принявшие ислам англичане, испанцы, фламандцы или французы (особенно гугеноты из Лангедока). Лоцманами, арматурщиками, пушкарями, писарями, хирургами часто были европейцы. Экипажи также обычно набирались в основном из европейских «ренегатов», среди которых изредка попадались эфиопы, даже китайцы и американские индейцы (обычно — из числа бывших рабов-гребцов на отбитых у испанцев и англичан галерах). Группы бойцов, непосредственно захватывавших вражеские корабли при абордаже, составлялись из уроженцев Сале и окрестностей — арабов и берберов, но включались в них также опытные солдаты иного происхождения, в том числе мориски. Весь персонал корабля обычно состоял из 100–200 человек. Британский адмирал Рейнборо, посетивший Сале в 1637 г., насчитал в его гавани до 50 кораблей. Все они были легкие, ма-

невренные и хорошо управляемые независимо от их типа — бригантины (2 мачты, 12 пушек, 100 моряков), каравеллы (10 пушек и 150 моряков), шебеки (3 мачты, 24 пушки, 200 моряков). Большинство их были трофейные, но многие строились на верфях прямо у подножия башни Хасана в Рабате, некоторые — на верфях в Голландии. Основная часть пушек и пороха доставлялась контрабандой. Кроме них Рейнборо видел в Сале и другие 5 кораблей, одним из которых командовал «ренегат» с острова Майорка, а другим — «капитан Мухаммед Кантильо» (типичное для морисков в Магрибе сочетание мусульманского имени и испанской фамилии).

Начав с нападений на захваченные испанцами порты на атлантическом побережье Марокко, корсары Сале затем расширили зону своих операций до Кадиса на юге Испании, Канарских и Азорских островов, Мадейры и островов Зеленого мыса (эти португальские владения тогда входили в состав Испании). В 1622 г. они вместе с корсарами Алжира совершили свой первый поход в Ла-Манш, в 1625 г. — рейд к берегам Америки. Только в 1620–1623 гг. ими было захвачено до 1 тыс. кораблей различных государств. Впоследствии они доходили до Антильских островов, Бразилии и Аргентины. Первоначальные цели — отбить натиск испанцев и отомстить им за изгнание — с течением времени трансформировались в систематические операции по перехвату кораблей не только Испании и Англии (как противников Голландии — союзницы Сале), но и всех прочих стран, в том числе предпочитавших дружить с корсарами, например Франции и, чуть позже, той же Голландии. Объяснялось это исключительной прибыльностью пиратского промысла и постепенным его совершенствованием, которое само по себе толкало к расширению масштабов корсарства.

Корабли корсаров (обычно два-три) с большим запасом провианта и снаряжения дрейфовали с мая по сентябрь у берегов Испании и Португалии, а также — на путях между Европой и Америкой, выжидая подходящей жертвы (часто — под флагом того или иного, в зависимости от ситуации, государства). Пленников потом продавали: матроса за 30 ливров (по ценам 1653 г.), офицера — за 60, высшего офицера — в зависимости

от страны, ранга и знатности. Иногда пленников выкупали монашеские ордены. Через сеть посредников (сефардов, морисков в Европе, связанных с ними купцов Марселя и Ливорно), среди которых иногда были и консулы европейских государств, корсары сбывали в Европе (обычно за четверть цены) захваченные ими товары. 10% дохода от этой торговли краденым, как и от выкупов за пленников, получал город Сале, 45% — владельцы судов (орначерос и «старые андалусцы»), остальное получали раисы и экипажи, причем офицеры, лоцманы и хирурги (чей труд высоко ценился) — не менее 30%. В свою очередь, генуэзские купцы получали не менее 30% прибыли только от разницы курса одной и той же монеты в Европе и Магрибе при сделках с корсарами[22].

Самым знаменитым корсаром, своего рода «адмиралом Сале», был Мурад-раис, на самом деле — принявший ислам голландец Ян Янс из Гаарлема, начинавший карьеру под эгидой известного алжирского пирата Сулеймана-раиса. Обосновавшись в Сале с 1619 г., он постоянно поддерживал связь с «коллегами» в Алжире, совершив ряд совместных с ними экспедиций, в том числе к берегам родной Голландии. В 1631 г. он первым в Сале достиг Ирландии и разграбил ее побережье. Еще раньше, в 1627 г., он же с тремя каравеллами и с помощью лоцмана-датчанина совершил такой же опустошительный рейд к берегам Исландии, разгромив Рейкьявик. Попав в плен в 1640 г. к мальтийским рыцарям (также промышлявшим корсарством), Мурад-раис, однако, был позднее выкуплен и окончил жизнь на посту султанского губернатора Валидийи (в центре Марокко). С его именем также были связаны постоянные нападения пиратских эскадр из Сале на побережье Англии и английских владений в Америке. Из других раисов стоит отметить также Симона Дансера, много внесшего в тактику и технику корсарства во всех странах Магриба.

Некоторые раисы командовали кораблями, принадлежавшими непосредственно султану Марокко. Например, француз Э. Пумье, добравшись из Сале до Лиссабона, свидетельствовал, что лично видел в Сале четыре 16-пушечных корабля с двумястами матросами на каждом из них, которыми командо-

вали раисы Бен Айша, Эль Кортуби и их сыновья, но владельцем их был султан Мулай Рашид.

Густо заселенный орначерос, а также морисками из Сан-Лукаса, Кадиса, Льорены и некоторыми «старыми андалусцами» из Сале, Рабат с 1610 г. стал именоваться Новый Сале (Сля аль-Джадид). Практически оба города слились воедино, образовав в устье Бу-Регрега знаменитую на весь мир «пиратскую республику Сале». Поначалу она подчинялась султану, но с 1622 г. стала совершенно самостоятельной, успешно балансируя между бессильным султаном и марабутским братством Дила. Республикой управлял привычный для орначерос и именно ими созданный выборный совет (консехо), который здесь по-мусульмански называли «диван». Его возглавлял ежегодно переизбиравшийся каид (Микель де Эпалса утверждает, что орначерос называли его «великий адмирал», а каиды, избиравшиеся отдельно в Сале и Рабате, ему подчинялись). В 1627 г. они даже изгнали представителя султана и перестали выплачивать ему десятую часть своих доходов. Султан назначил было каидом Сале андалусца Адьиба, но орначерос прогнали и его. Некоторые «старые андалусцы», недовольные засильем орначерос, пытались протестовать, но смирились перед натиском своих более энергичных (а главное — умело разъединявших их ряды путем подкупа) и решительных соперников. Все 14 (по другим данным — 16) членов дивана так и набирались по-прежнему из орначерос. При них республика установила дипломатические отношения со многими странами и даже заключила в 1627 г. договор с Англией, направленный против Испании.

Блокада Сале в 1629 г. французским флотом по приказу кардинала Ришелье вновь обострила отношения орначерос с андалусцами, которые не хотели войны. Вооруженные стычки между двумя группами привели к соглашению 1630 г., по которому орначерос сохраняли контроль над Сале, а андалусцы получали половину (8 из 16) мест в «диване» и выбирали также своего каида (с резиденцией в касбе Рабата). С этого времени орначеро Серон и андалусец Касери, по данным источников, «правили вполне мирно» до 1636 г., когда англо-французская блокада (после атаки пиратов Сале на британский порт Плимут

и захвата в плен 200 англичан) вновь привела к перевороту в Сале. Преимущество опять перешло к морискам, но среди них уже не было господства орначерос. Выросло влияние и других родов морисков, в том числе переехавших в Сале из Голландии Мухаммеда Ванегаса и еще 36 семей. Под их влиянием участились случаи совместных операций корсаров Сале с английскими, французскими и голландскими пиратами. Но они нередко кончались провалом вследствие предательства отличавшихся наибольшим коварством английских пиратов (негласно поддерживавшихся правительством в Лондоне), либо грабивших своих «союзников», либо в трудных обстоятельствах выдававших их испанцам[23].

Поделив пополам с прочими андалусцами не только места в «диване», но также доходы от пиратства и таможни, орначерос пытались избавиться от давления и султана, и держав, и марабутов. С этой целью губернатор касбы Бен Абд аль-Кадир, каид Башир Брахим де Баргас и два секретаря — Мухаммед Бланко и Муса Сантьяго — вступили в 1631 г. в переговоры с герцогом Медина Сидония, «капитан-генералом Океана» в Испании, заявив ему о «великой любви к Испании, из которой они уходили, вздыхая о ней». Они предлагали заключить договор с Испанией, по которому передавали бы ей весь свой флот и крепость Сале «с 68 пушками и сотней солдат гарнизона», а также — всю свою переписку с королем Англии и бургомистром Амстердама (с которыми, кстати, в это же время также вели переговоры орначеро Лопес де Сапар и Махамет де Клавихо, мориск из Убеды). Взамен орначерос требовали возможности вернуться в Орначос и получить компенсацию за брошенное там имущество, право избирать муниципальных начальников «из своей нации», гарантии в течение 20 лет от преследований инквизицией тех, «кто родился в Берберии и не был воспитан в католической вере». Еще они требовали возврата «старых привилегий» XIII в., давно уже не соблюдавшихся испанскими королями, гарантии собственности и безопасности для себя и своих соплеменников в Тетуане и Алжире, которые тоже захотели бы вернуться.

Король Испании Филипп IV отправил проект договора на «утверждение» папе в Рим, где дело и заглохло. Но переговоры

продолжались и после. Лишь в 1636 г. герцог Медина Сидония доложил королю о перевороте в Сале и изгнании «тех, кто выказал готовность служить Вашему Величеству». Такие были и среди рядовых орначерос. Один из них, взятый испанцами в плен еще в 1619 г., «со слезами сказал, что он христианин и хотел бы умереть в Испании». Однако испанцы всякий раз были непримиримы, и вражда к ним корсаров Сале оставалась в целом неизменной.

С 1641 г. республика, запутавшись в маневрах и расчетах, попала под протекторат марабутов Дилы. Ей нужна была защита одновременно от нападавших с моря англичан и испанцев, а с суши — войск султана и окрестных племен, считавших морисков «христианами из Кастилии». Последние предпочли марабутов, чтобы доказать и свою приверженность исламу, и ненависть к иностранным иноверцам. Кроме того, марабуты, на деле не считаясь с султаном, поощряли корсарство, но — под своим контролем. Для этого они изгнали прежних хозяев (и орначерос, и морисков, и «старых андалусцев», которых с этого времени именуют просто андалусцами) из Касбы и ввели в нее берберский гарнизон. Андалусцы 20 лет терпели берберов, но в 1664 г. изгнали их и восстановили республику во главе с «новым каудильо» Гайланом. Владея 20 фрегатами, Гайлан придал новый стимул корсарству, одновременно установив интенсивные торговые связи с Марселем и содействуя развитию отношений марсельских банков с андалусцами других городов Марокко, в частности Тетуана. Однако в 1666 г. он был разбит султаном Мулаем Рашидом, который ввел в Касбу свои войска. С 1668 г. Сале был полностью подчинен власти султана, а выборный каид Мухаммед Забада — казнен как государственный преступник. Так закончились полвека существования «андалусской республики» Сале. После этого во главе Сале если иногда и оказывались андалусцы (например, Марино, Скердо, Пантоха), то лишь как назначаемые султаном и полностью от него зависимые губернаторы.

Великий султан Мулай Исмаил (1672–1727) поставил в касбе Рабата гарнизон из абидов (черных рабов султанской гвардии), а во главе касбы назначил своего каида-абида. Однако, лишив потомков мавров самостоятельности, он продолжал

поощрять корсарство. Только теперь пленников отвозили в глубь страны, в новую столицу — Мекнес, где иногда на 7 квадратных километрах подземного каземата скапливалось до 60 тыс. человек, а послы иностранных государств через специальные отверстия могли с ними переговариваться, чтобы узнать, кто был захвачен, и прикинуть, сколько за него придется заплатить. Что же касается орначерос, как и других морисков, да и «старых андалусцев», то, прекратив занятия пиратством к началу XIX в., они превратились в мирных негоциантов, ремесленников, рыбаков, интеллигентов. Лишь некоторые семейства из их среды до наших дней гордятся своим происхождением и поддерживают традиции городского патрициата. И только помпезные ворота Баб Мриса в Сале, ныне почти скрытые песчаными наносами обмелевшего Бу-Регрега, напоминают о битвах и страстях корсаров, когда-то бывших грозой всей Европы[24].

Мориски в Марокко, особенно известные 217 фамилий в XVI–XVII вв., много сделали для страны не только в Сале, Рабате или Тетуане (численность населения в котором не раз менялась, составив 20 тыс. чел. в 1516 г. и 10 тыс. чел. в 1614 г., что объяснялось, помимо потерь от нападений испанцев, также уходом жителей в более защищенный и экономически процветавший комплекс Рабат-Сале). Ими были выстроены новый квартал Аль-Айюн в Тетуане, новый квартал и мечеть Риф аль-Андалус в Шешаване. Впоследствии новые мечети были ими выстроены в Уаззане и других городах Северного Марокко. Что касается орначерос, то некоторые из них, пробираясь в Тетуан через Португалию, обычно оказывались в Марокко в Сеуте и Танжере — старых португальских «фронтейраш», где иногда закреплялись надолго с согласия инквизиции Лиссабона (португальцы, подчинявшиеся в 1581–1640 гг. Мадриду, были не прочь пофрондировать). Это не исключало случаев отдельных преследований и даже сожжений их на костре.

Мориски Тетуана и Шешавана одно время также задавали тон в Марокко. Среди них — Али Эрнандо, Абу Али и Муфаддал, когда-то перебравшиеся в Тетуан из Гранады, историк Дауд, писатель Сиди аль-Араби аль-Фаси (родившийся в Фесе, но живший в Тетуане). В Тетуане прославились как строители

Сиди Месбах, Сиди Абд аль-Кадир Таббин, гранадец аль-Джуаиди. Историк Эрхуни сообщает, что в Тетуане в XVI–XVII вв. поселились 78 семейств морисков, из которых 38 вскоре утратили «память об Аль-Андалусе». В Шешаване морисками был заселен целый квартал Риф аль-Андалус, но там, в отличие от Тетуана, среди заполнивших его «гранадинос» почти не встречались «кастильские» имена вроде Пас, Рекаина и т. п. Известны среди них были Хаттаби, Мулай Ибрахим, Саида аль-Хурра и другие.

Немалой заслугой морисков в Марокко является их деятельность по сохранению связей этой страны с Османской империей. Это было важно, учитывая, что османы не раз пытались включить Марокко в состав своего государства. Поэтому отношения с ними нередко были весьма натянутыми. В этих условиях мориски, действуя через своих собратьев в Алжире, Тунисе, Каире и Стамбуле, а также через сефардов, пользовавшихся доверием османов, сыграли важную роль в организации торговли Марокко «со всем мусульманским Средиземноморьем», в деятельности дипломатических миссий Марокко на Востоке, в заимствовании у османов «военной техники, художественного стиля, турецкого костюма и кухни»[25]. Они же, благодаря своему в целом высокому уровню культуры, довольно быстро интегрировались в аппарат власти султана, а ввиду «антихристианского политико-религиозного патриотизма», им присущего, образовали «специальные корпуса марокканской армии», аналогичные формированиям «ренегатов» и абидов. Разные авторы называют разные данные о численности этих корпусов — 1800 чел. в 1578 г., 14 тыс. чел. — в 1562–1563 гг., причем в среднем на них приходилась 1/5 всех расходов султана на армию, ибо они считались «элитными» бойцами. Армия султанов тогда воевала не только с османами, португальцами и испанцами, но также с мятежными племенами (особенно берберскими), не желавшими платить налоги, и — реже — с религиозными братствами марабутов, с XIV в. игравшими в Магрибе не столько духовную, сколько серьезную (иногда — решающую) социальную и политическую роль[26].

Османы были хорошо осведомлены о роли морисков в Марокко и надеялись их использовать в своих целях. В целом это

им не удалось. Однако в отдельных случаях сотрудничество имело место, в частности с морисками Тетуана, которые восстановили разрушенную испанцами крепость. Османы использовали ее для оказания помощи повстанцам Альпухарры в 1568–1570 гг. и для сбора имевшейся у местных жителей информации о военных мерах и намерениях Испании. В 1560 г. некоторые мориски, в частности «гранадино» Закариас, даже планировали «новое завоевание Испании» силами «мавров Берберии» с опорой на базы в Себте (Сеуте), Оране и Биджайе.

Ввиду столь разнообразных функций морисков (военных, морских, коммерческих, дипломатических, полицейских, культурных и др.) и их явного преобладания (обычно — вместе со «старыми андалусцами», с которыми они то соперничали, то объединялись) в городах они нередко оспаривали власть, особенно в сфере экономики и культуры, у представителей султана. Это было характерно прежде всего для жителей наиболее «андалусских» городов страны — обеих столиц Феса и Марракеша и наиболее важных морских крепостей Тетуана и Сале. При этом мориски и вообще потомки выходцев из Аль-Андалуса часто выступали единым блоком с сефардами и «ренегатами».

Для них довольно типичны были переезды из одной страны в другую. Так, капитан торгового флота Мусул-раис в 1623 г., а другой капитан Ибрахим-раис — в 1636 г. — прибыли в Сале из Туниса. Наоборот, аль-Хайяри Бехарано, выехавший из Марокко как дипломат, впоследствии осел в Тунисе. Наиболее известный в Марокко мориск, названный Шихаб ад-Дином («Сияющей звездой веры»), издатель, полиглот и переводчик многих старинных рукописей, оставил автобиографию — ценнейший источник о жизни, судьбах и убеждениях морисков на рубеже XVI–XVII вв. (он прибыл в Магриб еще до изгнания, в 1599 г.). После 12 лет службы при дворе султан назначил его «кадием андалусийцев», в качестве какового он объездил Европу и Восток, написал ряд книг религиозного содержания, совершил хадж в Мекку и перевел на арабский сочинения некоторых морисков в Тунисе, писавших лишь покастильски. Интересно, что им же был переведен с иврита труд известного в XV в. астронома-сефарда Абрахама Закуто,

умершего в Турции. Все его путешествия описаны в книге «Рихлят аш-Шихаб иля лика аль-ахбаб» («Путешествия Шихаба для встречи с друзьями»).

Всех морисков и андалусийцев, оставивших заметный след в истории Марокко, довольно трудно даже перечислить. Это — знаменитые врачи Юсуф аль-Хаким и Али Ибрахим аль-Андалуси, богослов Мухаммад аль-Гуазир, астроном Ахмед аль-Масьюб, коммерсант и моряк Абдаллах аль-Андалуси (аль-Касри), композитор Алляль аль-Батала. Отдельно стоит упомянуть семейство Ибн Суда (Сауда), давшего в нескольких поколениях известных администраторов, кадиев, писателей. Гайлан из Тетуана прославился в боях против испанцев и португальцев, паша Джаудар — экспедицией в Тумбукту. Гайлан также возвел укрепления Тетуана. А вот дипломат и знаменитый моряк с андалусскими корнями, адмирал из Сале Абд аль-Кадир Перес, которого цитировал даже Вольтер, умер при невыясненных обстоятельствах в Лондоне в 1738 г.[27]

Еще в XVI в. среди эмигрантов из Аль-Андалуса в Марокко возникло религиозно-реформаторское движение во главе с Мухаммедом аль-Андалуси, которое вынашивало реваншистские замыслы. Связанный с ними Абдаллах Дудар, полиглот и посол в Италии, прямо предлагал в Лондоне организовать захват совместными усилиями Англии, Голландии и Марокко испанских владений в Америке и на марокканской территории. Знавшие об этом испанцы внимательно следили за ходом событий в Марокко, постоянно в них вмешиваясь. Эпалса считает, что поражение весной 1609 г. Мулая аш-Шейха, поддерживаемого Испанией претендента на трон Марокко, от его брата Мулая Зидана, враждебного Мадриду, ускорило решение Филиппа III об изгнании морисков, принимавших участие в этой борьбе (их было до 8 тыс. чел. в армии Мулая Зидана). К тому же женой Мулая Зидана и матерью его сына Мулая Абу Абида была уроженка города Алькала де Энарес, покровительствовавшая морискам и принадлежавшая к их влиятельному клану[28].

Еще в XIX в. из 475 кланов Тетуана 75 называли себя «андалусскими», но постепенно мориски в Марокко ассимилировались уже на протяжении XVII–XVIII вв., прежде всего в

прибрежных городах, где этому способствовали многие факторы: множество иностранцев, культурный плюрализм, смешанные браки, благожелательное отношение властей, участие в военных действиях и торговых операциях совместно с коренными жителями, посещение таких общественных мест, как мечеть, баня, базар, цитадель (во многих городах и во многих случаях горожане Марокко вынуждались самой жизнью постоянно находиться в цитадели, ожидая либо нападения испанцев и других европейцев с моря, либо бедуинов с суши). Несколько позднее, уже вслед за интеграцией в местное общество, последовала культурно-лингвистическая ассимиляция, хотя следующие поколения морисков вплоть до настоящего времени сохранили во многих случаях имена и фамилии испанского происхождения (например, Дения, Кармона, Галан, Риос, Сапата, Диас, Баламину), сотни испанских или восходящих к испанским корням слов в лексике современных 13 арабских диалектов Марокко, сознание своей причастности к цивилизации Аль-Андалуса — своего рода «андалусизм» — и ностальгию по этой стране, именуемой во всем Магрибе не иначе как «альфирдаус аль-мафкуд» (потерянный рай). В марокканской поэзии и сейчас звучат имена певца Аль-Хаика из Тетуана XVIII в. и знаменитого альфаки Ибн Амра ар-Рибати из Рабата XIX в. Оба они — потомки выходцев из Аль-Андалуса, как и многие их соотечественники, зовущиеся Бланко, Родригес, Толедано, Варгас. Испанец Хиль Гримау и марокканец Мухаммед Разук в своих исследованиях собрали огромный материал об испанском влиянии на созданный морисками первый марокканский театр в Тетуане, а также о совместном созидании «андалусско-марокканской» культуры в сфере агрокультуры, ремесел, различных наук (включая богословие), языка, музыки, строительства, пошива одежды. Различные жанры музыки и пластических искусств Аль-Андалуса, считает М. Эпалса, «сопровождают жизнь марокканцев, как и вообще арабов Магриба и Востока»[29].

По мнению М. Разука, потомки мавров и морисков в Марокко все же долго сохраняли свою специфику и «особые обычаи», «гордились своими андалусскими корнями» и принадлежали к «высшим слоям марокканской общественной форма-

ции». И в наши дни значительную часть традиционной арабской элиты страны составляют «фаси» (т. е. фесцы) — потомки торговцев, ремесленников, интеллектуалов и людей искусства, вышедших из рядов прибывших в Фес и расселившихся потом всюду мавров и морисков.

Судьба морисков в Алжире сложилась несколько иначе. Всего сюда за два месяца в конце 1609 г. въехало (теоретически) около 116 тыс. морисков Валенсии, которым лишь частично удалось разместиться в зонах Тлемсена и Мостаганема, да и то первые 640 человек из них были просто вырезаны кочевниками и местными крестьянами. Однако в дальнейшем власти позаботились об их расселении как в этих, так и в других городах страны, где ранее уже селились эмигранты из Аль-Андалуса и где они стали, по выражению Насир ад-Дина Саидуни, «фактором экономического процветания и культурного развития»: в Бреске, Жижеле, Тенесе, Шершеле, Блиде и Кальколийе, не говоря уже об Арзеве, Аннабе и Биджайе. Любопытно, что среди прибывших в Тлемсен оказались два испанских христианина — Франсиско Мартинес, последовавший за своей возлюбленной, «гранадинкой», и Хуан Франсиско де ла Салле, разделявший верования морисков. В дальнейшем мориски расселились компактно также в пограничной с Марокко зоне Недромы и Марнии. Почти через 300 лет (в 1905 г.) здесь были найдены многочисленные документы адулов (мусульманских нотариусов) с подробным перечислением имущества и участков земли переехавших сюда «скуповатых мавров». А в одной из семей (Хамида Бельхада) даже хранился ключ от дома в Кордове, покинутого его предками[30]. И это — не единичный случай, а массовое явление. Автор этих строк встречал в алжирском университете в 1984 г. историка Анису Баракат, предки которой также в свое время покинули Кордову, и с тех пор в ее семье хранятся ключи от оставленного там дома[31].

В начале XVII в. только в городе Алжир было до 25 тыс. беглецов из Аль-Андалуса. Но это были потомки тагаринов XI–XII вв. из Арагона, Валенсии и Каталонии. Мориски, прибывшие позже, селились в основном за стенами города, и особенно в долине Митиджи и окрестностях городов Блида (Аль-Булайда) и Колеа (Аль-Кулайя). В 1517 г. братья Барбаросса,

пытаясь отбить у испанцев алжирский город Тенес, воспользовались помощью 500 морисков, прибывших из Арагона, Валенсии и Гранады. Все они стали солдатами турецкой армии, оплачивались как таковые и все были аркебузирами. Правители Алжира быстро оценили боевитость и подготовку морисков, еще несколько раз организовав бегство морисков в «Берберию»: в 1529 г. они ночью переправили туда более 200 морисков из графства Олива, а в 1582 г. — 2 тыс. семей морисков.

Мориски, вступавшие в армию, нередко достигали звания «булук-баши», т. е. капитана. Однако стать агой, т. е. главой янычар, мог выходец из смешанной «турецко-андалусской» семьи. Из таких семей обычно набиралась бюрократия и верхушка янычар Алжира. Многие мориски, став янычарами, меняли свои имена (например, Андрес Чинчон из Малаги в Алжире стал Хамидом Бен Али). Иногда их просто называли «Касем, мавр из Кордовы», «Энрикес, андалусский мавр», «Карпинтеро, андалусский мавр из Мурсии». Но многие сохраняли свои испанские имена по профессиям: «Пескадор» (рыбак), «Эрреро» (кузнец), «Меркадер» (торговец) и т. п.

В Блиде мавр Сиди Ахмад аль-Кебир еще в 1535 г. получил землю от Хайраддина Барбароссы и в 1540 г. расширил свои владения, женившись на дочери вождя местного племени Аулад Султан. Мавры выстроили здесь мечеть, бани, пекарни и превратили всю долину Митиджи в «главную зону расселения высланных из Аль-Андалуса». Мориски потрудились тут столь основательно, что проезжавший через Митиджу в 1719 г. монах Хименес насчитал «более тысячи домов, очень красивых, с черепичными крышами в испанском стиле, которые здесь традиционно строят изгнанные из Испании мориски». Они были окружены «садами с обилием фруктовых деревьев». Примерно то же о Блиде и о Колеа писал и другой путешественник XVIII в. англичанин Шоу[32].

Мориски восстановили Шершель, превратив его в базу корсаров, совершавших рейды на побережье Испании и Балеарских островов. Попытки испанцев и венецианцев подавить эту активность были малоудачны. При этом есть свидетельства, что мориски не только сражались, но также участвовали в строительстве и в ремонте кораблей на верфи Шершеля. Впро-

чем, постепенно военное значение Шершеля стало уменьшаться, среди кораблестроителей стали преобладать почти одни пленные христиане, а военно-морские силы стали в основном концентрироваться в городе Алжир, куда (а также в Константину и вообще подальше на восток) стали перебираться и мориски, большинство которых были людьми мирных профессий и хотели обрести покой после всех своих страданий. К тому же с 1610 г. отмечены первые попытки высланных в Алжир морисков вернуться обратно (в 1612 г. в Малаге было до 1,5 тыс. рабов, в основном морисков, схваченных при попытке вернуться в Испанию). В 1618 г. 24 мориска приехали «с большими деньгами и драгоценностями», потратив их в Мадриде, Оканье и Пастране просто так. Другие приезжали (причем — с приключениями, по дороге попадая то в рабство, то в тюрьму) по семейным обстоятельствам или из нежелания «служить туркам». Многие бежали из Алжира ввиду свирепствовавшей там чумы и нестабильной обстановки — нескончаемой борьбы за власть назначавшихся султаном пашей и претендентов на их место, постоянных нападений испанцев, французов, герцогов Тосканы, венецианцев, мстивших алжирским корсарам, непрерывных мятежей племен и религиозных братств (в Алжире более частых, долгих и разрушительных, чем в Марокко и Тунисе).

В 1613 г. французский капитан пытался вывезти из Алжира 400 морисков, о чем их предводитель Луис де Толедо договорился с губернатором Менорки. Тогда же в Трапани на Сицилии прибыл корабль с 11 морисками, бежавшими из Туниса в Марсель. Тем же путем еще в 1610 г. проследовали 4 молодых мориска, добравшиеся до Испании. Иногда пытались вернуться даже ставшие корсарами, но для них это кончалось плохо. Так Мигель Ласаро из Теруэля, избежав высылки, пробрался на Майорку, откуда бежал с несколькими рабами-морисками в Алжир, где стал раисом. Вернувшись в Испанию, пытался всех уверять в своей приверженности к христианству, но получил 100 ударов розог и 6 лет галер. Тем не менее, попытки возвращения не прекращались. Некий Кристобаль де Трухильо из Малаги, высланный в 1609 г., сменил много профессий (в основном садовника и виноградаря) в Алжире, Тунисе, Смирне

(Измире), Иерусалиме и Стамбуле. Вернувшись в 1657 г. в Алжир, он оттуда выехал в Испанию, где заявил, что всегда, де, оставался католиком и был приговорен всего лишь к покаянию и заключению в монастыре[33].

В этой связи нечего удивляться, что в Алжире оказалось морисков меньше, чем в соседних странах, и даже меньше, чем их было в первые годы после изгнания. Мориски в Магрибе были или становились **преимущественно горожанами** ввиду проявлявшейся к ним на первых порах враждебности крестьян и бедуинов Магриба, преобладания среди них в основном городских профессий, расселения их предшественников, пришедших из Аль-Андалуса, главным образом в городах. Удельный вес горожан был наиболее высок в Тунисе (20%) и гораздо ниже в Алжире (5%). Поэтому мориски стремились из Алжира в Тунис. Но Марокко, где горожан было столь же мало, как в Алжире, они все же осваивали охотнее, так как там среди жителей городов доля пришельцев из Аль-Андалуса была всегда выше, чем где бы то ни было, и позиции их были давние (со времен завоеваний Абд ар-Рахмана ан-Насира в X в.) и наиболее прочные, не говоря уже о географической близости к Иберийскому полуострову[34].

Из Алжира многие мориски, часто не находя себе здесь места, отправлялись либо в соседние страны, либо еще дальше, в Александрию, Каир, Стамбул и даже в Салоники, где оказалось до 2 тыс. (по другим данным, возможно — более позднего времени, всего лишь 500) морисков. В самом же Алжире только в столице количество морисков уменьшилось с 25 тыс. до 6 тыс. человек примерно за столетие. Что объяснялось «удивительной мобильностью» морисков, их «охотой к перемене мест». В начале XVIII в. из 300 семейств алжирской знати всего несколько могли претендовать на происхождение от иберомусульман, а из 1800 самых богатых людей страны к морискам относились не более 70 человек. И это вопреки тому, что после стабилизации власти в стране в 1672 г. роль морисков усилилась и они заняли более важное место в армии и административном аппарате[35]. Среди них было немало таких известных в Алжире людей, как богатый торговец Сиди Али Морено, слепой поэт Ибрахим Больфад, инженер Хамиро аль-Андалуси

аль-Гарнати, работавший над совершенствованием столичного порта, а затем — выстроивший форт Гар аль-Мельх (Порто Фарино) в Тунисе. В Алжире больше всего морисков в разное время насчитывалось в Арзеве, Мостаганеме, Тлемсене, Шершеле. Они были связаны с морисками Марселя и Тулона, некоторые из которых (Мигель Алами, Педро Кортес де Алакас) всерьез планировали «разрушить» Испанию с помощью «французов и турко-османов». Кроме того, ряд морисков тайно возвращались на родину через Неаполь, Рим, Марсель и Тулон.

Нигде в Магрибе мориски (как и мавры) не обладали властью, которая находилась либо в руках феодалов и марабутов, как в Марокко, либо у османов (в лице присылавшихся из Стамбула янычар) и «ренегатов», доминировавших среди раисов Алжира. Власть янычар во главе с агой в 1659–1671 гг. была на деле сильнее формальной власти султанского паши. Однако свержение и казнь последнего аги выдвинули на первый план таифу (корпорацию) раисов, которые стали выбирать на пост главы дивана (совета) «оджака» (янычарской милиции) одного из своих, обычно — богатейшего из судовладельцев или старейшего из капитанов. Этот правитель стал называться дей (от турецкого «даи», т. е. дядя с материнской стороны). С 1689 г., однако, верхушка «оджака» вернула себе право выбирать дея «в зависимости от обстоятельств», т. е. с учетом влияния и раисов, и янычар.

Рост влияния раисов был вызван расширением масштабов и совершенствованием техники корсарства, перешедшего, по словам Жана Монлау, от «стадии ремесла к стадии индустриальной», потребовавшей более тесных связей с банками Ливорно, Марселя, Лондона и Амстердама, налаженных морисками. Закупки вооружения и снаряжения в Европе, строительство новых кораблей, обучение кадров, оплата кораблей, выстроенных голландцами или французами, требовали больших расходов. Мориски, которые в Алжире (в отличие от Марокко) редко были раисами, тем не менее сделали много как спонсоры корсарства, кораблестроители, поставщики различного вооружения, снаряжения и оборудования. Недаром в Шершеле — главном центре кораблестроения и подготовки рейдов корсаров — мориски владели 12 тыс. домов. Вместе с тем они были

частью «класса хадри», т. е. культурных горожан, и занимали среди них ведущее место «в религиозных учреждениях, системе образования и различных ремеслах». Под их влиянием алжирские корсары, прежде действовавшие в пространстве от венецианского Крита до португальского Алгарви, вышли вместе с «коллегами» из Сале в Атлантику и стали там проводить рейды вплоть до Бразилии[36].

Больше всего материалов имеется о жизни морисков Туниса[37]. Здесь мавры из Аль-Андалуса с середины XIII в. были широко представлены во всех профессиях и слоях населения, а главой коммерсантов столицы уже в середине XV в. был «уважаемый негоциант Абу-ль-Касим аль-Гарнати аль-Андалуси». С конца XV в. в Тунис непрерывно прибывали все новые группы мудехаров, потом — морисков, из Испании и Сицилии, выстроившие новые кварталы в Кайруане, Сусе, Сфаксе, Габесе и Нафте, а также столичные предместья Зукак аль-Андалус и Баб ас-Суваика. Впоследствии этнографы обнаружили 57 андалусийских семейств в Ариане и Картаджинне (Карфагене) и 66 — в Манубе (все три — пригороды столицы). В дальнейшем было установлено, что полностью или преимущественно морисками были заселены еще 23 (по другим данным — 28) пунктов на мысе Бон, в долине реки Меджерды и на побережье в районе Бизерты.

Приблизительно в Тунисе поселились 80 тыс. морисков, но некоторые авторы утверждают, что они все якобы сгрудились в столице страны. На самом деле в столице осело до 40 тыс. морисков, из которых 7 тыс. человек регулярно участвовали в обороне города (от пиратов Европы, деев Алжира, бедуинов и др.). А остальные 40 тыс. морисков — это те, кто тогда же основал такие города, как Джедейда, Громбалийя, Загуан, Меджез аль-Баб, Тебурбу и, наконец, Тестур[38]. Последнему посвящена обильная арабская, испанская и французская литература как наиболее типичному «творению морисков» в Тунисе, хотя известно, что город был выстроен на руинах древнеримского селения Тишила тагаринами, которые, приехав из Арагона, еще долго, более полутора веков, говорили по-кастильски и даже придерживались многих испанских обычаев, в частности — проводили корриду[39]. Очевидно, они лишь **заложили** город,

выстроенный в 1609 г. при активном участии уже морисков, покинувших до этого Хруфу, где бейская власть взимала с них чрезмерно высокие налоги, и перешедших под покровительство марабутов. В Тестуре вплоть до наших дней сохранились типично андалусские дома с черепичными цветными крышами, высокими колоннами и антресолями, с окнами, выходящими на внутренний дворик, посреди которого, померанцевое дерево — «символ рафинированного вкуса». Жители города уже не говорят по-испански, не проводят корриды и праздники, вывезенные в свое время из Испании, но сохранили «некоторые испанские обычаи и традиции, особенно в занятиях искусством». В городе жили известные богословы Али аль-Кунди (XVIII в.) и Ибрахим Рияхи (XIX в.). Он всегда славился интенсивной культурной и религиозной жизнью, связанной с суфийским братством Айсавийя. Мориски привнесли сюда культуру выращивания гранатов и абрикосов, урожаями которых Тестур известен по всему Магрибу[40].

В плане архитектуры Тестур — это уникальный памятник мавританского зодчества. Его мечети, купола, порталы, мавзолеи марабутов, узорчатые решетки и полы, галереи, декоративная кирпичная кладка — постоянные сюжеты туристических проспектов, серьезных монографий и искусствоведческих исследований, начало которым положил еще в первой трети XVIII в. Жан-Андре Пейсоннель, писавший в 1725 г., что, оказавшись в Тестуре, он «почувствовал себя мгновенно перенесенным в Испанию», о которой напоминали площади, «выстроенные по-европейски дома», «улицы, покрытые круглым кирпичом как в Провансе». Томас Шоу спустя 13 лет увидел Тестур — «прекрасный цветущий город мавров Андалусии». В том же XVIII в. одним из посетивших Тестур иностранцев было сказано: «Я встретил здесь женщин и детей, прекрасно говоривших по-испански». «И если наиболее образованные из них, — писал уже в XX в. Жорж Марсэ, — хотели прославить ислам обличительной сатирой на инквизицию, они это делали в выразительных кастильских стихах». Позже монах-тринитарий Франсиско Хименес записал в своем дневнике (опубликованном в 1934 г. в Тетуане): «Изгнанные Филиппом III из Испании мориски облагородили это королевство более чем двадцатью

выстроенными ими городами, из которых самые большие — Тестур, Солиман, Таборба и Матар, а также — расширили другие города и селения, уже существовавшие»[41]. Только Великой мечети города как образцу испано-мавританской архитектуры и даже ее деталям, их сопоставлению с работами зодчих Арагона посвящены работы Ж. Марсэ, М. Лилло, С. Фрейсин, А. С. Матео, К. И. Альварес Допико[42].

Каждый из выстроенных морисками городов Туниса интересен по-своему. Автору этих строк довелось несколько раз посетить Загуан (от кастильского «сагуан» — сени, передняя) и восхищаться мозаичными панно, изысканным кружевом «машарабийя» (цветных решеток различных форм) на окнах, дверях и воротах уцелевших старых домов с красной и зеленой черепицей, покрывающей многоскатные крыши, надвратные арки, верхнюю часть стен и оград. Конечно, большинство старых домов в этом городе, выстроенном морисками в 1609 г. на руинах еще финикийского селения Зикка, не сохранилось. Но часть их осталась, некоторые другие включают фрагменты старой стройки, иногда — заново отреставрированные. От эпохи морисков XVII в. в Загуане — красивые фонтаны, сорт абрикоса «шаши» (в Испании его называют «первенец Мурсии»), производство меда, замечательные мельницы, которыми восхищался в XVIII в. француз Дефонтэн и которые подробно описал уже в XX в. историк Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб (сам — потомок эмигрантов из Аль-Андалуса), сравнивший их с творениями мастеров Кордовы X–XI вв. Со времен первых приехавших сюда морисков Загуан славится кристальной чистотой местной воды, техникой окраски шеший — плоских круглых фесок, известных всему арабо-исламскому миру. Ныне этот город известен также выстроенным в мавританском стиле комплексом зданий из белого камня с куполами различной формы и орнаментальными узорами на дверях и ставнях, напоминающими Куэнку, Малагу или Севилью. Это — научный центр по изучению истории османов и морисков, периодически созывающий международные симпозиумы и коллоквиумы[43].

Историк Наджи Джеллул, описавший береговые укрепления османов в Тунисе, особо отметил роль мориска Ибрахима

ибн Ганима аль-Марбаса, написавшего трактат об артиллерии, «инструктировавший всех пушкарей Османской империи» и «муджахидов, следующих путем Аллаха». Аль-Марбас долго служил во флоте Испании и не раз бывал в Америке, потом бежал в Тунис, штурмуя Малагу, попал в плен на 7 лет, а по возвращении в Тунис стал каидом Ла-Гулетты. Труды свои писал по-испански, т. е. «на языке неарабов, известном всем на земле Аль-Андалуса». Военным делом мориски в Тунисе занялись не по доброй воле: кроме англичан, испанцев, генуэзцев и прочих внешних врагов, внутри страны (как и в соседнем Алжире) без конца воевали друг с другом различные политические группировки, опиравшиеся на присылавшихся из Стамбула янычар, прибывавших из Египта мамлюков, «ренегатов», именовавшихся здесь «мевлед-руми» (урожденные христиане), племена бедуинов, но, главное, на раисов, за которыми стояла разношерстная и на все готовая корсарская мафия. Одних лишь деев, возглавлявших янычарскую милицию, за XVII в. сменилось в Тунисе 24. Но власть у них рвали местные беи и назначавшиеся султаном паши. Тем не менее, всем им приходилось создавать «военную инфраструктуру, способную обеспечить порядок и безопасность внутри страны, а также — борьбу с христианским корсарством», что все правители, начиная с дея Кара Усмана (1594–1610), и делали, выдвигая на первый план морисков, горевших жаждой мести испанцам и христианам вообще. Они чаще других групп местных жителей становились солдатами и моряками, даже соглашались (как и в Алжире) идти в янычары ради борьбы с «неверными». Но были у них и другие соображения — покончить с ослаблявшей мусульман анархией горцев и кочевников[44], а также со все возраставшей с XVI в. и грозившей Тунису экономическим удушением экспансией европейского корсарства[45]. Невольничьи рынки тогда процветали не только в странах Магриба, но также на Мальте, Сицилии и в Марселе. Некоторые европейские державы, поддерживая хорошие отношения со Стамбулом, тайно поощряли корсарство с целью «помешать туркам загружать их суда своими товарами и держать их в зависимости от нас»[46].

Любопытно, что мориски, играя важную роль в военном деле и строительстве крепостей, не меньшую роль тогда играли

и в торговле с Генуей, Венецией, Ливорно и Провансом, и в судостроении, и в ремонте поврежденных кораблей. Именно они распространили по всему Магрибу производство и использование аркебузов, оснастили флот Туниса каравеллами. И они же способствовали «духу согласия» среди янычар, хотя Стамбул, по свидетельству автора 1625 г., старался «сплавить в Берберию… преступников, насильников, воров, убийц, жуликов и проходимцев». Налаживая отношения с ними и еще более многочисленными «ренегатами», мориски заботились о боеспособности армии и флота, наладили береговую охрану, служили канонирами в портах, часто формировали экипажи боевых кораблей (нередко строившихся на их деньги) полностью из своей среды. Они во многом способствовали успехам флота Туниса, разорившего в 1619 г. города Сицилии и Фландрии, дважды (в 1636 г. и 1638 г.) опустошавшего Калабрию. В 1639–1656 гг. тунисцы помогали османам в борьбе против Венеции, несколько раз штурмуя Мессину, Неаполь, Флоренцию и другие пункты Тосканы. В 1645 г. и 1647 г. флоты Туниса и Алжира сражались против венецианцев в Дарданеллах, а в 1650–1656 гг. не раз грабили берега Англии и Голландии. Только в 1613–1621 гг. флот Туниса захватил 447 голландских, 120 испанских, 60 английских, 56 германских и ганзейских судов, не считая сожженных и затопленных, а также — многочисленных жертв среди матросов Австрии, Венеции, Генуи, Испании, Неаполя, Ливорно, Португалии, Сардинии, папского Рима[47].

Морисками была сооружена крупнейшая военно-морская база и арсенал в Гар аль-Мельхе в Тунисе. Отсюда вышло немало военных инженеров-морисков, возводивших фортификации и в Тунисе, и в Алжире. Не ограничиваясь военной деятельностью, они внесли также большой вклад в гражданское строительство новых кварталов и улиц в городах Тунис, Махдия, Монастир, возродив Келибийю и расширив Бизерту за счет нового предместья Рбат аль-Андалус. Деи Туниса очень ценили инженеров-морисков и целыми семьями вывозили их из Алжира. Наиболее известны из них были Уста Муса аль-Андалуси и его сыновья Али и Ибрахим.

Конечно, как и в других странах, в Тунисе также шел процесс ассимиляции морисков. Но здесь он протекал более медленно. Например, в г. Солиман в XVIII в. из 900 семей треть считали себя «андалусскими маврами». И здесь, и в других городах это был не просто факт коллективного самосознания, но чувство некой социальной общности, сплоченной многими традициями культуры, происхождения, совместной деятельности и, как считает Федерико Кресты (доцент университета Сиены), «артистической тонкости», близкой к эстетике итальянских мастеров художественных ремесел[48].

Исторической заслугой морисков явилось прежде всего продолжение в Магрибе богатых традиций цивилизации Аль-Андалуса не только в зодчестве, но и в различных сферах искусства, а также в области ремесел и сельского хозяйства[49]. Здесь им удалось, в отличие от Испании, занять положение «среднего класса», особенно там, где для его формирования были благоприятные условия. Например, в Тунисе их занятиями стали коммерция всех видов, в том числе с Европой, финансы, ростовщичество, всякого рода посредничество (в том числе служба в качестве переводчиков при иностранных представителях), служба в администрации и на таможне, мореплавание, врачевание.

Встречались также среди них крупные землевладельцы, подобные Мустафе Карденасу (Карданишу Бен Абд аль-Азизу), использовавшему в своих поместьях труд рабов-христиан и занимавшему в 1622–1654 гг. пост «шейха андалусцев», т. е. главы общины морисков в Тунисе. Он, как и многие другие богатые мориски, занимался производством керамики, пользующейся мировой известностью вплоть до наших дней, промышлял работорговлей, представлявшей в эпоху расцвета корсарства важный источник прибыли, торговал также сахаром, кораблями, зерном, а перебравшись впоследствии (после конфликта с властями Туниса) в Бон (ныне — Аннаба), прославился насаждением оливок на востоке Алжира (в Тунисе у него были в собственности 30 тыс. оливковых деревьев, но в Алжире он их посадил еще больше). Играя важную роль в политике, он был также связан многочисленными контрактами с купцами Генуи, Марселя, Триполи, сефардами Италии. Консу-

лы Франции в Тунисе заключили с ним за 30 лет 38 сделок, из них 27 — по выкупу из рабства пленных французов. Обычно у него у самого всегда было не менее 300 рабов.

Его сын Сиди аш-Шариф, унаследовав лишь часть богатства (и способностей) отца, тоже занимался работорговлей, но с меньшим размахом. Известны были также и другие крупные торговцы, фабриканты, политические и религиозные деятели среди морисков Туниса (Луис Сапата, Али Эль Сордо, Абу аль-Гайт аль-Кашиани и др.). Наиболее подробно их описал Микель де Эпалса, изучивший 246 касающихся их документов консульства Франции в Тунисе[50].

О влиянии мориско-андалусцев в Тунисе косвенно свидетельствует сохранение должности «шейха андалусцев» вплоть до 1886 г. Причем ее, как правило, занимали богатые предприниматели. Упадок экономики и обезлюдение мориско-андалусских селений к середине XIX в. были следствием общего упадка Туниса к тому времени. Джон Лэтэм вместе с тем отмечает сохранение всего богатства архитектурных сооружений и культурных традиций выходцев из Аль-Андалуса, «последним слоем» которых он именует морисков. Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб указывает на рост городского и сельского населения Северного Туниса благодаря притоку морисков, на их вклад в экономическое развитие (введение новых агрокультур, строительство каналов, дорог и мостов), но особенно — возрождение «вкуса к искусствам, учебе и наукам». Другой видный тунисский историк и искусствовед (и также потомок эмигрантов из Аль-Андалуса) Слиман-Мустафа Збис даже считает, что в Тунис в целом прибыли «сотни тысяч» морисков (очевидно, включая в их число и более ранних эмигрантов из Аль-Андалуса), которые «придали тунисской экономике динамизм, которого она ранее не знала», а также оказали влияние на «кулинарию, одежду и жилище» тунисцев[51]. Очевидно, в Тунисе больше всего и потомков морисков. Именно там и сегодня часто встречаются фамилии Кристу, Шику (от испанского «чико»), Миришку («мориск»), Бальма («пальма») и такие сочетания арабского имени и иберийской фамилии, как Али Катализа, Мухаммад Санчо, Абу Бакир Марко, Бешир де Лос Рийос, Мустафа Алькунди (Эль Конде, т. е. «граф» по-испански), Ах-

мед Эль Джурджи. Некоторые испанские фамилии «тюркизировались», получив суффикс «ли»: Хендили (от деревни Хендин близ Гранады). Другие тоже видоизменялись: Хаканти (от Аликанте), Дани (от Дения), Хемиси (от квартала Аль-Хемиси в Валенсии), Уишка (от Уэска), Карабака (от Каравака в регионе Мурсии). Набила Збис называет 102 таких фамилии.

Во всех отраслях хозяйства и знания мориски выступали как прямые продолжатели предшествующих волн эмиграции из Аль-Андалуса, о чем достаточно убедительно свидетельствуют исследования Жоржа Марсэ, Оливера Асина, Хуана Пенеллы, Жака Рево, Мухаммеда аль-Аннаби и других авторов. И хотя сведения о морисках в разных странах Магриба не одинаковы, известно, что, например, в Алжире главными занятиями наиболее известных морисков, как и в Марокко и Тунисе, были коммерция, корсарство, служба в армии, работорговля, домовладение и землевладение. При этом исключительная активность морисков в Алжире даже привела историков к взгляду на них как на «представителей современного капитализма», обладавших экономическим и социальным поведением буржуазного класса, до той поры в Магрибе не существовавшего. Это — явное преувеличение, но его следует принять во внимание как еще одно косвенное свидетельство приобщенности морисков к более передовым методам хозяйствования и более европеизированной культуре.

Есть информация о большом размахе градостроительства, возведения крепостей, дворцов, мечетей, фонтанов, акведуков, морских портов и военных укреплений архитекторами-морисками во всех странах Магриба, особенно в Алжире и Марокко. При этом европейцы с удивлением отмечали сильное влияние на строителей-морисков принципов архитектуры европейского Возрождения. Парадоксальным образом мориски, много сделавшие для развития корсарства в Средиземном море и обострения отношений с Европой, особенно с Испанией, но также с Англией, одновременно содействовали укреплению торговых связей с Голландией, Францией и рядом итальянских государств. В частности, мрамор и керамика из Неаполя и Ливорно ввозились для строившихся морисками дворцов и в Тунисе, и в Алжире, и в Марокко[52].

Французские, тунисские и испанские историки установили прямую преемственность архитектуры мудехаров Арагона и выстроенных морисками зданий в Тозёре, Тестуре, Солимане, селениях долины реки Меджерды и других городах Туниса, включая его столицу. Особенно детально Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб, Микель де Эпалса и Слиман-Мустафа Збис описали Великую мечеть Тестура и дворец Мустафы Карденаса, главы общины мавров и морисков Туниса, выстроенный им в Громбалии. В этих зданиях, как во многих других произведениях архитекторов-морисков, знатоки легко обнаруживают «изящество и элегантность зодчих Аль-Андалуса»: заостренные своды, перекрещивающиеся арки, контрфорсы, лепные украшения, резьбу по дереву и гипсу, круглый кирпич и другие характерные элементы андалусского декора.

Вклад морисков в развитие Туниса, как и всего Магриба также важен в плане нравов, психологии повседневной жизни, техники и методов работы. Не имея возможности полностью самореализоваться в Испании, они получили ее в Магрибе, особенно в Тунисе, где «их включение в экономическую жизнь происходило легко». Но, очевидно, того же нельзя сказать полностью о жизни социальной. Они старались держаться вместе, имели свои школы и мечети, кварталы и поселки, долгое время не смешиваясь с остальными магрибинцами, даже с давно освоившимися в Магрибе выходцами из Аль-Андалуса, так как некоторое время многие из них (особенно мориски из Арагона и центральной Кастилии, забывшие арабский язык) говорили по-кастильски и по-каталански. Среди плативших «меджбу» (основной налог) в Тестуре в 1860 г. значатся 59 «андалусцев», среди 178 таких же жителей Загуана — 25 «андалусцев». К ним же относились 21 из 407 самых известных тунисцев XIX в. В некоторых городах их общины сохранялись до конца XIX в., составляя от 14 до 34% жителей. Эта замкнутость, препятствуя их «магрибизации», в то же время помогла им сохранить свои культурные и иные традиции, навыки и технику производства, в том числе в выделке шелка в Шершеле и Колеа, в ковроделии в Тлемсене и Кайруане. Коллективное сознание всех потомков эмигрантов из Аль-Андалуса, сохранившееся до наших дней, свидетельствует о понимании (иногда даже о преувеличении)

ими как значения цивилизации Аль-Андалуса, так и собственной роли ее наследников и продолжателей мавританских традиций на африканской земле[53].

Несомненны заслуги морисков в деле модернизации и даже (в определенной мере) «вестернизации» Магриба, особенно Туниса. Известно, например, что Жан-Андре Пейсоннель, врач из Марселя, ездивший в Магриб в 1724–1725 гг., был «очарован жившими там маврами», в том числе окружавшими бея Узана, среди которых выделялся «влиятельный андалусский министр Сиди Махмуд». Пейсоннель буквально таял от «их любезности» и «чистоты испанского языка», дивился Тестуру, где мавританки были с ним приветливы, где все гордились тем, что они — «гранадинос» и свой город постарались сделать похожим на Гранаду, дать его улицам и площадям те же названия, что были в Гранаде. Все европейские путешественники отмечали привилегированное положение мавров и морисков в Тунисе, нередко освобождавшихся от налогов, за что их не любили все прочие тунисцы, особенно бедуины. Неудивительно, что некоторые наблюдатели, в частности Томас Шоу, считали мавров из-за их особой утонченности и более высокого уровня культуры «представителями европейской цивилизации в Магрибе». А некий аббат Рейналь в 1788 г. счел, что «бедный и варварский» Алжир смог измениться «благодаря четырем или пяти сотням тысяч арабов, изгнанных из Испании в 1610 г., которые привнесли сюда свое искусство, свою энергию, свои капиталы и просвещенность»[54]. Заслуга этих изгнанников должна быть оценена еще выше, если исходить не из явно преувеличенных цифр аббата, а из данных серьезных историков[55].

Мавров и морисков, сыгравших заметную роль в жизни Туниса, трудно даже перечислить. После устранения Карденаса значение должности «шейха андалусцев» несколько упало. Этот пост занял в конце XVII в. Сиди Хамет, оказавшийся, однако, в 1697 г. несостоятельным должником марсельских купцов. После этого пост стал чисто почетным, но сохранялся до 1886 г. В XVIII в. его почти монополизировал клан Хаддадов, разбогатевший на торговле шешиями. Последним «шейхом» был малоприметный Мустафа Шалаби. Однако стоит упомянуть все же тех, кто был заметен в истории страны, например

ханифитского муфтия Абу-ль-Аббаса аш-Шарифа аль-Андалуси, учившегося в Сараево и одинаково авторитетного и для мавров, и маликитов (т. е. большинства мусульман Магриба), и для ханифитов (т. е. турок). Оставив труды на испанском и арабском языках (он умер в 1650 г.), он дал, как пишет Эпалса, «интересный пример восприятия мориском новой культуры — арабской и турецкой, не теряя при этом своей глубоко испанской индивидуальности». Абу-ль-Хасан ан-Нави (потомок Ибн Сарраджей, большинство которых поменяли в Тунисе свою фамилию на аль-Вазир), занимавший среди мавров пост накыб аль-ашрафа (что-то вроде «предводителя дворянства»), основал в 1626 г. медресе Андалусийя. Оста Али (переехавший в Тунис раис из Алжира) торговал с Венецией и Францией, ловко меняя французских пленников на мавров, томившихся на французских галерах. В 1661 г. он выкупил раба-итальянца у мальтийского «ренегата» — янычара и обменял его на триполитанского мавра, бывшего рабом в Неаполе[56].

Не забыты в Тунисе и архитекторы-мориски: Ибн Галиб аль-Андалуси, Сулейман ан-Нигро, выходцы из рода Бланко. Именно они ввели в столице Туниса грациозный «андалусский стиль» и в светском, и религиозном зодчестве. Ими и их учениками выстроены кварталы Бига (от «Вега» — долина по-испански) — зона садов у стен города — и Муркад (от «Меркадо» — рынок), Баб аль-Джазира с мавзолеем святого марабута Сиди Али аль-Андалуси и Баб аль-Хадра с андалусским кладбищем. Частично при их участии заселялись и достраивались зоны Мануба и аль-Харайрийя с поселками «на испанский манер». С.-М. Збис считает, что с тех пор элегантность в одежде, гастрономические вкусы и шик морисков стали господствовать среди горожан Туниса[57].

Основная часть морисков осела в Магрибе и связала свою судьбу с ним. Но были и другие группы, либо не оставившие такого следа в истории, либо недостаточно изученные к настоящему времени. В частности, известно, что мавры Аль-Андалуса с X в. селились на побережье современной Ливии, где основали ряд городов (см. главу I). Известно также, что туда же (т. е. в эйялет Западное Триполи после его захвата османами в 1551 г.) прибыло много морисков, не нашедших себе

места в Алжире и Тунисе. И они, судя по всему, занимались тем же самым, но в меньших масштабах: в начале XVII в., например, корсары Триполи, среди которых были мориски, имели всего 2 корабля против 75 у их собратьев в Алжире и свыше 30 — в Сале[58]. О меньшем удельном весе и численности, и влиянии морисков в Триполи косвенно свидетельствуют еще большая неустойчивость власти и еще большая мятежность янычар и племен, чем в Алжире и Тунисе, где мориски все же были, во-первых, опорой авторитета османского султана, а во-вторых, социальной группой, больше всех заинтересованной в сплочении мусульман перед «католической угрозой»[59].

Серьезное исследование эмиграции из Аль-Андалуса в Египет начато лишь недавно Абд ар-Рахманом Абдурахимом в каирском университете Аль-Азхар. Он изучил документы шариатского суда (махкамы) в Александрии, где прежде всего оседали прибывавшие в страну мавры и мориски. Процесс изучения еще продолжается, но уже сейчас из докладов А. Абдурахима на международных симпозиумах морискологов выясняется, что эмигранты из Аль-Андалуса жили в Египте не только в Александрии, но также в Каире, Суэце, Дамиетте, Мансуре Асьюте, Розетте. Их деятельность в стране была широкомасштабна и разнообразна, охватывая коммерческие сделки, договоры о найме на работу, приобретение собственности, брачные контракты, разводы, свидетельства о профессиональной подготовке в разных сферах. При этом во всех документах выходцы из Аль-Андалуса никогда не забывали указывать свою принадлежность к этой стране и подчеркивали ее в своих именах[60]. Документы дают представление об «активности андалусцев в Египте и о влиянии ее на египетское общество». Абдурахим подчеркивает обилие всех этих материалов и «невозможность дать краткое представление о них только в одном докладе», одновременно призывая морискологов изучать эти документы «в разных городах и местах», рассказывающие о «маврах, многие из которых остались в Египте», приняв участие в его экономическом, социальном и культурном развитии[61].

Профессор университета Александрии Салах Ахмад аль-Хариди дополняет сведения Абдурахима обильной информа-

цией о связях жителей Аль-Андалуса именно с городом Александрия по религиозной линии, начиная с IX в., о роли магрибинцев и переселившихся в Магриб мавров в этих связях, постепенно трансформировавшихся в каналы воздействия на экономическую, социальную и политическую жизнь Египта через участие мавров, а затем и морисков в торговых и финансовых предприятиях, развитии ремесел и первых промышленных предприятий, в производстве изделий из золота и серебра, кожи , различных металлов. Заметны они были также в сельском хозяйстве, особенно в скотоводстве, выращивании зерна и оливок, садоводстве, выделке шерсти и т. п. Многие из них были заняты в сфере услуг, став портными, владельцами бань, менялами, посредниками всякого рода. Не меньше было юристов, нотариусов, знатоков шариата, факихов и улемов, каковые издавна приезжали в Египет из Аль-Андалуса. Среди них известны были Абд аль-Вахид аль-Ансари аль-Фаси, Шихаб аль-Хаджари и другие[62].

К сожалению, ни один из упомянутых выше египетских авторов не указал даже предполагаемой численности мавров и морисков, поселившихся в Египте. Но это — задача будущих исследователей, и весьма непростая. Известно, что и магрибинцы, и андалусийцы (включая самого известного из них — Ибн Халдуна, окончившего свои дни на посту великого кади Каира) стремились как можно быстрее «натурализоваться» в Египте.

Практически ничего не известно о расселении морисков в Ираке и Аравии, хотя некоторые из них, даже находясь еще в Испании, ухитрялись совершать хадж в Мекку и Медину. Однако сколько всего таких было и кто остался там на постоянное жительство, определенно сказать нельзя. В целом расселение морисков на территории Османской империи изучал профессор университета Анкары Шакиб Бен Хафри, на которого ссылаются другие авторы. Еще со времен султана Баязида II правители империи интересовались судьбой мусульман Аль-Андалуса и старались им помочь. В частности, согласно фирману султана Ахмеда I — бейлербею и кади Туниса в 1613 г., мориски освобождались на 5 лет от податей, что позволило им освоиться в Тунисе, откуда многие уже собирались уезжать,

ибо местные власти требовали с них ежегодной уплаты до 50 тыс. эскудо.

Точно так же султан предоставил им возможности расселения на территории Анатолии, Палестины и Сирии в городах Адана, Азир, Сис, Тарсус и Карс, в которых, наряду с турками, жили также арабы, армяне, греки, евреи[63]. Мориски поселились в этих городах и особенно в их окрестностях ввиду наличия здесь плодородных почв и хороших условий для развития сельского хозяйства, «религиозной безопасности» (т. е. свободы исповедания ислама в 70 мечетях Аданы и 17 в Тарсусе), близости Халеба — крупного арабоязычного центра Северной Сирии, а также средиземноморского побережья с прославленным торговым портом Искандеруна, отдаленным от Испании и ее «возможной военной агрессии». Точной цифры прибывших сюда нет, но, как считает А. Темими, «очевидно, их было много, так как один из них — Али Бен Мухаммед — был назначен эмиром санджака», т. е. провинции, в которую входили упомянутые выше города. Ему было предписано «следить за их делами и безопасностью»[64].

В настоящее время далеко не всегда можно установить, кто является потомком мавров или морисков, а кто не является, поскольку они, конечно, ассимилировались в принявшей их среде. Практически их, очевидно, можно встретить всюду в мире ислама, от Западной Сахары до Пакистана и Центральной Азии, но все же преимущественно в арабских странах и Турции. Интерес к ним проявляют все мусульмане, в исторической памяти которых и страна Аль-Андалус, и трагедия морисков остались навсегда.

Мориски в Европе и Америке

Некоторым (очень немногим) морискам было разрешено остаться в Испании, а совсем небольшая их фракция сумела закрепиться на родине, смешавшись с цыганами, кое-что у них перенявших. 716 человек отстояли свое право остаться через

суд (416 других потерпели в этом неудачу), но им пришлось для этого не только представить старые королевские документы о «привилегиях», но и вообще отрицать принадлежность к морискам. Некоторые, чтобы избежать изгнания, заключали браки (иногда фиктивные) со «старыми христианами», другие — добровольно становились рабами последних. Участь многих из них после этого не всегда складывалась благополучно: окруженные недоверием, подозрениями и часто — ненавистью соседей, они не раз становились жертвами нападений и насилия[65].

Покинувшие Испанию выезжали из нее разными путями. Часть их, в том числе морем, добралась до Франции. И хотя большинство вынуждены было эту страну покинуть по разным причинам (см. главу III), определенное их количество сумело здесь осесть. Но французы опасались, что среди них могут быть «агенты испанцев». Генрих IV в этой связи изменил отношение к ним буквально накануне своей гибели. Но после этого (в 1614 г.) королеву-регентшу Марию Медичи сумели убедить султан османов Ахмед I (1603–1617), посол Франции в Стамбуле и, очевидно, дож Венеции, которому султан также направил письмо с просьбой помочь морискам и обещая в этом случае продлить действие выгодного венецианцам мирного договора. Султан обратился также к королю Англии Иакову I Стюарту с просьбой укрыть морисков от преследований испанцев. Но надежды султана на давнюю англо-испанскую вражду не сбылись: Иаков I, к тому времени связанный с Испанией договором о мире, даже не ответил Ахмеду I. Характерно, что всем своим адресатам султан сообщал об «опасениях морисков по поводу морского пути» (к тому времени уже было известно о многочисленных убийствах и ограблениях морисков перевозившими их моряками) и просил содействовать им в том, чтобы добраться до владений султана по суше[66]. Содействовать этому могла лишь Венеция, имевшая тогда границу с османами на Балканах. Однако сведений о том, что мориски, оказавшиеся, к примеру, в Салониках или Стамбуле, достигли их по суше, не имеется.

Несмотря на вполне искреннее желание морисков перебраться из Испании в мир ислама, не всем из них это удалось.

В частности, те из них, кто из Бискайи прошел через границу Франции и оказался в Байонне, а также в других городах — «Лангедока, Прованса и Аквитании, особенно в Бордо», в ряде случаев были просто не в состоянии отправиться дальше (многие из них были больны, другие умирали от голода, жажды, холода и бесприютности), а кое-кто из них, возможно, просто хотел на время задержаться на юге Франции в надежде скоро вернуться обратно на родину.

Ги Тюрбе-Делоф из Бордо нашел документы 1611 г., подтверждающие, что наряду с «14 семействами» морисков и другими, проследовавшими через Прованс «в Рим и Берберию» в количестве 400 человек, «примерно столько же» морисков избежали этой участи и остались во Франции, если они могли предъявить «документ о профессиональной квалификации», не занимались нищенством и могли доказать «свое католическое правоверие и благонравие». Некоторые из них потом оказались в Магрибе, например Педро де Гаскон («мориск из Бордо») в Марокко в 1677–1679 гг. или два якобы гугенота из Нормандии, оказавшихся в 1700 г. в Алжире и объявивших, что они всегда были мусульманами в общине морисков Руана. Эти случаи доказывают, что и во Франции жизнь морисков не была легкой. Это подтверждают 5 судебных процессов 1610–1614 гг. по обвинению французских чиновников и моряков в преступлениях против морисков.

Так или иначе, но, судя по всему, сотни морисков таким образом обосновались во Франции. В 1668 г. в Марселе был арестован «магометанский торговец, одетый как христианин», который направлялся из Бордо в Тунис с 18 членами своей семьи. В письме всесильному министру Кольберу он сообщил, что он и его сотоварищи образуют «своего рода республику внутри королевства», проживая «в Лангедоке, Гиени и Нормандии», что они часто выезжают «в Берберию», например в 1667 г. туда выехало 400 человек, судя по всему — ввиду «трудности прокормить семью». Вместе с тем он хотел остаться во Франции, обещал действительно стать христианином, сообщая при этом, что он и его сотоварищи «говорят по-французски так, что их нельзя принять за иностранцев» и что все они «женаты на христианках». Из другого письма Кольберу

(от офицера флота в Марселе Арнуля) известно, что им были задержаны около 500 «католиков с виду, но в сердце своем — магометан и евреев», женатых на христианках и назвавших своих многочисленных детей «именами святых». Из дальнейшей переписки чиновников Марселя и Бордо с Кольбером в 1669 г. выяснилось, что тех, кто замечен в тайном исповедании ислама или иудаизма, будучи формально католиком, надо карать, но ни в коем случае нельзя допускать их массового выезда (и особенно их детей от христианок). По мнению Анни Бертье, Кольбер вообще хотел скрыть это дело, дабы не причинить ущерба торговле Бордо и Марселя с миром ислама, каковую он лично поощрял (участвуя в бизнесе Компани дю Нор вместе с негоциантами из Бордо)[67].

Известно, что мориски, осевшие в Лангедоке и Провансе, в Бордо и Нормандии, занимались тем же, чем и в Испании, особенно прославившись, помимо торговли и различных ремесел, выделкой шелка и тюля. В других частях Европы они также сохранили за собой свои традиционные занятия. Впрочем «другой Европой» для них были Сицилия, Сардиния и юг Италии, которые были тогда владениями Испании и откуда морисков тоже изгоняли, но не так рьяно, как из Испании, ибо на периферии империи инквизиция больше «интересовалась» протестантами, «иудействующими», «ренегатами» и просто мусульманами (военнопленными или рабами), каковых считали более опасными ввиду их большей численности. Возможно, благодаря этому некоторые семьи морисков смогли утвердиться в центре Италии — в Риме, Ливорно, Пизе (в последние два города их специально приглашали правители Тосканы герцоги Медичи; всего они пригласили до 3 тыс. морисков; еще больше проследовали через Тоскану транзитом). Они, сефарды и некоторые уроженцы Магриба и Востока, принявшие в Италии христианство, сыграли важную роль в развитии морской торговли и вообще экономических отношений между севером и югом Средиземноморья в XVI–XVIII вв. В частности, мастера керамики из их среды в Тунисе постоянно находились в тесном контакте с коллегами в Марселе, а мориски-купцы Бордо — со своими единоверцами в Алжире и Триполи[68]. Ранее уже говорилось об участии в этих контактах и морисков Сале, Тетуана

и Танжера в Марокко. Очевидно, не были в стороне и мориски Стамбула, Салоник и Измира. Однако никаких документальных подтверждений этого нет. Возможно, по причине давнего доминирования в последних трех городах греческих и армянских купцов, а также — вечно конкурировавших в Средиземноморье генуэзцев и венецианцев. В то же время во Франции, по данным Темими, многие мориски славились «своей профессиональной умелостью»: керамист Марешаль-Ферран в Жюраде (недалеко от Байонны), гончары и мастера фаянса в Биаррице, чьи мастерские «действовали вплоть до 1806–1809 гг.». А один из морисков, некто Алонсо Лопес, скончавшийся в Париже в 1649 г., был высоко оценен кардиналом Ришелье и королевским двором, даже назначен им на пост государственного советника[69].

Однако мориски в Европе объективно участвовали не только в экономике и социополитической сфере. Их пребывание на юге Франции, на Сицилии, Сардинии, Корсике, юге Италии (особенно в регионе Неаполя) и даже в Португалии (несмотря на крайнюю их малочисленность в этой стране) было отмечено также определенной историко-посреднической миссией по передаче арабского культурного и интеллектуального наследия последующим поколениям. Ряд авторов, в первую очередь британец Джон Дерек Лэтэм, косвенно указывают на это, подчеркивая «отсутствие разницы» между маврами, мудехарами и морисками[70]. Как и в Испании, на островах Средиземноморья, в Италии и Португалии (относительно Франции сведений нет) мориски выступали в качестве учителей местных жителей в области ремесел и сельского хозяйства, садоводства и цветоводства, ирригации и градостроительства, медицины и декоративного искусства, что отразилось и в соответствующей терминологии многих языков Средиземноморья, стиле архитектуры, ряде местных обычаев и т. п.[71] При этом надо вспомнить, что Сицилия и Италия (особенно ее юг и центр) тоже сыграли некоторую роль в передаче Европе культурного наследия арабов. 200 арабских заимствований в сицилийском диалекте, как и наличие арабских по происхождению слов в итальянском и французском языках, тоже обращают на себя внимание[72].

Не всегда афишируя род своих занятий, мориски были везде известны, как, например, Лоренсо Аригес («андалусец в Марселе»), Мамет Кораль («тунисский мавр в Палермо»), Касем Бальмейда («торговец из Туниса на Мальте»), Мамет Гранадино (в Алжире), Альфонсо де Луна (в Тулоне), Мустафа Андалуси Спаньольдо (в Ливорно) и т. д. Они знали друг друга и друг другу помогали. Практически речь идет не только о разбросанности морисков по всему Средиземноморью — от Стамбула и Салоник до Марселя и Танжера, но и об их присутствии в качестве этнокомпонента европейского Средиземноморья и их участии в межэтнических контактах и культурной эволюции всех частей данного региона. Они были как бы посредниками между Востоком и Западом в испано-османскую эпоху и практически стали тогда «живым воплощением средиземноморского единства»[73].

Благодаря исследованиям последних лет мы узнали немало о морисках в Америке. Теоретически их там не должно было быть, ибо выезд туда им был запрещен. Однако реально этот запрет нарушался, причем, как представляется, гораздо чаще, чем соблюдался. Они приезжали с Канарских островов, где морисков было относительно много: в XVI в. они — 16% жителей Лас Пальмаса, так как негласно морисков, а также пленных мавров и африканских рабов использовали для вытеснения гуанчей — канарских аборигенов. На некоторых островах мориски даже составляли большинство. Поэтому стали тайно поощрять их отъезд в Америку, дабы уменьшить их долю на Канарских островах и в то же время помочь испанской колонизации Америки. В результате уже в середине XVI в. их можно было там встретить всюду, вплоть до Пуэрто-Рико.

Помимо тайных, были и легальные пути выезда в Америку в качестве военных, врачей, юристов, моряков и прочих «нужных» для колонизации людей, а также — в качестве монахов. Кроме того, по мнению аргентинской исследовательницы Марии Эльвиры Сагарсасу, «арабизм» в его культурно-идеологической и духовной форме (включая «исламскую мистику испанской литературы») проникал в Америку в ходе усилий «религиозных орденов по конфессиональному завоеванию» континента, в котором участвовали «многие новообра-

щенные испано-арабского происхождения» (т. е. мориски. — *Р. Л.*), каковых немало насчитывалось «среди францисканцев, доминиканцев и иезуитов». Поэтому в последующем в Латинской Америке нашли отклик и «маврофильские» нотки в творчестве испанских писателей, таких как Мигель Сервантес, историков, таких как Перес де Ита, отголоски которых можно уловить и в XIX–XX вв. в творчестве аргентинца Хорхе Луиса Борхеса, уругвайца Франсиско Фернандеса и других[74].

Объективному изучению проблемы морисков в Америке мешает, по мнению члена Королевской Академии истории в Мадриде Альваро Гальмеса де Фуэнтеса, неугасающая полемика по этой проблеме. Поскольку «наиболее объективные исследователи отвергают образ мориска, сотворенный официальной Испанией, они из самых благородных побуждений создают часто контркарикатуру, также мало соответствующую подлинной реальности»[75]. Дело осложняется также тем, что официальные источники практически не сообщают о прибытии морисков в Новый Свет, ибо оно если и имело место, то совершалось тайно, да и сами мориски об этом хранили молчание, прерывая его только тогда, когда оказывались вне сферы испанского контроля. Тем не менее, какие-то особенности быта и пищи сохранялись, что с удивлением констатировали прибывшие в Аргентину в XIX–XX вв. сирийские и ливанские иммигранты, которым предлагали отведать то или иное «блюдо морисков». Были и другие особенности, например вопреки испанскому обычаю принимать фамилии отца и матери использование только одной отцовской фамилии (как у большинства жителей региона Рио де Ла Плата, где сконцентрировалась наибольшая часть морисков Аргентины), отсутствие у них имени Сантъяго (и его варианта Диего), ибо в испанской традиции именно этот апостол (святой Иаков) имел репутацию борца с исламом и назывался Матаморос (Смерть мавров), и ряд других специфических черт, тщательно ими скрываемых[76]. Впоследствии, когда сам факт пребывания морисков в Америке («в Индиях», как долго считали в Испании) стал общепризнанным, среди противников морисков в Европе даже возникла идея, что мориски отправились «в Индии», чтобы их разрушить так же, как и Испанию[77]. В Латинской же Америке по-

добных идей не возникало, и вообще отношение к меньшинствам, в том числе гонимым в Испании, было более терпимым, так как не только аргентинцы, «считающие себя наиболее европейской нацией Америки», но и другие латиноамериканцы целыми поколениями знали, что в жилах каждого из них «есть хоть капля не испанской, а туземной крови»[78].

Разумеется, подобное положение возникло не сразу. Более того, испанцы, завоевывая Америку, даже сравнивали, например, ацтеков Мексики и морисков, а храмы ацтеков называли «мечетями», ибо считали, что ислам и язычество — это одно и то же. Тем не менее, нужды колонизации, потребность в слугах (каковыми у испанцев нередко были мориски, как рабы, так и свободные), потребность в лекарях (каковых среди морисков было много, и они охотнее соглашались ехать за море, чем испанцы), потребность в специалистах разного профиля на деле диктовали необходимость использования морисков в Новом Свете[79]. Отправляясь в Америку, они обычно выступали там уже не как «скрытые мусульмане», а как представители своего рода «культурного пространства» Средиземноморья, которое определялось даже в пределах империи Габсбургов вовсе не только иберийскими королевствами с их засильем клерикализма, но и другими территориями и примерами сосуществования доминирующего большинства и этнорелигиозных меньшинств — «иудейских общин Генуи, Балеарских островов и Салоник … мусульман в Палермо, испанских и португальских христиан в “пресидиос” африканского побережья, крестоносцев на Мальте, турок на Кипре, христиан в Палестине». Именно всем этим общинам, за отдельными исключениями, свойствен был духовный климат сосуществования и компромисса, противоречивший военно-деспотическому тоталитаризму Габсбургов и идеологической непримиримости инквизиции[80].

В Испанской Америке это проявлялось еще четче. Известно, например, что город Асунсьон в Парагвае был выстроен в XVI в. с помощью иностранцев (неиспанцев), которым было запрещено королевским указом появляться на завоеванных испанцами территориях. Тем не менее, иностранцы составили, в нарушение этого указа, «почти треть основателей и чиновников» этого города. Практические интересы колонизации брали

верх над деспотическим произволом и идеологическими догмами. Мориски пользовались этим, да и свое «тайное мусульманство» в Америке обычно демонстрировали (если вообще это делали) гораздо меньше, чем в Испании. Вместе с тем известно, что они тяготели к совместному проживанию (концентрируясь, например, в регионе Рио де Ла Плата), соблюдению пищевых запретов (особенно на употребление свинины), некоторых брачных и семейных обычаев[81].

М. Э. Сагарсасу выдвинула концепцию «скрытого завоевания» Америки морисками, которое шло параллельно официальному испанскому завоеванию, но — как бы тайком от него, не принимаясь в расчет испанскими властями и не получив отражения в официальных источниках. Поэтому она считает, что наследие «испано-арабизма» в Америку было привнесено именно морисками, а вовсе не является следствием усвоения и передачи кастильцами стиля «мудехар», как полагают некоторые испанские и латиноамериканские историки. Другое дело, что в дальнейшем мориски, как и прочие пришельцы в Южную Америку с Иберийского полуострова, подверглись «креолизации», т. е. смешались с местными аборигенами и представителями прочих этносов, оказавшимися в Америке. Тем не менее, их вклад в развитие Иберо-Америки признается и изучается[82].

Есть сведения, в частности, о том, что мориски, прибывшие в регион Рио де Ла Плата, вместе с другими социально маргинальными элементами (иностранцами, первыми креолами, бедняками и лицами, скрывавшимися по разным причинам от властей) вошли в такую всемирно известную группу аргентинского общества, как пастухи-гаучо, обычно жившие вдали от городов, т. е. центров власти. Некоторые историки считают, что в данном случае мориски «унаследовали любовь бедуина к свободе». Однако мориски, в основном горожане и потомки мувалладов, вряд ли помнили об обычаях бедуинов. Причины их тяготения к гаучо иные. В этой среде, часто пополнявшейся, особенно первое время, из европейских по преимуществу бродяг, беглых каторжников и прочих нарушителей закона, морискам было легче затеряться, замаскироваться, заставить забыть о себе. Тем более в обстановке смешения рас, религий и этносов, которая была характерна для Испанской Америки в пер-

вые десятилетия ее существования. В отличие от Боливии и Гондураса, где «стычки мавров и христиан» были обычным делом, в Аргентине, особенно в Рио де Ла Плата, возник особый тип «аргентинства», нашедший выражение в выработке представителями многих этносов, от индейцев различных племен до испанцев, португальцев, морисков и иностранцев, различных предметов, например ножей и особенно пирожков и варенья, считающихся гордостью национальной кухни[83].

Специфика обстановки в Южной Америке первых десятилетий завоевания была использована морисками как для укоренения на новых землях, так и для продолжения сопротивления попыткам испанских властей их обезличить[84]. Вообще многие детали и даже в чем-то сам ход этого процесса остаются пока не раскрытыми или малоосвещенными[85]. Известно, что в колонизации Америки участие принимали наиболее «глубоко христианизированные» мориски (впрочем, возможно, они становились такими в ходе колонизации). В то же время бывали случаи «разоблачения» незаконного пребывания морисков в Америке и судебного преследования как их самих, так и тех, кто им помог приехать (например, капитанов некоторых духовных орденов, заинтересованных в колонизации земель Нового Света руками своих приверженцев, на происхождение которых они часто сознательно закрывали глаза)[86].

Но, естественно, таких случаев становилось все меньше по мере формирования и в Аргентине, и в других странах континента «латиноамериканского креольства» из смешения сложно взаимодействовавших друг с другом европейцев (сначала испанцев и португальцев, потом — немцев, итальянцев и других), индейцев, морисков («испано-арабов», как пишет Сагарсасу) и, чуть позднее, африканцев[87]. «Христианизация индейцев», как официально провозглашенная главная задача колонизации, да еще выполнявшаяся в далеких от Испании землях и в условиях, что бы о нем ни говорили, но все же «диалога трех культур» (если не больше!), была нереализуема без участия морисков, с одной стороны, как указывают источники, твердых в новой вере, с другой стороны, знакомых с трудностями ее распространения среди «неверных». Во всяком случае, арабские иммигранты XIX–XX вв. из Сирии и Ливана, прибыв в Аргенти-

ну, обнаружили там не только следы «испано-арабизма» в фольклоре и ряде обычаев, но и в «отвращении к свинине, тяготении к сладостям, кулинарным изыскам, дружеской общительности, карточным играм, поездкам верхом, клиентелизму»[88].

По концепции М. Э. Сагарсасу, Америка для морисков была предпочтительнее Средиземноморья, ибо давала им возможность «жить конкретными проблемами организации торговли и промышленности, градостроительства, вооружения армии, коневодства и вообще процветания». И церковь этому не мешала, занимаясь прежде всего крещением индейцев, да и инквизиция вела себя иначе, считая допустимым то, что в Испании «критиковалось или было запрещено». В Испании XVI в. закон запрещал мориску занимать административные посты, а в Лиме градоначальником стал мориск Кристобаль де Бургос. Это было редкостью (многим другим, не менее, чем он, ассимилированным и «христианизированным», было отказано). Но в целом законы в Испанской Америке применялись менее строго, а иногда вообще игнорировались[89].

В качестве доказательства непосредственного (а не через испанцев) влияния морисков на язык Аргентины Сагарсасу приводит ряд слов, взятых из арабского, например «аларифе» (от арабского «арафа» — знать). В Испании оно значит «архитектор», а в Аргентине — «мастер, знаток», что ближе к оригиналу, ибо по-арабски «ариф» — это «знающий», в том числе вообще всё. Любопытно, что почти все лингвистические заимствования аргентинцев у морисков сохранялись, хотя в последующем иммиграция все более и более меняла состав населения страны. В частности, в аргентинском междуречье Уругвая и Параны после XVIII в. «испано-арабский элемент смешался в основном с индейцами гуарани», а затем последовал наплыв «латиноязычных европейцев, евреев, басков и славян». И хотя некоторые сохраняли свою этноспецифику, особенно итальянцы, остальные довольно быстро становились креолами со всеми вытекающими последствиями[90].

Мориски в Америке постепенно утратили ислам как элемент их этнокультурной самобытности, однако сохранили прочие черты и обычаи. Более того, они стремились восстановить

те права, которых были лишены в Испании: ездить верхом, носить оружие, занимать административные или общественные должности[91]. Несмотря на «латино-европейское» происхождение большинства аргентинцев, сегодня в стране — 10% мусульман, в 1985 г. выстроена первая мечеть и президентом страны уже побывал Менем — араб из Сирии. Все это еще более возбудило в стране интерес к морискам, прибывшим около 5 веков назад. Исследования продолжаются, и, возможно, мы будем вскоре располагать более точными и подробными сведениями о морисках Южной Америки[92]. Некоторые обычаи, унаследованные от морисков, бытуют в Аргентине и сегодня. Например, среди креолов страны до сих пор считается, что свинина — это «еда гринго» и ее «лучше не есть»[93].

Азиз Махджур из университета Мадрида, опираясь на труды мексиканских историков, доказал «немалое число потомков мавров» среди завоевателей «Новой Испании», на что указывали имена многих из них (Диего де Мескита, Веласкес Мударра, Эрнандо Тарифа, Франсиско Вендабаль или «Бен Абаль», Алонсо де Мора и т. п.). Только среди солдат Диего Альмагро, завоевывавших Перу вместе с Ф. Писарро, насчитывалось до 200 морисков. Впоследствии из потомков морисков и местных креолов, в формирование которых мориски внесли значительный вклад, вышло много искусных мастеров, известных всей Мексике «певцов, декораторов, мозаичистов, кузнецов, керамистов, гончаров и других»[94].

За последние годы вклад в морискологию внесли натурализовавшиеся в Латинской Америке арабы: палестинец из Аргентины Хуан Ясер, автор ряда трудов об арабском наследии в Америке и в испанской культуре; мексиканка сирийского происхождения Икрам Антаки, изучающая культуру арабов, в том числе в Америке. Вместе с арабскими коллегами, особенно профессором университета Орана Ахмедом Аби Айядом, ими установлено немало нового, в частности — что в выработке «арабо-американской терминологии» участвовали наряду с морисками и мосарабы, сохранившие знание арабского языка и культуры. Они же установили свыше 30 слов, попавших в Америку непосредственно благодаря морискам и мосарабам. Аби Айяд также подробно показал влияние арабов вообще и

морисков в частности на литературу и музыку Латинской Америки, сопровождая свои изложения следующими цитатами латиноамериканских авторов: «аргентинский гаучо, этот своего рода араб и казак, приспособившийся к иному климату, стал новой и прекрасной расой» (Бартоломе Митре); «подлинный гаучо несомненно андалусского происхождения и в его жилах, можно сказать, кипит арабская кровь» (Санчес Симли); «солдат, пришедший с завоевателями, был мориск, мавр-христианин… у него были черные курчавые волосы, жесткая черная борода, твердый взгляд черных глаз и смуглая кожа. Этот тип распространен теперь в Америке» (Сантьяго Перальма). «Арабское начало навсегда вошло в историческое и коллективное подсознание Америки», — к такому выводу приходит Аби Айяд[95].

Мориски разными путями и в разное время попадали в Америку, в различных частях которой оказывались в неодинаковом положении. Майкл Макклэйн, ранее упоминавшийся, проводя параллель между рельефом, климатом, пейзажем и почвами на севере Мексики и в Андалусии (особенно в районах Гранады и Альмерии), обратил внимание на заимствование мексиканцами фольклорного праздника «мавров и христиан», идентичного таковому в Андалусии, на многочисленные элементы «домашней архитектуры гранадских морисков» и образцов их мебели, сохранившихся в Мексике до наших дней, на некоторые типичные для говора морисков арабизмы в местной устной речи и даже специфические в их среде представления (вроде «горячего глаза»), на параллели в обрядовой практике части мексиканских католиков и иранских шиитов, в свое время пользовавшихся влиянием еще в Аль-Андалусе. Макклэйн также не считает случайной популярность среди мексиканцев кастильского поэта и теолога Сан Хуана де ла Крус, близкого к морискам и хорошо знакомого при их посредничестве с суфийской философией и поэзией.

Макклэйн обнаружил также следы морисков из Валенсии на юго-востоке США, на территориях «старого Юга», ранее входивших в состав Мексики. Здесь еще в 1790 г. в штатах Южная Каролина и Флорида были зарегистрированы «мавры из Испании», являвшиеся потомками морисков среди первых

испанских колонистов на американском континенте. Эти мориски были преимущественно из Каталонии и Валенсии, что сказывалось и в их именах, и в элементах национальной кухни, иногда — в смешении с французскими, галисийскими и американо-индийскими компонентами. Историки США установили элементы стиля мудехаров и морисков в испанской колониальной архитектуре штата Флориды (автор этих строк лично наблюдал то же самое в португальском квартале Монреаля в Канаде в 2000 г.). Следствием хозяйствования приехавших из Валенсии морисков и их потомков Макклэйн считает широкое распространение на юго-востоке США культуры риса и соответствующих блюд. В XVI в. мориски Валенсии были «единственными европейцами, умевшими выращивать рис». В настоящее время это умение унаследовали не только жители прежних зон испанской колонизации (штатов Джорджия, Южная Каролина), но и соседней Луизианы, в свое время колонизованной французами (кстати, относившимися к морискам гораздо терпимее испанцев)[96].

Таким образом, хотя мы не располагаем точными данными о численности морисков в Европе и Америке, представление об их судьбе, степени влиятельности, участии в экономической и социальной (а в Америке — даже в военно-политической) жизни, а также — в многообразных цивилизационных процессах, имеется достаточно полное. И оно лишь подтверждает уже высказанную ранее мысль о том, что Испания в основном все же проиграла, изгнав морисков. А выгоды, каковые извлекли из этого правящая элита и некоторые другие группы испанского социума XVII в., оказались либо краткосрочными, либо иллюзорными.

Мориски в литературе и искусстве

Насколько морискам не повезло в жизни, настолько же им повезло в литературе и искусстве. Причем не только в арабских странах, которые приняли изгнанников из Испании и от-

неслись к их несчастью как к своему, правда не сразу, особенно в Магрибе, но и в Европе, прежде всего в Испании.

«Никакой другой испанский писатель, — сказал на VII конгрессе морискологов в Загуане в мае 1995 г. Ахмед Аби Айяд, — не проявил столько интереса к морискам, как это сделал Мигель Сервантес де Сааведра, великий гений литературы и столь же тонкий знаток культуры арабо-мусульманского мира. В эпоху, когда инквизиция проводила свои чудовищные акции “чистки”, преследований и изгнания последних мусульман с Иберийского полуострова, Сервантес, не колеблясь, поднимал и обсуждал этот щекотливый и драматичный вопрос, будораживший всю Испанию, в своих произведениях, особенно в книге о Дон Кихоте из Ламанчи».

Действительно, на страницах бессмертного романа Сервантеса не раз заходит речь о маврах, мудехарах, тагаринах, «ренегатах», морисках и всех проблемах, с ними связанных. Особенно подробно все это обсуждается в беседе Санчо Пансы, возвращавшегося после своего пресловутого «управления» неким островом и встретившего по дороге паломников, среди которых он узнал своего бывшего соседа-мориска Рикоте (характерно, что это имя совпадает с названием местности в области Валенсии, где мориски оказали вооруженное сопротивление при их изгнании). Рассказ Рикоте (тайком вернувшегося в Испанию под видом «немецкого» паломника), поселившегося в Германии, где «каждый живет… как ему хочется, и почти повсюду признается свобода совести», сам по себе является обвинением режима Филиппа III. Конечно, Сервантес не мог (да и не хотел, очевидно) впадать в апологию морисков и поэтому, по цензурным соображениям, вынужден был писать о «справедливости» кары, обрушившейся на морисков, и о «превосходном решении его величества». Но что стоят эти оговорки по сравнению с признанием Рикоте («среди нас были искренние и подлинные христиане»), с его свидетельством (кстати, впоследствии документально подтвержденным историками многих стран), что «куда бы мы не попали, мы оплакиваем Испанию, ибо в ней мы родились и она — наше прямое отечество», в то время как «больше всего нас оскорбляют и притесняют в Берберии и других местах Африки, где мы рассчитывали

найти ласку, радушие и гостеприимство», а поэтому — «почти все мы так страстно желаем вернуться в Испанию». Далее Рикоте сообщал, что собирается отрыть клад, спрятанный им недалеко от Валенсии, а затем — перевезти из Алжира через Францию в Германию свою дочь и жену, которые «христианки и католички, а я, хоть и не крещеный, но все же более христианин, чем мавр».

Не выступая открыто в защиту морисков, что было невозможно в Испании тех лет, Сервантес, тем не менее, подводит читателя к сочувствию морискам. Достаточно следующего описания Санчо Пансой изгнания семьи Рикоте: «Твоя дочь была так красива, что все жители деревни высыпали на улицу, чтобы на нее посмотреть, и все в один голос заявляли, что она — самое прекрасное создание на свете. А она шла, обливаясь слезами, и обнимала своих подруг, приятельниц и всех, кто подходил к ней проститься. Прося помолиться за нее… и говорила она с таким чувством, что даже я заплакал — а ведь у меня глаза не на мокром месте; и, уверяю тебя, многим хотелось ее спрятать или украсть где-нибудь по дороге, но всех удерживала боязнь нарушить королевский указ»[97].

Слезы Санчо Пансы — вовсе не типичная реакция испанского общества на изгнание морисков. Она преимущественно была иной и скорее сводилась к фразе самого Рикоте: «Неразумно пригревать на груди змею и иметь врагов в своем собственном доме». Именно так о морисках и думало тогда большинство обитателей империи Габсбургов — от гранда до последнего нищего. Но именно после фразы Рикоте — явного реверанса в сторону короля и инквизиции — Сервантес пишет о слезах Санчо, совершенно не сентиментального, скорее хитроватого при всей своей простоте мужика, которому ничто человеческое не чуждо. И Сервантес не случайно делает упор на этой человечности, непредвзятости, жизненной мудрости вроде бы не особенно умного Санчо. Ибо во всем этом выражено отношение Сервантеса к изгнанию морисков. Хотелось бы напомнить о благородстве такой позиции писателя, который 4 года провел в алжирском плену, из которого 4 раза пытался бежать и, казалось бы, имел личные поводы для неприязни к морискам и мусульманам. Аби Айяд в 1995 г. обратил внима-

ние морискологов и на то обстоятельство, что Сиди Хамет Бен Хели, всегда воспринимавшийся читателями «Дон Кихота» как выдуманный писателем персонаж, от имени которого он будто бы и ведет свое повествование, реально существовал (то же утверждал на лекции в Мадриде в 1998 г. каирский профессор Махмуд Али Макки). Это был мориск, оказавшийся в 1602 г. вместе с Сервантесом в одной камере тюрьмы в Севилье и скрывавшийся под именем Антона Гонсальвеса. Выйдя из тюрьмы, он уехал в Мексику, а потом — на крайний юг Америки, где в течение 20 лет занимался розничной торговлей. В 65 лет он вступил в орден францисканцев (что случалось нередко среди приехавших в Америку морисков) под именем брата Диего де Санта Фе. Прочитав в библиотеке ордена роман Сервантеса, он был потрясен и воскрешением своего давно забытого имени, и воспоминаниями о беседах с сокамерником 1602 г., ставшим всемирно известным. Его имя появляется в главе 9-й «Дон Кихота», где Сервантес рассказывает о том, как он нашел в Толедо книгу на арабском языке, называвшуюся «Историей Дон Кихота Ламанческого» и написанную «арабским историком» Сиди Ахметом Бен Хели, от имени которого Сервантес далее эту историю и рассказывает. В действительности, как установил Аби Айяд, Бен Хели рассказывал Сервантесу в севильской тюрьме «семь дней и ночей» историю о «рыцаре Пустыни», исповедовавшем суфизм. А он эту историю будто бы сам слышал от своего дяди. По воспоминаниям Бен Хели (он оставил тайные мемуары, использованные чилийскими историками после его кончины), Сервантес глубоко воспринял «аллегорический и символический смысл» и этой истории, и некоторых «исламских поэтов-мистиков», с произведениями которых ознакомился во время прибывания в Алжире в 1576–1580 гг. и своего путешествия в Оран в 1581 г.

Сервантес затрагивал проблему морисков и в других произведениях («Беседа двух собак», «Лиценциат Видриера», «Персилес и Сихизмунда»). При этом не всегда выражал им сочувствие, награждая их иногда нелестными эпитетами, часто встречавшимися в литературе, да и в разговорах того времени. Но Аби Айяд обращает внимание на главное: Сервантес показал Рикоте как «хорошего, искреннего, достойного и гуманного

мориска», покончив тем самым с традицией изображения морисков исключительно негативно. Он был, пожалуй, единственным среди испанских мыслителей того времени, кто пусть не формально, но фактически осудил изгнание морисков[98].

Стоит оговориться, что вплоть до настоящего времени в Испании идут споры об истинной позиции Сервантеса в вопросе о морисках. По мнению многих, писатель, потерявший фактически руку в сражении против мусульман при Лепанто, штурмовавший в 1573 г. их крепость в Тунисе и переживший алжирский плен, должен был ненавидеть морисков. Но многие это отрицают, ссылаясь на «Дон Кихота» и некоторые другие произведения. Маркес Виллануэва даже обращает внимание на несомненную противоречивость позиции писателя, выступавшего то «сторонником морисков», то «их противником». А по мнению Поля Азара, критика из Франции, Сервантес их «тихо осуждал, но громко одобрял». Это само по себе было подвигом в эпоху инквизиции. Впрочем, в обширной интернациональной литературе, посвященной Сервантесу, бытуют самые разные точки зрения. Но в основном все авторы сходятся в оценке отношения писателя к морискам, мусульманам и даже туркам как в целом объективного и, как правило, позитивного[99].

Аби Айяд и другие арабские историки отмечают «некоторую благожелательность» по отношению к маврам и морискам, их «романтизацию», но лишь до XVII в., в произведениях и других испансих авторов, включая Лопе де Вега, Кальдерона де ла Барку, Франсиско Кеведо. Лопе де Вега (близкий к королевскому двору и обласканный им) первый отделил идеализированный образ благородного мавра от «униженного, жалкого, грубого и комичного» мориска, язык которого он всячески высмеивал, пародируя его акцент и некоторые склонности не лучшего свойства в своих многочисленных комедиях. А что касается таких пьес Кальдерона де ла Барки, как «Любить после смерти» и «Русани из Альпухарры», то их некоторые критики даже называли «апологией гражданской войны». Известный знаток Средиземноморья фон Шакк отмечал, что Кальдерон, всегда выступавший против всех врагов католичества», делал исключение для морисков, подчеркивая «их благородные и героические черты». У Кальдерона его «достойным героем»

Альваро Эль Тусани восхищается сам Хуан Австрийский. Также «в благоприятном свете» поданы образы морисков в пьесах Кальдерона «Малютка Гомеса Ариаса» и «Постоянный принц». Наоборот, Франсиско Кеведо в своих произведениях, особенно в «Вероисповедании морисков», всячески их высмеивал[100].

Мы упомянули здесь наиболее известных испанских писателей и драматургов, проявлявших интерес к морискам. Но еще больший интерес к ним заметен у менее известных литераторов Испании. Современниками морисков были многие испанские историки — Луис Мармоль Карвахаль, Диас дель Кастильо, Хуан Ривера, Уртадо де Мендоса, Дамиан Фонсека и другие. Их труды, а также богатый фольклор (народные легенды, предания, романы и т. п.) дали обильную и нередко противоречивую фактологию, профессиональными литераторами часто переосмысливавшуюся и приображавшуюся до неузнаваемости. Иногда и сами историки включались в этот процесс. Это прежде всего относится к Хинесу Пересу де Ите, одновременно — знаменитому историку и романисту XVI в. Известен он был своими литературными произведениями, прежде всего «Историей о раздорах Сегри и Абенсеррахов», но также как участник войны с морисками в 1568–1570 гг., о которой он написал полумемуарное-полуисторическое произведение, названное им «Второй частью гражданских войн в Гранаде и жестоких стычек новообращенных мавров и христианских жителей во время восстания во всем королевстве». Более популярно было первое произведение, которое к началу XX в. выдержало 57 изданий на кастильском языке, а второе — лишь 11 изданий. Но было еще 7 совместных изданий (в них повесть о Сегри и Абенсеррахах именуется «Первой частью гражданских войн в Гранаде»), 6 раз переведенных на английский, французский и немецкий языки[101].

Известно также, что при написании своих трудов Перес де Ита пользовался услугами и свидетельствами морисков, а также их легендами, преданиями и так называемыми «мавританскими романсами», с XVI в. вошедшими в испанский фольклор (в результате контактов морисков с испанцами, особенно усилившимися вследствие переселения «гранадинос» в Кастилию

после 1571 г.). Благодаря им возник соответствующий стиль и в испанской поэзии (романсеро) и даже некоторое увлечение мавританскими костюмами и обычаями[102].

По мнению видного историка и филолога М. Менендеса Пелайо, первую часть «Гражданских войн» Переса де Иты надо считать «историческим романом», а вторую — «романизированной историей», хотя к ней больше бы подошла характеристика исторического исследования свидетеля-очевидца, который при разрушении города Феликс в момент взятия его королевскими войсками лично спас 20 женщин-морисков, а в конце своей книги прямо осудил изгнание морисков с их земель.

Стоит отметить мавританскую новеллу «Осмин и Дараджа», включенную Мигелем Алеманом в свой знаменитый «плутовской» роман «Гусман де Альфараче», опубликованный в 1599 г. Алеман (по данным алжирской исследовательницы Рашиды Адди Хасини из Орана — марран), остро чувствуя гнетущую атмосферу империи Габсбургов, сочувственно описал приключения молодой пары из мавританской знати, вынужденной после падения Гранады скрываться в Севилье, все время переодеваясь, притворяясь и играя словами, дабы любой ценой избежать крещения. Алеман, великолепно знавший Севилью с ее многочисленной общиной морисков и рабов-мавров, беседовавший со многими перебравшимися в Севилью «гранадинос», был также хорошо знаком с неимущими низами и бедняками Севильи, среди которых он находил прообразы героев и антигероев своих «плутовских» романов. Он — на стороне Осмина и Дараджи, недвусмысленно осуждая общество, вынуждающее их прятаться, лгать, лицемерить, обманывать, менять имена и одеяния. В конце концов Осмин принимает христианство и убеждает свою невесту сделать то же самое. Но автор осуждает не их, а общество, которое, вынудив креститься и мусульманина Осмина, и иудея Гусмана, все равно отвергает их, считая чужаками. Критика в момент выхода романа и в дальнейшем оценила его как своеобразный «плутовской» мини-детектив с той лишь разницей, что, с точки зрения автора, все его персонажи достойны осуждения, за исключением Осмина и Дараджи[103].

Однако, как мы знаем, далеко не все современники Переса де Иты и Мигеля Алемана разделяли их взгляды. Известный в то время арагонский литератор Педро Аснар Кардона считал изгнание морисков «оправданным» и «справедливым», резко осуждая при этом часть арагонской знати, вступавшейся за «своих мавров» или жалевшей об их отъезде[104]. Уже в 1612 г. он опубликовал книгу, в которой доказывал, что мориск — это «скопище пороков», «жадный любитель только золота и серебра», недостойный какой-либо жалости. Он считал морисков «лицемерами», «святотатцами», «предателями», «заговорщиками», осуждал их даже за «умеренность в еде», называл «ворами», «еретиками», «собаками», «кровосмесителями» и т. п.[105]

В целом, однако, в большинстве произведений испанской и, тем более, зарубежной литературы вовсе не доминировало открыто враждебное отношение к морискам. Профессор Колумбийского университета (США) Соледад Карраско Ургоити пишет о «благородном» образе мориска в «литературе Золотого века», причем этот образ не всегда идеализирован, нередко воплощая фигуру «монфи», «благородного бандита», разбойника, корсара или раба, «влюбленного в знатную кастильянку» («Хамет из Толедо» Лопе де Вега), а также — мавра, спасающего героиню-христианку от продажи в рабство («Малютка Гомеса Ариаса» Педро Кальдерона де ла Барки). В той или иной мере проблематика морисков затрагивалась и в произведениях других испанских писателей[106].

За рубежом художественная литература, естественно, реже обращалась к теме морисков. Из нее можно выделить, на наш взгляд, два произведения — роман Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» и роман Эжена Скриба «Пикильо Аллиага или мавры при Филиппе III».

Граф Ян Потоцкий, польский аристократ и мальтийский рыцарь, родившийся на Украине в 1761 г., учился в Швейцарии, служил во флотах Австрии, Венеции и Неаполя, жил на Кавказе и в Сибири, на Сицилии и в Тунисе, встречался с художником Франсиско Гойя в Испании и с революционером Жаном-Полем Маратом во Франции. Объехав Европу, Средиземноморье и Восток от Египта до Монголии, он публиковал свои очерки и заметки в Амстердаме, Варшаве, Лейпциге, Па-

риже, Санкт-Петербурге и Флоренции. Писатель, драматург и философ, историк и востоковед, он был почетным членом Российской академии наук и тайным советником императора Александра I, другом князя Адама Чарторыйского, тогда — министра иностранных дел России. Знакомство со многими языками и культурами мира, с жизнью разных народов, их мифами и легендами во многом сказались на стиле, характере и сюжетных поворотах главного произведения Потоцкого — «Рукописи, найденной в Сарагосе», высоко оцененной А. С. Пушкиным и публиковавшейся на французском языке по частям в России (1804 г.), Германии (1810 г.) и Франции (1813–1814 гг.). Позднее этот первый польский роман был переведен на немецкий, польский и русский языки[107].

Это — одновременно роман-загадка, роман-фантасмагория и роман-мечта, в котором он выступал против всех религиозных, этнических и социальных предрассудков. Его герой Альфонс ван Ворден, капитан фламандской гвардии, оказывается потомком таинственных мавританских шейхов Гомелесов — мусульман, скрывающихся в горах Альпухарры, но поддерживающих контакты со своими родственниками, живущими в Испании как католики (т. е. мориски). В романе очень много сюжетных линий, ярких персонажей и завораживающих деталей, но главное в нем — идея автора о равенстве всех культур и верований, о необходимости стереть различия между социальными группами и этносами. Он считает, что аристократ может быть цыганом, а цыган или еврей — аристократом.

Исключительно богатое содержание романа невозможно пересказать. Впоследствии в России и Польше признавали влияние его философии на политическую мысль этих стран и на поэзию Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого. Критики разных стран, в свою очередь, находили в романе следы влияния сказок «Тысячи и одной ночи», манеры изложения Сервантеса и элементов мистической фантастики Эрнста Гофмана. Достаточно сказать, что герой романа периодически сталкивается в горах Альпухарры и Сьерра-Морены с разбойниками, цыганами, студентами, нищими, учеными, монахами, евреями, аристократами, а на море — с моряками и пиратами, за 66 дней выслушивает 96 их рассказов, нередко фантастических, с уча-

стием дьявола, джиннов и колдунов. Но при этом мавры и мориски из клана Гомелесов (возводящих свой род, кстати, к знаменитым гранадинцам Ибн Сарраджам) всегда выступают как мудрецы, ученые и носители всевозможных знаний. Причем среди них особенно процветают в Испании мориски, тайно исповедующие ислам, например богатейший мадридский банкир Эстебан Моро. Близки к нему еврей Мамун Бен Герс (официально — католический астролог Уседа) и вождь цыган, скрывающийся под именем «благородного идальго» Хуана Авадоро. Выясняется, что многие цыгане Испании — на деле мусульмане, а некоторые даже исповедуют религию древнего Карфагена. В финале романа Альфонс одинаково любит своего сына-мусульманина и дочь-христианку, ставшую женой герцога Веласка, одновременно сына еврейки и внука вождя цыган.

Конечно, Потоцкий в романе дал волю своей необузданной фантазии, хотя и старался не искажать, по мере возможности, хорошо изученную им действительность Испании XVIII в. Удивительно другое — с какой любовью, сочувствием, уважением и объективностью этот польский аристократ, российский сановник и кавалер сугубо антимусульманского ордена рыцарей Мальты показал мавров и морисков, их роль в истории Испании и трагическую судьбу.

Другой роман — «Пикильо Аллиага или мавры при Филиппе III» — вышел из-под пера знаменитого французского драматурга Эжена Скриба в 1846 г., выдержал 12 изданий за 30 лет и послужил основой для драмы «Пикильо Аллиага или три замка в Испании». Скриб описывает судьбы отца семейства Алами Деласкара, его сына Язида и дочери Айши во время изгнания морисков в 1609 г. Это изгнание, по Скрибу, все время откладывалось, ибо король Филипп III влюбился в Айшу и отказывался подписать навязываемый ему знатью декрет, а королева Маргарита Австрийская (известная историкам как гонительница морисков) будто бы не побуждала короля сделать это, будучи сама тайно влюблена в Язида. В пользу морисков действует и Пикильо Аллиага — духовник короля, боровшийся с влиянием всесильного фаворита герцога де Лерма. Но Скриб объясняет эту борьбу просто: оказывается, Аллиага — на самом деле Али-Ага, «мусульманин по происхождению и мавр

по рождению», мечтающий «вернуть своих братьев в Испанию». Не важно, что доминиканец Луис Алиага действительно существовал, был выбран на роль духовника короля герцогом де Лерма и играл при дворе важную политическую роль «хранителя мыслей короля», пытаясь мешать герцогу скорее из ревности, чем по убеждению. Помимо него, в романе выведены и другие реально существовавшие лица, но — под слегка измененными именами (например, архиепископ Валенсии Рибера стал «Рибейрой»).

По сюжету Аллиага оказывается братом Язида и Айши, которому в различных трудных ситуациях помогают тоже мориски — бродячий певец Педралви (ставший цыганом), его подруга Хуанита и цирюльник Гонгарелло (Абен Абу). Как считает профессор Адриан Роиг (или «Роч», как произносят его имя по-каталански) из университета Поля Валери (Монпелье), образы морисков чрезвычайно идеализированы Скрибом, писавшим свой роман под сильным влиянием Вальтера Скотта, Проспера Мериме (особенно его «Хроники времени Карла IX», вышедшей в 1829 г.) и Виктора Гюго (прежде всего опубликованного им в 1831 г. «Собора Парижской Богоматери»). Все мориски в романе превосходят испанцев и физически и морально: Язид — «образец галантного кавалера», прекрасный наездник и фехтовальщик, вызывающий восхищение придворных дам рыцарь, в каждом поступке которого чувствуется аристократизм потомка Ибн Сарраджей (о чем Скриб неоднократно напоминает); Айша — «прекрасна и соблазнительна», славится как «самая элегантная и воспитанная девушка Испании». Даже герцог де Лерма, пораженный ее красотой, говорит: «Страсть короля к ней можно понять, увидев ее черты. Столь прекрасные и правильные, блеск ее глаз, гордость осанки и чарующие манеры». Перед ней склоняются все — от короля, испытывающего к Айше «слепую и пламенную страсть», до Фернанда, жениха ее подруги, разбойника Хуана Батисты и даже Аллиаги (пока он не узнал, что она — его сестра). Алами Деласкар, «богатый торговец и умелый фабрикант», предстает в образе мудрого, доброго и щедрого «отца всех морисков», рачительного хозяина и тонкого знатока искусств. Он заступается за брошенного в тюрьму мориска Сиди Загала, дает герцо-

гу де Лерма два миллиона реалов за обещание не высылать морисков (которое герцог нарушает). Он известен всюду и связан договорами с банкирами не только Барселоны и Кадиса, но также Амстердама, Венеции, Лондона, Марселя и Стамбула (как мы помним, Скриб не так уж сильно погрешил против истины, подчеркнув экономическую роль морисков).

Все мориски в романе твердо держат данное слово, сохраняют (пусть тайно) верность исламу и проявляют мужество во время их изгнания из Испании, защищая свою честь и достоинство и от произвола короля, и от инквизиторов, и от бандитов, хозяйничавших на кораблях, перевозивших морисков в Магриб. Восхищаясь морисками, Скриб иногда доходит до сверхпреувеличений, когда заставляет Деласкара говорить, что 2 млн. морисков (их никогда не было более 500 тыс.) «возделывали три четверти Андалусии, двух Кастилий, королевства Гранады, Мурсии и даже Каталонии».

Конечно, произведение Скриба принадлежит своему времени, когда французы воспринимали Испанию сквозь призму непростой истории отношений с ней, а также значительной доли традиционной романтики и экзотики, особенно когда речь заходила о маврах, цыганах и евреях. Кроме того, «маврофилия» Скриба, идеализация им морисков были проявлением присущего Западной Европе XIX в. либерализма и свободомыслия, отвергавших прежде всего церковную интерпретацию исторических событий. А именно такая интерпретация, предписывавшая осуждение морисков и вообще ислама, была официальной тогда в Испании и не могла вызвать сочувствия во Франции[108].

Тем не менее, в Испании вражда к маврам, морискам и мусульманам вообще держалась довольно долго. Это объясняется и памятью о многовековой Реконкисте, и разгулом клерикализма в XVI–XVIII вв., и наследием инквизиции, и культом монархии, вплоть до XX в. героизировавшей свою борьбу с маврами. Это сказывалось на менталитете испанцев. По мнению Николаса Кабрийяны, «как правило, во всех испанских произведениях искусства в средние века» мусульмане были антигероями, «христианин отождествлялся с благом, истиной и красотой, а мусульманин — со злом, ложью и уродством». Хо-

тя бывали исключения: вполне реалистическое изображение морисков (во время их крещения в Гранаде) в главном алтарном украшении королевской часовни в Гранаде, выполненной в 1519 г. Филиппе де Боргонья. Примерно к тому же времени относятся первые скульптурные и тоже реалистические изображения танцующих морисков австрийцем Николасом Тюрингом Старшим. К 1565 г. относятся гравюры с пейзажами испанских городов («Вид Гранады», «Вид Альхамы» и др.) художника Хофнагле, на которых изображены мориски. В XVII в. был известен гравер Франсиско Эйлан, также изобразивший крещение 40 морисков и североафриканцев в Гранаде в 1624 г. Ему же принадлежат изображения эпизодов войны в Альпухарре, убийства морисками в селении Ухигар в 1569 г. аббата Диего Переса де Гусмана и шести священников (причем мориски изображены в турецких тюрбанах и с ятаганами), а также страдания христиан, попавших в плен к морискам. На другой гравюре запечатлены разграбление и поджог церкви в Андараксе 28 декабря 1568 г. и убийство предводителем морисков Абенфараджем местных христиан. На третьей гравюре, «наиболее искусно выполненной», по мнению Н. Кабрийяны, изображен баск, замученный морисками 1 января 1568 г., группа морисков, вооруженных аркебузами и арбалетами, а также женщины-мориски, часть которых уже закрыли лицо в соответствии с мусульманским обычаем, другие — с открытыми моложавыми лицами, выражающими не жалость, а лишь любопытство. Кабрийяна обращает внимание на некоторую условность всех этих изображений, где весьма стереотипны образы турка в громадном тюрбане и с нереально большими усами, а также архитектура селений — не испанская, а как бы условно итальянская.

Изображения морисков встречаются во многих росписях испанских соборов, в которых работали лучшие художники страны, среди которых удачнее других рисовал морисков в 1587 г. Матео Перес де Алесио, которого испанцы называли «художник папы», так как он когда-то работал вместе с Микеланджело Буонаротти над росписью Сикстинской Капеллы в Ватикане. Выделялись также Франсиско Рибальта в Валенсии в 1603 г. и Хуан де Роэлас в 1604 г. в Севилье. Они в основном

изображали мифологические победы над маврами святого Яго, а мориски у них играли второстепенную роль «побежденных» и выглядели более чем условно.

Изображения морисков в живописи отнюдь не сводятся к вышеперечисленным. В докладах Луи Кардайяка и Амалии Гарсиа «Взгляд на морисков в живописи: две картины в Сакромонте в Гранаде» и тунисского искусствоведа Абд аль-Хакима Гафси-Слямы «Деревни морисков в творчестве французского художника Шарля Лальмана» (к сожалению, они были лишь прочитаны на симпозиуме в Загуане в мае 1997 г., но не опубликованы) содержится дополнительная информация на этот счет. Но и это, судя по всему, не последнее слово в данной тематике. В частности, участники симпозиума в мае 1997 г. могли любоваться в Загуане выставкой картин тунисского художника и историка Тауфика Хаджаиджа, этнографически точно (насколько это возможно по старинным гравюрам и архивным материалам) воспроизводящих быт, занятия, одежду и развлечения морисков[109].

Не остался равнодушен к морискам и процветавший в XVI–XVIII вв. испанский театр. Его историк Роналд Суртц (Принстонский университет США) считает, что до 2-й половины XVI в. мавры и мориски почти не появляются на испанской сцене, где выводятся (обычно в смешном виде, с большими усами и длинными бородами) турки, африканцы и вообще несколько абстрактные мусульмане, чаще всего — в образе корсаров. Но испанцы слишком хорошо представляли себе морисков, живших с ними бок о бок. Поэтому образ мориска (а сначала — и мавра) возникал (преимущественно не в первоклассных комедиях и фарсах) в испанской драматургии постепенно, ассоциируясь с представлением испанцев о магах и язычниках, связанных с темными силами, что во многом совпадало со стереотипами, распространявшимися церковной пропагандой. Причем появление такого образа мориска относится к 1565–1567 гг., т. е. к кануну восстания в Альпухарре, и совпадает с моментом отмены разрешения морискам говорить по-арабски, одеваться по-своему, придерживаться своих обычаев. Следует иметь в виду, что театр в Испании тогда носил преимущественно религиозный характер, а монополию на представления

получили церковные братства, создавшие постоянные публичные театры-коррали во всех крупных городах. Поэтому всякий раз, когда заходила речь о морисках, на первый план выходили диалоги сценических персонажей об изгнанных иудеях, чьими потомками будто бы являются мориски, об их неискренности как христиан, о соблюдении ими пищевых запретов и прочих обычаев ислама.

Разумеется, в таком театре мориск выглядел или шутом, или злодеем. Его демонизация удивительно противоречила его нередкой идеализации в повестях и романсах, черпавших сюжеты часто из фольклора (многим обязанного народным легендам, преданиям и песням мавров) и менее подверженных религиозному влиянию, чем контролировавшиеся церковью коррали. Вместе с тем, бесспорно, что значительная часть испанского общества, прежде всего его элита и духовенство, негативно относясь к морискам, во многом диктовала и драматургам, и актерам, какими именно надо показывать морисков на сцене[110].

Тем не менее, культура Испании, об особенностях которой ныне продолжаются споры, вобрала в себя весь противоречивый, богатый и сложный опыт своего многовекового развития, в том числе мифы, различные верования, обычаи, празднества, народные легенды, предания и драмы. Кое-что при этом заимствовалось у тех, кто жил по соседству и частично, а то и полностью интегрировался в местную среду. В частности, речь идет о маврах и морисках Наварры. Иногда их называли «турками», имея в виду вообще мусульман, доминировавших в Средиземноморье[111].

Именно в их среде зародилась особая форма народного театра, выражавшегося в трех видах диалога: между пастухами, между мусульманами и христианами, между ангелом и дьяволом. Эти диалоги прерывались народными танцами «с жезлами» или «со шпагами». Постепенно эти представления распространились на Арагон (особенно районы Теруэля, Уэски и Сарагосы), Каталонию и часть Кастилии (провинции Бургос, Гвадалахара, Куэнка и Касерес). При арагонском правлении в Неаполе в XV в. тоже стали танцевать «мореску», т. е. мавританский танец. Нечто похожее возникло во Франции в регионе

Тулузы, на Корсике и даже в Англии («моррис дэнс»). Но в трех последних случаях упор делался на имитацию битвы мавров и христиан[112].

С некоторыми изменениями варианты этого танца (особенно изображающих бой с маврами) сохранились до наших дней в Испании (в Уэске, Сарагосе, Авиле, Саламанке, в окрестностях Гранады и Ронды), во Франции, Италии, Бельгии и даже в Мексике. Иногда он меняет название в зависимости от местности или имени святого, в честь которого проводится праздник. В ряде случаев в спектакле появляются новые персонажи, например османский султан Сулейман Великолепный, султанша Зейта и другие[113].

Многие танцы «с жезлами» или «со шпагами» дожили до наших дней и утратили былую связь с борьбой против мавров и морисков. Теперь они ассоциируются с древнейшими обрядами, посвященными плодородию земли или воспитанию мужества будущих воинов. В то же время в праздничных шествиях по разным поводам в больших городах Испании с участием кукол, изображающих гигантов и большеголовых карликов, как правило, присутствуют мавританские персонажи. В празднике св. Пилар в Сарагосе один из «большеголовых» зовется «Морико» и имеет смуглый цвет кожи. В Памплоне во время празднества в честь св. Фирмина среди гигантов обязательны два темнокожих короля и две королевы, как бы представляющих Азию и Африку, что подчеркивается и наличием у них кривых турецких сабель и изображением полумесяца на головных уборах. В Севилье два гиганта в процессии — чернокожие.

Танцы, инсценировки, праздничные шествия в Испании сегодня несут на себе отпечаток влияния мавров и морисков, а кое-где и турок, короче — мусульман, которых всех называли «морос» (мавры). Воспринят испанцами был и «романсеро мориско», т. е. жанр романса, сложившийся у морисков в 1575–1585 гг.[114] Из него перешли в испанский фольклор не только многие образы, символы и сюжеты, но и представления о значении того или иного цвета в выражении человеческих чувств: зеленый цвет означал любовь, синий — верность, желтый — отчаяние, серый — тоску, грусть. В XVI–XVII вв. эти представления широко распространились в народных массах, а еще

раньше — в придворных кругах Испании, Нидерландов и даже Франции. У морисков эта палитра была даже богаче (что потом также передалось испанцам): зеленый, как цвет Пророка, означал также надежду на обновление жизни и духовное возрождение, желтый — вражду, синий — величие. Мориски всегда предпочитали одеваться в зеленое и, лишь изображая в танцах турок, одевались в красное (с белым тюрбаном). Христиане предпочитали синий цвет, но изображения святых и особенно Девы Марии облачались в белое.

Тексты, которые произносились в диалогах между танцами, иногда перекликались с текстами романсов, но чаще представляли собой религиозную полемику с привлечением текстов Корана и Евангелия. Победа всегда (благодаря Христу и Деве Марии) оставалась за христианами, но мавры обычно не принижались, а представлялись храбрыми, гордыми, превосходящими христиан в жестокости и уверенными в своем праве на землю Испании. Иногда местные поэты, сочинявшие диалоги, все же отходили от объективности и, считая мавров самоуверенными и надменными, отождествляли их с «побежденным дьяволом»[115].

Конечно, И. Кардайяк-Эрмосилья права, отмечая, что в изученных ею танцах «сказались народные предрассудки в отношении мавров». Они были порождены веками Реконкисты и усилиями католической церкви. Более того, на местах «праздник охоты на мавров» после завершения Реконкисты финансировался религиозными братствами, которые организовывали его в угодном им духе «очищения» от «мавританского прошлого», противопоставления морискам «истинных христиан», втройне страдающих от мусульман (таких, например, как один из персонажей карнавала в Алаве, Хуан Лобо, одновременно — мориск, бандит, терроризующий весь регион, а также — гроза пастухов, так как «лобо» — это по-испански волк). Иными словами, многое из наследия мавров (иногда — с негативной оценкой) все же прочно вошло в культуру Испании и неразрывно с ней связано. Еще в 1517 г. Карла V, впервые приехавшего в Испанию, приветствовали в Сан-Висенте танцем девушек, одетых как мавританки. Пасторали такого рода разыгрывают в Наварре, Арагоне и Стране Басков и в наши дни. В

восьми регионах эти спектакли сохранились полностью, в девяти — многое утратили, сохранив лишь танцы. Еще больше этих спектаклей осталось в прошлом. По данным историков, они играли в испанском обществе не только эстетическую и эмоциональную роль, но и воспитательную, и морально-профилактическую, сплачивая христианские общины и отсекая от них «чужаков» — морисков, африканцев, иудеев, цыган, которые обрекались на маргинализацию и, гораздо реже, при крайне благоприятных обстоятельствах (особенно — с соизволения инквизиции), на ассимиляцию. Так что явно не случайно «палотеадо» — название танца «с жезлом», сохранившегося с XV в. и имитировавшего почти всегда битву мавров с христианами, — имеет и второе значение — «перепалки, потасовки»[116].

Было бы, однако, не вполне верно делать окончательный вывод о преимущественно негативном изображении морисков в испанском искусстве. Оно скорее неоднозначно и противоречиво, каким и было положение морисков в Испании. Никто из литераторов, драматургов и художников Испании не обошел молчанием исключительную сплоченность морисков, их «опасность» для общества (ввиду убеждения в «их неверности королю»), их неискренность и притворство в вопросах веры, ибо считалось, что мориски, вынужденные креститься, в глубине души оставались мусульманами, хотя на деле не всегда это было так. Их часто называли «варварами» и «развратниками», но при этом признавали их упорство, знание своего дела, коммерческие способности и трудолюбие. Со страниц произведений столь разных авторов, как Мигель Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон, Гонгора, Перес де Ита, Мигель Алеман и другие, мориски предстают то идеализированными, то грубо реалистичными, то бедными и смешными, то враждебными и упрямо отвергающими ассимиляцию. Во многом эти характеристики отвечали истине, во многом — принадлежали тому или иному периоду (ибо отношение к морискам, особенно в деталях, менялось время от времени), а нередко — просто выражали личное отношение или даже настроение автора. К тому же следует учесть давление инквизиции и периодически публиковавшиеся произведения авторов-маврофобов вроде Аснара или

Фонсеки, сочувственно встречавшиеся большинством читателей-католиков и сильно влиявшие на общественное мнение страны[117].

На более позднем отношении к морискам, но преимущественно — за пределами Испании, сказалась романтизация Аль-Андалуса и всего, что было с ним связано, наиболее ярко выраженная в повести Франсуа Рене Шатобриана «Последний из Абенсерраджей» (1826 г.) и знаменитой книге Вашингтона Ирвинга «Альгамбра», вышедшей в 1832 г. и дополненной в 1851 г. После этого «маврофилия» стала своего рода модой в Испании XIX в. и нашла воплощение в творчестве Мартинеса де ла Росы (пьесы «Морайма», «Абен Умейя», «Донья Исабель де Солис»), в стихах Анхеля де Сааведры 1820–1837 гг., в поэме «Гранада» 1852 г. Хосе Соррильи. Однако к концу XIX в. «маврофилия» почти исчезла в связи с наступлением эпохи колониализма. В арабской литературе тема Аль-Андалуса, мавров, морисков и их трагедии, разумеется, сохранилась, но не получила пока достойного выражения. Тем не менее, арабские писатели нашего времени, особенно магрибинцы, все чаще возвращаются к этой теме.

Наиболее ярким таким возвращением стоит признать, по нашему мнению, роман алжирского писателя Васини Лареджа «Хранительница теней. Дон Кихот в Алжире», с 1996 г. не раз переиздававшегося на арабском и французском языках. Он повествует о поездке в Алжир в разгар шедшей в стране с 1992 г. гражданской войны испанского журналиста Васкеса де Сервантеса из Альмерии, приехавшего для ознакомления с местами заключения своего знаменитого предка Мигеля Сервантеса в XVI в. Следует цепь приключений, тяжелых испытаний и, казалось бы, безвыходных ситуаций, в которые Васкес де Сервантес, прозванный на родине «Дон Кихотом» за внешнее сходство с этим персонажем и соответствующее поведение, вовлекает Хсисена (Хасана), занимающегося в министерстве культуры Алжира связями с Испанией. В романе много внутренних монологов, а также сопоставлений реальности Алжира XVI в. и современного, поступков и менталитета алжирцев нашего и того времени. Очень большое место в романе отведено

противоречиям и несправедливостям гражданской войны и вообще «горячей повседневности» Алжира конца XX в.

Но особое место в тексте Лареджа занимает андалусская тема. Она возникает в диалогах персонажей, в описаниях «андалусских лабиринтов», патио, аркад и «сияющих изразцов» на фасадах старинных домов Алжира, в упоминании Ашмета Талема — «мавра из тагаринов» (беженцев из Арагона), но, главное, в рассказах Ханны, слепой бабушки Хсисена, вспоминающей своего «андалусского прадеда» и других предков-мавров, изгнанных в свое время из Испании, их «андалусскую виллу» Джнинет Лемдина, которую она называет «потерянным раем». В своих записках Васкес, успевший побывать в алжирской тюрьме, вспоминает ее предка, крикнувшего инквизиторам: «Я ни минуты не останусь в Андалусии, если в ней сжигают книги и превращают тексты в пепел». В мечтах Васкеса переводчица Майя, помогавшая ему в Алжире, сливается с образом прекрасной Зорайды, в которую был влюблен Сервантес в годы своего алжирского плена. Слушая рассказы Ханны и Майи, вспоминая все им прочитанное о XVI в., включая сведения о 200 лучниках-маврах, участвовавших в изгнании испанских оккупантов при Хайраддине Барбароссе, Васкес как бы объединяет в своих представлениях мавров Аль-Андалуса, перебравшихся в Алжир, и современных алжирцев, помнящих о своих корнях и вполне обоснованно считающих Аль-Андалус важнейшим звеном в развитии своей цивилизации. А столица страны, как объясняет ему Майя, это — «был другой огромный красивый город, многообразный и пестрый, в котором смешивались… ученые разных наций Европы», ныне (т. е. в годы гражданской войны. — *Р. Л.*) ставший «закрытым … враждебным самому себе и своей собственной истории». Вложенную в эти строки горечь автора можно понять, как и слова Васкеса о том, что города сами по себе прекрасны, а люди «превращают их в кладбища». Но на его вопрос, почему Майя не покидает родину, она отвечает: «Моя судьба — быть здесь, на земле моих предков, безумных, мудрых, ренегатов, корсаров, мавров, евреев, мусульман, христиан, финикийцев, берберов, вандалов, римлян, арабов, турок, испанцев, французов… Я горда тем, что из простой Дульцинеи стала значительной женщиной, вла-

деющей четырьмя языками… и профессией врача… В этом — мое отличие от Зорайды твоего предка»[118].

Конечно, андалусская тема — не главная в романе, посвященном в основном «черному десятилетию», как называют время гражданской войны (1992–2002) в Алжире. Но Васини Ларедж сумел, соединяя реальность и художественный вымысел, фантазию и точность ученого (он — профессор Сорбонны и университета Алжира), показать значимость Аль-Андалуса для истории и культуры его родины, многим обязанной маврам и морискам.

Как видим, мориски (а до них — мавры и мудехары) на родине и вне ее живы в памяти своих потомков и тех народов, в духовную и материальную культуру которых они внесли неоспоримый вклад. Более того, они способствовали выработке общих черт культуры всех народов Средиземноморья и даже содействовали распространению ее влияния на острова Атлантики и отдаленные территории Америки, Африки и Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема судьбы морисков тесно сплетается с вопросом об их значении и месте в истории и культуре. Об их заслугах, несчастьях и политической роли споры идут вплоть до настоящею времени. Гораздо меньше сомнений вызывает их культурное наследие, значительная часть которого стала достоянием многих народов Средиземноморья, особенно западного. Лучше всего об этом сказал алжирский исследователь Белькасем Драрджа в апреле 1999 г. Охарактеризовав в целом культуру Аль-Андалуса, он отметил, что народы Испании и Магриба, а также некоторых стран Европы, частично или полностью позаимствовали у нее искусство архитектуры, столярничества, гравировки, декора (иногда — в виде арабской вязи или подражания ей), производство шелка, ювелирное мастерство, гастрономию (прежде всего — производство сладостей), выделку одежды и обуви, оружия, предметов из кожи и меди. При этом основная часть всего этого была воспринята средиземноморцами именно от морисков, хотя влияние Аль-Андалуса в регионе отмечалось и ранее. Это в еще большей мере относится к сельскому хозяйству, его технике (особенно — механизмам ирригации и водяным мельницам) и таким культурам, как артишоки, сахарный тростник, хлопок, оливы и оливковое масло. Далее Драрджа называет книгоиздание, производство бумаги, каллиграфию, разные виды декора, различную, в том числе научную, терминологию, а также «влияние морисков в сфере музыки как средневековой, так и современной в Испании и Латинской Америке», включая фламенко, самбу и другие танцы, а также состав инструментов оркестра[1].

Последние исследования, в частности проведенные на Пуэрто-Рико профессором Лусе Лопес-Баральт, внесли кое-что новое и в характеристику морисков, и в наши представления об их самосознании. Вопреки создававшемуся «маврофилами» образу гордого и галантного мавра и, наоборот, часто встречавшемуся в испанской литературе типажу «униженного,

обедневшего и ненавистного», даже «склонного к предательству» мориска, Лопес-Баральт утверждает, что сами мориски очень хотели стать «западными христианами», а в их подпольной литературе на языке альхамиадо представляли себя «светлокожими блондинами», хотя на самом деле были «смуглыми брюнетами», очень желавшими походить «на испанских завоевателей». Иными словами, «процесс их культурной ассимиляции с западным христианством уже начался» и вполне мог быть продолжен, если бы не «ярость и ненависть» так называемых «старых христиан». В связи с этим в текстах на альхамиадо мориски сами себя характеризуют как «печальный народ, обреченный на плач и стенания». В этих текстах редко встречаются «юмор или радость, как это можно было бы ожидать от подобного коллективного литературного творчества, подверженного в историческом и культурном плане воздействию официального испанизма»[2].

Конечно, на самосознание и самоощущение народа во многом влияют особенности и обстоятельства его исторического существования. Трагедия морисков как народа определялась в первую очередь исчезновением Аль-Андалуса, наследниками которого они были, невыносимыми условиями жизни в Испании Габсбургов, требовавшей от них полного самоотречения, и, наконец, изгнанием с родной земли, что означало не только утрату отечества, но и собственного лица, своей этнокультурной и социально-исторической самобытности. Ибо эта самобытность определялась сложным синкретизмом культуры морисков, которая носила, подобно некоторым другим культурам Средиземноморья, **переходный и пограничный характер**, одновременно как бы представляя Восток на Западе, а Запад на Востоке, что в общем-то не устраивало ни Восток, ни Запад[3]. Историческая несправедливость данной ситуации заключалась в том, что эта миссия культуры морисков, возникшая в эпоху перехода от средневековой иберо-мусульманской культуры к иберо-христианской культуре Нового времени, духовно и материально обогатив Испанию и Португалию (да и во многом все западное Средиземноморье), не была оценена по достоинству ни на Западе, ни на Востоке. Лишь позже, по прошествии столетий, важность роли мусульман и других жи-

телей Аль-Андалуса, мудехаров и морисков, стала общепризнанной, особенно — в области передачи Западу достижений духовной и материальной культуры Востока[4]. Точно так же было установлено значение совместной деятельности на Иберийском полуострове мусульман, христиан, иудеев, а позже — мудехаров и марранов, для всех иберийцев, в том числе для формирования культуры, психологии и повседневной жизни морисков, в которых достаточно причудливо и противоречиво сочетались компоненты разных цивилизаций, религий, социолингвистических и социоисторических характеристик[5].

Поэтому не вполне точен Джон Дерек Лэтэм, не видящий разницы между мусульманами Аль-Андалуса, мудехарами и морисками. Да, это был один народ, но на разных этапах своего развития живший в различных условиях, сталкивавшийся с неодинаковыми проблемами и подвергавшийся весьма разнообразным влияниям. Кроме того, неостановимый бег времени так или иначе меняет и отдельных людей, и целые социумы. А среди морисков эти перемены происходили в чрезвычайных обстоятельствах их **крайне нестабильного существования на грани между миром ислама и миром христианства**. Вот почему их этническое, социальное и культурное бытие всегда оставалось «пограничным», т. е. неопределенным, шатким и ненадежным вплоть до их изгнания. При исчезновении к 1492 г. территориальных границ вполне сохранялись гораздо более важные границы — моральные, религиозные (хотя формально их вроде бы не было после 1525 г.), этносоциальные, которые сложились исторически и оказались непреодолимым барьером для проводимой Габсбургами политики национально-конфессиональной ассимиляции, лишь углубившей и обострившей межцивилизационные противоречия на полуострове[6].

Но могло ли быть иначе? Теоретически — вполне. В наши дни многие исследователи видят в морисках «особую группу испанского общества», пытавшуюся «выразить по-испански» свое цивилизационное и религиозное кредо. Другие доходят до признания общности культуры всех жителей Испании XVI в., «в равной мере мусульманской и христианской». Но при этом подчеркивается «неспособность морисков полностью ассими-

лироваться с христианами Испании, как и с мусульманами Северной Африки»[7]. Думается, что это — спорно. Автору этих строк уже приходилось доказывать, что культура морисков, своеобразно сочетая в себе «общие черты мусульманской культуры Арабского Запада, включая Магриб, и христианской культуры Иберийского полуострова, могла только поэтому слиться как с той, так и с другой»[8]. Это подтверждается хотя бы тем, что мориски, согласно мнению М. Гарсиа-Ареналь, образовывали в Испании «меньшинство, так сказать, гибридное, исламское, но находившееся на очень высокой стадии культурной интеграции в общество большинства». В то же время после их исхода в Магриб в равной степени проявилась общность их культуры (со всеми ее специфическими чертами) и культуры Магриба. Долго сохраняя свою специфику, они в конце концов полностью интегрировались в социумы Магриба, да и прочих стран ислама (Египта, Палестины, Сирии, Турции). Но это вовсе не означает, что мориски всегда были «полностью исламским и традиционным» социумом. Эта точка зрения игнорирует синкретизм культуры морисков, длительный и извилистый путь их эволюции, особенности их разных групп и различных этапов их развития[9].

Занявшись в Магрибе и других странах ислама всеми видами посреднической и предпринимательской деятельности, мориски как бы доказали обоснованность предположений тунисских и алжирских авторов относительно того, что они еще до изгнания образовали новый социальный слой испанского общества, претендуя на роль «представителей современного капитализма»[10]. Это мнение еще нуждается в тщательном обосновании, потому что, по сути дела, мориски не могли сыграть эту роль нигде: в Испании монархия, духовенство, «идальгия» и фанатизированная ими чернь, да и зарождавшаяся испанская буржуазия, прочно блокировали развитие этого «среднего квазикласса» из морисков, марранов и прочих «изменников Богу и королю», а в странах ислама в XVI–XVII вв. еще не созрели условия для «современного капитализма». Впрочем, сама постановка вопроса о развитии из элиты морисков «эмбриона зарождавшейся предбуржуазии (или полубуржуазии) … задушенной королевскими и церковными властями

Испании», вполне правомерна[11]. Но решить этот вопрос, очевидно, можно будет, лишь объединив усилия морискологов и историков-испанистов.

Мориски в принципе могли ассимилироваться с иберийскими христианами: «стихийная интеграция» морисков в «мир испанизма» шла постоянно и к XVII в. уже налицо был некий синтез культур. Но эта аккультурация так и не произошла по политическим, идеологическим и социопсихологическим причинам. В то же время двойная принадлежность морисков к арабо-исламской и испанской цивилизациям определила их роль посредников между Европой и мусульманским Востоком, облегченную переходным и пограничным характером их синкретической культуры.

В этой связи надо подчеркнуть важность вклада морисков в социокультурное развитие практически всех стран Средиземноморья, как христианских, так и мусульманских. Этот вклад заметен прежде всего в Испании и Португалии, о чем уже говорилось. Но его нельзя игнорировать также во Франции и Италии. Сотни морисков, обосновавшись в Провансе, Бордо и Нормандии, прославились не только производством шелка, черепицы и некоторых изделий ремесла, но и активностью во внешней торговле, в частности путем налаживания и интенсификации коммерческих связей с разными регионами Магриба и Османской империи. Этим же были известны семьи морисков, жившие на Сицилии и Сардинии, на юге и в центре Италии. Купцы-мориски Бордо были связаны со своими единоверцами в Алжире и Триполи, а мастера керамики в Тунисе поддерживали деловые контакты с коллегами-морисками в Марселе[12].

Многое из привнесенного морисками в хозяйственную и социокультурную жизнь Средиземноморья было продолжением того, что было сделано мусульманами Аль-Андалуса в IX–XIII вв., маврами Гранадского эмирата в XIII–XV вв. и мудехарами Арагона и Кастилии в XI–XV вв. Это касается производства различных фруктов и винограда, фиников, технических культур, шелка и других тканей, стекла и самых разнообразных изделий ремесла, которые потом продавались на рынках Европы, Африки и Азии, атлантических и средиземноморских островов. Тем самым мориски (а до них — мавры), игравшие так-

же важную роль в торговле, способствовали развитию соответствующих отраслей хозяйства, появлению новых профессий и социальных групп, особенно в странах Магриба, всегда несколько отставáвших от Аль-Андалуса ввиду сравнительно высокой доли кочевников и горцев, превалирования родоплеменных отношений и межплеменной борьбы, разорительных нашествий берберов с юга и арабов с востока. Перебравшись в Магриб и другие страны, мориски в значительной степени подтолкнули процесс их урбанизации, приняв активное участие в созидании местных городов и городской жизни[13].

Эта сторона их деятельности прямо продолжала инициативу их предков в IX–XII вв., когда мавры аль-Андалуса активно заселяли прибрежные города Магриба и даже создавали некоторые из них, а в XIII–XV вв. играли значительную роль в экономике, интеллектуальной и религиозной (что имело большое социальное и политическое значение) жизни, политике и дипломатии магрибинских государств, способствуя «андалусизации» духовной и социальной жизни Туниса, Тлемсена, Феса и прочих столичных городов Магриба[14]. Это было, помимо всего прочего, время самых тесных и многообразных отношений Гранадского эмирата и государств Магриба, в которые переехало за три столетия до 400 тыс. мавров, проявивших себя практически во всех сферах жизни общества, в его культуре, особенно в формировании городских социумов, их морали и нравов[15]. Маврами и их потомками были заполнены почти все порты Магриба и другие города, стоявшие на караванных путях и причастные к вывозу из Африки золота, серебра и других ценных товаров. С конца XV в. заметно возрастает участие мавров Магриба в военной борьбе против Испании, в финансировании и оснащении этой борьбы, в судостроении и градостроительстве, включая возведение крепостей[16]. В Магрибе становятся известны военные предводители из их среды, прежде всего Абу-ль-Хасан аль-Манзари и Саид ибн Фарадж ад-Дугали, а также религиозные деятели из Аль-Андалуса, ставшие основателями или святыми покровителями магрибинских городов, не говоря уже о более поздних выдвиженцах из морисков: каиде Ибн Ганиме аль-Марбасе в Тунисе и богаче Сиди Али Морено в Алжире, а также шейхе Мустафе Карденасе и

архитекторе Хамиро аль-Андалуси аль-Гарнати, которые играли важную роль и в Тунисе, и в Алжире. Повсеместному выдвижению арабо-андалусской элиты способствовал ее более высокий уровень образованности и компетентности в политических, административных, да и прочих вопросах по сравнению с местными феодалами и родоплеменной знатью. Некоторые правители (например, Зайяниды в Тлемсене или Хафсиды в Тунисе) открыто отдавали предпочтение «иберо-мусульманам» при формировании госаппарата[17].

Борьба за гегемонию в Средиземноморье между Испанией и Османской империей, длившаяся более двух столетий, формально окончившись ничейным исходом, была фактически испанцами проиграна, ибо они не смогли захватить, как ни пытались, ни Алжир, ни Тунис, ни Триполи, и потом долго еще никак не могли защитить от налетов османских «гази» свои владения в Италии и на островах, а также побережье самой Испании. Во многом такой исход был определен активным участием на стороне османов корсаров Магриба, среди которых мориски, наряду с «ренегатами», играли решающую роль и в целом по своей подготовке и оснащению (не без помощи англо-голландских соперников Испании) превосходили испанский флот, технически архаичный и придерживавшийся устаревших методов навигации[18].

Усердно обучая магрибинцев «искусствам и технике» Европы, мориски привнесли в магрибинскую среду и некоторое обновление политических форм управления, создав, в частности, знаменитую «республику Сале» во главе с выборным советом по образцу испанского «кабильдо» (муниципалитета). И хотя она просуществовала всего несколько десятилетий, но все же успела оказать влияние на ряд других городов (Тетуан, Валидийя) и какое-то время играла роль «маяка модернизации» на западе Магриба, ухитряясь сочетать агрессивное корсарство с довольно успешными торговыми связями с Марселем[19]. В какой-то мере «диван», ограничивавший власть дея в Алжире (практически, но не формально), тоже возник не без влияния «республики Сале».

Впрочем, и в Алжире, и в Тунисе, и в Триполи мавры и мориски никогда не доминировали среди корсаров, большин-

ство которых составляли присылавшиеся османским султаном турки, «мамлюки греко-тюрко-кавказского происхождения» и янычары (обычно — из славян и жителей Балкан), а также «ренегаты» из западных европейцев. Можно говорить о высокой доле мавров и морисков среди корсаров лишь с конца XIV в. и до начала XVI в. (в Марокко этот период продлился до середины XVII в. благодаря энергии и богатству орначерос в Сале). Обычно же они доминировали среди тех, кто строил и ремонтировал корабли, оснащал их вооружением, финансировал боевые операции. По данным тунисского историка Фатхи Марзуки, занятия морисков в Магрибе, прежде всего в Тунисе, были «преимущественно мирными», сводясь к «торговле с Европой, кредитным операциям, коммерческому транзиту, аренде судов», но также — «работорговле», которая была прямо связана с корсарством и вряд ли может быть признана вполне «мирным» занятием[20].

Но это не должно вызывать удивления, учитывая все, что мы знаем о трагедии морисков и драматических поворотах их судьбы. Гораздо интереснее и ценнее признание известного французского историка Шарля-Андре Жюльена о том, что «мавры… составляли большинство горожан» в Алжире (в других странах Магриба было примерно то же к началу XVII в.) и, более того, в целом даже к 1830 г. были «в общем и целом, возможно, более образованны, чем французы, так как почти все они умели читать, писать и даже считать… говорили на нескольких языках и хорошо знали географию»[21].

Что касается Туниса, то именно сюда, начиная с XIII в., прибывали регулярно беженцы-мусульмане Иберийского полуострова. Сотни тысяч этих эмигрантов, по мнению С.-М. Збиса, а также ряда арабских и французских авторов, постепенно изменили во многом обычаи тунисцев, их язык, кулинарию, одежду, их познания в коммерции и ремеслах и многое другое, вплоть до архитектуры. В этом убеждают и многочисленные описания выстроенных иберо-мусульманами городов Туниса, их памятников в «испано-магрибинском стиле», их мечетей, мавзолеев, «специфически андалусских» кварталов, их лестниц, бастионов и керамических узоров. О том же свидетельствуют не менее многочисленные исследования тунисской

архитектуры, музыки, различных видов искусства, традиций и прочих сфер жизни, которые все носят печать «очень сильного андалусского влияния», в целом способствовавшего обновлению и ускорению развития страны[22]. Сохранение в Тунисе до 1886 г. должности «шейха андалусской нации» говорит о том, что традиции мавров и морисков в Тунисе укоренились наиболее крепко. Даже общий упадок экономики и обезлюдение многих поселений, выстроенных иберо-мусульманами, не подорвали этих традиций, полностью сохранившихся в архитектуре, эстетике и культуре в целом[23]. Явно не случайно в связи с этим именно Тунис стал с 80-х гг. XX в. ведущим центром мировой морискологии.

Некоторые западные морискологи склонны считать, что мавры и мориски способствовали «европеизации» Магриба. Более правильно, на наш взгляд, считать их не «вестернизаторами», а модернизаторами, обновителями. Причем эту роль они объективно играли уже в Испании, но не смогли преодолеть барьер репрессий и травли со стороны реакционного духовенства, паразитической и оголтело воинственной «идальгии», фанатизированных низов основной массы католиков и монархии Габсбургов, ослепленной успехами Реконкисты, идеями «чистоты истинной веры» и имперского великодержавия. После исхода с полуострова мавры и мориски взялись за модернизацию Магриба, во многих сферах обновив его и обогатив. Но ставить вопрос о том, образовали ли они здесь «средний класс» или даже «буржуазию», думается, еще преждевременно. Все же в Магрибе с его значительным удельным весом патриархальных социумов кочевников и горцев, с доминированием родоплеменных отношений и феодально-клановых связей условий для капиталистического развития еще не было (в отличие от Испании). Поэтому не могло быть ни «среднего класса», ни «буржуазии». Вместе с тем было бы неверно игнорировать наличие среди зажиточных морисков крупных коммерсантов, финансистов, землевладельцев, хозяев мануфактур, ремесленных мастерских и т. п. Но это была скорее «предбуржуазия» или «полубуржуазия», как правило связанная с работорговлей и рабовладением, ростовщичеством, феодальными методами эксплуатации и прочими средневековыми социаль-

ными институтами, ставившими под вопрос саму «буржуазность» этой этносоциальной группы. К тому же она была не так уж влиятельна, составляя, например, в Алжире менее 4% среди трехсот кланов местной знати[24].

Основную часть морисков составляли домовладельцы, чиновники, врачи, архитекторы, музыканты, моряки, интеллектуалы, служители культа. К тому же мориски далеко не все, тем более — после изгнания с родной земли, где многое было брошено (или отнято насильно), стали в Магрибе людьми состоятельными. Большинство их остались простыми горожанами, ремесленниками, мыловарами, портными, каменщиками, реже — садоводами или владельцами оливковых рощ. И конечно, всем им, вместе взятым, было далеко до правящей верхушки — высшей османской бюрократии, янычарских предводителей, корсарских раисов (среди которых хоть и встречались мориски, но доминировали все же «мевлед-руми» и османские гази) и феодалов, представленных вождями племен и кланов. Эти силы и в Алжире, и в других странах Магриба решали все, а не мориски, далеко не сразу и не везде (особенно в Алжире и Тунисе) прижившиеся и лишь постепенно находившие общий язык с весьма разнообразными (по происхождению, языку и культуре) магрибинцами, нередко враждебно настроенными не только к чужакам, но и друг к другу.

Тем не менее, пребывание морисков в Магрибе, безусловно, сильно повлияло на его развитие. К тому, что выше говорилось об их вкладе в культуру, экономику и другие жизненно важные сферы развития Магриба, следует добавить сохранение пусть тонкого, но очень значимого слоя интеллектуалов, творческой интеллигенции и мастеров-профессионалов в самых разных видах деятельности, являющихся не просто хранителями и любителями, но также умелыми продолжателями лучших традиций Аль-Андалуса. Они и сейчас составляют цвет образованных магрибинцев, сохранивших память о своих предках и в то же время занимающих ведущее место в науке, искусстве, системе просвещения, нередко — в политике и экономике[25]. В Марокко они даже образовали своеобразное сословие «фаси» (т. е. жителей Феса, где с XVI–XVII вв. сложился крепкий слой торгово-ремесленного и интеллектуального патрициата из мав-

ров и присоединившихся к ним морисков), сплотившее вокруг себя всех иберо-мусульман в Тетуане, Танжере, Рабате, Сале, Фесе, Мекнесе и прочих городах. Сблизившись с арабской аристократией шерифов (потомков пророка), они вскоре заняли ключевые посты в экономике, политике, культуре и госаппарате, что вызвало противодействие берберской знати и берберской буржуазии «суси» (выходцев из области Сус), менее богатых и влиятельных, но более многочисленных. Соперничество «фаси» и «суси» сохранилось до наших дней[26].

Мавры и мориски, как известно, селились по всему Средиземноморью. И хотя мы не располагаем данными об их численности и реальном влиянии в Египте, Ливии, Сирии, Ливане, Палестине и Турции, они, несомненно, внесли свой вклад в развитие этих стран и даже балканских провинций бывшей Османской империи[27]. Во всех упомянутых выше странах существовали их общины (например, в Салониках, в семи городах Египта, в некоторых селениях Палестины), и везде присутствие их было отмечено в самых разных сферах жизни общества — от сельского хозяйства до службы в армии[28]. Фактически мориски (как и мавры ранее) были рассеяны по всему Средиземноморью. В Магрибе, где их было больше всего, им удалось сохранить (до XIX в., а кое-где и до наших дней) свою этническую и культурную специфику. Во всяком случае, их коллективное самосознание проявляется и сегодня — в нравах, обычаях, традициях семейной и духовной жизни, в гордости своим положением наследников цивилизации Аль-Андалуса[29].

Они внесли большой вклад в развитие идеи общности мира Средиземноморья[30]. Средиземноморское единство с древности воплощалось во взаимовлиянии и взаимодействии культур, в их смешении и множественности межэтнических связей, в существовании одних и тех же этносоциальных групп в большинстве стран региона. Мориски, жившие в Испании и Португалии, во Франции и Италии, в Греции и Турции, Сирии и Палестине, Египте и странах Магриба, были в XVI–XVII вв. в центре контактов и столкновений этносов и культур Средиземноморья. К тому же они всюду, в Европе, Африке и Азии, представляли цивилизацию Аль-Андалуса, имевшую общие черты с культурами Востока и Запада. Поэтому роль морисков

как своего рода посредников между Востоком и Западом в испано-османскую эпоху была тогда живым воплощением средиземноморского единства, вернее — определенной общности истории, культуры, этнического происхождения и образа жизни разных народов вопреки всем конфликтам и даже войнам между ними. Именно мориски, исходя из характерного для цивилизации Аль-Андалуса синтеза социокультурных ценностей разных стран Средиземноморья, сумели больше, чем кто-либо, содействовать развитию всего региона[31].

Теоретически они могли ассимилироваться с испанцами и португальцами. Но этого не произошло в силу религиозных, политических и ряда других причин. Они долго не могли слиться с магрибинцами, в глазах которых были людьми Запада, но в конце концов достигли этого. И то и другое определялось переходным, пограничным, объективно посредническим характером культуры морисков, ее положением между двумя мирами, которое, в условиях ожесточенной вражды этих миров, не могло длиться вечно. Невозможность преодоления этой вражды в XVI–XVII вв. предопределила трагедию исхода морисков. Но, пережив эту трагедию и последующую аккультурацию в мире ислама (и, в небольшой степени, в Европе и Америке), т. е., казалось бы, исчезнув с лица земли в качестве самобытного этноса, мориски, тем не менее, сыграли свою роль в истории, оставив в ней заметный след. Они передали иберийцам и другим европейцам богатое наследие цивилизации Аль-Андалуса, что ныне общепризнано. Они существенно обогатили культуру, быт, искусство, архитектуру, ремесла и хозяйственную практику Магриба и других стран ислама. Наконец, главный урок взаимоотношений иберийских христиан с маврами и сменившими их морисками заключается в том, что обе стороны всегда выигрывали экономически и политически, а также в сфере культуры и искусства, когда действовали в согласии и сотрудничестве и, наоборот, проигрывали во всех областях, если враждовали и прибегали к насилию. Как мы убедились, несправедливость по отношению к морискам дорого обошлась Испании.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Kontzi R. La literatura aljamiada: la literatura de los últimes muslimes de España // Awraq (Madrid). 1978, № 1. P. 46.

[2] Подробнее см.: *Landa R. G.* Les Morisques: ethnie ou groupe social? // La moriscologie: orientation et méthodologie. Zaghouan, 2001. P. 101–108.

[3] *Ланда Р. Г.* Мориски в Магрибе // Вопросы истории, 1997, № 3. С. 51–59; *Landa R. G.* Le destin des Morisques dans le monde arabo-musulman // Le V-me Centenaire de la chute de Grenade 1492–1992. Zaghouan, 1993, t. 1. P. 377–384.

[4] О работе международных симпозиумов морискологов и главного их организатора — тунисского фонда Темими — см.: хроникальные заметки и обзоры в журнале «Восток/Oriens», 1996, № 2. С. 149–151; 1999, № 5. С. 188–189; 2001, № 6. С. 142–145.

[5] *Temimi A.* Acerca del descurso prononciado por Su Majestad El Rey Don Juan Carlos, el miercoles pasado en Medina-Azahara, Cordoba // Le V-e centenaire de la chute de Granade 1492–1992. T. 1. Zaghouan, 1993. P. 27–28; *Aguilera, Manuel Barrios.* Clásicos de moriscos redivivos // Chronica Nova: Revista de historia moderna de la Universidad de Granada, 19 (1991). P. 491–492.

[6] См.: *Ланда Р. Г.* Мориски в Испании // Вопросы истории, 1994, № 2. С. 172–174; *Он же*. Арабо-испанская культура в истории // Восток, 1991, № 3. С. 129–132; *Он же*. Взаимодействие цивилизаций на Иберийском полуострове (этнический и религиозный аспекты) // Восток, 1997, № 1. С. 16–27; *Он же*. Мавры Аль-Андалуса и мориски Испании // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001. С. 178–200.

[7] Поэтому о них мало что можно было сказать, даже когда речь о морискологии в России заходила на международных форумах. – См.: *Dyakoff N.* Les études arabes et arabo-andalouses des chercheurs de Pétersbourg et de Leningrad. Damas, 1990 (en arabe); *Landa R. G.* Les études morisco-andalouses en Russie // Actes du VI Symposium International d'Etudes Morisques sur état des études de moriscologie durant les trente derniéres annèes. Zaghouan, 1995. P. 117–123.

[8] См., например: *Прокопенко С. А.* Население Испании в XVI–XVII вв. Демографическая и социальная характеристика. Историографическое исследование. М., 2002; *Он же*. Количественные аспек-

ты депортации морисков: основные тенденции историографического анализа // Преподавание истории в школе, 2008, № 2. С. 35–38. В последней статье С. А. Прокопенко несколько отошел от своей прежней позиции 2002 г., признав хотя бы отрицательные для Испании результаты изгнания морисков. Вместе с тем текст его противоречив, содержит реверансы в адрес ненавистников морисков и множество ошибок в написании имен собственных, в цифрах, оценках и трактовке приводимых сведений.

[9] *Ахмед А.* Аль-андалусийун ва-ль-магариба фи билад аш-шам мин нихайя аль-карн аль-хамис ва хата нихайя аль-карн ат-таси аль-хиджрий (Андалусийцы и магрибинцы в Сирии в V–IX вв. хиджры). Дамаск, 1988; *Cardaillac L.* Le passage des Morisques en Languedoc. Montpellier, 1972; *Chejne A.* Islam and the West: the Moriscos. A Cultural and Social History. New York, 1983; *Epalza M.* Los Moriscos antes y después de la expulsion. Madrid, 1992.

[10] *Ланда Р. Г.* Загуан (Тунис) // Восток/Oriens, 1996, № 1. С. 148–150; *Ruiz, Juan Martinez.* Recension del libro de P. Longas «Vida religiosa de los moriscos» // Chronica Nova: Revista de historia moderna de la Universidad de Granada, 19 (1991). P. 514.

[11] *Temimi A.* Bibliographie générale d'Études Morisques. Zaghouan, 1995; Al-Qantara. Madrid, 1985, vol. VI, fasc. 1 y 2. P. 525–533; *Landa, Robert.* Les Morisques: ethnie ou groupe social // La moriscologie: orientation, méthodologie et sources documentaires nouvelles. Zaghouan, 2001. P. 101–108.

[12] Например, на VII симпозиуме в 1995 г. 6 докладов из 63 были посвящены разбору ранее неизвестных или неопубликованных документов из архивов Мадрида, Уэски, Тулона и Лондона. А на X симпозиуме в 2001 г. 8 из 51 доклада впервые вводили в научный оборот рукописи и документы из библиотек Мадрида, Барселоны, Овьедо и Рабата (Le VII Symposium International d'Études Morisques sur la Famille morisque: femmes et enfants. Zaghouan, 16–20 mai 1995; Le X Symposium International d'Études Morisques sur les Morisques et la Méditerranée aux XVI-e–XVII-e siècles. Fondation Temimi. Zaghouan, 9–12 mai 2001).

[13] *Temimi A.* Bibliographie générale… P. 3.

[14] См., например: *Bantreil N.* Morisques Andalous: témoignages inquisitoriaux. Montpellier, 1977; *Balancy E.* Les violentées en Andalousie. XVI-e–XVII-e siècles. Toulouse, 1982; *Barrios Aguilera M.* La repoblacion de la vega de Granada en tiempo de Felipe II. Atarfe (1572–1593). Granada, 1985; *Barrios Aguilera* M. Gitanos, Moriscos y canto flamenco. Sevilla, 1989; *Ben Jemia M. N.* La langue des derniers musulmans de l'Espagne. Tunis, 1987; *Buñes Ibarra M. A.* Los Moriscos

en el pensamiento historico. Madrid, 1983; *Sagarzazu M. E.* La conquista furtiva. Argentina y los hispanoárabes. Rosario, 2001.

[15] *Temimi A.* Bibliographie générale… P. 292–297.

[16] *Саидуни, Насир ад-Дин.* Сувар мин аль-хиджра аль-андалусийя иля-ль-джазаир: аль-муджтамаа аль-андалусий би-мадинатай бид-жайя ва аль-джазаир (Аспекты андалусийской эмиграции в Алжир: андалусийская диаспора в гг. Биджайя и Алжир). Тунис, 1993; *Cabrillana Ciezar N.* Almeria morisca. Granada, 1989; *Barcelo Torres M.C.* Minorias islamicas en el Pais Valenciano. Historia y dialecto. Valencia, 1984; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada: ensayo de historia social. Madrid, 1988; *Carrasco Urgoiti M. S.* El Problema Morisco en Aragon al comienzo del reinado de Felipe II. Valencia, 1969; *Epalza M., Paternina M.J., Conto A.* Moros y Moriscos en el levante peninsular. Alicante, 1983; *Ladero Quesada M. A.* Granada. Historia de un pais islamico (1232–1571). Madrid, 1979; *Pavon Maldonado B.* Cuidades hispano-musulmanas. Madrid, 1992.

[17] *Delpuech L.* Les Morisques en Estrémadure. Montpellier, 1991; *Vincent B.* Les transformations de la ville de Grenade au XVI-e siècle. Grenade, 1981.

[18] Цит. по: *Ланда Р. Г.* От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991. С. 75.

[19] *Хазанов А. М.* Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М., 2003. С. 3–35; *Torres C.* Mértola Almoravide et almohade. Mértola, 1988; *Boucharb A.* Islamologie et moriscologie durant les trente dernières années // Etat des études de moriscologie durant les trente dernières annèes. Zaghouan, 1985. P. 35–52; *Picard C.* Le Portugal musulman. L'Occident d'Al-andalus sous domination islamique. P., 2000; Saltès: una ciudad islamica. Madrid — Huelva, 1993.

[20] *Boucharb A.* Les crypto-muslmans d'origine marocaine et la société portugaise au XVI-e siècle. Montpellier, 1987, vol. I. P. 66; Métiers, vie religieuse et problematiques d'histoire morisque. Zaghouan, 1990. P. 51–60; *Read J.* The Moors in Spain and Portugal. L., 1974.

[21] *Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. Madrid, 1975; *Она же.* Inquisicion y Moriscos. Madrid, 1983; *Garcia Ballester L.* Medicina, ciencia y minorias marginadas: los moriscos. Granada, 1977; *Epalza M.* Los Moriscos en el pensamiento historico. Madrid, 1983; *Он же*. Jesus otage. Juifs, Chrétiéns et Musulmans en Espagne (VI–XVII siècles). P., 1987; *Caro Baroja J.* El grupo etnico Morisco. Madrid, 1974; *Ladero Quesada M. A.* Los mudéjares de Castilla y otros estudios de Historia Medieval Andaluza. Granada, 1989; *Gozalbes Busto G.* Los Moriscos en Marruecos. Granada, 1992; *Gonzalez Palencia A.* Moros y cristianos en España medieval. Madrid, 1945; *Vilar J. B.* Los Moriscos del Reino de

Murcia y Obispado de Orihuela. Murcia, 1992; *Viguera Molins M. J.* Aragon musulman. Zaragoza, 1988.

[22] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens: un affrontement polémique (1492–1640). P., 1977; *Он же.* Les Morisques et l'Inquisition. P., 1990; *Vincent B.* Minorias y marginados en la España del Siglo XVI, Granada, 1987; *Dominguez Ortiz A, Vincent B.* Historia de los moriscos. Vida y tragedia de una minoria. Madrid, 1978; *Fournel-Guerin J.* Les Morisques aragonais et l'inquisition de Saragosse (1540–1620). Montpellier, 1980; *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. Les inquisiteurs des îles face à l'islam, 1550–1700. P., 1992; *Martinez F.* Les Morisques en Espagne après 1609. Montpellier, 1988; *Vidal J.* Quand on brûlait les Morisques. Nîmes, 1986.

[23] *Мануни М.* Ат-тарих аль-андалуси мин джилаль ан-нусус (История андалусийцев в блеске текстов). Касабланка, 1991. *Инан М. А.* Нихайят аль-андалус ва таарих аль-араб альмутанассарин (Конец Аль-Андалуса и история крещеных арабов). Каир, 1966; *Хатамлах М. А.* Ат-тансир аль-касрий ли муслими аль-андалус фи ахд альмаликайн аль-касуликайн (Принудительное крещение мусульман Аль-Андалуса в эпоху двух католических королей). Амман, 1980; *Harvey L. P.* The Literary Culture of the Moriscos (1492–1609). Oxford, 1958; *Он же.* Islamic Spain. 1250 to 1500. Chicago – London, 1990; *Labarta A.* La onomastica de los moriscos valencianos. Madrid, 1987; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P., 1959; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. L., 1986; *Lea H. Ch.* A History of the Inquisition of Spain. New York, 1966, vols. I–IV; *Он же.* The Moriscos of Spain: their conversion and expulsion. New York, 1968; *Levi-Provençal E.* Leyendas moriscas. Madrid, 1984; *Marquez Villanueva F.* El Problema morisco. Lerida, 1991; *Lopez Baralt L.* Huellas del Islam en la literatura española. Madrid, 1989.

[24] См.: *Ланда Р. Г.* Загуан – город морисков // Азия и Африка сегодня, 1995, № 11. С. 48–50; *Ланда Р. Г.* Загуан (Тунис) // Восток/Oriens, 1996, № 1. С. 148–151; *Ланда Р. Г.* 10-й симпозиум по изучению морисков в Загуане // Восток/Oriens, 2001, № 6. С. 142–145. Вопреки утверждению С. А. Прокопенко (см.: Преподавание истории в школе, 2008, № 2. С. 36), «наибольшего интереса» из работ Темими заслуживает не его «Общая библиография исследований морисков» 1995 года издания, а его труды по конкретным вопросам, в частности — изданная еще в 1989 г. на арабском и французском языках монография «Османское правительство и проблема морисков». Его перу принадлежат также несколько монографий об отношениях арабских стран с Европой и Османской империей (последняя покровительствовала морискам) и десятки статей, докладов на симпозиу-

мах, критических заметок и выступлений. — См. также: *Temimi A.* Recherches et documents d'Histoire Maghrèbine. Zaghouan, 2000.

[25] *Абд аль-Карим Г.* Аль-мурискийун таарихухум ва адабухум (Мориски, их история и литература). Каир, 1990; *Абд ар-Рахман Г.* Аль-ислам фи-ль-андалус баада сукут гирната мин хиляль васаик лям таншур баад (Ислам в Аль-Андалусе после падения Гранады по неопубликованным документам) // Mélanges Louis Cardaillac. 1995, t. II, Section arabe. P. 133–146; *Бен Аббуд М.* Аль-мурискийун фи нихайят дувваль ат-таваиф мин хиляль ан-нусус ат-таарихийя аль-андалусийя (Мориски в конце периода «таваиф» в свете андалусийских исторических текстов) — Аль-Бахс аль-ильмий (Научные исследования). Рабат, 1985, № 35. С. 31–48; *Мустафа Ш.* Аль-Андалус фи-т-таарих (Аль-Андалус в истории). Дамаск, 1990; *Саидуни, Насир ад-Дин.* Дирасат андалусийя. Мазахир ат-таасир аль-ибирийя ва-ль-вуджуд аль-андалусий фи-ль-джазаир (Андалусийские исследования. Факторы иберийского влияния и присутствие андалусийцев в Алжире). Бейрут, 2003; *Туати А.* Маасат инхияр аль-вуджуд аль-арабий фи-ль-андалус (Трагическое завершение арабского присутствия в Аль-Андалусе). Касабланка, 1967; *Berbar A.* La communauté morisque de royaume de Valence d'après des témoignages inquisitoriaux de l'époque de Philippe II. Alger, 1979; *Razouk M.* Los moriscos y su emigracion a Marruecos durante los siglos XVI y XVII. Casablanca, 1987; *Zbiss S. M.* Présence espagnole à Tunis. Tunis-Barcelone, 1969.

[26] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951; *Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. М. – Л., 1937; *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. М., 1967; *Монтгомери Уотт У.* Влияние арабов на средневековую Европу. М., 1976; *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. М., 1976.

[27] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 147.

[28] *Zayas R.* Les Morisques et le racisme d'Etat. P., 1992.

[29] *Бадр А.* Таарих Аль-Андалус (История Аль-Андалуса). Дамаск, 1983; *Arié R.* L'Espagne musulmane au temps des Nasrides (1232–1492). P., 1973; *Braudel F.* La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1966; *Burns R. I.* Medieval colonialism. Postcrusade exploitation of Islamic Valencia. Princeton, 1975; *Burchhardt T.* La civilisation hispano-árabe. Madrid, 1979; *Guichard P.* Al-Andalus, 711–1492. Une histoire de l'Andalousie arabe. P., 2000; *Hess A.* The forgotten frontier. A history of the sixteenth century Ibero-African frontier. Chicago — London, 1978; *Lane-Poole S.* The Moors in Spain. Beirut, 1967; *Sanchez-Albornoz Cl.* El Islam de España y el Occidente. Madrid, 1974; *Tarchouna M.* Les Marginaux. Tunis, 1982.

[30] Actes des Symposiums Internationaux d'études morisques sous la direction du professeur Emérite Abdeljelil Temimi: Las practicas musulmanas de los moriscos andaluces (1492–1609). Zaghouan, 1989; Métiers, vie religieuse et problématique d'histoire morisque. Zaghouan, 1990; Le V-e Centenaire de la chute de Grenade. 1492–1992. Zaghouan, t. 1–2, 1993; Etat des recherches en moriscologie durant les trente dernières années. Zaghouan, 1995; Famille morisque: femmes et enfants. Zaghouan, 1997; Images des morisques dans la literature et les arts. Zaghouan, 1999; La moriscologie: orientation, métodologie et sources documentaires nouvelles. Zaghouan, 2001; Morisques, Méditerranée et Manuscrits aljamiado. Zaghouan, 2003; Huellas literarias e impactos de los moriscos en Tunez y en America Latina. Tunis, 2005.

[31] Les Morisques et leur temps. P., 1983; Les Morisques et l'Inquisition. P., 1990; *Kontzi R.* La poliglossie chez les morisques // Les actes de la première table ronde du CIEM: Sur la littérature aljamiado-morisque: Hybridisme linguistique et univers discursif. Tunis, 1986 (en francais et en arabe).

[32] Etudes sur les moriscos andalous en Tunisie. Madrid–Tunis, 1973; Grenade 1492–1992. Du Royaume de Grenade à l'avenir du Monde Mèditerranéen. Grenade, 1997; Chrétiens, musulmans et juifs dans l'Espagne médiévale. De la convergence à l'expulsion (sous la direction de R. Barkaï). P., 1994.

[33] См.: Sharq al-Andalus (estudios mudéjares y moriscos). Num. 12, Teruel-Alicante, 1995.

[34] Al-Qantara. Madrid, 1980–1992, t. I–XIII; Revue d'Histoire Maghrebine. Zaghouan, 1974–1995, № 1–76; Revue d'histoire et civilisation du Maghreb. Alger, 1966, № 2. P. 26–51; 1967, № 2. P. 32–53; № 3. P. 75–87; 1968, № 5. P. 37–62; 1969, № 6–7. P. 27–31; 1970, № 2. P. 39–51; 1974, № 11. P. 29–31.

[35] Homenaje a don Antonio Dominquez Ortiz. Madrid, 1991; Homenaje al Dr. don Juan Reglá Campistol. Valence, 1975; Hommage á l'école d'Oviedo d'études Aljamiado (dédié au Fondateur Alvaro Galmés de Fuentes). Tunis, t. 1–2; Mélanges Louis Cardaillac. Zaghouan, 1995, t. 1–2; Mélanges Maria Soledad Carrasco Urgoiti. Zaghouan, 1999, t. 1–2; Mélanges Luce Lopez-Baralt. Zaghouan, 2001, t. 1–2.

Глава I

[1] *Landa R. G.* Les maures et les morisques dans le roman de Jan Potocki «Manuscrit trouvé a Saragosse» // Images des Morisques dans la literature et les arts. Zaghouan, avril 1999. P. 149–162, 251–260;

Messner D. Morisque: histoire et diffusion européen d'une Mot // Le V-e centenaire de la chute de Grenade. 1492–1992. Zaghouan, fevrier 1993. P. 497–514; *Coste J.* Le role de "lo moro" dans le development de l'information écrit; *Gonzalez-Raymond A.* Morisques et renegats: une identité de destin, une question d'identité // Métiers, vie religieuse et problèmatiques d'histoire morisque. Zaghouan, 1990. P. 111–116, 149–166.

[2] БСЭ. Т. 15. М., 1974. С. 145; *Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А.* Искусство арабских народов (средневековый период). М., 1960. С. 137; Brignon J., Amin A. et autres. Histoire du Maroc. Casablanca, 1967. P. 25.

[3] Марокко. Исторический обзор. Королевство Марокко. Министерство информации (Montrouge, 1967). С. 15. В то же время французский историк Пьер Левек считал древних мавров одним из ливийских (протоберберских) народов наряду с гетулами, нумидийцами и другими (*Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 185).

[4] *Циркин Ю. Б.* Финикийская культура в Испании. М., 1976. С. 36; *Шифман И. Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М. – Л., 1963. С. 97.

[5] *Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. С. 9. Ныне «моро» – это мусульмане Филиппин (со времен господства Испании на Филиппинах).

[6] Там же; *Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А.* Искусство арабских народов... С. 137, 180; Revue d'histoire et de civilisation du Maghreb. Alger, 1974, № 11. P. 45.

[7] У. Монтгомери Уотт переводит термин «мудехар» как «получивший разрешение остаться» и «одомашненный» (*Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 145). Но это – скорее определение сути понятия, нежели его точный перевод.

[8] Там же. С. 153; Вопросы истории, 1994, № 2. С. 173; Religion, Identité et Sources Documentaires sur les Morisques Andalous. Tunis, t. 1, 1984. P. 22–44, 270.

[9] *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании (VIII – первая треть XI в.). М., 1977. С. 15; *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. М., 1990. С. 82; *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 28.

[10] *Arkoun, Mohammed.* Actualité d'une culture méditerranéenne. Tampere, 1990. P. 9–14.

[11] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 41; *Bennassar B.* Historia de los Españoles. Siglos VI–XVII. Barcelona, 1989. P. 66–88. — См. также: *Glick Th.* Islamic and Christian Spain

in the early Middle Ages: comparative perspectives on social and cultural formation. Princeton, 1979.

[12] *Bennassar B.* Historia de los Españoles… P. 20–21; *Leroy B.* L'expulsion des juifs d'Espagne. P., 1990. P. 19.

[13] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 10, 17.

[14] *Циркин Ю.Б.* Финикийская культура в Испании. С. 222.

[15] *Bennassar B.* Historia de los Españoles… P. 17–19.

[16] *Guichard P.* La España musulmana. Madrid, 1995. P. 10–50; см. также: *Guichard P.* Estructura antropologica de una sociedad islamica en Occidente. Barcelona, 1976; Mann V.B., Glick T.F., Dodds (eds.) Convivencia. Jews, Muslims and Christians in Medieval Spain. New York, 1992.

[17] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1986, т. 1. С. 116.

[18] *Menendez Pidal R.* Historia de España. Madrid, t. VI, 1982; t. XVII, 1990; *Sanchez-Albornoz Cl.* España Un enigma historico. Barcelona, 1983; *Olague I.* Les Arabes n'ont jamais envahi l'Espagne. P., 1969.

[19] *Castro A.* The Structure of Spanish History. Princeton, 1954. P. 87; см. также: *Castro A.*, Realités de l'Espagne, histoire et valeur. P., 1963; *Castro A.* España en su historia: cristianos, moros y judios. Barcelona, 1983.

[20] *Arié R.* L'Occident Musulman au Bas Moyen Age. P., 1992; *Asin Palacios M.* Huellas del Islam. Madrid, 1941; *Cagigas I.* De las minorias etnico-religiosas de la Edad Media española. Madrid, 1948–1949; *Chejne A. G.* Muslim Spain. Minneapolis, 1974; *Garcia Gomez E.* Elogio del Islam español. Madrid, 1954.

[21] *Conrad Ph.* Histoire de la Reconquista. P., 1998. P. 16–17.

[22] Там же. С. 10–11; *Collins R.* The Arab conquest of Spain. Oxford, 1989.

[23] *Kontzi R.* La literatura aljamiada... P. 46.

[24] *Ланда Р. Г.* Роль ислама во взаимодействии и синтезе цивилизаций на Иберийском полуострове в VIII–XVII вв. // Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия. М., 1994. С. 194.

[25] *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании. С. 21; *Ал-Хушани М.* Книга о судьях. М., 1992. С. 43–44.

[26] Ислам и проблемы… С. 195; Проблемы арабской культуры. Памяти И. Ю. Крачковского. М., 1987. С. 258; *Guichard P.* L'Espagne et la Sicile musulmanes aux XI-e et XII-e siècles. Lyon, 1991.

[27] *Бойко К. А.* Арабская историческая литература в Испании. С. 19; *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 86; *Sanchez-Albornoz Cl.* L'Espagne musulmane. OPU – Publisud, 1985. P. 18–19.

[28] *Шакир, Мустафа.* Аль-Андалус фи-т-таарих (Аль-Андалус в истории). Дамаск, 1990. С. 26; *Sanchez-Albornoz Cl.* L'Espagne musulmane. P. 114–115.

[29] Бартольд В.В. Памяти Дози // Известия Российской Академии Наук. Петроград, 1921, т. XV. С. 239.

[30] *Аль-Хушани М.* Книга о судьях. С. 11–12; *Conrad Ph.* Histoire de la Reconquista. P. 27–28; Islamic Studies. Islamabad, 1991, № 1–2. P. 47.

[31] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 41.

[32] *Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. С. 11–12; *Conrad Ph.* Histoire de la Reconquista. P. 27–28; Islamic Studies. Islamabad, 1991, № 1–2. P. 47.

[33] *Guichard P.* Structures «orientales» et «occidentales» dans l'Espagne musulmane. Paris-La Haye. 1977. P. 128–129, 350; Studia islamica. P., 1969, № 29. P. 5–15; Revue historique, P., 1967, № 237. P. 338.

[34] *Bresc H.* Un monde mediterranéen. Paris-Palermo, 1986. P. 439–444; *Pérès H.* Les élements ethniques de l'Espagne musulmane et la langue arabe. Alger, 1959. P. 7–12.

[35] *Guichard P.* L'Espagne des Amirides et des princes des tayfas // États, sociétés et cultures du Monde musulman medieval. P., t. 1, 1995. P. 64.

[36] *Монтгомери Уотт У.* Влияние арабов на средневековую Европу. С. 18–50; *Vernet, Joan.* Ce que la culture doit aux Arabes d'Espagne. P., 1985. P. 69–352.

[37] *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 37–39; États, sociétés et cultures… P. 55–60.

[38] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 93–95; *Guichard P.* L'Espagne des Amirides… P. 60–80.

[39] *Игнатенко А. А.* В поисках счастья. М., 1989. С. 193–204; *Ланда Р. Г.* В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М., 1993. С. 126–128, 136; *Conrad Ph.* Histoire de la Reconquista. P. 56–77; *Bendala Lucot M.* Sevilla. Leon, 1981. P. 4.

[40] Подробнее см.: *Ирвинг В.* Альгамбра. М., 1979; *Arié R.* L'Espagne musulmane... P., 1973.

[41] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 110–111.

[42] Там же. С. 180–183.

[43] *Landa R. G.* Les morisques comme les representants de la civilisation andalouse au Maghreb // Actes du IV Symposium International d'Études Morisques. Zaghouan, 1990. P. 201–211.

[44] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 180–181, 203–204.

[45] *Бадр А.* Таарих аль-Андалус. С. 394–395; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 201–203.

[46] Подробнее см.: *Ланда Р. Г.* Мусульмане Арагона и Кастилии в XI–XV вв. // Вопросы истории, 2009, № 9. С. 132–141.

[47] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 157.

[48] *Неруда П.* Признаюсь: я жил. Воспоминания. М., 1978. С. 177; Проблемы арабской культуры. С. 257.

[49] *Ле Турно, Р.* Новые ориентации берберов Северной Африки // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. С. 159.

[50] Там же. С. 157–183; *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. С. 12–25; *Ланда Р. Г.* В стране Аль-Андалус… С. 94–180.

[51] *Лев Африканский*. Африка — третья часть света. Ленинград, 1983. С. 144, 190–193, 205; *Gosalbes Busto G.* Al-Mandari, el granadino, fundador de Tetuàn. Granada, 1988. P. 31–36, 48–69.

[52] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 423–424.

[53] *Плавскин З. И.* Испанская инквизиция: палачи и жертвы. СПб, 2000. С. 67–73, 78; *Leroy B.* L'expulsion des juifs d'Espagne. P., 1990. P. 143–148; *Roth C.* Histoire des Marranes. P., 1992. P. 71–117.

[54] *Arié R.* L'Espagne musulmane... P. 178; *Harvey L. P.* Islamic Spain. P. 326–327.

[55] *Barkai R.* Introduction // Chretiens, musulmans et juifs dans l'Espagne médievale. P. 28–32; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 14; *Harvey L. P.* Islamic Spain. P. 327–329.

[56] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 517; *Zayas R.* Les Morisques... P. 220.

[57] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 424–425; *Harvey L. P.* Islamic Spain. P. 329–331.

[58] *Barkai R.* Introduction... P. 33–36; *Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. P. 19–31.

[59] По данным Х. Каро Барохи, П. Бурдье и Э. Геллнера, за спиной рядовых коммунерос нередко скрывались банды сторонников различных кланов католической знати, боровшихся за влияние (друг с другом) и (тайно) против усиления власти короля (*Baroja C., Bourdieu P., Gellner E.* Mediterranean countrymen. Essays in the Social Anthropology of the Mediterranean. P., La Haye, 1963. P. 33–37).

[60] *Bennassar B.* Historia de los Españoles… P. 518–521; *Braudel F.* La Méditerranée... P. 517.

[61] *Boucharb A.* Islamologie et moriscologie au Portugal durant les trente dernières années // Etat des études de moriscologie durant les trente dernières années. Zaghouan, 1995. P. 35–52.

Глава II

[1] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 425; *Cardaillac L., Dedieu J.-P.* Introduction à l'histoire des morisques // Les Morisques et l'Inquisition. P., 1990. P. 11.

[2] *Плавскин З. И.* Испанская инквизиция... С. 13; *Zayas R.* Les Morisques... P. 224.

[3] *Menocal M.* L'Andalousie arabe. Une culture de la tolerance, VIII–XV siècles. P., 2003. P. 224.

[4] *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Т. 2. М., 1961. С. 299–301; *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574 гг. М., 1984. С. 6, 61–68, 161–162; *Leroy B.* L'expulsion de juifs d'Espagne. [Paris], 1990. P. 19–111.

[5] *Иванов Н. А.* Османское завоевание... С. 77, 146–149.

[6] Там же. С. 179–183, 194–195; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 405, 446; T. 3. P. 117–119, 130–135, 191. Мориски всегда надеялись на помощь османов и вспоминали обращения к ним за помощью еще эмиров Гранады в 1477 г., а также — вывоз в Алжир Хайраддином Барбароссой в 1529 г. примерно 70 тыс. морисков. В 1541 г. османскому султану Сулейману Кануни было направлено письмо от имени «364 тыс. морисков и 50 их вождей в Гранаде и других местах» с изложением всех их бед и с призывом о помощи. Они напоминали, что их соотечественники, вывезенные Барбароссой в Алжир, «заселили и освоили там города Бреск, Шершель и Тлемсен», что они радуются поражению «проклятых неверных» при штурме Алжира в том же году и просили прислать им «муджахида Хайраддина — пашу из Алжира, лучше всех способного одержать победу в нашей стране, ибо его боятся все неверные» (*Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman el le probléme morisque. Zaghouan, 1989. P. 30–32).

[7] Relaciones de la Peninsula Ibérica… P. 409–485; *Landa R.* Les morisques comme les representants de la civilization andalouse au Maghreb // Métiers, vie réligieuse et problématique d'histoire morisque. Zaghouan, 1990. P. 206–209.

[8] *Lane-Poole S.* The Moors in Spain. L., 1988; *Lévi-Provencal E.* La civilisation arabe en Espagne. P., 1948; *Leroy B.* L'expulsion de juifs d'Espagne. P., 1990.

[9] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 440–441.

[10] Там же. С. 491; *Самойлов А.С.* Исторический очерк // Испания и Португалия. М., 1947. С. 97; *Kamen H.* Histoire de l'Inquisition espagnole. P., 1966. P. 16.

[11] *Лозинский С. Г.* История папства. М., 1986. С. 274; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 454; *Vilar P.* Histoire de l'Espagne. P., 1955. P. 31.

[12] *Ланда Р.Г.* Мавры Аль-Андалуса и мориски Испании // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. М., 2001. С. 189–192.

[13] Ibid. P. 158–203; *Bennassar B.* L'homme espagnol, attitude et mentalité. P., 1975. P. 58–60; *Landa R. G.* Le rôle économique et social des morisques en Espagne // Mélanges Louis Cardaillac. Zaghouan, 1995, t. 1. P. 396–397; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman… P. 43–55.

[14] *Vivens Vives.* Historia economica de España. Barcelona. 1975. P. 290.

[15] Ibid. P. 305–306; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 415.

[16] *Landa R. G.* Le rôle économique et social... P. 398–399.

[17] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 483; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 448–455; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 443.

[18] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 432, 446.

[19] *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 415–416.

[20] *Гринберг А. Х., Кельин Ф. В., Кузнецов К. А., Малицкая К. М.* Культура // Испания и Португалия. С. 170–256.

[21] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 487–493. Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 400; *Vilar P.* Histoire de l'Espagne. P. 18.

[22] *Bennassar B.* Historia de los Españoles… P. 528; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 105–130; *Sagarzazu M. E.* La conquista Furtiva. Argentina y los hispanoárabes. Rosario, 2001. P. 135–298; Relaciones de la Peninsula Ibérica… P. 409–538.

[23] *Плавскин З. М.* Испанская инквизиция... С. 64, 72; *Arié R.* L'Espagne musulmane... P. 125; *Cardaillac L., Dedieu J.-P.* Introduction à l'histoire des morisques... P. 12–16; *Zayas R.* Les Morisques... P. 307–649.

[24] *Cardaillac L.* Le Turc, suprême espoir des morisques // Actes du Premier Congrès d'histoire et de civilisation du Maghreb. Tunis, t. 1, 1979. P. 37–46.

[25] *Conrad Ph.* Histoire de la Reconquista. P. 115; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 76–77; *Kamen H.* Histoire de l'Inquisition espagnole. P. 136; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman…, 1989. P. 28–30. Какая-то часть знатных морисков, особен-

но в Гранаде, пыталась интегрироваться в верхушку испанского общества. Речь идет о семействах Чапис (их дворец сохранился до наших дней в Альбайсине), Эрмес или об уже упоминавшихся ранее Сегри. Многого достиг в этом плане Франсиско Нуньес Мулей (1490–1568), потомок свергнутой в Фесе династии Меринидов, с детских лет — паж архиепископа Гранады Эрнандо де Талаверы, а в дальнейшем не раз отстаивавший перед Карлом V Габсбургом права морисков Гранады. Он имел свой герб и право носить оружие, получал наследственную ренту в 9 тыс. мараведи и более 40 лет ведал распределением среди морисков специального налога «фарда де ла мар». Тем не менее и его, чьи права были лично подтверждены королем, во время конфликта с католиком-нотариусом в 1545 г. называли «фальшивомонетчиком» и «мавританской собакой» и даже посадили в тюрьму за удар нотариуса палкой, а затем запретили выезд из Гранады. Его внук Франсиско Мартинес Мулей был также в родстве с потомками Насридов, как и прочая родня пользуясь теми же привилегиями и занимаясь тем же распределением налога «фарда». Его сын Эрнандо Мулей отсидел 10 месяцев в тюрьме за попытки «нейтрализовать инквизицию». Он и его брат Андрес впоследствии были лишены имущества и высланы. Среди их уцелевших родственников потом преобладали торговцы шелком и домовладельцы в Гранаде, уже не занимавшие административных постов и не имевшие никаких привилегий (*Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. P. 48–56; Al-Quantara, XVI, 1995. P. 40–57; Sharq al-Andalus, XIII, 1996. P. 159–167; Cahiers du C.R.I.A.R., 2002, № 21. P. 70–75).

[26] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 487–493; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 130–132; Revue d'histoire maghrèbine. Tunis, 1992, No. 61–62. P. 156–160. Богачиморески известны были во всех отраслях экономики: Ласаро Лопес владел предприятиями по окраске шелка с годовым доходом 8 млн. дукатов; Франсиско Толедано был крупнейшим торговцем изделиями из железа, включая аркебузы и холодное оружие. К 1596 г. в области Толедо и в Андалусии насчитывалось до 20 тыс. морисков с годовым доходом свыше 20 тыс. дукатов (дукат — монета в 3,5 г серебра, примерно равная российскому рублю XVIII в.). — См.: *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 530; *Bennassar B.* Valladolid au siècle d'or. P., 1967. P. 338; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 98.

[27] *Arié R.* L'Espagne musulmane... P. 115; *Pavon Maldonado* B. Tudela: cuidad medieval. Arte islamica y mudejar; Kontzi R. La literatura aljamiada... P. 39–42.

[28] *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. С. 55–80; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 110–111. *Fabre T. et autres.* L'heritage andalou. Saint-Etienne, 1995. P. 57–90.

[29] *Бадр А.* Таарих Аль-Андалус. С. 394–395. *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 201–203; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 424.

[30] *Vidal J.* Quand on brûlait les Morisques. P. 6–7.

[31] *Bennassar B.* L'homme espagnol, attitude et mentalité du XVIe siècle. P., 1975. P. 58; *Zayas R.* Les Morisques... P. 198–199.

[32] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 121–123, 127.

[33] *Millan J.M.* Los Moriscos en Castilla. Bienes raices de los Moriscos en la villa de Pastrana // Les Morisques et leur temps. P., 1983. P. 417–430.

[34] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 50–51; *Turki A.* Documents sur dernier exode des Andalous vers la Tunisie // Etudes sur les Moriscos Andalous en Tunisie. Madrid – Tunis, 1973. P. 115–127; *Servoy A.M.* La identidad arabo-islamica de los Moriscos de la literatura aljamiada // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade, t. 2. P. 695–709; *Soria Mesa E.* Una versia genealogica del Ansia integradora de la elite morisca: el origen de la casa de Granada // Sharq Al-Andalus, 1995, № 12. P. 213.

[35] *Cabrillana N.* Almeria morisca. Granada, 1982; Al-Qantara. Madrid, 1983, fasc. 1–2. P. 109; *Soria Mesa E.* La asimilacion de la elite morisca en la Granada christiana. El ejemplo de la familia Hermes // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 649–674.

[36] *Яхьяуи Дж.* Сукут Гирната ва маасат аль-андалусийин 1492–1610 (Падение Гранады и трагедия андалусийцев в 1492–1610 гг.). Алжир, 2004. С. 181–182; *Он же.* Даур ат-такия фи-ль-хифаз аля-ш-шахсыйя аль-мурискийя би-ль-андалус 1492–1610 (Роль принципа «такия» в сохранении самобытности морисков в 1492–1610 гг.) // Аз-Зикра аль-хамса мийат сана ли сукут Гирната (500-я годовщина падения Гранады). Загуан, 1993. С. 263–265; *Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. P. 25; Religion, Identité et Sources Documentaires sur les Morisques Andalous. Tunis, 1984, t. 1. P. 149.

[37] *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. С. 13–14; *Kontzi R.* La poliglossie chez les morisques // La litterature aljamiado-morisque... P. 10; *Latham J.D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 190.

[38] *Ben Jemia M.N.* Languas moriscos y Aljamia calv; *Kontzi R.* La poliglossie chez les morisques // La literature aljamiado-morisque... P. 10–13, 93–98.

[39] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 148; Les Morisques et leur temps. P. 315–325. Huellas literarias e impactos de los moriscos en Tunez y en America Latina. Tunis, 2005. P. 59–72. М. К. Ансон Кальво (университет Овьедо), изучив жизнь морисков селения Торрельяс (в 96 км от Сарагосы), приводит интересные сведения о мебели, одежде и предметах повседневного быта не только арагонских морисков, но и их собратьев из Малаги и прочих мест, откуда инквизиция вывозила конфискованное имущество своих жертв: большие расписные блюда, деревянные ложки сине-белой раскраски, многочисленные кувшины, ножи, чашки для чая или травяных настоев, любимых морисками. Специальные сосуды были для хранения уксуса или напитков, для охлаждения воды (что всегда ценилось арабами). Некоторые сосуды (в частности, для хранения оливкового масла) используются в Арагоне и сейчас. Многие гончарные изделия морисков Торрельяса встречались и в других местах Арагона. Примечательны их разнообразные ткани из шерсти и целые коллекции полотенец, крайне необходимых при частых омовениях. В нарядах женщин, как вообще в Арагоне, часто встречался черный цвет. И в целом внутреннее убранство и быт типичного дома мориска в Торрельяс, как и всюду, отличались скромностью и экономностью.

[40] *Ланда Р.Г.* Общность культурных традиций Магриба и арабо-мавританской Андалусии // Проблемы арабской культуры. Памяти акад. И. Ю. Крачковского. М., 1987. С. 254–268; *Zayas R.* Les Morisques... P. 313–315.

[41] *Rachidi F.* L'interprétation de l'islam par les chrétiens: une méthode d'enseignez la doctrine catholique auz morisques // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade. 1492–1992. T. 2. Zaghouan, 1993. P. 599–609; *Lea H.Ch.* The Moriscos of Spain… P. 213–216. По словам испанского морисколога Р. Б. Санчеса-Бланко, «труд Ли дает наиболее полный синтез обильной информации по общинам морисков вплоть до появления в наши дни "Истории морисков" Антонио Домингеса Ортиса и Бернара Венсана» (*Aguilera, Manuel Barrios.* Clásicos de moriscos redivivos... P. 494); Roig A. Quand les morisqes dansaient; *Schleifer A.* Investigationes corrientes sobre la época de los moriscos; *Temimi A.* Travaux en langue arabe d'histoire morisque: une premier bilan // Etat des études de moriscologie durant les trente dernières annees… P. 247–272; *Roig A.* Interpretation de Baile de los moriscos (1615) // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 591–609; *Zayas R.* Les Morisques... P. 205–207.

[42] *Arranda Doncel J.* (Cordoba), *Bramon D.* (Saragosse), *Carrasco R.* (Valencia). Las practicas musulmanas de los Moriscos

andaluces (1492–1609) // Actas del III Simposio internacional de estudios moriscos. Zaghouan, 1989. P. 33, 43–45.

[43] Ibid. P. 45–49, 92; *Borja de Medina F.* La Compañia de Jesus y la minoria morisca (1545–1614). Roma, 1988. P. 11–16; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 119; *Ladero Quesada M. A.* Los Mudejares de Castilla en tiempo de Isabel I. Valladolid, 1969. P. 76–82; *Ortiz A.D., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 91–103.

[44] *Borja de Medina F.* La Compañia de Jesus... P. 10, 19–23, 107; *Hayek S.* El morisco jesuita Ignacio de las Casas // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 387–394. Лас Касас — редкий образец полностью христианизированного мориска, верного папскому престолу. По поручению папы Григория XIII ездил с разными миссиями в Сирию, Ливан, Ирак и Магриб, встречаясь с представителями местных конфессий (мусульманами, христианами-коптами, яковитами и мелькитами, с иудеями-сефардами, с отпавшими от христианства ренегатами и даже с не помнившими своего родства турецкими янычарами), с которыми вел теологические дискуссии на арабском, иврите и других языках. Обласканный папой и королем Филиппом II, он все же «желал послужить своему народу» и основал конгрегации ремесленников и мастеровых из морисков Валенсии, Сеговии и Авилы. Стараясь представить их перед властями в наилучшем свете, писал папе, королю, депутатам Арагона и Верховному совету инквизиции, что «обращенные… вовлечены в торговлю… занимаются нужными обществу профессиями в качестве аптекарей и врачей, кончивших наши университеты, ученых и переписчиков, в том числе — на королевской службе, не знают ни слова по-арабски, по языку и обычаям держатся как “старые христиане” и все принимают святое причастие» (*Varquez de Prada V.* Historia economica y social de España. T. 3. Los siglos XVI y XVII. Madrid, 1978. P. 274). Отметим, что со стороны морисков свидетельство такого рода — единственное.

[45] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 119; *Longas P.* Vida religiosa de los moriscos. Granada, 1915; *Aguilera, Manuel Barrios.* Clásicos de moriscos redivivos... P. 514–515; *Zayas R.* Les Morisques... P. 201; Среди арабских исследований заслуживает внимания статья профессора университета Аль-Азхар в Каире Гамаля Абдаррахмана «Аль-ислам фи-ль-Андалус баад сукут Гирната мин джаляль васаик лям таншур баад» (Ислам в Аль-Андалусе после падения Гранады по ранее не публиковавшимся документам) // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2, partie arabe. P. 131–146.

[46] *Cabanelas Rodriguez D.* El morisco granadino Alonso del Castillo. Granada, 1991; *Marquez Villanueva F.* El Problema morisco (desde otras laderas). Madrid, 1991. P. 13–97; *Aguilera, Manuel Barrios.* Clásicos de

moriscos redivivos... P. 495–496; Registro de los documentos del Santo Oficio de Cuenca y Siguenza. Cuenca — Barcelona, 1965. P. 228.

[47] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 90–91, 120–121.

[48] *Chejne A. G.* Islam and the West… P. 96–97; *Heney M.* The veneration of images and other religious polemics between morisco and christiano viejo as reflected in "Golden-Age Drama"; *McClain M.* elementos xitas en la vida religiosa de los moriscos; *Narvaez M. T.* Conocimientos misticos de los moriscos: puesta al dia de una confusion // L'état des etudes de moriscologie (Actes du VI Symposium International d'Etudes Morisques). Zaghouan, 1995. P. 173–238.

[49] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 9–13.

[50] Ibid. P. 17–20, 22–23, 24–43, 42–43.

[51] Ibid. P. 44–48, 63, 67–68; *Chejne A.G.* Islam and the West… P. 10; Les Morisques et leur temps. P., 1983. P. 127–128; *Vincent B.* Les morisques et la circoncision // Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 197–198.

[52] *Яхьяуи Дж.* Сукут Гирната... С. 265–267; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 69, 79, 84, 92, 106–115.

[53] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 117–119; *Riosalida J.* Los Albigencesses en Espana: sus relationes con la corona de Aragon y con la iglesia mozarabe // Mélanges Luce Lopez Baralt, t. 2. P. 615–621.

[54] *Domiguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 24–26; Les Morisques et leur temps. P. 129.

[55] *Яхьяуи Дж.* Сукут Гирната... С. 255–260; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 27–29; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman…, 1989. P. 23–32.

[56] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 29–30; *Regla J.* Estudios sobre los Moriscos. Valencia, 1971. P. 44; Etat des études de moriscologie… P. 199–218.

[57] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 118–119.

[58] Ibid. P. 122–123; *Espalza M. de.* Identité onomastique et linguistique des Morisques // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 199–209.

[59] *Kontzi R.* La poliglossie chez les morisques // La litterature aljamiado-morisque... P. 87; *Espalza M. de.* Identité onomastique et linguistique des Morisques // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 270.

[60] *Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. С. 13; *Anderle A.* La Grenade: une économie d'exportation précoce (XIII–XV siècles). Szeged, 1987. P. 7; *Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. P. 47; *Zayas R.* Les Morisques... P. 201; *Espalza M. de.* Identité onomastique et linguistique des Morisques // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 271.

[61] *Dominguez Ortiz A., Vincent V.* Historia de los moriscos. P. 83–85; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 125–130; Les Caheirs de Tunisie. Tunis, 1970, vol. XVIII. P. 293.

[62] *Боткин В. П.* Письма об Испании. Ленинград, 1976; *Pignon J.* Une géographie de l'Espagne morisque // Etudes sur les Moriscos Andalous en Tunisie. Madrid-Tunis, 1973. P. 66, 70; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 29–30, 240; *Espalza M. de.* Identité onomastique et linguistique des Morisques // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 272–273.

[63] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 23–24, 83; *Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. P. 143; *Fournel-Guerin J.* Le livre et la civilisation écrite dans la communauté morisque aragonaise (1540–1620). Madrid, 1979. P. 241–259; *Kontzi R.* La poliglossie chez les morisques // La litterature aljamiado-morisque... P. 89–93; Métiers, vie religieuse et problèmatiques… P. 73–99; *Matilainen M.* Situation socio-linguistica de los Moriscos espanoles de Valencia, Granada y Aragon (siglos XVI y XVII) // Morisques, Méditerranée et Manuscrits Aljamiado (Actes du X-me Congrès International d'études morisques tenu durant 9–12 mai 2001). Zaghouan, 2003. P. 169–176.

[64] *Cardaillac L.* Le Turc, suprême espoir des morisques // Actes..., t. 1. P. 37–46; *Cardaillac L.* Le prophetisme, signe de l'identité morisque // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 139–146.

[65] Одним из первых данную тему затронул Хулио Каро Бароха. — См.: *Baroja J. C.* Vidas magicas l inquisicion. Madrid, 1967. Но лучшим знатоком этой проблемы ныне является преподаватель университета Бордо Иветт Кардайяк-Эрмосилья, автор 14 работ на данную тему. — См.: *Temimi A.* Bibliographie générale d'études morisques. Zaghouan, 1995. P. 64–65; *Cardaillac-Hermosilla I.* Evolution de l'idée de magie en Espagne: Morisques et Chrétiens. XVI et XVIII siècles // Etat des études de moriscologie durant les trente dernières années. Zaghouan, 1995. P. 65–84.

[66] *Cardaillac-Hermosilla I.* La magie des Morisques d'après la documentation inquisitoriale (Montpellier), 1981; Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 9–26.

[67] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 123–124. *Cardaillac-Hermosilla I.* Les rites morisques vus par vieux chrétiens // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade. 1492–1992 (Actes du V-e Symposium International d'Etudes morisques). Zaghouan, t. 1, 1993. P. 177–179.

[68] Ibid., t. 1. P. 180–188.

[69] Это широко распространенное мнение даже использовал в одной из своих новелл Мигель Сервантес, рассказав о том, как некая

дама пыталась заставить лиценциата из Саламанки Томаса Видриеру влюбиться в нее, прибегнув для этого к помощи колдуньи из морисков. Однако та потерпела неудачу: съев отравленный колдуньей плод айвы, Томас впал в безумие. Реальной основой рассказа послужил процесс над Леонорой Родригес, «старой христианкой», хорошо знакомой с магией морисков, за что она была арестована в 1570 г. и сожжена на костре в Кордове в 1572 г. (Ibid. P. 189–192).

[70] Ibid. P. 193–199, 201.

[71] Например, сотрудник Национальной библиотеки Франции Венсан Ашар при анализе рукописей морисков XV–XVII вв. обнаружил в текстах на альхамиадо влияние устной речи морисков, переполненной заимствованиями из арагонского диалекта и «испанизированными» вариантами арабских слов (в частности, «алиакотас» вместо аль-якут, «алгана» вместо аль-джаннат, «гуалади» вместо валлади и т. п.). При этом Ашар считает, что взаимодействие арабского и *письменного* романского языка началось еще в эпоху мудехаров, к каковой и восходят истоки литературы морисков (Ibid. P. 333–340).

[72] *Ланда Р.Г.* Переходный и пограничный характер культуры морисков // Полиэтнические общества: проблемы культурных различий. М., 2004. С. 222; См. также: *Леви-Провансаль Э.* Арабская культура в Испании. С. 13, 16; *Kontzi R.* La poliglossie chez les morisques // La litterature aljamiado-morisque... P. 10.

[73] *Landa R.* Les morisques comme les representants de la civilization andalouse au Maghreb // Métiers, vie réligieuse et problématique… P. 210–211.

[74] Подробнее об этом см. *Landa R.* Le caractère transitoire et frontalier de la culture morisque // Mélanges Luce Lopez-Baralt, t. 1. Zaghouan, 2001. P. 379–391.

[75] *Galmés de Fuentes A.* Significado e influencia de los moriscos conversos en el pensamiento heterodoxo en la España cristiana // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 1. P. 291–306, 451–458; Lugo Acevedo M.L. Un Morisco…, t. 2. P. 679–694.

[76] Ibid., t. 2. P. 695–696; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 14–51; *Cardaillac L.* Felipe II y los Moriscos // Mélanges Luce Lopez-Baralt, t. 1. P. 173.

[77] *Serry A.M. La* identidad arabo-islámica de los moriscos a través de la literatura aljamiada // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 2. P. 698–709.

[78] *Longas P.* Vida religiosa de los moriscos. P. LXIV.

[79] *Chejne A.* Islam and the West… P. 31; *Temimi A.* Attachement des Moriscques à leur religion et à leur identité à travers les hadiths // Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 155–162.

[80] *Galmés de Fuentes A.* Cultura y pensamiento de los moriscos // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 323.

[81] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 10–17, 106–119; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 130, 146; *Cardaillac L.* Introduction // Les Morisques et l'Inquisition. P. 7; Les Morisques et leur temps. P. 291, 493–522.

[82] *Lopez-Morillas C.* Copistas y escribanos moriscos // Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 75.

[83] *Maiso J., Blasco R.M.* Aproximacion al grado de aculturacion de algunas comunidades moriscas // Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 83–90.

[84] *Vilar J.B.* Un intento de aculturacion de los Granadinos internados en Murcia y su reino // Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 167–181.

[85] *Gil Sanjuán J.* La documentación inquisitorial del tribunal de Granada sobre los moriscos // Religion, Identité et Sources… P. 245–247.

[86] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 23–24; *Halperin Donghi T.* Un conflicto nacional. Moriscos y cristianos viejos en Valencia. Valencia. 1980. P. 137–138; *Carrasco R.* La conversion et apres: Les morisques valenciens durant les difficiles années 1520–1530 // Métiers, vie religieuse et problèmatique… P. 85–99.

[87] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 133–135; *Halperin Donghi T.* Un conflicto nacional. P. 58.

[88] *Graullera V.* La esclavitud en Valencia en los siglos XVI y XVII. Valencia, 1978. P. 118–121.

[89] См.: *Bennassar B.* Valladolid et ses campagnes au XVI-me siècle. P., 1967. P. 467–470.

[90] *Fontenay M.* L'esclavage en Méditerranée Occidentale au XVII siecle // La Méditerranée Occidentale au XVII siècle. Actes du Colloque de Toulouse. P., 1990. P. 12–17, 26–28.

[91] Ibid. P. 14–28; *Guilmartin J.F.* Gunpowder and galleys, changing technology and Mediterranean warfare at sea in the sixteenth century. L., 1974. P. 194–252. Справедливости ради отметим, что мориски, особенно в Гранаде, тоже имели рабов, почти всегда — африканцев из Гвинеи. Некоторые руководители мятежей морисков были темнокожими сыновьями африканок (монах Кристобаль де Менесес, лиценциат Ортис). Иногда африканцы «выбивались в люди» и становились полноправными членами общины морисков (учитель Хуан Латино, бывший родом из Эфиопии, «негр из Альмерии» Андрес де Арагон, «ни с кем не сравнимый по доблести» Фарадж из Терке) (*Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 88–89).

[92] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 69–80; La Méditerranée Occidentale… P. 45–48; Le genti del Mare Mediterraneo. Napoli, 1981, t. II. P. 849–850; *Zayas R.* Les Morisques... P. 207–208.

[93] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 81–83; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 29–30, 304.

[94] *Zayas R.* Les Morisques... P. 208–209.

[95] Ibid. P. 210–213. Только в приложении к книге Р. де Сайяса даны 59 текстов такого рода, в том числе судебных постановлений по искам морисков или к морискам (Ibid. P. 307–651).

[96] *Latham J. D.* Contribution à l'étude de l'emigration andalouse et à sa place dans l'histoire de la Tunisie; *Espalza M. de.* Moriscos et Andalous en Tunisie au XVII-me siècle; *Brahimi D.* Quelques jugements sur les maures andalous dans les régences turques au XVIII-e siecle // Etudes sur les moriscos andalous… P. 44–46, 144, 181, 209; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 47; Mélanges Lous Cardaillac, t. 2. P. 699–708.

[97] *Sanchez-Albornoz Cl.* La España musulmana segun los autores islamistas y cristianos medievales. Buenos Aires, 1946, vol. 1. P. 82.

[98] Подробнее см.: *Landa R. G.* La situation de la femme dans la société morisque — «Famille morisque: femmes et enfants» // Actes du VII-e Symposium International d'Etudes Morisques). Zaghouan, avril 1997. P. 176–185.

[99] *Guichard P.* Structures sociales… P. 109–123.

[100] *Cabrillana N.* Almeria morisca. Granada, 1982. P. 24; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 41, 50–51; *Garcia-Arenal M.* Los Moriscos. P. 43.

[101] *Cardaillac L.* Prèface // *Vidal J.* Quand on brûlait les Morisques. P. 6–7.

[102] *Бадр А.* Таарих аль-Андалус. С. 367; *Corriente F.* Diccionario árabe-español. Madrid, 1977. P. 150; Sharq al-Andalus…, 1995, № 12. P. 197–212; *Ladero Quesada M. A.* Granada... P. 163.

[103] Особой «доблестью» считалось превратить в рабыню «женщину врага». Поэтому испанцами в 1569 г. в рабство были проданы за участие в антииспанском восстании 2700 женщин-морисков. Но и повстанцы-мориски тогда же в Сероне сделали то же самое с 80 женщинами-христианками (*Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 37–38).

[104] Достаточно вспомнить уехавших на север Африки эмира Мухаммеда аз-Загала, эмира Боабдиля и 1120 его родственников и сторонников, среди которых были и военные предводители, и духовные авторитеты, а также — 200 «рыцарей Гранады» во главе с Абу-ль-Хасаном аль-Манзари (*Landa R. G.* Le destin des Morisques dans le

monde arabo-musulman // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 1. P. 378; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 405; *Garcia-Arenal M.* Vidas ejemplares: Sa'id ibn Faray Abu Dugali // Relaciones de la Peninsula Iberica con el Magreb/Siglos XIII–XVI. Madrid, 1988. P. 454).

[105] Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 11–24.

[106] Libro de dichos maravillosos (miscelánio morisco de magia y advinacion). Introduccion, interpretacion, glosarios e indices por Ana Labarta. Madrid, 1993. P. 42.

[107] Ibid. P. 053–056, 3, 23–28, 83, 101, 126, 130, 131, 179, 184.

[108] *Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. С. 23; Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 1. P. 178–182, 186–190, 197–201, 240–252.

[109] Nueva Revista de Filologia Hispánica. Mexico, 1981, № 1. P. 129.

[110] *Vidal J.* Quand on brûlait les Morisques. P. 16, 27–28.

[111] *Carrasco R.* La conversion... // Métiers, vie religieuse et problèmatique d'histoire morisque. P. 87–90.

[112] *Birriel Saliedo M.* Notas sobre el matrimonio de los moriscos granadinos // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 100–105.

[113] *Tudola R. P. de.* Notas para un estudio de la Moreria de Jativa (1519–1529) // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 233–235, 243–258.

[114] *Annabi M.* La chechia tunisienne; Elaouani M. A la recherche des influences andalouses dans les campagnes tunisiennes // Etudes sur les Moriscos andalous en Tunisie. Madrid – Tunis, 1973. P. 307, 376; Métiers, vie religieuse et problèmatique… P. 53–54, 80. Некоторые женщины морисков были очень богаты. Например, в Сарагосе Ана Наварро владела 21 домом, Мария де Бреа – 8, Кандида Компаньеро – 6 домами (Famille morisque: femmes et enfants. P. 84).

[115] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 84–85.

[116] *La Parra Lopez S.* Los Moriscos del Ducado de Grandia // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 1. P. 392; *Vincent B.* Les morisques et l'élevage // Revue d'histoire maghrébine. Zaghouan, 1992, № 61–62. P. 157.

[117] *Pardo M. G.* Las moriscas granadinas: notas para su estudio // Famille morisque: femme et enfants. P. 118.

[118] Ibid. P. 121–122.

[119] *Leblon B.* Morisques et Gitans dans l'Espagne des XVI et XVII siècles: activités professionelles et musicales // Métiers, vie réligieuse et problématique… P. 220, 223–225.

[120] *Ланда Р. Г.* В стране Аль-Андалус… С. 46, 56–57; *Leblon B.* Moriscos y Gitans en la Espãna de los siglos XVI et XVII // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 421–428.

[121] *Perez de Colosia Rodrigez J.* Moriscos sentenciados en los autos de fe; *Rachidi F.* L'interpretation del Islam... // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 2. P. 582–586, 607–608; *Hayek S.* Le Dote de la Morisca // Famille morisque: femme et enfants. P. 334; *Carrasco R.* Les morisques levantins à la croisée de pouvoirs; *Chikha D.* Les morisques dans la poesie andalouse; *Dedieu J.-P.* Morisques et vieux chrétiens à Daimiel au XVI-me siecle // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 150–152, 154–158, 173–175, 202–204; *Vidal J.* Quand on brûlait les Morisques. P. 32–33, 38, 88–90, 102, 112, 118, 142.

[122] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 525; *Zayas R.* Les Morisques... P. 198–199, 207.

[123] *Dominguez Ortiz A., Vincent V.* Historia de los moriscos. P. 89–122, 165–166.

[124] *Zayas R.* Les Morisques... P. 198, 210–212.

[125] Ibid. P. 213; *Aranda Doncel J.* Los Moriscos en tierras de Cordoba. Cordoba, 1984. P. 103–104; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 50–51; *Carrasco Urgoiti M. S.* El moro de Granada en la literatura. Granada, 1989. P. 55–65; Famille morisque: femme et enfants. P. 157–159.

[126] *Gozalbes Gravioto E.* La morisca granadina vista desde fuera // Famille morisque: femme et enfants. P. 160–163.

[127] Ibid. P. 163–164.

[128] Ibid. P. 165; Les Morisques et l'Inquisition. P., 1990. P. 16–17.

[129] *Landa R. G.* La situation de la femme… P. 184–185.

Глава III

[1] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 521–253; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 71–72; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 13, 23, 142; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 35; *Trillo San Jose C.* Op. cit. P. 65–78; Métiers, vie religieuse et problématique… P. 231.

[2] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 200–201; *Galan Sanchez A.* Op. cit. P. 32; *Zayas R.* Les Morisques... P. 641–649.

[3] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 30–31; *Ladero Quesada M.A.* Granada… P. 169.

[4] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 150–154; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 32–33; *Zayas R.* Les Morisques... P. 198.

[5] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 138; *Gaignard C.* Maures et chrétiens à Grenade. 1492–1570. P., 1997. P. 47–55.

[6] *Иванов Н. А.* Османское завоевание... С. 75, 178–182; *Hess A. C.* The Moriscos: an Ottoman Fith Column in Sixteen Century Spain // The American Historical Review. 1968, LXXIV. P. 1–25.

[7] Каждый мориск имел официально испанские имя и фамилию, полученные им при крещении (часто — от названия его места рождения или профессии), но неофициально всегда помнил свое мусульманское имя и свою генеалогию. — См.: *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 35; *Zayas R.* Les Morisques... P. 201.

[8] *Архенгольц Ф.* История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991. С. 164–166; *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 231–237.

[9] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 209–211; *Dominguez Ortiz A., Vincent B. Historia de los moriscos.* P. 35–37; *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 238–249; Sharq al-Andalus. Teruel-Alicante, 1995, № 12. P. 199–200.

[10] *Perez R. R.* El levantamiento morisco en tierras de senorio. El caso del Moriscesado del Cenete // Chronica Nova. 1991, No. 19. P. 295–315.

[11] Ibid., № 19. P. 316–325; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 91, 184; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.*, Op. cit. P. 46–47.

[12] *Плавскин З. И.* Испанская инквизиция... С. 83; *Zayas R.* Les Morisques... P. 235–237; Les Morisques et l'Inquisition. P. 22–23.

[13] *Zayas R.* Les Morisques... P. 237–238.

[14] *Dominguez Ortiz A., Vincent B. Historia de los moriscos.* P. 41–42.

[15] Ibid. P. 36, 45–46; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 178–186, 197; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 476; *Zayas R.* Les Morisques... P. 213–215, 238.

[16] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 187–188; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 48; *Zayas R.* Les Morisques... P. 232–235; *Aguilera, Manuel Barrios.* Clásicos de moriscos redivivos... P. 325–327.

[17] *Cabrillana N.* Almeria morisca. Granada, 1982. P. 245.

[18] Ibid. P. 239; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 194–205; *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 250–262; *Aguilera, Manuel Barrios.* Clásicos de moriscos redivivos... P. 328–336.

[19] До этого папскому нунцию в Мадриде было официально заявлено 26 октября 1569 г., что если война будет продолжена зимой и распространится за пределы Гранады на другие регионы, населенные морисками, да если еще и османы открыто в нее вступят, то «Испания рискует попасть в руки мусульман» (*Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 205).

[20] *Иванов Н. А.* Османское завоевание... С. 183; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 204–206; *Zayas R.* Les Morisques... P. 238–239.

[21] *Vilar J. B.* Los Moriscos... P. 45–48; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 527; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 190, 200; *Zayas R.* Les Morisques... P. 240. В приложении к своей книге Сайяс приводит копию черновика описи имущества морисков, изгнанных из 259 деревень области. В их дома вселились 12 542 колониста. Документ хоть и не датирован, но интересен изобилием цифр и подсчетов ранее получавшихся в этих деревнях доходов, налогов с них, арендных и иных платежей, репараций, контрибуций, взимавшихся с морисков, стоимости выращиваемых культур, оплаты «лиц, служивших королевству» — солдат, чиновников, сборщиков податей. При этом отмечается «исчезновение» книг казначейства и многих сведений о «мебели и недвижимом имуществе». Другой документ, приводимый там же, представляет собой выдержки из ордонансов короля Филиппа IV (1621–1665) и нотариальных актов 1629–1635 гг. В них речь идет о неурегулированности имущественных споров и незаконных захватах земель в провинции Гранады, неоднократно оспаривавшихся в судах и различных финансовых ведомствах городов Альмуньекар, Мотриль и Салобренья. При этом в этих делах были замешаны даже члены Королевского совета и, по словам короля, «прочие влиятельные персоны», присвоившие «государственные земли в больших количествах, не имея на то никаких прав, ни прочих разумных оснований». Среди них были приближенный короля Луис Падилья, мэр Гранады Матео Лисон, некий Лоренсо Перес Васко, много лет наиболее упорно отстаивавший свои более чем сомнительные права, и другие (Ibid. P. 387–390, 630–646).

[22] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 209–214.

[23] Ibid. P. 206–209, 210–212, 477. Было бы неверно, говоря о восстании в Альпухарре, умолчать о морисках, не участвовавших в нем, тем более — активно ему мешавших. Прежде всего это были так называемые мориски-идальго (семейства Абенсарин, Алифанте, Альферес, Карвахаль и другие, чьи потомки потом прослеживаются в Испании до конца XVIII в.) и жители некоторых селений (Баса, Бенмаурель, Сухар), «искренне сотрудничавшие с Короной в экономическом и военном отношении и желавшие остаться в Гранаде». Им это

и удалось: в Басе, например, остались и сохранили свою собственность 400 морисков, в том числе 12 семей, признанных идальго лично Дон Хуаном Австрийским (*Castillo Fernandez J.* “Hidalgos moriscos”: ficcion historica y realidad social // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 161–180).

[24] *Иванов Н. А.* Османское завоевание... С. 186.

[25] *Landa R. G.* La situation de la femme dans la société morisques // Famille Morisque… P. 184. Мориски хорошо знали, что их ждет: в ходе войны в Альпухарре десятки тысяч из них погибли, более 80 тыс. чел. были изгнаны, а 25–30 тыс. чел., в основном женщины и дети, стали рабами (*Vincent B.* La situation de la femme dans la société morisques // Тезисы доклада на симпозиуме 16–20 мая 1995 г.).

[26] *Barkaï R.* Op. cit. P. 35.

[27] *Brignon J., Amin A. et autres.* Histoire du Maroc. Casablanca, 1967 . P. 208–213; Al-Andalus. 1958, XXIII. P. 20–47; *Garcia-Arenal M.* Vidas ejemplares... // Relaciones de la Peninsula Ibérica con el Magreb (siglos XIII–XVI). Madrid, 1988. P. 463–469; Grenade 1492–1992. P. 168.

[28] *Иванов Н. А.* Османское завоевание... С. 186–188; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 289–292.

[29] *Жюльен Ш.-А.* История Северной Африки. Т. 2. М., 1961. С. 324; *Иванов Н. А.* Османское завоевание... С. 190–196; Actes du Premier Congrès d’Histoire et de la civilisation du Maghreb. Tunis, 1979, t. 2. P. 52; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 3. P. 289–296; *Temimi A.* Etudes d’histoire morisgue... P. 10–11, 14.

[30] Эта цифра, возможно, преувеличена, так как, по другим данным, всего в бывшем эмирате Гранады проживало 150 тыс. морисков, из которых 20 тыс. чел. были изгнаны в ходе военных действий еще до января 1570 г., затем — 50 тыс. чел. к ноябрю 1570 г., из которых по дороге к новым местам жительства погиб каждый пятый от голода, холода, тифа и просто истощения сил. Позднее, в 1584–1585 гг., к ним присоединились еще 3–4 тыс. чел., но в предшествующие годы в Кастилию также прибывали отдельные высланные «гранадинос». Общее число их в итоге составило около 80 тыс. чел. (*Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 35–37, 78–83; *Cardaillac L. Dedieu J.-P.* Introduction à l’histoire de Morisques // Les Morisques et l’Inquisition. P. 22–23).

[31] *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 183; *Viñes Millet C.* Granada y Marruecos… P. 40.

[32] *Тауфик аль-Мадани, Ахмад*, Харб ас-саласмиат сана (1492–1792). (Трехсотлетняя война 1492–1792 гг.). Алжир, 1968; *Chejne A. G.* Islam and the West… P. 11–13.

[33] *Bouayed M. A.* Le port de Hunayn, trait d'union entre le Maghreb Central et l'Espagne au Moyen Age // Relaciones de la Peninsula Ibérica… P. 330, 346, 350.

[34] *Rufe P.* Domination espagnole à Oran sous le gouvernement du compte d'Alcaudete. 1534–1558. Alger, s.d.. P. 35–165.

[35] *Garcia-Arenal M.* Vidas ejemplares... // Relaciones de la Peninsula Ibérica... P. 465–466.

[36] *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 231; Les Morisques et l'Inquisition. P. 18–19; *Temimi A.* Etudes d'histoire morisque. P. 9–10.

[37] *Cardaillac L. Dedieu J.-P.* Introduction... P. 18–20; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 49–52; *Temimi A.* Etudes d'histoire morisque. P. 11–12.

[38] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 81, 119–141; *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 95; Les Morisques et leur temps. P., 1983. P. 71–102.

[39] Испания и Португалия. М., 1947. С. 98–99.

[40] *Cardaillac L. Dedieu J.-P.* Introduction... P. 19; *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P., 1973. P. 61–64; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman…, 1989. P. 8.

[41] *Kamen H.* Histoire de l'Inquisition espagnole. P. 115.

[42] *Vincent B.* Les bandits morisques en Andalousie au XVI siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1974. P. 397.

[43] *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman. P. 9.

[44] *Galan Sanchez A.* Los mudejares del Reino de Granada. Granada, 1991. P. 61.

[45] *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 69–72.

[46] *Плавскин З. И.* Испанская инквизиция... С. 45; *Dedieu J.-P.* Notes sur l'Inquisition // Les Morisques et l'Inquisition. P. 31–32; Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 209–210.

[47] *Chejne A.G.* Islam and the West… P. 168.

[48] *Aranda Doncel J., Carrasco R., Bazzana A., Benites-Blanco R., Martinez Millan J.* Los Moriscos en Castillia // Les Morisques et leur temps. P. 169–216.

[49] Ibid. P. 164; *Fournel-Guerin J.* L'inquisition de Saragosse; *Cardaillac L., Dedieu J.-P., Vincent B.* Enjeux et ambiguités de l'affrontement entre les Morisques et l'Inquisition // Les Morisques et l'Inquisition. P. 182–183; 341.

[50] Мориски нередко жаловались на корыстолюбие и мздоимство чиновников инквизиции.

[51] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 93.

[52] *De Borja de Medina F.* La Compañia de Jesus... P. 11; *Carrasco R.* Los Moriscos... // Les Morisques et leur temps. P. 175–176, 179.

[53] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 764; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 225–340; Las practicas musulmanas de los Moriscos andaluces. Zaghouan, 1989. P. 17–26; *Vincent B.* Le tribunal de Grenade; *Dedieu J.-P., Garcia-Arenal M.* Les tribunaux de Nouvelle Castille; *Contreras J.* Ville-Castille, Leon, Espagne du Nord; *Cardaillac L., Dedieu J.-P., Vincent B.* Enjeux et ambiguités... // Les Morisques et l'Inquisition. P. 189–198; 284–289; 296–315; 341.

[54] *Garcia Arenal M.* Los Moriscos de Cuenca y la Inquisición. Madrid, 1974. P. 136, 167, 175–179.

[55] *Surtz R. E.* Maurofilia y maurofobia en los procesos inquisitoriales de Cristobal Duarte Ballester // Les Morisques et la Méditerranée aux XVI-e–XVIIe siècles. Zaghouan, 9–12 mai 2001 (resumé).

[56] *Balard M.* Gênes et Outre-mer. Paris — La Haye, 1973. P. 55–81; *Heers J.* Esclaves et domestiques au Moyen Âge dans le monde méditerranéen, P., 1996. P. 95, 211, 285–286.

[57] Из личной беседы автора с Анри Бреском в парижском Доме наук о человеке 27 мая 1998 г.

[58] *Bresc H.* Un monde méditerranéen. Economie et société en Sicile 1300–1450. Paris — Palermo, 1986, t. 1. P. 439–444, t. 2. P. 581–584.

[59] *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 182; *Gozalbes Busto G.* La Republica Andaluza de Rabat en el Siglo XVII. Tetuan, 1974. P. 31–45.

[60] *Ladero Quesada M. A.* Los mudéjares... P. 17–20.

[61] *Soria Mesa E.* La asimilacion de la elita morisca en la Granada cristiana. El ejemplaro de la familia Hermes // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 653–658.

[62] *Cardaillac L., Dedieu J.-P.* Introduction... ; *Vincent B.* Le tribunal de Grenade // Les Morisques et l'Inquisition. P. 25; 200–202.

[63] Ibid. P. 211–213.

[64] Ibid. P. 214–215; 221–240; *Ladero Quesado M. A.* Los mudéjares... P. 19–20; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 141–142, 166–167.

[65] Мануэль Барриос Агилера считает, что в ходе событий 70-х годов в области Гранады до 20% морисков ушли в горы и многие там и остались, хотя основная часть их либо погибла, либо была захвачена и обращена в рабство, либо бежала в Африку или в «кастильские земли, где увеличила ряды ранее высланных туда собратьев» (*Barrios Aguilera M.* Morisques et exilés à Grenade: notes pour une reflexion. Grenade 1492–1992. Du Royaume de Grenade à l'Avenir du Monde Méditerranéen. Grenade, 1996. P. 137–138).

[66] *Vincent B.* Le tribunal de Grenade... P. 215.

[67] Ibid. P. 200, 215–216.

[68] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 165; *Garcia Arenal M.* Inquisicion y moriscos. Los procesos del tribual de Cuenca. Madrid, 1978. P. 69–75; *Regla J.* Approximacio a la historià del pais Valencia. Valencia, 1968. P. 75.

[69] *Garcia Arenal R.* L'Inquisition de Valence // Le Morisques et l'Inquisition. P. 155–156.

[70] Ibid. P. 157–158; *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 59–60.

[71] *Aranda Doncel J.* Cristianos y Moriscos en Cordoba, la actidad de las distintas capas sociales ante la presencia de la minoria disidente // Les Morisques et leur temps. P. 247–260.

[72] Ibid. P. 260–268; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 13–17; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 21–23.

[73] Характерно, что француз А. Жувэн, посетивший Орначос в 1672 г., т.е. через 60 лет после изгнания отсюда морисков, которых сменили колонисты из «старых христиан», свидетельствовал, что здесь — лишь «пески и пустынная местность» (Les Morisques et leur temps. P. 273).

[74] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 1. P. 11–17; *Boughanmi M., Gasbi A.* A propos du passage des Morisques par de France // Les Morisques et leur temps. P. 433–434; *Fernández Nieva J.* L'Inquisition de Llerena // Les Morisques et l'Inquisition. P. 258–259.

[75] Ibid. P. 260–263; *Fernández Nieva J.* Un pleito entre el Ld. Cuenca y los moriscos de Hornachos en Extremadura // Religion, Identité et Sources..., t. 2. P. 213–214.

[76] *Fernández Nieva J.* L'Inquisition de Llerena. P. 263–273.

[77] Ibid. P. 241–257; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 22; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 121–122.

[78] *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. Paris, 1992. P. 11, 19–20, 27, 30, 80–81, 105.

[79] Ibid. P. 80, 105, 128, 175.

[80] Ibid. P. 98–103.

[81] *Cardaillac L., Cardaillac R., Coste M., Gonzalez A.* Les tribunaux des île et d'outre-mers // Les Morisques et l'Inquisition. P. 318–321.

[82] Ibid. P. 322–323, 334; *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. P. 129.

[83] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 334; *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. P. 130–132, 176; Relaciones de la Peninsula Ibérica... P. 667–670.

[84] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 133; *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. P. 136–139; 176–177. Поляк Хуан (очевидно, Ян) Ковальчи, уроженец Кракова, представ перед трибуналом Сарди-

нии в 1622 г., объявил, что он был взят в плен в ходе «битвы христиан с турками, в которой участвовали 4 тыс. всадников».

[85] Среди «ренегатов», как правило вынужденных, было также немало сицилийцев. Профессор университета Перуджи Сальваторе Боно напоминает, что Сицилия «была в XVI в. на передовой линии решающего противостояния в Средиземноморье Испании… и Османской империи» и что сицилийцы преобладали «в войсках и организации христианских баз на магрибинской земле». Он же рассказывает ряд историй сицилийцев, попавших в плен и ставших рабами в Магрибе, в частности о поэте Антонио Венециано, встретившемся в Алжире с Мигелем Сервантесом (*Bono S.* Siciliani nel Maghreb. Trapani. 1992. P. 9–10, 69).

[86] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 1. P. 145; *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. P. 140–141; *Gaïd M.* L'Algérie sous les Turcs. Tunis, 1975. P. 75–77. Сицилийский историк Джованни Марроне сообщает, что выкуп за раба, как правило, превышал втрое (примерно 1450 мараведи) цену, за которую хозяин его приобрел у работорговца или которая была средней рыночной на момент выкупа (*Marrone G.* La schiavitú nella società siciliana dell'età moderna. Palermo, 1972. P. 15).

[87] *Bono S.* I corsari barbareschi. Torino, 1964. P. 309.

[88] *Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. P. 181.

[89] *Bono S.* I corsari barbareschi. P. 303–306.

[90] *Marrone G.* Op. cit. P. 289.

[91] *Belhamissi M.* Les captifs algériens et l'Europe chrétienne (1518–1830). Alger, 1988. P. 9, 17–18, 23, 38, 81, 92, 103–109; *Bono S.* Op. cit. P. 337.

[92] Тем не менее, Анита Гонсалес-Рэймон, лучший знаток проблемы «островных» морисков, отмечая наличие на островах «культурно-религиозного обмена и компромисса», считает, что инквизиция была более снисходительна к «судимым на островах морискам, явно не столь опасным, как их единоверцы на полуострове». Она объясняет это тем, что «ислам здесь преследовался в лице ренегатов, христиан, отрекшихся от своей веры», а также — виновных в пиратстве (Métiers, vie religieuse et problématique… P. 149–166).

[93] Проблематика Канарских островов и Испанской Америки слишком специфична и должна рассматриваться отдельно, что выходит за рамки данной работы. Упомянем, что общей явилась судьба коренных жителей этих территорий — близких к берберам гуанчей на Канарах и американских индейцев. И те и другие были частично истреблены, частично — обращены в рабство и вывезены за пределы родных краев, частично — смешались с испанскими колонистами.

Всем этим процессам только на Канарских островах посвящены 32 труда испанских, французских, итальянских авторов (Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 645–647).

[94] *Cardaillac L., Cardaillac R., Coste M., Gonzalez A.* Les tribunaux des île et d'outre-mers // Les Morisques et l'Inquisition. P. 324–328; *Anaya Hernandez L. A.* Visita Inquisitorial a los moriscos de Lanzarote y Fuerte ventura; *Fajardo Espinola J.* La Hechiceria morisca y sa represion por la Inquisicion de las Islas Canarias // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade…, t. 1. P. 69–78, 235–256; *Santana Perez J. M.* Presencia morisca en las Islas Canarias // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 629–644.

[95] *Mejías-López W.* Hernán Cortés y su intolerancia hacia la religión azteca en el contexto de la situación de los conversos y moriscos // Mélanges Luce López-Baralt, t. 2. P. 502–522.

[96] *Sagarzazu M. E.* Moriscologia americana // Mélanges Luce Lopez-Baralt, t. 2. P. 702–704; *McClain M.* Moriscos granadinos en Nuevo Mexico // Métiers, vie réligieuse et problématique... P. 241–242.

[97] Ibid. P. 242–244; *McClain M.* Morisco Pioneers of the Old South // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 541–548.

[98] *Cardaillac L., Cardaillac R., Coste M., Gonzalez A.* Les tribunaux des île et d'outre-mers // Les Morisques et l'Inquisition. P. 330–331.

[99] Ibid. P. 328–329; Les Morisques et leur temps. P. 461–473.

[100] *Плавскин З. Н.* Испанская инквизиция... С. 84–85; *Cardaillac L., Dedieu J.-P., Vincent B.* Conclusion. Enjeux et ambiguités... // Les Morisques et l'Inquisition. P. 340–344; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman... P. 52–55.

[101] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 70.

[102] Ibid. P. 57–72; Les Morisques et l'Inquisition. P. 23–25; *Cardaillac L.* Felipe II y los moriscos // Mélanges Luce Lopez-Baralt, t. 1. P. 179.

[103] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 159.

[104] *Conrad Ph.* Histoire de la Reconquista. P. 120. Во многом резкий тон церковников объяснялся полной безрезультатностью их усилий по «аккультурации» морисков. Особенно активно этим занимались архиепископы Томас де Вильянуэва и Хуан де Рибера в области Валенсии, в конце концов вынужденные признать свою неудачу (*Sanchez Blanco R. B.* Projectos de aculturacion y resistencia morisca en Valencia de Tomas de Villanuevo a Juan Ribera // Religion, Identite et Sources… P. 53–65).

[105] *Bramon D.* Resistencia de las Aljamas Frente a la Inquisicion: La figura del Alfaqui // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade, t.1. P. 176.

[106] *La Parra Lopez S.* Los moriscos del Ducado de Grandia ante la Inquisicion // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade, t. 1. P. 385–393.

[107] Ibid. P. 394–410.

[108] *Rachidi F.* L'interpretation de l'Islam... P. 607–609; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 27; *Garcia-Arenal M.* Inquisicion y Moriscos: los procesos del Tribunal de Cuenca. P. 49, 61–62.

[109] *Carrasco R.* Les morisques levantins... T. 1. P. 147–154. Инквизиция все же добралась до Абенамиров в ходе двух процессов против Виктории Филомены, крещеной рабыни из Туниса и возлюбленной Эрнандо Абенамира, от которого у нее было трое детей. На нее донесли, что, будучи куплена доном Эрнандо, она перестала ходить к мессе и вообще перестала быть христианкой. Выяснилось, что фактически она была второй женой Эрнандо, признавалась им наравне с его официальной супругой и вместе со всеми Абенамирами выполняла все обряды ислама, в лоно которого вернулась под влиянием Абенамиров. В 1562 г. трибунал обязал ее порвать с Эрнандо и вновь стать христианкой. Однако в 1567 г. ее судили вторично, так как она, внешне изображая из себя христианку, на деле не выполнила решений трибунала 1562 г. На втором процессе, несмотря на жестокие пытки, Виктория все отрицала, особенно выгораживая Абенамиров. Она была приговорена к смерти, но никого не выдала, показав пример мужества и стойкости (*Yassin Bahri R.* Analyse psychologique d'un cas exemplaire // Métiers, vie religieuse et problèmatique… P. 325–335).

[110] *Temimi A.* Attachement des morisques à leur religion et à leur identité à travers des Hodiths dans deux manuscrits morisques // Religion, Identité et Sources… T. 2. P. 155–156.

[111] *Temimi A.* Nouvelles études d'histoire morisque. Zaghouan, 2000. P. 49–53.

[112] Ibid. P. 54–59; *Vincent B.* Les émigrations morisques. Santiago de Compostela, 1993. P. 323.

[113] *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman... P. 7–8. В частности, некий Анго, благодаря доходам от корсарства ставший «наиболее богатым человеком Франции», выстроил себе в Дьеппе «дворец с золоченой резьбой, лепными украшениями, скульптурами и итальянскими террасами». В то же время наиболее прославившийся мусульманский корсар Драгут завещал после своей смерти 6 захваченных им пленников освободить, а оставшихся 60 направить на ремонт цитадели в Триполи.

[114] Ibid. P. 8–9; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 369.

[115] Actes du Premier Congrès d'Histoire et de la civilisation du Maghreb. Tunis, 1979, t. II. P. 40.

[116] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 360; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 208; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman... P. 11–12.

[117] *Gaïd M.* Op. cit. P. 119.

[118] *Инан М. А.* Нихайят аль-Андалус ва таарих аль-араб альмунтасирин (Конец аль-Андалуса и история побежденных арабов). Каир, 1966. С. 232; *Chaunu P.* L'Espagne de Charles Quint. P., 1973, t. 1. P. 90, 165; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 83; Etudes sur les moriscos andalous en Tunisie. Madrid – Tunis, 1973. P. 73.

[119] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 162.

[120] Ibid. P. 162–163; *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 108; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 532.

[121] *Боткин В. П.* Письма об Испании. С. 140–141.

[122] *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 531; *Cardaillac L.* Felipe II y los moriscos // Mélanges Luce Lopez-Baralt, t. 1. P. 178–181.

[123] *Альтаман В. В., Самойло А. С.* Исторический очерк // Испания и Португалия. С. 99–100; *Braudel F.* La Méditerranée... T. 2. P. 530. Очевидно, на судьбе морисков негативно сказалась и заурядность личности Филиппа III, несамостоятельного в своих решениях, воспитанного в монастыре в преклонении перед духовенством (говорили, что он готов был целовать руку каждому встречному монаху), иногда — наивного до примитивности. Часто присутствуя на аутодафе, он как-то удивился бесстрашию, с которым шел на костер один из осужденных. «Верно, у него совесть чиста», — сказал король. Великий Инквизитор счел это «оскорблением справедливости» решения трибунала инквизиции и решил: «Палач должен пустить королю кровь из руки и кровь эта должна быть сожжена». Филипп III покорился этому решению и исполнил его (*Боткин В. П.* Письма об Испании. С. 46–47).

[124] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 231; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 159–165; Les Morisques et l'Inquisition. P. 25.

[125] 40 600 морисков направились в Магриб через порт Аликанте, более 10 тыс. – через Виньярос, 22 500 в течение 10 дней погрузились в Грау де Валенсия, 5555 чел. – в порту Дения. По дороге в порты их иногда перехватывали, грабили и убивали банды «старых христиан». Этой участи удалось избежать лишь тем, кого сопровождали лично (или послали с ними своих людей) их сеньоры — герцог Македа, маркиз Альбайда, графы Алакуас и Буньоль и некоторые другие. Все историки возносят хвалу герцогу де Гандия, который сам сопровождал более 5 тыс. своих вассалов вплоть до причалов в Дении. Однако и тех, кто благополучно добрался до кораблей, нередко грабили (уже

в открытом море), а то и убивали перевозившие их моряки-католики. Многие мориски, зафрахтовавшие заранее корабли, были обмануты их владельцами (нередко — контрабандистами или пиратами). — См.: Le Morisques et l'Inquisition. P. 25; Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 287–289.

[126] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 178–186; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 70–71.

[127] *Pignon J.* Une géographie de l'Espagne morisque // Etudes sur les moriscos andalous en Tunisie. Madrid – Tunis, 1973. P. 66–68; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 26–62.

[128] Мориски Арагона, а также изгнанные вместе с ними 3700 морисков из Каталонии, оказавшись на юге Франции, в Провансе и Лангедоке, стремились сесть на корабли в портах Агд, Люнель и Монпелье и отплыть на Восток как можно быстрее, так как были плохо встречены французами (в 1610 г. те подверглись налету магрибинских пиратов, убивших 7 местных детей, и потом еще 18 лет воевали с корсарами Алжира). Да и король Генрих IV Бурбон, покровитель морисков с конца XVI в., в 1610 г. изменил свою точку зрения, закрыв границу и приказав морискам покинуть Францию, хотя до этого он благоволил к ним и даже принял в качестве представителя султана «гранадино» Хаджа Ибрагима Мустафу. В то же время есть данные о «теплом приеме», оказанном морискам во Франции, и даже о том, что «некоторые хорошие ремесленники» из их числа осели в гор. Безье, а два лодочника, ограбившие морисков, были приговорены к смерти. Возможно, это было результатом демарша османского султана Ахмеда I (1603–1617), направившего в 1614 г. письма королю Англии Иакову I, королеве-регентше Франции Марии Медичи и дожу Венеции. В письмах султан просил дать приют изгнанникам или же содействовать их переезду в его владения, по возможности — по суше, в связи с опасностью морского пути. Еще раньше об этом просил Генриха IV и его министра Сюлли посол Франции в Стамбуле Констан де Салиньяк (*Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman… P. 33–37; *Cardaillac L.* Morisques en Provence; Procés pour abus contre les morisques en Languedoc // Etudes sur les moriscos andalous… P. 89–113).

[129] *Landa R. G.* Le rôle économique et social des morisques en Espagne // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 405; *Landa R. G.* Les morisques comme les representants de la civilisation andalouse au Maghreb // Métiers, vie religieuse et problèmatique... P. 204; *Vincent B.* Les émigrations morisques. P. 320. Судя по всему, изгнание морисков из заморских владений Испании носило менее «тотальный» характер, так как и после 1614 г. инквизиция там ловила и судила морисков: на Балеарских островах — 51 чел. в 1609–1628 гг., на Сицилии — 42 в

1611–1640 гг., на Канарских островах — 109 в 1616–1685 гг., на Сардинии — 6 в 1610–1626 гг. Им удалось до поры до времени «затаиться» еще и благодаря этноконфессиональной пестроте островитян. Так, помимо морисков, на Сицилии были судимы 29 мавров и 214 «ренегатов», на Балеарах (в 1619–1698 гг.) 8 мавров и 140 «ренегатов». Причем мавры были обращенными в рабство пленными магрибинцами, а «ренегаты» — бывшими христианами, принявшими ислам в плену и за это пострадавшими при возвращении на родину (*Gonzalez-Raymond A.* La Croix et le Croissant. P. 26–80; Les Morisques et l'Inquisition. P. 318–333).

[130] *Cardaillac L., Dedieu J.-P.* Introduction... P. 25–26; *Temimi A.* Nouvelles études d'histoire morisque. P. 19–31.

[131] *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 56–63, 130, 191–197, 203–205. Точный подсчет уехавших затрудняется нередкими случаями возвращений. Так, 29 декабря 1613 г. в порт Камариньяс (Галисия) прибыл из Ла-Рошели корабль с 50 морисками, шедший в Сафи (Марокко) и спасавшийся от бури. Этот рейс был организован губернатором Байонны графом де Граммоном. По прибытии один из морисков, Габриэль де Кармона Венегас, просил разрешить ему и его семье из 24 человек остаться в Испании, предъявив при этом аттестации его и его родни алькальдом Фуэнтеррабиа как «верных слуг» короля, спасших во время боев в Альпухарре 160 христиан, а во Франции указавших на «богатого мориска» Франсиско де Валенсия, продававшего оружие в Магриб. Кармоне удалось остаться в Испании, но лишь ценой превращения в шпиона и доносчика, служившего инквизиции (*Martinez J.* Les morisques expulsés: Quelques itinéraires de retours en Espagne // Morisques, Méditerranée et Manuscrits… P. 152–154).

[132] *Боткин В. П.* Письма об Испании. С. 142; *Крачковский И. Ю.* Арабская культура в Испании. С. 26; *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 73. А. Лапейр и Ч. Ли насчитывают в Испании 1609 г. до 300 тыс. морисков, Б. Венсан — до 319 тыс. (*Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 359–360; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 83).

[133] *Julien Ch.-A.* Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1966, t. 2. P. 264; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 125–130; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 406; Métiers, vie religieuse et problèmatique... P. 203–204, 303–316. Метания многих сотен (а может быть, и тысяч) морисков между миром католичества и миром ислама длились иногда десятилетиями, что, по мнению многих авторов (Б. Беннассара, Ф. Броделя, Ф. Мартинеса), обострило присущую этим людям цивилизационную двойственность, умение адаптиро-

ваться в любой среде, хотя и не всегда успешно: «Арабский язык морисков звучал очень уж по-испански для мусульман Магриба; особое значение имела одежда в качестве отличительного знака…, а религиозную принадлежность надо было доказывать участием в молитвах, посещением мечети, соблюдением поста» (*Martinez J.* Les morisques expulsés… P. 165–166).

[134] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 199–200, 248–249; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 204.

[135] *Бадр А.* Таарих аль-Андалус. С. 394–395; *Лозинский С. Г.* История папства. С. 274; *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 104, 114; *Kamen H.* Histoire de l'Inquisition espagnole. P. 125; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 70–73; *Leblon B.* Morisques et Gitans... P. 219–225.

[136] *Ланда Р. Г.* Экономическая и социальная роль морисков в Испании // Московское востоковедение: очерки, исследования, разработки. Памяти Н. А. Иванова. М., 1997. С. 227–228; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 424, 455–457.

[137] *Kamen H.* Histoire de l'Inquisition espagnole. P.16; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 453–454; *Vilar P.* Histoire de l'Espagne. P. 43.

[138] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 10.

[139] *Amalric J.-P., Bennassar B.* Aux origines du retard économique de l'Espagne. P., 1983. P. 127–147; *Ben Jemia N.* La question morisque: une lecture controversée de l'histoire d'Espagne // La moriscologie: orientation et méthodologie. Zaghouan, 2001. P. 23.

[140] *Бласко Ибаньес В.* Избранные произведения. Т. 1. М. – Л., 1959. С. 10, 28, 82, 121, 133.

[141] *Ланда Р. Г.* В стране аль-Андалус… С. 176–177.

[142] *Ланда Р. Г.* Экономическая и социальная роль… С. 234; *Ланда Р. Г.* Общность культурных традиций Магриба... С. 256.

Глава IV

[1] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 266; *Landa R. G.* Les morisques comme les representants... // Métiers, vie religieuse et problèmatique... P. 208.

[2] *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 424, 455; Al-Qantara, 1984, vol. 5, fasc. 1–2. P. 455–462.

[3] *Ланда Р. Г.* Мориски Испании // Вопросы истории, 1994, № 2. С. 173–174.

[4] *Аргентов В. А.* Старина и новь Магриба. М., 1985. С. 28–29; *Brignon A., Amin A. et autres.* Op. cit. P. 63–64; *Abdulwahab H. H.* Coup

d'oeil général sur les apports ethniques étrangèrs en Tunisie // Etudes sur les moriscos andalous... P. 17, 24.

[5] *Ланда Р. Г.* Мориски в Магрибе // Вопросы истории, 1997, № 3. С. 51–52.

[6] *De Premaire A.-L.* Op. cit. P. 25–169; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 191. Встречались среди них и мориски, подобные гранадинцу Ахмеду Бехарано, бежавшему из Испании в 1588 г. и ставшему под именем Ибн Касима аль-Хаджари аль-Андалуси дипломатом и переводчиком при султанах Феса, позднее — теологом и переводчиком при беях Туниса (*Sarnelli S.* L'ecrivain hispano-americain Al-Hagari et son "Kitab Nasir ad-Din" // Etudes sur les Moriscos andalous… P. 248–263).

[7] Подробнее см.: *Landa R. G.* Les agglomérations morisco-andalouses en Mediterranée et leur importance économique et sociale // Huellas literarias e impactos de los moriscos en Túnez y en Amèrica Latina (Actas del XI-e congreso de estudios moriscos). Tunis, 2005. P. 133–135.

[8] *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 72; *Bouayed M. A.* Le port de Hunayn... // Relaciones de la Peninsula Ibérica... P. 325–359.

[9] *Hess A. C.* The Forgotten Frontier. A History of the Sixteenth-Century Ibero-African Frontier. Chicago, 1978. P. 137–138; *López de Coca Castañer J. E.* Granada y el Magreb: la emigración andalusi (1485–1516) ; *Garcia-Arenal M.* Vidas ejemplares... // Relaciones de la Peninsula Ibérica… P. 424, 454, 456–466, 477.

[10] *Latham J. D.* Contribution à l'étude de l'emigration andalouse... ; *Pignon J.* Une géographie... // Etudes sur les moriscos andalous… P. 26–28, 74–86. Бернар Венсан, сопоставляя основанные на архивных данных цифры А. Лапейра и других авторов, установил, что Лапейр, возможно, преуменьшил численность высланных (85 818 чел.) из Валенсии на 23%, т.е. на самом деле их было 109 383 чел. Возможно, это расхождение объясняется гибелью многих морисков, восставших в Муэла де Кортес и Валь де Гальинера. Венсан допускает, что ранее принятая цифра всех изгнанных (272 140 морисков) должна быть исправлена на 335 тыс. чел., т.е. увеличена на 23% (*Vincent B.* Les emigrations morisques. P. 317–319).

[11] *Vincent B.* Op. cit. P. 320–321.

[12] Многие корабли с высланными морисками были разбиты бурями, и жители побережья Прованса долго называли вылавливаемые ими сардины «гранадинами» и не ели их, считая, что те питались человеческим мясом (*Боткин В. П.* Письма об Испании. С. 142; *Vincent B.* Op. cit. P. 320–321; *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain… P. 363–364).

[13] *Vincent B.* Op. cit. P. 321. Гильермо Госальбес Бусто считает, что до сих пор нет точных сведений ни о численности, ни о судьбе морисков в Марокко, ибо многие из них прибывали в XVI–XVII вв. тайно (*Gozalbes Busto G.* Los Moriscos en Marruecos. Granada, 1992. P. 9).

[14] *Vincent B.* Op. cit. P. 322; *Julien Ch.-A.* Op. cit., t. II. P. 264; Revue d'histoire et de civilisation du Maghreb. 1974, № 11. P. 48.

[15] *Belhamissi M.* Histoire de Mazouna. Alger, 1981. P. 44–57; *Belhamissi M.* Histoire de Mostaganem. Alger, 1976. P. 61–85; *Marcais G.* La Berbérie musulmane et l'Orient au Moyen Age. P., 1946. P. 247.

[16] *Dufourcq Ch.-E.* L'Espagne catalane et le Maghreb aux XIII-e et XIV-e siècles. P., 1965. P. 57.

[17] *Epalza M.* Los Moriscos antes y después de la expulsion. Madrid, 1992. P. 218–219; *Vincent B.* Op. cit. P. 321–322.

[18] *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 47. Франсуа Мартинес отмечает среди морисков «поразительное чувство привязанности к своей общине», деревне, области. Однако А. Гонсалес-Рэймон, признавая это, указывает и на «шпионов и перебежчиков» в их среде (Morisques, Méditerranée et Manuscrits… P. 134–135).

[19] Ibid.; *Turbet-Delof G.* Bibliographie critique du Maghreb dans la litterature française de 1532 a 1715. Alger, 1976. P. 83; *Epalza M. de.* L'identité onomastique et linguistique des morisques // Religion, Identité et Sources…, t. 1. P. 272–273.

[20] Подробнее см.: *Ланда Р.Г.* Пиратская республика Сале // Живая история Востока. М., 1998. С. 258–260.

[21] *Gozalbes Busto G.* La Republica Andaluza de Rabat en el Siglo XVII. Tetuan, 1974. P. 46–56; Les corsaires de Salé. P., 1948. P. 36; *Terrasse H.* Histoire du Maroc. P., 1949. P. 22.

[22] *Ланда Р. Г.* Мориски в Магрибе // Вопросы истории, 1997, № 3. С. 55–56; *Gozalbes Busto G.* Op. cit. P. 57–62.

[23] *Gozalbes Busto G.* Aspectos sociales, políticos y económicos de los moriscos en Marruecos // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade (1492–1992). T. 1. Zaghouan, 1993. P. 330, *Gozalbes Busto G.* La Republica Andalouza... P. 63–105; *Epalza M.* Los moriscos antes y después... P. 178, 235.

[24] *Аргентов В. А.* Старина и новь Магриба. С. 198–199; Grenade 1492–1992… P. 169–170; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 233–237; *Gozalbes Busto G.* La Republica Andalouza... P. 106–179.

[25] *Gozalbes Busto G.* La antroponimia morisca en Marruecos durante últimos treinta años // Létat des études... P. 97–115; *Epalza M.* Los

moriscos antes y después... P. 140–141, 174–175; Religion, Identité et Sources... P. 367–373.

[26] Подробнее см.: *Дьяков Н. Н.* Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. СПб, 2008. С. 85–163; *Rachidi F.* La présence des Andalousis (Moriscos) dans l'armée saadienne // Mélanges Louis Cardaillac, t. 2. P. 575–590.

[27] *Epalza M.* Los moriscos antes y después... P. 142–144, 151–154, 157–166.

[28] Ibid. P. 155–157; *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 233.

[29] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 254–255; *Epalza M.* Los moriscos antes y después... P. 184–188, 191–203.

[30] *Ланда Р. Г.* Марокко: 30 лет независимости. М., 1985. С. 30–32; *Epalza M.* Los moriscos antes y después... P. 218–219, 223–225; *Razouk M.* L'experience andalouse au Maroc (XVI-eme – XVIIeme siècles) // Grenade 1492–1992… P. 170–171.

[31] *Ланда Р. Г.* От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991. С. 53. Нередко в Алжире можно узнать потомка мавра или мориска по явно неарабской фамилии — Ибн Сусан, Систи, Варгас. Но иногда фамилия звучит вполне по-арабски, но была известна именно в Аль-Андалусе — Бадис, Мадани, Маррар.

[32] *Epalza M.* Los moriscos antes y después... P. 227–228; Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 353–369.

[33] *Epalza M.* Los moriscos antes y después... P. 229–231; *Gaïd M.* Op. cit. P. 144–127; Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 140–149.

[34] *Ланда Р. Г.* История арабских стран. М. 2005. С. 128; *Ageron Ch.-R.* Histoire de l'Algérie contemporaine. P., 1974. P. 7. Следует также подчеркнуть, что такие давшие приют морискам города Марокко, как Рабат, Сале, Тетуан, Маамура очень сильно обогатились в XVII в. за счет доходов от корсарства и весьма прибыльной торговли с голландцами, османами и некоторыми коммерческими компаниями Генуи, Венеции, Ливорно, Франции, Англии, даже — Греции и Армении (*Amin A. Brignon J.* et autres. Op. cit. P. 229–234).

[35] *Ланда Р. Г.* Мориски в Магрибе // Вопросы истории, 1997, № 3. С. 54; *Саидуни Н., Буабдалли М.* Аль-Джазаир фи-т-таарих. Аль-Ахд аль-Усманий (Алжир в истории. Османская эпоха). Регайя, 1984. С. 98–99; *Аль-Мили М.* Таарих аль-Джазаир (История Алжира). Алжир, 1963. С. 59; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman… P. 11–22.

[36] *Саидуни Н., Буабдалли М.* Аль-Джазаир фи-т-таарих. С. 98–111; *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 73–85; Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 151.

[37] За последнее время на международных форумах историков дебатируется идея о том, что численность морисков, прибывших во все страны Магриба, включая Тунис, была намного выше, в связи с чем и масштабы их влияния на эти страны были значительнее, чем это принято считать сегодня. Таковы мнения алжирского историка Н. Саидуни, марокканского специалиста М. Разука, тунисского знатока А. Темими, французского профессора А. Рэймона. К этому стоит добавить, что и специфически «андалусских» фамилий более всего сохранилось в Тунисе — Куэнка, Маношу, Сурду Мор, Мериа, Лакуа, Кабаду, Карабака, Басти, Дармуль, Новаина и множество других, в том числе чисто арабских, но с добавлением эпитета «аль-Андалуси» (См.: *Temimi A.* Las influencias de los moriscos andalousiés en la sociedad magribina (el ejemple de Tunez) // Huellas literarias e impactos… P. 217–219; *Razouk M.* Evolution de l'établissement des minorites andalouses au Maroc; *Temimi A.* Attachement des moriscques... ; *Turbet-Delof G.* Documents sur la diaspora morisque en France au XVII-e siècle; *Vilar J. B.* Intento de aculturacion... ; *Zbiss M. S.* Apports des morisques andalous en matière d'agriculture en Tunisie // Religion, Identité et Sources…, t. 2. P. 139–294).

[38] *Bachrouch T.* Formation barbaresque et pouvoir à Tunis au XVII-e siècle. Tunis, 1977. P. 180; *Latham J. D.* Contribution à l'étude de l'émigration... // Etudes sur les moriscos andalous... P. 24–28, 74.

[39] Это сообщение тунисского автора Ахмеда Хамруни вызывает удивление, так как тагарины в массе своей покидали родину именно потому, что не хотели стать мудехарами, т.е. подчиняться «неверным», говорить по-испански и т.п. Очевидно, речь идет не о подлинных тагаринах XI–XII вв., а о более поздних эмигрантах, успевших приобщиться к испанской культуре.

[40] *Хамруни А.* Тастур. Таарих ва рихлят (Тестур: история и путевые очерки). Тунис, 1994. С. 4–20.

[41] *Alvarez Dopico C. J.* Le mihrab de la Grande Mosquée de Testour: une affirmation d'hispanité; *Temimi A.* Las influencias de los moriscos... // Huellas literarias e impactos… P. 45–46, 220. Об архитектуре Тестура см. подробнее: *Saadaoui A.* Testour du XVIIe au XIX-e siècles. Tunis, 1996; *Gafsi A.* Monuments andalous en Tunisie. Tunis, 1993. Многочисленные статьи на эту же тему Жоржа Марсэ, Басилио Павона Мальдонадо, Слимана-Мустафы Збиса и Николаса Хопкинса, как и других авторов, трудно даже перечислить. В 1983 г. в Тунисе была защищена диссертация Инширы Хбабу «Размышления об андалусской архитектуре: город Тестур».

[42] *Zbiss S. M.* Quelques sites andalous en Tunisie // Awraq. Madrid, 1978, No. 1. P. 55–58; *Alvarez Dopico C. J.* Le mihrab... // Huellas

literarias e impactos… P. 47–53; *Frayssinhes S.* Aragon y Tunez un parenteseo arquitectonico. Las aportaciones moriscos // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 293–302; Tunisie. P., 1994. P. 189–190.

[43] Подробнее см.: *Ланда Р. Г.* Загуан — город морисков // Азия и Африка сегодня, 1995, № 11. С. 48–50; *Он же.* Загуан // Восток, 1996, № 2. С. 149–151; Zaghouan et sa region. Zaghouan, 1990. P. 6–7.

[44] *Bachrouch T.* Op. cit. P. 59, 63; Etudes sur les moriscos andalous… P. 125–127; *Djelloul N.* Les fortifications côtières ottomanes de la Régence de Tunis (XVI–XIX siècles). Zaghouan, 1995, t. 1. P. 14–35.

[45] В XVI–XVIII вв. Тунис грабили пираты Англии, Голландии, Фландрии, Флоренции, Неаполя, Пизы, Венеции, Ливорно, Сицилии, Мальты и даже папского Рима (*Bono S. I* corsari barbareschi. P. 164; *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 21; *Valensi L.* Le Maghreb avant la prise d'Alger. P., 1960. P. 62).

[46] *Djelloul N.* Op. cit. P. 36.

[47] Ibid. P. 35, 40–41, 49, 56, 60, 73; *Bachrouch T.* Op. cit. P. 33, 65.

[48] *Djelloul N.* Op. cit. P. 166–217, 343, 345; Islam: storia e civiltà. Roma, anno VII, n. 2, 1988. P. 115–132.

[49] А. Темими подробно перечисляет достижения морисков Туниса в производстве оружия, лодок, одежды, строительстве мечетей и других зданий, в сочинении музыки, особенно андалусийских мувашшахов (стихотворений с «опоясывающей» рифмой, исполнявшихся под музыку оркестра специального состава). Не забыты им и цветоводство, системы ирригации, выращивание оливок, сахарного тростника, финиковых пальм, фруктов и овощей, производство духов и особенно шеший разной окраски, которых ежегодно делалось от 500 тыс. до 1 млн. штук. По приказу дея Юсуфа инженеры-мориски расширили главный порт страны, который стал принимать большие корабли (Huellas literarias e impactos… P. 212–225).

[50] *Latham J. D.* Contribution à l'étude de l'émigration; *Epalza M.* Moriscos et andalous en Tunisie au XVII-e siecle // Etudes sur les moriscos andalous… P. 52; 179.

[51] *Zbiss S. M.* Quelques sites andalous en Tunisie // Awraq. Madrid, 1978, No. 1. P. 57; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 32–40; Les Cahiers de Tunisie. Tunis, 1970, XVIII. P. 149–169.

[52] *Hess A.C.* Op. cit. P. 83; *Terrasse H.* Histoire du Maroc. Casablanca, 1950, t. 2. P. 196; Etudes sur les moriscos andalous... P. 278–303; Islam: storia e civilta, 1988, № 23. P. 116–123.

[53] *Ланда Р. Г.* Мориски в Магрибе // Вопросы истории, 1997, № 3. С. 58; *Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A.* L'Algérie: passé et présent. P., 1960. P. 165; *Gafsi-Slama A.* Aperçu sur l'ancien "palais" de Mustafa

de Cardenas à Grombalia // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 303–318; *Gaid M.* Op. cit. P. 120; *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 455; *Chater K.* Le fait andalou dans la Tunisie du XIX-me siecle // Religion, Identité et Sources... P. 165–169.

[54] *Brahimi D.* Quelques jugenents sur les maures andalous dans les régences turques au XVIII-me siècle // Etudes sur les moriscos andalous... P. 143–147.

[55] Шарль-Андрэ Жюльен насчитывал в столице Алжира в XVII в. всего 12,5 тыс. мавров по происхождению и 6 тыс. морисков (*Julien Ch.-A.* Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1966. P. 264).

[56] *Epalza M. de.* Moriscos et Andalous en Tunisie au XVII-me siècle // Etudes sur les moriscos andalous… P. 180–186.

[57] *El-Hila M. H.* L'élément andalou en Tunisie selon le "Hulal Al-Sundusiya" d'Al-Sarrag Al-Andalousi ; *Zbiss S. M.* Présence espagnole a Tunis // Etudes sur les moriscos andalous… P. 265–270.

[58] *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 82.

[59] Абд аль-Джалиль Темими считает, что не только о расселении морисков в Ливии «мало что известно», как и об их общине в Стамбуле, но мы также «ничего не знаем» о «важной роли… андалусских меньшинств» в Магрибе в начале XVI в. (*Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman… P. 9). Это не совсем так, ибо и сам Темими, и Л. Кардайяк, и Ф. Бродель, и другие авторы не раз писали о 1100 морисках, служивших османам в Стамбуле «переводчиками и разведчиками» вскоре после 1503 г., об участии 500 морисков в 1516 г. в боях против испанцев в Алжире и о резком росте их численности в годы правления в этой стране Хайраддина Барбароссы, который в 1529 г. вывез в Алжир 10 тыс. морисков на 36 галиотах, а потом, в ходе последовательных 7 экспедиций — еще около 70 тыс. (Ibid. P. 11–14).

[60] Обычно частью имени мавра или мориска всегда был лакаб (прозвище, титул), указывавший на происхождение: «аль-Андалуси», «аль-Гарнати» (гранадец), «аль-Куртуби» (из Кордовы) и т. п.

[61] *Temimi A.* Etudes d'histoire morisque… P. 9–10; *Abdurrahim A. A.* The documents of Mahkema shariyo Al Missirya as a source for the study of the morish emigrants // Religion, Identité et Sources..., t. 2. P. 290.

[62] *Харади С.А.А.* Аль-Андалусийун: хайятухум аль-иджтимаыйя ва-ль-иктисадийя фи Мыср аль-усманийя (Андалусцы: их социальная и экономическая жизнь в османском Египте), 1798–1517 // Аль-мурискийун ва-ль-бахр аль-абъяд аль-мутавассит ва-ль-махтутат аль-альхамиадийя (Мориски, Средиземноморье и рукописи на альхамиадо). Загуан, 2003. С. 63–91.

[63] *Arié R.* Les voyageurs d'Al-Andalous // Al-Andalus y el Mediterraneo. Barcelona-Madrid, 1995. P. 192–193. В Сирии и Пале-

стине, по данным президента Ассоциации морисколога Палестины Адиля Саида Баштави, потомки морисков хоть и были малочисленны, но долго сохраняли свою специфику в языке и песнях. Окружающие звали их «спано» (из беседы с А. С. Баштави 11 мая 2001 г.).

[64] *Temimi A.* Etudes d'histoire morisque… P. 14–21; *Temimi A.* Evolution de l'attitude... // Le V-e Centenaire de la chute de Grenade, t. 2. P. 711–722.

[65] *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. P. 249–265.

[66] *Cardaillac L.* A propos du passage de morisques par le Languedoc: reflexion sur l'expulsion // Grenade 1492–1992... P. 151–164; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman... P. 33–37.

[67] *Cardaillac L.* Morisques et Chrétiens... P. 144–146; *Epalza M.* Moriscos et andalous en Tunisie au XVII-e siecle // Etudes sur les moriscos andalous... P. 103–113; *Turbet-Delof G.* Documents sur la diaspora morisque... // Religions, Identité et Sources..., t. 2. P. 163–166.

[68] *Landa R. G.* Les morisques et le developpement socio-culturel de la Méditerranée // Morisques, Méditerranée et Manuscrits… P. 84; *Temimi A.* Le passage des morisques... // Métiers, vie religieuse et problèmatique... P. 305–308. Некоторых молодых морисков Медичи приглашали во Флоренцию по «эстетическим соображениям»: в частности, секретарь великого герцога Тосканы в донесении из Марселя 3 сентября 1610 г. сообщал о 4 юношах-морисках, «прекраснее которых на земле он ничего не видел». Впрочем, известно, что 77 морисков стали земледельцами в окрестностях Ливорно (*Pignon J.* Une géographie… // Etudes sur les moriscos andalous… P. 76; *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne Morisque. P. 106).

[69] *Temimi A.* Le passage des morisques... // Métiers, vie religieuse et problèmatique… P. 309–310.

[70] *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 190; *Gonzalez Palencia A.* Historia de la España musulmana. Barcelona, 1945. P. 191–210.

[71] *Vernet J.* Op. cit. P. 259–355; L'Heritage andalou. Saint-Etienne, 1995. P. 57–100.

[72] *Aziz A.* La Sicile islamique. P., 1990. P. 95.

[73] *Landa R. G.* Les morisques et le developpement... // Morisques, Méditerannée et Manuscrits… P. 91; *Epalza M.* Moriscos et andalous en Tunisie au XVII-e siecle // Etudes sur les Moriscos andalous... P. 155–157.

[74] *Sagarzazu M. E.* Moriscologia americana // Mélanges Luce López-Baralt, t. 2. P. 704–705; *Lopez-Baralt L.* Un morisco puertorriqueño, medico et alcalde de San Juan de Puerto Rico en pleitos con Juan Poce de Leon II // Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 92–107.

[75] *Galmes de Fuentes A.* Los Moriscos (Desde su misma orilla). Madrid, 1993. P. 57–58.

[76] *Sagarzazu M. E.* Moriscologia americana // Mélanges Luce López-Baralt, t. 2. P. 706–708.

[77] *Milhou A.* De la destruction de l'Espagne à la destruction des Indes: histoire sacré et combats ideologiques // Etudes sur l'impact culturel du Nouveau Monde». Seminaire interuniversitaire sur l'Amerique espagnole coloniale. P., 1982, t. I. P. 25–47.

[78] *Sagarzazu M. E.* Moriscologia americana // Mélanges Luce López-Baralt, t. 2. P. 709.

[79] *Mejías-Lopez W.* Herman Cortés y su intolerancia... // Mélanges Luce López-Baralt, t. 2. P. 501–509. Например, Ахмад ибн Ганим аль-Андалуси, прозванный Аль-Марбас и назначенный каидом Ла-Гулетты (главной морской крепости Туниса), до этого не раз плавал в Америку на испанских кораблях и принимал участие там в боевых операциях испанцев (Etudes sur les Moriscos andalous… P. 114, 126–127).

[80] *Garcia-Arenal M.* La Inquisition y los moriscos: los moriscos del tribunal de Cuenca. Madrid, 1978. P. 183; *Sagarzazu M. E.* Los Moriscos en la España del siglo XVI entre America y el Méditerranéo // Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 202–203.

[81] *Sagarzazu M. E.* La Conquista Furtiva. Argentina y los hispanoàrabes. Rosario, 2001. P. 135–174, 220, 274–298.

[82] Ibid. P. 193–195, 220; *Cheine A.G.* Op. cit. P. 13; *Sagarzazu M. E.* Los Moriscos en la España... // Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 204–206.

[83] *Sagarzazu M. E.* La arabidad en la Argentina: cinco siglos de contacto // La moriscologie: orientation et méthodologie. Zaghouan, 2001. P. 151–156. Одним из доказательств значительного удельного веса и влияния морисков в регионе Рио де Ла Платы (при отсутствии соответствующей статистики) многие морискологи считают «интересные совпадения» в местном диалекте с «кастильским, на котором говорили "новые христиане" Арагона и Андалусии». Их в этой связи рассматривают даже среди «основополагающих элементов» регионального социума. Стараясь жить подальше от «центров власти», мориски придерживались своих обычаев в одежде, питании и развлечениях, демонстрируя «другую Испанию в Америке». В основном будучи моногамны, они вместе с тем, как правило (и как подчеркивают многие, по «арабскому обычаю»), признавали своими внебрачных детей, количество которых иногда превышало количество законнорожденных (по данным священников, крестивших и тех и других). (Famille morisque: femmes et enfants… P. 280–284).

[84] Мария Эльвира Сагарсасу считает, что в Южной Америке мориски, действуя тайно, «сохраняли свои говор, кухню, обычаи и позиции», максимально учитывали свое реальное положение, оставаясь в то же время неотъемлемой частью «людей, не доверявших власти». Это позволило им «культурно интегрироваться» в местное весьма пестрое общество и довольно быстро слиться с ним, так как «в Америке социальная дистанция между новыми и старыми христианами была иная», ибо здесь испанцы были до определенной степени (иногда — в высшей степени) заинтересованы в единении всех испаноговорящих против индейцев (*Sagarzazu M. E.* Op. cit. P. 36, 50–101, 299–320).

[85] В сущности, этой темы касается, да и то в довольно общем плане, только один американский автор арабского происхождения Беверли Тернер Мехди. — См.: *Mehdi B. T.* The Arabs in America 1492–1977. New York, 1978.

[86] *Sagarzazu M. E.* Op. cit. P. 41.

[87] *Sagarzazu M. E.* La arabidad en la Argentina // La moriscologie: orientation... P. 158–159.

[88] Ibid. P. 160–162. Следует отметить, что подлинный интерес к вкладу морисков в этногенез аргентинской нации возник после прибытия в страну в 1888–1914 гг. 104 тыс. иммигрантов-сирийцев, ливанцев, палестинцев (The Lebanese in the World: a century of Emigration. L., 1992. P. 243–260).

[89] *Sagarzazu M. E.* La arabidad en la Argentina // La moriscologie: une orientation… P. 164–165.

[90] Ibid. P. 166–167; *Sagarzazu M. E.* La Conquista Furtiva... P. 161–165.

[91] *Moreno M. E.* Los Moriscos del Reino de Granada. Aspectos rurales. Barcelona, 1994. P. 96–118; *Mac Cann W.* Viaje a caballo por las provincias argentinas. Buenos Aires, 1985. P. 38.

[92] *Sagarzazu M. E.* La arabidad en la Argentina // La moriscologie: une orientation… P. 170–171.

[93] *Sagarzazu M. E.* El cerdo en la dieta criolla argentina: antecedentes islamicos // Huellas literarias e impactos… P. 188–189.

[94] *Mahjour A.* La presencia morisca en Mexico, una tradicion silenciada // Huellas literarias e impactos… P. 144–148.

[95] *Abi-Ayad A.* Aspectos de los aportes de la civilizacion arabo-musulmana a America Latina // Mélanges Luce Lopez-Baralt, t. 1. P. 47–55.

[96] *McClain M.* Morisco pioneers of the Old South // Mélange Louis Cardaillac, t. 2. P. 541–548; *McClain M.* Moriscos granadinos en Nuevo Mexico // Métiers, vie religieuse et problématique... P. 241–261.

[97] *Сервантес Сааведра, Мигель де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М. — Л., 1932, т. 2. С. 645–651,

[98] Там же, т. 1. С. 116–118; Famille morisque: femmes et enfants… P. 15–93; Islam: storia e civilta. Roma, 1989, № 26. P. 21–28. Часть сведений взята из устного выступления Ахмеда Аби Айяда на VII симпозиуме морискологов и из личной с ним беседы автора этих строк в мае 1995 г.

[99] *Marquez Villanueva.* Personajes y Temas del Quijote. Madrid, 1975. P. 232; *Solo E.* Argelia, entre el desierto y el mar. Madrid, 1993; *Solo E. y de la Peña J.F*. Cervantes y Berberia. Mexico, 1995; *Hedgyi O.* Cervantes and the Turks // Historical Reality versus Literary Fiction. Newark (USA), 1992.

[100] *Abi-Ayad A.* La representacion de los moriscos en la literatura del siglo de oro // Images des Morisques dans la litterature et les arts. Zaghouan, 1999. P. 15–25.

[101] *Gil Sanjuan A.* Ginés Perez de Ita, historiador y nouvelista // Images des Morisques... P. 117–118.

[102] *Перес де Ита Х.* Повесть о Сегри и Абенсеррахах (приложения). С. 255–256,

[103] Там же. С. 255; *Addi Hasini R.* "Ozmin y Daraja" ou l'impossible conversion des morisques // Métiers, vie religieuse et problématique… P. 354.

[104] Граф Аранда писал королю в 1611 г., что после изгнания его вассалов-морисков он вынужден жить в деревне «предельно скромно». Герцог де Ихар тоже сообщал королю, что впал в бедность после отъезда морисков и прямо просил у короля помощи для своих двух «безвинно страдающих» дочерей.

[105] *Anson Calvo M.* Los moriscos de Aragon vistos por un escritor Aragones del siglo XVII // Images des Morisques… P. 29–54.

[106] *Carrasco Urgoiti M.* El morisco "Ahidalgade" en las letras del siglo de oro // Images des Morisques… P. 105–106, 108–110. Помимо письменной литературы о морисках, в Испании существовала о них и литература устная, влиявшая на настроения народа еще больше. В частности, в фольклоре Наварры, по данным А. Асиаина Ансорены, в XVI в. морисков представляли то как «бандитов», то как «бродячих торговцев», то как «колдунов и чародеев», но в любом случае — как маргиналов и иноверцев (см. тезисы неопубликованного доклада на VIII симпозиуме морискологов в мае 1997 г.). К сожалению, лишь в тезисах автору доступен также неопубликованный доклад Франсиско Санчеса Руано «Корсар-мориск в литературе и истории», в котором он на том же симпозиуме разбирал романы Франсиско Кеведо «Мошенник» (о знаменитом корсаре Морато из Рабата, исламизирован-

ном голландце), Висенте Эспинеля «Маркос де Обрегон» (о пленнике алжирских корсаров, среди которых — мориск из Валенсии), Сервантеса («Пересилес и Сехисмунда»), а также Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», в котором упомянуто знаменитое нападение на Англию корсаров-морисков Сале.

[107] Подробнее о романе Я. Потоцкого см.: *Landa R.* Les Maures et les Morisques dans le roman de Jan Potocki «Manuscrit trouvé à Saragosse» // Images de Morisques... P. 143–147).

[108] *Roig A.* La moriscophilie dans le roman: Piquillo Alliaga ou les Maures sous Philippe III d'Eugene Scribe (1846) // Images de Morisques... P. 221–236.

[109] *Cabrillana Ciezar N.* Imagenes de moriscos: de simbolismo al realismo (1519–1650); *Cardaillac J.* Le maure, morisque et turc dans les "dances" et fêtes en Espagne // Images de Morisques... P. 65–89; Восток, 1997, № 5. С. 165–166.

[110] *Surtz R. E.* La imagen del moro en el teatro peninsular del siglo XVI // Images de Morisques… P. 251–260.

[111] Мавры, захватившие Наварру во 2-й половине VIII в., основали и заселили особые кварталы в 16 городах области. Ее отвоевание через 400 лет, в 1119 г., арагонским королем Альфонсом I Воителем не изменило положения, сохранив за маврами их право исповедовать ислам, их собственность и обычаи, закрепленные договором. Став морисками в 1516 г., местные мавры полностью ассимилировались в культурно-религиозном плане и не были изгнаны в 1609 г. (*Cardaillac-Hermosilla J.* Le maure, morisque et turc… // Images de Morisques… P. 83).

[112] Впоследствии этот танец приобрел характер театрализованных рыцарских выступлений в праздники св. Иоанна (24 июня) и св. Яго (25 июля) с предварительной подготовкой и имитацией боя с маврами. Причем изображавшие мавров рыцари одевались по-мусульмански, приклеивали фальшивые бороды (в Испании знать стала носить бороды лишь после 1529 г.) и мазали лицо сажей. В Хаэне на этих празднествах в 1464 г. присутствовали послы эмира Гранады. С 1480 г. такие же представления в течение 20 лет происходили в Неаполе при участии герцога Калабрии Альфонса (будущего короля Неаполя) (*Cardaillac-Hermosilla J.* Le maure, morisque et turc… // Images de Morisques… P. 84–85).

[113] Иветт Кардайяк-Эрмосилья перечисляет наиболее известные варианты этого танца, связанного с памятью о маврах: «морисма» (в честь победы над маврами при Аинсе в 724 г.); «мориска» (театрализованное представление в районах Валенсии, Сарагосы и Туделы, посвященное взятию 20 мавританских замков с последующей «хри-

стианизацией» их защитников после того, как местный святой с помощью ангела и девы Марии побеждает дьявола); танец Алькала де ла Сельва в районе Теруэля (в котором мавры, одетые по-турецки в красные шаровары и белые накидки, противостоят христианам, во главе которых — генерал в мундире времен Наполеона). Кроме того, существует еще 12 разновидностей танца с участием мавров и христиан, иногда — турок и христиан. Они обычно отличаются в разных местах участием или неучастием в них женщин, генералов и султанов, а также — ангела и дьявола. Интересно, что танцоры, изображающие мусульман, одеты обычно в красно-белую форму, а изображающие христиан — в зеленую. На сохранившемся до наших дней празднике 26 июля в честь св. Анны в районе Кастейон де Монегрос турки одеты в красное, мавры — в зеленое, христиане — в голубое. Примечательно, что они не сражаются друг с другом, а лишь наблюдают за борьбой «черного дьявола» с вилами и «белого ангела» со шпагой. Мирный характер танца подчеркивается участием в нем девушек в белых нарядах с красными, голубыми и зелеными крестами (Ibid. P. 86–88).

[114] Арабо-андалусский романс сохранился и сейчас как особый жанр в странах Магриба, где существуют традиционные (со специальным набором инструментов и специфической манерой пения) ансамбли арабо-андалусской музыки, периодически состязающиеся на общемагрибинских фестивалях или на концертах в Париже и Мадриде и отделяющие себя от музыки современной (американской, европейской, индийской и т.п.) и народной («шааби»). Для этих романсов тексты пишутся на уже исчезнувшем андалусском диалекте арабского языка. Делегаты VIII симпозиума морисколога слушали в мае 1997 г. эти романсы в исполнении молодой тунисской певицы Сальвы Хфайед, изучающей их также в качестве социолога и музыковеда.

[115] Ibid. P. 89–92.

[116] Ibid. P. 93–94.

[117] *Martinez F.* L’expulsion des morisques: discours et representations // Images de Morisques… P. 194–205.

[118] *Laredj W.* La gardienne des ombres. Don Quichotte à Alger. Alger, 2005. P. 21–26, 35, 44–51, 69, 165, 199, 204–206; См. подробный разбор романа Ахмедом Аби Айядом в: Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 33–42.

Заключение

[1] *Драрджа А.* Асар аль-андалусийин аль-морискийин фи-ль-фунун аш-шаабийя би Испания аль-масихийя ва биляд аль-Магриб аль-арабийя (След андалусийских морисков в народных искусствах христианской Испании и арабского Магриба) // Сурат аль-мурискийин фи-ль-адаб ва-ль-фунун (Образы морисков в литературе и искусстве). Загуан, 1999. С. 39–57.

[2] *Lopez-Baralt L.* Que imagen se formaron los Moriscos de si mismos (тезисы доклада на VIII симпозиуме по изучению морисков в 1997 г.).

[3] *Vernet J.* Ce que la culture doit aux Arabes d'Espagne. P., 1985. P. 11, 14.

[4] Ibid. P. 90–313; *Harvey L.P.* Islamic Spain. P. 55–150; Heritage andalou. Saint-Elienne, 1995. P. 5–97.

[5] *Constable O.R.* Op. cit. P. 240–250; *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 190.

[6] *Caro Baroja J.* Los Moriscos del Reino de Granada... P. 9–14; *Harvey L.P.* Islamic Spain. P. 324–330; *Gomez de Castro A.* De los hazañas de Francisco Jimenez de Cisneros. Madrid, 1984. P. 98–99.

[7] *Монтгомери Уотт У., Какиа П.* Мусульманская Испания. С. 148; La littérature aljamiado — morisque… P. 10–11.

[8] *Landa R. G.* Le caractère transitoire et frontalier de la culture morisque // Mélanges Luce López-Baralt, t. 1. P. 382.

[9] *Ланда Р. Г.* Общность культурных традиций... // Проблемы арабской культуры. М., 1987. С. 254–268; *Landa R. G.* Les morisques comme les représentants... // Métiers, vie religieuse et problèmatique... P. 204–211; *Temimi A.* Le Gouvernement Ottoman... P. 1.

[10] *Tarchouna M.* Les Marginaux. P. 455; Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 408.

[11] *Landa R. G.* Les morisques comme les représentants... P. 390; *Landa R. G.* Le rôle économique et sociale... // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 408–409.

[12] *Garcia Carcel R.* L'inquisition de Valence; *Cardaillac L., Dedieu J.-P., Vincent B.* Conclusion. Enjeux et ambiguités... // Les Morisques et l'Inquisition. P. 165, 316–332; *Chater K.* Le fait andalou... // Religion, Identité et Sources… P. 163–164; *Temimi A.* Le passage des morisques... // Métiers, vie religieuse et problèmatique... P. 303–311.

[13] *Pavón B.* Maldonaldo "Arte islamico y mudejar"... // Awraq. 1978, No. 1. P. 39–42; Etudes sur la Region Méditerranéen. Szeged (Hongrie), 1989. P. 2–5; *Landa R. G.* Le rôle économique et sociale... // Mélanges Louis Cardaillac, t. 1. P. 401–405. Только в Алжире не менее 10 горо-

дов обязаны им своим существованием и процветанием (Аль-Джазаир фи-т-таарих. Аль-ахд аль-усманий… С. 98–99).

[14] *Dhina A.* Les Etats de l'Ocident musulman au XIII, XIV et XV-e siècles. Alger, 1984. P. 182–183; Etudes sur les moriscos Andalous... P. 24–25.

[15] *Premaire A.-L.* Maghreb et Andalousie au XIV-e siècle. Lyon, 1981. P. 25–169; *Terrasse M.* Islam et Occident méditerranéen. P., 2001. P. 273.

[16] Мавры и мориски особенно много потрудились, укрепляя города Сале и Тетуан в Марокко, Алжир, Оран, Биджайя, Бреск, Хонейн, Рашгун — в Алжире, Тунис и Бизерта — в Тунисе. Они также полностью заселили Шершель — главную базу военного флота Алжира (*Landa R. G.* Les agglomérations morisco-andalouses en Méditeranée et leur // Huellas literarias e impactos… P. 133–135).

[17] *Dhina D.* Op. cit. P. 184–189; *Dufourcq Ch.-E.* Op. cit. P. 57.

[18] *Razouk M.* L'experience andalouse au Maroc (XVI–XVII-e ciécle) // Grenade 1492–1992. Du Royaume de Grenade à l'avenir du Monde Méditerranéen. Grenade, 1996. P. 165–171; *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 71; Relaciones de la Peninsula Ibérica... P. 461–475.

[19] *Amin A., Boutaleb B. et autres.* Op. cit. P. 230–236; *Gozalbes Busto G.* Op. cit. P. 31–179.

[20] *Monlaü J.* Les États Barbaresques. P. 79, 94–95; *Marzouki F.* Les morisques et la course en Tunisie et au Maroc au XVII siècle. Etude comparative // Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 221–222.

[21] *Julien Ch.-A.* Histoire de l'Algérie contemporaine. Conquête et colonisation. P., 1964. P. 10.

[22] *Zbiss S. M.* Quelques sites... // Awraq. 1978, No. 1. P. 55–57; Etudes sur les Moriscos andalous… P. 187–369; *Landa R. G.* Les agglomérations... // Huellas literarias e impactos... P. 136–137.

[23] *Latham J. D.* From Muslim Spain to Barbary. P. 32–40.

[24] Аль-Джазаир фи-т-таарих… С. 99.

[25] Автор лично встречал во всех странах Магриба преподавателей университетов, высокопоставленных чиновников, политических и религиозных деятелей, литераторов и дипломатов, возводивших свой род к выходцам из мавров и морисков и до наших дней хранящих, как семейную реликвию, ключи от домов, оставленных в Кордове, Гранаде и Севилье.

[26] *Аргентов В. А.* Старина и новь Магриба. С. 208–209; *Ланда Р. Г.* Страны Магриба: общество и традиции. М., 1998. С. 22–23, 37.

[27] Автор лично может засвидетельствовать сильное влияние «андалусского стиля» на архитектуру ряда городов Сирии, особенно Дамаска, Халеба и Хомса.

[28] *Temimi A.* La Gouvernement Ottoman… P. 11–12; Religion, Identité et Sources..., t. II. P. 290.

[29] *Abdulwahab H. H.* Coup d'oeil général sur les apports ethniques étrangèrs en Tunisie; *Harvey L. P.* Textes de litterature... ; *Sarnelli S.* L'écrivain hispano-americain... ; *El-Hila M. H.* L'élément andalou... ; *Zbiss S. M.* Présence espagnole a Tunis ; *Revault J.* Aspects de l'élément andalous dans les palais et demeures de Tunis ; *Kassab A.* L'évolution d'un village "andalou" ; *Elouani M.* L'apport andalou à la civilisation rurale de la presqu'île du Cap Bon" // Etudes sur les moriscos andalous… P. 20; 199–382; *Landa R. G.* Les morisques et le developpement... // Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 90–91.

[30] *Arkoun M.* Actualité d'une culture méditerranéen. Tampere, 1990. P. 4–22.

[31] *Landa R. G.* Les morisques et le developpement... // Morisques, Méditerranée et Manuscrits... P. 92.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Абдаллах аль-Андалуси (аль-Касри) 263
Абдаллах, «еврей» 75
Абд аль-Ваххаб, Хасан Хусни 49, 246, 272, 276, 278
Абд аль-Хакк (Меринид) 187
Абд ар-Рахман, Гамаль 11
Абд ар-Рахман ад-Дахиль, эмир 25
Абд ар-Рахман ан-Насир, халиф 268
Абдурахим, Абд ар-Рахман 281
Абдуррафе, Хуан Родригес 185
Абен Абу, Абдаллах (Диего Лопес) 149, 152, 153, 157–161
Абен Абу (Гонгарелло) 306
Абенамир, Косме 224
Абенамир, Эрнандо 361
Абенамиры, клан 223, 361
Абенашар, Лопес 186
Абен Дауд 155
Абенджагар (Эрнандо Эль Сагер) 94
Абенсарин (семейство) 354
Абенсеррахи (Ибн Сарраджи) 32, 152, 280, 305, 306
Абен Умейя (Эрнандо де Кордоба-и-Валор) 145, 149, 152, 153, 171, 192, 314
Абенфарадж, Фарадж 85, 142, 152, 185, 308
Аби Айяд, Ахмед 9, 294, 295, 297–300, 369, 372
Абитоль, Мишель 48
Абу Али 260
Абу Амр Муавия ибн Садих 25
Абу Бакир, Марко 276
Абулак, Мехмет 225
Абулили, семья 185
Абу-ль-Касим аль-Гарнати аль-Андалуси 270
Авадоро, Хуан 305
Авалос, Гаспар де 92
Агреда, семья 184
Адди Хасини, Рашида 302
Адьиб, андалусец 257
Азиз Махджур 294
Айсава (Айсавийя), братство 271
Айша, дочь Алами Деласкара 305
Алава, Франсес де 159
Алакуас, граф 359
Алами, Деласкар 305–307
Алами, Мигель 269
Аларбе, Азмет 224
Аларкон, Исабель де 184
Александр I, император 304
Александр Македонский 86, 108
Алеман, Мигель 239, 302, 313
Али бен Мухаммед 83, 283
Али ибн Аби Талиб, халиф 93
Али ибн Юсуф, эмир 30
Али Ибрахим аль-Андалуси 263
Али Каталина 276
Аликола, грек 204
Алифанте, семейство 354
Аллиага, Пикильо 303, 305
Алонсо дель Кастильо 84, 164, 186, 190, 321
Альба, герцог 143
Альбайда, маркиз 362

Альбоасен 141
Альботодо, Алонсо 185
Альботодо, Бартоломео 185
Альботодо, Франсиско 80, 82
Альботодо, Хуан де 41, 186
Альварес, Допико 272
Альваро, епископ 27
Алькантара (орден рыцарей) 52, 215
Алькаудете, граф 169
Алькунди, Мустафа (Эль Конде) 276
Альмагро, Диего 90, 294
Альморавиды, династия 27, 30, 38, 93
Альмохады, династия 27, 31, 38
Альтамира-и-Кревеа, Рафаэль 12, 21, 33, 51, 334, 337–342
Альферес, семейство 354
Альфонс ван Ворден 304
Альфонсо, герцог Калабрии 371
Альфонс I Воитель, король 370
Альфонс VI Храбрый, король 33
Альфонс X Мудрый, король 38, 112, 201
Амальрик Ж.-П. 240
Амин, Абд аль-Азиз 164
Анго 358
Андалус ибн Тубал 20
Андерле, Адам 97
Андрес де Арагон, негр 347
аль-Аннаби, Мухаммед 277
Анри, Доминик 236
Аль-Ансари аль-Фаси, Абд аль-Вахид 282
Ансон, Кармен 100
Ансон Кальво М.К. 343
Антаки, Икрам 294
Антонио де Гевара 92
Арагон, Мигель де 37
Арагонес, Хуан Алонсо 86
Аранда, граф 111, 370
Аранда, Донсел 77, 133, 179
д'Аркос, герцог 147
Ар-Рази, Абу Бакр 20, 104
Арнуль, Марсель 286
Арье, Рашель 13
Асейте, Фернандо 69
Аснар Кардона, Педро 303
Аснар-и-Лафуэнте, Пабло 120, 123
Асин, Оливер 277
Асиаин Ансорена А. 374
Аулад Султан, племя 266
Ахмед I, султан османов 284
Ахмед аль-Мансур, султан Марокко 164, 206
Ашар, Венсан 346
Ашмет, Талем 315
Аэдо, де (монах) 207, 250

Бадр, Ахмед 13
Баззана, Андрэ 74
Баламину 264
Баллестер, Кристобаль Дуарте 180
Бальма 276
Бану Зияд, род 83
Бану Каси, династия 26
Бану Наср (Насриды), династия 31
Бану Сарраджа (Абенсеррахи), клан 32, 152, 280, 305, 306
Баракат, Аниса 265
Баркаи Р. 14
Барриос Агилера, Мануэль 6, 14, 131
Барреро, Франсиско 160
Баррето, Луис 206
Барсело Торрес К. 9
Бартольд В.В. 26
Басти 364
Батиста, Хуан 11
Аль-Баттала, Алляль 263
Баштави, Адиль Саид 9
Баязид II, султан 282
Бельхад, Хамид 265
Бен Аббуд, Мхаммад 11, 20
Бен Айша 257
Бен Герс, Мамун (Уседа) 305
Бен Джамиа, Неджиб 73, 240
Бенексар, Диего Лопес 76
Беннассар, Бартоломе 66, 211, 240

Бен Хафри, Шакиб 282
Бербар А. 11
Беркович, Конрад 236
Беррио, братья 69
Бертини 54
Бертье, Анни 286
Бехарано, Ахмед аль-Хайяри 262
Бешир де лос Рийос 276
Бланко (род) 222, 280
Бласко Ибаньес, Висенте 35, 241, 361
Бледа, Хайме 120, 240
Боабдиль (Абу Абдаллах Мухаммед), эмир 32, 37, 76, 126, 172
Бойко К.А. 25, 336, 337
Больфад, Ибрахим 268
Бональд К. 35
Боно, Сальваторе 117, 355
Борхес, Хорхе Луис 289
Брамон, Долорс 77
Бреа, Мария де 349
Бреск, Анри 173, 181, 354
Бриньон, Жан 164
Бродель, Фернан 166, 198, 207, 226, 337, 340, 366
Брюйс, Педро де 90
Буайяд, Махмуд 168
Буали, Махмуд 48
Буньоль, граф 359
Бурдье, Пьер 339
Буркхардт, арабист 13
Бушарб, Ахмед 10

Валенсия, Франсиско де 359, 360
Валери, Поль 8
Валор, Луис де 149, 150, 154
Вальве Бермехо Х. 20
Ванегас, Мухаммед 186, 187, 258
Ванегас, Фелипе 187
Вейдиц, Кристоф 135
Веласкес, Диего 237
Вендабаль (Бен Абаль) 294
Венегас, Алонсо 69
Венегас, Фернандо 76
Венециано, Антонио 356
Венециано, Хасан 225
Венсан, Бернар 8, 10, 12, 14, 65, 67, 129, 172, 184, 188, 190, 216, 220, 225, 226, 229, 236, 248, 250, 343, 360, 362
Вигера Молин М.Х. 11
Видаль, Жанна 11, 127
Видриера, Томас 346
Вилар, Пьер 53, 58, 60
Вилар Х.Б. 11
Вилаэрмоса, герцог 111
Вильянуэва, Томас де 357
Виньес Миллет, Кристина 168
Висенте де ла Торре 69
Волкасин, Бланко 252
Вольтер 263

Габсбурги, династия 46, 47, 49, 50, 62, 81, 118, 165–167, 171–174, 189, 190, 205, 216, 218, 220, 227, 239, 290, 298, 302, 325
Гайлан 259, 263
Галан, Али 252, 254, 264
Галан Санчес, Анхель 172, 240
Гальего, Гонсалес, епископ 112
Гальмес де Фуэнтес, Альваро 104, 109, 289
Гандия де, герцог 238, 359
Гарсиа, Амалия 309
Гарсиа-Ареналь, Мерседес 8, 11, 14, 74, 79, 83, 101, 130, 237, 247, 320
Гаскон, Педро де 285
Гафси-Сляма, Абд аль-Хаким 309
Геллнер, Эрнст 339
Генрих IV Французский (Бурбон), король Франции и Наварры 284, 359, 360
Гизы, герцоги 170
Гишар, Пьер 8, 13, 98, 125
Гойтисоло, Хуан 35, 241
Гойя, Франсиско 303
Гомелесы (шейхи) 304, 305
Гомес, Сильвия 100, 101

Гонгора, писатель 313
Гонсалес, Хуан 90
Гонсалес-Рэймон, Анита 11, 204, 205, 209, 356, 363
Госальбес Бусто, Гильермо 11, 182, 362
Госальбес Гравиото, Энрике 133
Гофман, Эрнст 304
Граиба, Абд аль-Керим 9
Граммон, граф де 360
Гранада, Хуан де 76
Гранада Венегас, Алонсо 159
Гранада Венегас, Педро де 71
Гримау, Хиль 264
аль-Гуазир, Мухаммед 263
Гюго, Виктор 306

Дани 277
Дансер, Симон 253, 256
Дараджа 302
Дармуль 364
Дауд, историк 260
Дедьё Ж.П. 135, 169, 173, 216
Джаудар, паша 263
Джеллул, Наджи 272
Диас 264
Диас дель Кастильо 301
Диего де Эспиноса, кардинал 143
Дила, братство 254, 257
Дози, Рейнхардт 20
Домингес Ортис, Антонио 15, 65, 71, 116, 124, 129, 131, 220, 229, 343
Драгут, корсар 226, 358
Драрджа, Белькасем 9, 317
Дуарте, Юсуф 169
ад-Дугали, Саид ибн Фарадж 165, 169, 322

Елизавета I Английская, королева 165, 167

Жюльен, Шарль-Андрэ 47, 324, 329, 352, 366

аз-Загал, Мухаммед 348
аз-Зайяни аль-Айяши, марабут 254
Зайяниды, династия 249, 323
Закуто, Абрахам 262
Збис, Набила 277
Збис, Слиман-Мустафа 11, 276, 278, 280, 324, 365, 390
Зейта, султанша 311
Зорайда 315, 316

Иаков I, король Англии 284
Ибн аль-Азрак, альфаки 172
Ибн аль-Барр, Хафс 26
Ибн Амр ар-Рибати, альфаки 264
Ибн Галиб аль-Андалуси 280
Ибн Джаухар, Мухаммед 148, 152
Ибн Джумаа, Ахмед 40, 72, 90
Ибн Зейдун аль-Куртуби, поэт 30
Ибн Зумрак, поэт 32
Ибн Зухр, поэт 31
Ибн Касим аль-Хаджари 362
Ибн аль-Кутыйя, историк 26
Ибн аль-Мумин, Дауд 165
Ибн ар-Рафи аль-Андалуси 71
Ибн Рушд (Аверроес), Абу аль-Валид 31
Ибн Сина (Авиценна) 104
Ибн Суд, семейство 263
Ибн Ташфин, Юсуф (эмир) 30
Ибн Туфейль, Абу Бакр 31
Ибн аль-Хадж аль-Гарнати 246
Ибн Хазм, Абу Мухаммед Али 30, 87
Ибн Халдун, Абд ар-Рахман 246, 282
Ибн аль-Хатиб, Лисан ад-Дин 32, 246
Ибрагим (Авраам) 79, 86
Ибрахим-раис, корсар 262
Иванов Н.А. 49, 163, 166, 339, 350–352

аль-Идриси, Абу Абдаллах (историк) 378
Иеронимо де Мур 82
Изабелла Кастильская, королева 37, 41, 46, 51, 187
Иисус Христос 86
Инан, Мухаммед Абдаллах 228
Инес де Сенеда 85
Ирвинг, Вашингтон 314, 338
Ихар, герцог де 370

Кабаду 364
Кабанелас, Дарио 165
Кабрийяна, Николас 307, 308
Каддаш, Махфуд 15
Какиа, Пьер 74, 334, 336–338, 343, 372
Калатрава (орден рыцарей) 52, 235, 236
Кальвес, Исабель 179
Кальдерон де ла Барка, Педро
Кантакузен, Михаил 49
Кантильо, Мухаммед 255
Карабака 277, 364
Кара Усман 273
Карбальо (Салим аль-Мансор) 81
Кардайяк, Луи 8, 10, 11, 13, 62, 87, 126, 135, 169, 194, 198, 216, 227, 231, 309, 336
Кардайяк-Эрмосилья, Иветт 9, 103, 104–106, 312, 346, 370
Карденас, Луис 69
Карденас, Мустафа (Карданиш Бен Абд аль-Азиз) 275, 278, 279, 323
Кардона, Санчо де 81, 222
Карл V Габсбург, король и император 41, 341
Кармона 264
Кармона Венегас, Габриэль де 360
Каро Бароха, Хулио 9, 11, 64, 68, 70, 83, 94, 108, 151, 153, 160, 232, 339, 346
Карпинтеро, Бенито 252, 266
Карраско, Рафаэль 77, 78, 101, 102, 113, 178, 224
Карраско Ургоити М.С. 9, 15, 303
Касарес, Аурелия Мартин 146
Касерес Энрикес Х. 14, 310
Касиодоро де ла Рейна 90
Кастро, Америко 23, 72
аль-Каталани, Хиляль 246
Каталина де Арройо 203, 222, 276
Кашиани, Абу аль-Гайт 276
Аль-Кебир, Сиди Ахмад 266
Кеведо, Франсиско 239, 300, 301, 370
Климент VIII, папа 82
Клавихо, Махамет 258
Ковальчи, Хуан (Ян) 355
Кольбер, министр 285, 286
Компаньеро, Кандида 349
Контци, Рейнхольд 73, 95
Коррьенте Кордоба, Федерико 98, 130
Кортес, Эрнандо де 213
Кортес де Алакас, Педро 269
Крачковский И. Ю. 12, 19, 334, 336, 337, 343, 345, 349, 360
Крести, Федерико 275
аль-Кунди, Али 271
Куэлью Б. 10
Куэнка (фамилия) 364
Кэмен, Генри 63

Лабарта, Ана 127
Ладеро Кесада, Мигель Анхель 9, 41, 82
Ла Каста, Педро де 81
Лальман, Шарль 309
Ланге, Иоханнес 135
Лапейр, Анри 236, 360, 362
Ларедж, Васини 314–316
Ла Салле, Хуан Франсиско де 265
Лас Касас, Игнасио 82, 84, 344
Лафуэнте, Рафаэль 131, 236
Леблон, Бернар 130
Левек, Пьер 336

Леви-Провансаль, Эварист 12, 20, 70, 72, 334, 338, 342, 343, 346
Леон, Рикардо 35
Лерма, герцог де 120, 220, 221, 228, 229, 237, 305–307
Ле Турно, Роже 35
Ли, Генри Чарлз 75, 182
Лилло М. 272
Линкольн, Джозеф 104
Лисон, Матео 352
Лобо, Хуан 312
Ложье де Тасси 116
Лонгас, Педро 83, 108, 223
Лопе де Вега, драматург 76, 106, 237, 300, 303, 313
Лопес, Алонсо 287
Лопес, Альфонсо 161
Лопес, Ласаро 342
Лопес, Фернандо 237
Лопес, Херонимо 69
Лопес-Баральт, Лусе 9, 317, 318
Лопес-Морийяк, Консуэло 111
Лопес де Сапар 258
Лопес де Убеда 106
Лопиш Д. 10
Лорка, Федерико Гарсиа 130, 236
Лос Велес 146, 150
Луна, Хосе Карлос де 236
Лэн-Пул, Стэнли 13, 379
Лэтэм, Джон Дерек 72, 124, 276, 287, 319
Люмьер, братья 8

аль-Мадани, Ахмед Тауфик 15, 168, 353
Майя 315
Македа, герцог 359
Макки, Махмуд Али 299
Макклэйн, Майкл 214, 295, 296
Малляхи, клан 249
Аль-Манзари (аль-Мандари) 322, 348
Маниелайнен, Мириами 99
Маношу 364
Мансебо де Аревало 100
Мансо, Хесус 111
Мануэл I, король 10
Марат, Жан-Поль 303
аль-Марбас (Ахмед ибн Ганим аль-Андалуси) 273, 322
Маргарита Австрийская, королева 305
Марешаль-Ферран 287
Марин, Мануэла 8, 14,
Марино 259
Мармоль, Лоренсо 159
Мармоль-и-Карвахаль, Луис 134, 139, 156, 158, 301
Марроне, Джованни 356
Марсэ, Жорж 271, 272, 365
Мартинес, Франсуа 9, 11, 263
Мартинес де ла Роса 314
Мартинес Мулей, Франсиско 341
Марьям (Дева Мария) 107
аль-Масьюб, Ахмед 263
Матео А.С. 272
Маттузи Ж. 10
М’Бласко, Роса 111, 380
Медина-Сидония, герцог 147, 258, 259
Медичи, клан 166, 286, 367
Медичи, Мария (королева-регентша) 284, 359
Меззин, Мухаммед 10
Мендес, Симон 206
Мендоса Абенчапела, Родриго де 380
Менендес Пелайо М. 302
Менендес Пидаль, Рамон 23
Менесес, Кристобаль (монах) 347
Менокаль, Мария 45
Мериа 364
Мериме, Проспер 306
Мескита, Диего де 294
Мигель де Луна 84
Мигель де Рохас 85, 149, 154
Миришку 276
Митре, Бартоломе 295
Мицкевич, Адам 304
Модафаи, Хуан Эрнандес 143

Моисей, пророк 86
Молина де Москера 148, 157
Монго 179
Мондехар, маркиз 146, 147, 149, 150, 151
Монлау, Жан 172, 269
Монтгомери Уотт, Уильям 12, 27, 334, 336, 338, 343, 372
Мора, Алонсо де 294
Моралес, Кристобаль де 113
Морено, Сиди Али 268, 323
Моро, Эстебан 305
Мударра, Веласкес 294
Мулай Абу Абид 263
Мулай Зидан, султан 263
Мулай Ибрахим 261
Мулай Исмаил, султан 259
Мулай Рашид, султан 257
Мулай Хасан, эмир 55
Мулай аш-Шейх 263
Мулей, Альваро Энрикес 189, 190
Мулей, Андрес 187, 190
Мулей, Алонсо Мартинес де Саньяго 187
Мулей, Эрнандо де Фес 187
Мурад-раис (Ян Янс) 256
Муса аль-Андалуси, Уста 274
Мустафа, Шакир 337
Мусул-раис 262
аль-Мутамид (Мухаммед ибн Аббад), эмир 30
Муфаддал 260, 380
Мэйуоринг, Генри 173
Мюнцер, Иероним 64, 134

Наваджеро, Андреа 134
Наварро, Ана 349
Наварро, Педро 47
Ан-Нави, Абу-ль-Хасан 280
Наси, Иосиф (Микас) 49
Неруда, Пабло 35, 338
ан-Нигро, Сулейман 280
Новаина 364
Ной 20
Нуньес Мулей, Франсиско 85, 94, 135, 187, 341

Олагуэ, Игнасио 23
Омейяды, династия 25, 29, 85, 93, 145, 148, 149, 152
Орехон, Педро 237
Ортис, лиценциат 347
Оста Али 280

Павон Мальдонадо, Басилио 9, 365
Падилья, Луис 352
Паласиос, клан 149, 186
Паласиос, Херонимо 69
Паленсия, Анхель Гонсалес 11, 83
Палестерос, Антонио 63, 228
Паллас, Луис 81
Пантоха 259
Пачете, Херонимо 105
Педралви 306
Педро Жестокий, король 32
Пейсоннель, Жан-Андрэ 271, 279
Пенелла, Хуан 248, 277
Перес, Абд аль-Кадир 263
Перес, Рикардо Руис 147, 156
Перес де Айяла 92, 113
Перес де Алесио, Матео 308
Перес Васко, Лоренсо 352
Перес де Гусман, Диего 308
Перес де Ита, Хинес 134, 139, 156, 289, 301, 313, 369
Пети, Рамон 14
Печеви И. 49
Пикар, Кристоф 10
Пилар (святая) 311
Пинтор, Херонимо 84
Пинтерете, мориск 105
Пиньон Ж. 63
Писарро, Франсиско 294
Плиего, граф 184
Портильо А. 54
Потоцкий, Ян 303–305, 370
Прокопенко С. А. 330, 332
Пумье Э. 256
Пушкин А.С. 304

Разук, Мухаммед 11, 241, 264, 364
Рахим, Микдад 9
Рево, Жак 277
Регла, Жоан 15
Рейналь, аббат 279
Рейнборо, адмирал 254, 255
Рибальта, Франсиско 308
Рибейру О. 10
Рибера, Хуан (Санхуан) де 195, 196, 230–232, 236, 357, 390
Рикапито Дж. 9
Рикоте (имя) 297–299
Риос 264
Ришелье, кардинал 161, 257, 287
Рияхи, Ибрахим 271
Рода, Маргарита 114
Родригес, Леонора 346
Роиг (Роч), Адриен 9, 77, 306
Роэлас, Хуан де 308
Рубиера Мата М.Х. 14
Рэймон, Анри 364

Сааведра, Анхель де 314
Сагарсасу, Мария Эльвира 9, 288, 291–293, 368
Саида аль-Хурра 261
Саидуни, Насир ад-Дин 10, 11, 15, 265, 332, 334, 364
Сайяс, Родриго де 12, 118, 153, 155, 158, 160, 348, 351
Салазар, граф 235
Салах-раис, корсар 196
Салиньяк, К. де (посол) 360
Сампьеро 50, 144
Сантъяго (орден рыцарей) 68, 199
Сантъяго (имя) 289
Сан Хуан де ла Крус 295
Санчес Альварес, Мерседес 104
Санчес Бланко Р.Б. 343
Санчес Руано, Франсиско 370
Санчо, Мухаммед 276
Санчо Панса 382, 298
Сапата, Луис 382
Саули, посол 142
Свифт, Джонатан 370
Сегри, клан 149, 186, 301, 341
Селим II, султан 144
Сенис, Гонсало де 92, 160
Сербеллони, граф 166
Сервантес, Васкес де 314
Сервантес де Сааведра, Мигель 90, 106, 236, 239, 289, 297–299, 300, 304, 313–315, 346
Сервет, Мигель 108
Серон, Хамид 252
Сесса, герцог 142
Сид Кампеадор (Родриго Диас де Вивар) 20
Сиди Абд аль-Кадир Таббин 261
Сиди Загал 306
Сиди Махмуд 279
Сиди Месбах 261
Сиди Хамет (Ахмет) Бен Хели (Антон Гонсалвес, Диего де Санта Фе) 299
Симли, Санчес 295
Синан-паша 167
Сиснерос, Франсиско Хименес де 39, 40, 47, 48, 54, 91, 105, 168, 174
Скотт, Вальтер 306
Скриб, Эжен 303, 305–307
Скьердо, Андрес 225
Словацкий, Юлиуш 304
Сорокин, Питирим 46
Соррилья, Хосе 314
Сулейман Кануни (Великолепный), султан 49, 92, 218, 228, 311, 340
Сулейман-раис, корсар 256
Сурду, Мор 364
Суртц, Роналд 309
Сципион Африканский 49
Сюлли, министр 90, 360

Тагарино, Хамид 252
Тарифа, Эрнандо 294
Таршуна, Махмуд 13, 59, 239
Текра, Лоренсо 172

Темими, Абд аль-Джалиль 6, 8, 11, 13, 15, 63, 109, 171, 172, 226, 283, 287, 330, 333, 364–336
Террас, Анри 28, 358
Толедано, Франсиско 232, 364, 342
Торквемада, Томас 174
Торрихос, падре 85
Туати, Абд аль-Керим 11, 334
ат-Туджиби А. 109
Турки, Мухаммед 124
Тюдоры, династия 165, 167, 173
Тюрбе-Делоф, Ги 285
Тюринг Старший, Николас 308

Узан, бей 279
Уишка 277
Ульдж (Кылыч) Али, бейлербей 145, 162, 208, 276
Уртадо де Мендоса 134, 139, 151, 154, 301
Уэламо, Мелькор де 130

Факине, скотовладелец 89
Фалья, Мануэль де 130
Фарадж (из Терке) 348
Фаринья, Антониу Диаш 10
аль-Фаси, Сиди аль-Араби 260
Фердинанд II Арагонский, король 37, 41, 213
Фернанд 306
Фернандес А. 54
Фернандес, Франсиско 289
Фес Мулей, Фернандо де 69, 190
Филипп I Красивый, Габсбург 46, 134
Филипп II Благоразумный, король 55, 59, 80, 84, 134, 139, 150, 156, 158, 159, 162–167, 170, 182, 191, 194, 209, 214, 218–221, 228, 231, 244
Филипп III, король 215, 219–221, 228, 231, 232, 237, 263, 271, 297, 303, 305, 358
Филипп IV, король 235, 258, 351
Филомена, Виктория 360
Фонсека, Дамиан 240, 301, 314
Фонтенэ, Мишель 116, 117
Франциск I, король 218
Фрейсин С. 272
Фурнель-Герэн Ж. 11

Хабаки, Эрнандо 143, 149, 154, 155, 158
Хадар, Хедия 78
Хаддады, клан 279
Хаджаидж, Тауфик 9, 309
аль-Хаджар, Шихаб 282
Хадж, Ибрагим Мустафа 359
аль-Хаик 264
Хайек, Симон 9
Хайме Завоеватель, король 38, 112
Хайраддин Барбаросса, бейлербей 208, 226, 247, 266, 315, 340, 366
Хаканти 277
аль-Хаким, Юсуф 263
Хамада, Фадель 241
Хамиро аль-Андалуси аль-Гарнати 269, 323
Хамруни, Ахмед 365
Харвей, Леонард 14, 84
аль-Хариди, Салах Ахмад 281
Хасан-паша 196, 211
Харифа 133
Хатамла, Мухаммед 77
Хафсиды, династия 323
Хбабу, Иншира 365
Хемиси 277
Хендили 277
Хесс Э. 13
Хименес, цыган 130
Хопкинс, Николас 124, 365
Хосе Сера К. 35
Хсисен (Хасан) 314, 315
Хуан де ла Торре 157
Хуан Карлос, король 6
Хуан Австрийский, принц 150, 152, 157, 158, 162, 163, 166, 186, 207, 215, 220, 301, 352
Хуана Безумная, королева 46, 134, 144

Хуанита 306
Хусейн ибн Али 93
Хфайед, Сальва 371

Чапис, семейство 185, 341
Чарторыйский, Адам 304
Чейне, Анвар 108, 174

Шакк фон 300
Шалаби, Мустафа 279
Шатобриан, Франсуа-Рене 314
Шику (Чику) 276
Шоню, Пьер 63, 228
Шоу, Томас 266, 271, 279
Штолл А. 14

Эйлан, Франсиско 308
Эль Галипе 149
Эль Джурджи, Ахмед 277
Эль Загер, Фернандо 149, 152, 154, 192
Эль Кордо, Гонсало 90
Эль Кортуби 257
Эль Партал 92
Эль Сордо, Али 276
Эмар, Морис 8
Энан М.А. 63
Эпалса, Микель де 9, 11, 14, 72, 73, 77, 95, 98, 250, 257, 263, 264, 276, 278, 280
Эрмес (семейство) 185, 231, 341
Эрнандо, Али
Эрнандо де Талавера 341
Эспинель, Висенте 370

Юсеф де ла Васиа 183
Юсуф, дей 366

Язид, сын Деласкара 305
Ясер, Хуан 294
Яхья-раис, корсар 196
Яхьяуи, Джамаль 63, 71, 342, 345

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авила 344
Авиньон 22
Австрия 274, 303
Агадир 22
Агд 248, 359
Адан 283
Адсубеа 96
Адсубия 96
Азир 283
Азия 118, 220, 231, 311, 316, 321, 328, 333
Азия Малая 20
Азия Средняя (Центральная) 283
Азия Юго-Восточная 57
Аинса 371
Аквитания 285
Алгабрия 26
Алгарви 10, 26, 180, 270
Александрия 49, 172, 246, 248, 250, 268, 281, 282
Алжир 6, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 40, 47, 48, 55, 78, 102, 116, 117, 140, 141, 144, 145, 147, 150, 151, 158, 162, 169, 171, 173, 202, 204, 207, 208, 210, 211, 216, 221, 222, 225, 227, 230, 236, 247, 248, 249, 250, 252, 255, 256, 258, 261, 265–270, 273–275, 277, 279, 280, 281, 285, 286, 288, 298, 299, 314–316, 321, 323, 324, 326, 332, 334, 340, 342, 356, 359, 364, 366, 372, 373
Аликанте 14, 96, 277, 359
Аль-Айюн 260
Аль-Андалус 5–8, 12, 14, 15, 20–22, 25–37, 40, 51, 61, 62, 64, 70–72, 76, 93, 107, 110, 125, 127, 132, 139, 165, 172, 180, 183, 214, 216, 234, 241, 242, 246, 250, 260–266, 268, 270, 272–281, 283, 295, 314–319, 321, 323, 326–328, 330–334, 337, 338, 342, 344, 348, 349, 358, 361, 362, 364, 366, 368
Альбайсин 39, 41, 81, 82, 129, 141, 142, 150, 184, 185, 187, 190, 341
Альбаррасин 41
Алькала де ла Сельва 371
Алькала де Энарес 8, 263
Алькерия де Тамарит 221
Алькудиа 154
Альмерия 29, 64, 71, 147, 155, 169, 173, 225, 295, 314, 347
Альмонасид де ла Сьерра 100, 101
Альмуньекар 141, 351
Альпухарра 37, 40, 85, 95, 97, 133, 139, 140, 142, 144, 145, 147, 148, 151, 153, 155, 157, 159–163, 168, 169, 171, 174, 178, 183, 186–188, 195, 200, 205, 218, 225, 237, 247, 262, 300, 304, 308, 309, 352, 360
Альсира 81, 176
Америка 13, 39, 52, 53, 55, 56, 61, 63, 88, 118, 171, 174, 202, 208, 210, 214, 215, 219, 231, 239, 255, 256, 263, 273, 283, 288–299, 316, 328, 368
Америка Испанская (Латинская, Южная) 9, 14, 47, 57, 208, 213, 289, 291–294, 317, 356, 368
Амман 9
Амстердам 258, 263, 303, 307
Анатолия 283
Англия (Великобритания) 11, 14, 48, 58, 90, 116, 167, 171, 210, 231, 252, 255, 256, 258, 263, 274, 284, 311, 359, 364, 365
Андалусия 5, 40, 52, 66, 80, 86, 115, 116, 130, 141, 172, 177, 188, 192, 221, 232, 234, 248, 249, 271, 295, 307, 315, 342, 368

Андаракс 308
Антверпен 56, 167
Антильские острова 255
Аравия 94, 282
Арагон 14, 20, 32–34, 37, 38, 41, 42, 46, 50, 59, 60, 63, 64, 66, 71, 78, 81, 82, 88–93, 96, 99–104, 109–112, 119–121, 123, 131, 136, 139, 143, 155, 163,167, 168, 170, 175–177, 183, 193, 198, 202, 221, 222, 225, 227, 229, 232, 234, 247, 248, 265, 266, 270, 272, 278, 310, 312, 315, 321, 338, 343, 344, 359, 368
Аргентина 6, 214, 255, 289, 293, 294
Арзев 249, 265, 269
Ариана 270
Аркос де Халон 80
Арль 22
Армения 364
Асойя 96
Астурия 161
Асунсьон 290
Атлантида 20
Атлантика 171, 172, 174, 151, 170, 316
Африка 11, 19, 20 –22, 24, 25, 37, 40, 42, 50, 52, 53, 55, 57, 65, 68, 74, 92, 94, 97, 102, 111, 115, 118, 125, 135, 158, 166, 205, 208, 212, 213, 220, 226, 228, 233, 248, 297, 311, 316, 320 –322, 328, 339, 348, 354, 363
Африка Тропическая 212

Баб аль-Джазира 280
Баб ас-Суваика (предместье г. Туниса) 270
Баб аль-Хадра 280
Багдад 25, 26, 28
Бадахос 29, 199
Байонна 9, 285, 287, 360
Балеарские острова 29, 60, 202, 204, 205, 266, 290, 360
Балканы 167, 284, 324
Бану аль-Вазир 81
Барселона 41, 57, 120, 177, 180, 206, 307, 331
Баса 40, 352
Батавия 141
Беарн 82, 90, 221, 225
Безансон 101, 113, 224
Безье 359
Белград 207
Бенгази 246
Бенкеренсиа де ла Серена 199
Бенмаурель 352
Берберия 45, 55, 168, 258, 262, 266, 274, 285, 297
Берчула 159
Биарриц 287
Бибаррамбла (квартал) 40
Бига 280
Биджайя (Бужи) 47, 92, 172, 173, 196, 247, 249, 262, 265, 332, 373
Бизерта 173, 226, 270, 274, 373
Бильфельд 14
Бискайя 285
Блида (аль-Булайда) 265
Боливия 292
Болонья 104
Бордо 22, 173, 285, 286, 321, 346
Бразилия 208, 255, 270
Бреск 173, 247, 265, 340, 373
Бургос 293, 310
Бу-Регрег 251, 252, 257, 260
Бухара 172

Валенсия 9, 20, 29, 30, 42, 50, 63, 64, 66, 67, 74, 76, 78, 80–82, 88–92, 95, 96, 98, 103, 105, 109, 111, 113, 115, 117, 119–121, 128, 136, 147, 163, 167, 168, 170, 173, 175, 176, 179, 180, 195–198, 203, 206, 208, 210, 215, 221–224, 229, 230, 232–234, 236, 238, 241, 247, 248, 250, 265, 266, 277, 295–298, 306, 308, 344, 357, 359, 360, 362, 370, 371
Валь де Гальинера 362
Вальядолид 54, 92
Варшава 303

Венеция 49, 115, 133, 162, 166, 167, 169, 207, 211, 227, 274, 280, 284, 303, 307, 359, 364, 365
Византия 26, 28, 29, 246
Вильянуэва 201
Виньярос 359
Восток 21, 24–26, 50, 54, 57, 58, 95, 115, 125, 163, 177, 208, 241, 248, 261, 262, 264, 286, 288, 303, 318, 319, 321, 328, 359
Восток Ближний 248
Восток Дальний 46, 53

Гаарлем 256
Габес 270
Галата (квартал Стамбула) 250
Галера 157, 161
Галисия 96, 161, 190, 360
Гандия 129, 176, 221
Гар аль-Мельх (Порто Фарино) 269, 274
Гвадалахара 310
Гвинея 347
Гвинея Экваториальная 204
Генуя 49, 96, 162, 167, 180, 207, 274, 275, 290, 364
Германия 14, 39, 56, 57, 60, 116, 174, 297, 298, 304
Гибралтар 242
Гиень 285
Гиндукуш 24
Голландия (Нидерланды) 116, 252, 255, 256, 258, 263, 274, 277, 365
Гондурас 292
Гранада 6, 9, 13, 14, 20, 26, 30–32, 35, 37, 41, 50, 51, 61, 62, 64–66, 68, 69, 71, 74, 76, 77, 80, 82, 91–93, 95, 99, 103, 112, 113, 115, 119, 120, 126, 128, 129, 133 – 136, 139, 148, 154, 158–165, 168, 172, 166, 183–192, 194, 198, 206, 214, 215, 228, 236, 238, 246, 247, 251, 260, 266, 277, 269, 295, 301, 302, 307, 308–309, 311, 334, 340–342, 344, 348, 351, 352, 354, 371, 373
Греция 22, 116, 327, 364
Громбалийя 270
Гуадалеста 222
Гуадис 40, 67, 148, 189
Гуэхар 157

Даймьель 94, 95
Дамаск 8, 26, 172, 241, 373
Дания 210
Дарданеллы 274
Деллис 47
Дения 29, 74, 219, 220, 264, 277, 359
Дерна 246
Джедейда 270
Джерба 173
Дьепп 358

Европа 13, 15, 19, 28, 29, 31, 35, 46, 49, 50, 53–55, 96, 97, 107, 115, 116, 118, 150, 161, 162, 167, 169, 208, 220, 236, 242, 250, 252, 253, 255, 256, 260, 262, 269, 270, 275, 283, 286, 287, 289, 296, 297, 303, 315, 317, 321, 324, 328, 333
Египет 8, 25, 54, 75, 130, 279, 281, 282, 320, 327

Жижель (Джиджелли) 265
Жюраде 287

Загуан 8, 15, 270
Запад 21, 50, 54, 55, 72, 74, 117, 125, 163, 202, 240, 288, 318, 319, 338
Западная Сахара 212, 283
Зукак аль-Андалус 270

Иберийский полуостров 5, 7, 20–22, 24, 25, 34, 46, 48, 49, 52, 72, 74, 99, 107, 125, 126, 181, 183, 220, 223, 246, 268, 291, 297, 320, 324, 330
Измир (Смирна) 250, 268, 287
Индиана (штат) 111
Индия 11, 42, 57, 94, 208, 289
Иордания 15

Ирак 282, 344
Иран (Персия) 6, 167, 171
Ирландия 256
Исландия 256
Испания 5–12, 14, 15, 19, 20, 23, 25, 34–36, 38–47, 49–52, 54–62, 64–68, 71–74, 83, 85, 90, 92, 94–100, 105–107, 110, 111, 115–118, 124, 126, 130, 131, 133, 136, 139, 142, 144, 146, 150, 152, 157, 159, 162–168, 170–174, 180, 181, 183, 186, 188, 190, 191, 202, 206–221, 225, 227–242, 245, 247–249, 251–253, 258, 259, 262, 266–268, 270–275, 277–279, 282–284, 286–290, 292–298, 301, 303–307, 309–315, 317–323, 325, 327, 329, 330, 331, 334, 346, 340, 345, 346, 351, 351, 352, 353, 355, 358, 360, 362, 368, 370
Италия 6, 28, 35, 39, 46, 52, 53, 57, 59, 60, 64, 96, 105, 115, 116, 143, 146, 150, 167, 173, 174, 180, 202, 208–210, 233, 238, 247, 248, 252, 263, 275, 286, 287, 311, 321, 323, 327

Йемен 167

Кавказ 167, 180, 303
Кадияр 154
Каир 9, 49, 336, 350, 361, 368, 381, 382, 344
Кайруан 270, 278
Калабрия 204, 207, 208, 274, 371
Калькилийя 265
Калькутта 141
Камариньяс 360
Кампо де Криптана 114
Канада 296
Канарские острова 97, 211, 255, 288, 356, 360
Карибское море 215
Каролина Южная (штат) 295, 296
Карпио (маркизат) 164
Карс 283
Картаджинна (Карфаген) 270
Картахена 112, 113, 215, 245
Кастилия 20, 31–33, 38, 40, 42, 46–48, 51, 53, 59, 60, 66, 69, 76, 82, 91–94, 96–98, 100, 111, 112, 119, 134, 139, 143, 155, 158, 160, 161, 167, 168, 170, 177, 178, 194, 195, 198, 215, 234, 235, 248, 249, 259, 278, 301, 307, 310, 321, 338, 353
Каталония 14, 34, 91, 96, 100, 109, 119, 130, 176, 177, 198, 225, 237, 248, 265, 296, 307, 310, 359
Кипр 25, 62, 169, 208, 290
Коимбра 206
Колеа (аль-Кулайя) 265
Константина 249, 267
Константинополь (Стамбул) 26, 54, 55, 209
Кордова 25–30, 35, 69, 74, 93, 106, 115, 129, 164, 165, 179, 189, 190, 192, 194, 246, 249, 265, 272, 346, 366, 373
Корсика 25, 49, 207, 287, 311
Краков 355
Крит 25, 246, 270
Куэнка 310

Ла-Гулетта 273, 368
Ламанча 60, 279
Ла-Манш 255
Лангедок 90, 170, 254, 285, 286, 359
Ла-Плата 214
Лараш 249
Ла-Рошель 360
Левант 14, 115
Лейпциг 303
Леон 40, 186, 233
Лепанто 115, 116, 162, 163, 166, 188, 203, 207, 215, 300
Лерида 90
Ливан 15, 49, 292, 327, 344
Ливия 15, 280, 327, 366
Ливорно 173, 209, 211, 247, 256, 269, 274, 277, 286, 288, 364, 365, 367

Лима 215, 293
Лондон 9, 173, 258, 263, 269, 307, 331
Люнель 359

Маамура 173, 152, 153, 164
Мавритания Тингитанская 19
Мавритания Цезарейская 19
Магасела 199
Магриб 6, 15, 21, 30–32, 34, 35, 37, 38, 40, 42, 45, 47, 48, 51, 54, 55, 61, 62, 66, 71, 74, 75, 88, 93, 96–98, 112, 113, 116–119, 124, 126, 130, 140, 141, 143, 146, 147, 151, 155, 158, 160, 161, 164, 165, 168, 169, 171–174, 176, 177, 186, 193, 196, 202, 203, 205–210, 212–216, 225–227, 229, 234–236, 241, 245–250, 250, 253, 255, 256, 261, 262, 264, 268, 269, 271, 273–275, 277–290, 282, 285, 286, 297, 307, 314, 317, 320–328, 331, 344, 355, 356, 359, 360–364, 366, 373
Мадейра 255
Мадрид 6, 8, 10, 11, 14, 15, 60, 91, 116, 117, 142–145, 155, 158, 162, 164, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 195, 204, 224, 226, 227, 231, 232, 260, 263, 267, 269, 289, 294, 299, 305, 331, 351, 371
Мазуна 249
Майорка 42, 96, 180, 203–205, 208, 210, 255, 267
Малага 9, 77, 80, 87, 115, 147, 150, 155, 266, 267, 272, 273, 343
Мальта 25, 117, 181, 209, 210, 211, 256, 273, 280, 288, 290, 303, 305, 365
Манила 53
Мануба 124, 270, 280
Марокко 6, 8–10, 15, 20, 48, 72, 77, 92, 116, 146, 164, 165, 171, 173, 194, 206, 218, 221, 232, 246, 248, 249, 252, 253, 255, 256, 259–65, 269, 277, 285, 287, 324, 326, 336, 360, 363, 364, 373
Марсель 180, 204, 211, 248, 256, 259, 267, 269, 273, 275, 279, 285, 286, 288, 307, 321, 323, 367
Махдия 48, 274
Медеа 249
Меджез аль-Баб
Меджерда 270
Мединa 149, 258, 259
Медина 282
Мекка 282
Мекнес 260, 327
Мексика 53, 56, 213, 214–215, 290, 294, 295, 299, 311
Мелилья 47, 169, 206, 248
Мерс аль-Кебир 173
Мессина де Бомбарон 159
Милан 166
Милиана 249
Митиджа 265, 266
Монастир 274
Монголия 303
Монпелье 6, 8, 9, 13, 77, 306, 359
Монсон 92
Мостаганем 47, 169, 196, 249, 265, 269
Мотриль 351
Мурсия 9, 29, 71, 89, 96, 112, 130, 146, 160, 193, 201, 202, 206, 215, 216, 234, 266, 272, 277, 307
Муэла де Кортес 362

Наварра 33, 38, 46, 61, 64, 81, 155, 170, 310, 312, 370
Неаполь 115, 208, 210, 211, 233, 269, 274, 277, 280, 287, 303, 310, 365, 371
Неаполитанское королевство 46
Нормандия 248, 285, 286, 321

Овьедо 331, 343
Огайо (штат) 214
Оканья 267
Оксфорд 14
Оран 47, 48, 77, 90, 169, 173, 202, 206, 225, 247, 248, 262, 294, 299, 302, 373

Ориуэла 113
Орначос 68, 69, 182, 193, 199, 200, 201, 215, 251, 254, 258, 355
Османская империя 15, 42, 50, 88, 118, 144, 171, 218, 225–227, 231, 247, 250, 253, 261, 273, 282, 321, 323, 327, 333, 339, 350, 355

Пакистан 283
Палермо 47, 203, 205, 207, 209, 288, 290
Палестина 6, 9, 21, 55, 75, 236, 283, 290, 320, 327, 367
Памплона 311
Парагвай 290
Париж 8, 22, 28, 104, 159, 161, 170, 248, 287, 306, 371
Пастрана 69, 267
Паттерна 149
Пеньон де Велес 47, 196
Перу 14, 56, 294
Перуджа 117, 355
Пиза 286, 365
Пиренеи 7, 22, 24, 161, 234, 235
Плимут 257
Польша 116, 208, 304
Португалия 6, 10, 11, 20, 25, 33, 35, 36, 38, 42, 48, 53, 57, 97, 164, 167, 170, 190, 208, 210, 219, 231, 233, 255, 266, 274, 287, 318, 321, 327, 332, 340, 353, 358
Превезе 144
Прованс 35, 53, 271, 274, 285, 286, 321, 359, 362
Принстон 309
Пурчена 155
Пуэрто-Рико 9, 11, 100, 288, 317

Рабат 8, 10, 165, 249, 251, 252, 255, 257, 259, 260, 264, 327, 331, 364
Рагуза (Дубровник) 49
Рашгун 173, 247, 373
Рбат аль-Андалус 274
Рикоте (местность) 235
Рим 19, 22, 37, 41, 46, 91, 142, 162, 166, 174, 258, 269, 274, 285, 286, 365
Рио де ла Плата 289, 291, 292, 368
Родос 169
Ронда 40, 159, 184, 311
Росарио 9
Россия 6, 7, 116, 210, 304

Сакромонте 309
Саламанка 106, 311, 346
Сале 165, 207, 249, 251–260, 286, 323, 324, 327, 363, 364, 370, 373
Салобренья 351
Салоники 49, 77, 236, 268, 284, 278, 290
Самарра 26
Санкт-Петербург 304
Сан-Лукас 257
Сантандер 111
Сарагоса 26, 64, 91, 100, 120, 175, 176, 179, 303, 304, 310, 311, 343, 349, 371
Сардиния 46, 202, 204, 205, 207, 208, 210, 274, 286, 287, 321, 355, 360
Сартель 140
Сафи 360
Севилья (Ишбилийя) 15, 30–33, 35, 53, 55, 56, 67, 69, 74, 90, 106, 115, 147, 161, 165, 168, 189, 193, 194, 206, 219, 227, 236, 238, 246, 249, 272, 299, 302, 308, 311, 373
Сеговия 92, 238, 344
Сегорве 81
Сенете (маркизат) 147–149, 157
Серон (крепость) 151, 348
Сеута (Сабта) 248, 251, 260, 262
Сиена 275
Сирия 6, 25, 26, 75, 105, 236, 283, 292, 294, 320, 327, 331, 344, 367, 373
Сицилия 25, 35, 46, 115, 173, 181, 203–205, 207, 208, 210, 211,

253, 267, 270, 273, 274, 286, 287, 303, 321, 355, 356, 360, 365
Словения 116, 208
Солиман 272, 275, 278
Сорбас 115
Средиземноморье 7, 21, 24, 25, 28, 29, 34, 48, 50, 53–55, 61, 62, 98, 117, 118, 143, 159, 163, 166, 172, 174, 180, 181, 202, 204, 207, 209, 211, 225, 227, 242, 246, 251–253, 261, 286–290, 293, 300, 303, 310, 316–318, 321, 323, 327, 355, 367
Субия 96
Сувия 96
Суйя 96
Сус 270, 327
Сухар 352
Сфакс 226, 270
Сьерра-Морена 238, 334
Сьерра де Серон 166
Сьерра Эспадан 81

Табернас 140
Танжер 165, 186, 206, 248, 260, 287, 288, 327
Тарсус 283
Тебурба 270
Тенес 47, 173, 246, 265, 266
Теруэль 14, 41, 64, 267, 310, 371
Тестур 250, 270–272, 278, 279, 365
Тетуан 86, 155, 165, 169, 207, 249, 251, 258–264, 271, 286, 323, 327, 364, 373
Тихий океан 118
Тишила 270
Тозёр 278
Толедо (Тулайтула) 20, 26, 29, 33, 39, 57, 60, 67–69, 95, 103, 105, 106, 168, 177, 179, 230, 232, 233, 238, 303, 342
Торрельяс 343
Тортоса 29, 41, 80, 82
Тоскана 210, 267, 274, 286, 367
Трапани 115, 173, 267
Триполи (в Ливане) 49
Триполи (в Ливии) 47, 48, 92, 117, 169, 171, 196, 248, 250, 275, 280, 281, 321–324, 358
Тудела 64, 371
Тулон 248, 269, 288, 331
Тулуза 22, 206, 311
Тунис (страна) 6, 8, 9, 11, 14, 15, 19, 48, 49, 55, 72, 78, 86, 116, 117, 124, 144, 162, 167, 169, 171, 172, 208, 210, 227, 233, 246–250, 253, 262, 267–270, 272–282, 285, 286, 303, 321, 322–326, 357, 362, 364, 365
Тунис (город) 9, 13, 47–49, 173, 186, 246, 261, 267, 274, 278, 280, 282, 300, 322, 368, 373
Турция 6, 8, 11, 75, 135, 172, 163, 183, 320, 327

Уаззан 260
Уругвай 293
Уэска 64, 277, 310, 331

Фес 10, 75, 146, 187, 206, 218, 246, 247, 262, 265, 322, 341
Филиппины 46, 53, 336
Финляндия 100
Фландрия 39, 116, 274, 365
Флоренция 274, 204, 365, 357
Флорида 295, 296
Франция 6, 8, 11–15, 22, 46, 56, 58, 61, 80, 83, 88, 90, 91, 101, 116, 167, 170, 171, 208, 210, 211, 218, 219, 224, 231, 233–235, 238, 248, 250, 252, 255, 276, 277, 280, 284, 285, 287, 289, 298–303, 304, 307, 310–312, 321, 327, 346, 358–360
Фрехелиана 150
Фуэнтеррабиа 360

Халеб 49, 283, 373
Хаэн 192, 371
Хельсинки 99
Химс (Хомс) 25, 373
Хонейн 169, 173, 249, 373

Чимайо 214

Шатиба (Хатива) 128
Швеция 210
Шершель 144, 173, 225, 247, 265–267, 269, 278, 340, 373
Шешаван 249, 260, 261
Эль-Ксар Эль-Кебир 206, 249
Эсиха 190, 192, 194
Эскориал 165
Эспадан 102
Эстремадура 52, 68, 119, 164, 182, 191–201, 251

RESUME

de la monographie de R. Landa

«LE DESTIN DES MORISQUES»

Il n'est pas facile de définir la civilisation dont relevaient les Morisques. Héritiers de celle d'Al'Andalus, ils étaient formellement convertis au christianisme et initié à la culture espagnole. Mais toutes les sources étudiées confirment que les Morisques ont reussi à conserver leur identité ethnoconfessionelle et l'essentiel de leur culture. La monographie se consacre à l'histoire difficile et tragique des Morisques, à leur rôle civilisationnel et socio-politique dans le monde, surtout dans la vie des pays du Maghreb et de toute la Méditerranée.

Le chapitre I raconte de la Reconquiste qui transforma les Maures d'Al-Andalus en mudèjares et Morisques. Le chapitre II décris la société espagnole à l'époque du Siècle d'Or, le rôle économique et social des Morisques à cette époque, la réligion, la culture et la vie quotidienne des Morisques sous le pouvoir des rois d'Espagne et la situation des femmes chez Morisques. Le chapitre III montre toutes les circonstances d'expulsion des Morisques, surtout – la guerre en Alpujarra, l'influence de l'exterieur et la politique de l'Inquisition. Le chapitre IV compris le récit de la vie des Morisques hors de la patrie et la description des Morisques dans la litterature et dans les beaux-arts. Objectivement les Morisques ont joué le rôle de médiateurs entre l'Europe et le monde arabe, en fait – entre l'Occident chrétien et l'Orient musulman.

Научное издание

ЛАНДА Роберт Григорьевич

Судьба морисков

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор М. С. Грикурова
Корректор М. Я. Колесник
Верстка П. Л. Перепелкин

Подписано 17.12.2013
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 20,3.
Тираж 300 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru